

мифы и предания
папуасов маринд-аним

мифы и предания

ПАПУАСОВ

маринд-аним

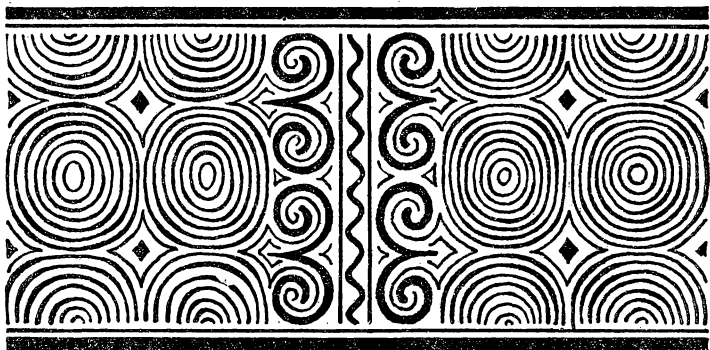

**Сказки
и
Мифы
народов
Востока**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МИФЫ И ПРЕДАНИЯ ПАПУАСОВ маринд-аним

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981**

И

М 68

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»
И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь),
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН,
С. А. ТОКАРЕВ, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Перевод с немецкого
Г. Л. ПЕРМЯКОВА и М. С. ХАРИТОНОВА

Предисловие и общая редакция
Б. Н. ПУТИЛОВА

М 707000-152
013(02)-81 202-81. 4703000000

И

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мифы, собранные в этой книге, были записаны европейскими путешественниками-этнографами Паулем Вирцем (10-е годы XX в.) и Гансом Неверманом (30-е годы XX в.) от довольно большой папуасоязычной этнической общности, называвшей себя маринд-аним. Место ее обитания нетрудно найти на любой карте Новой Гвинеи. В западной половине острова, являвшейся некогда колонией Нидерландов, известной как Западный Ириан и ныне входящей в состав Индонезии, в самой южной ее части, расположен обширный район: он тянется от длинного пролива, отделяющего остров Фредерика-Хендрика, до бассейна реки Маро с городом (в недавнем прошлом небольшим селением) Мерауке в ее устье. Равнинные пространства, местами густо поросшие травой саванны, чередуются здесь с небольшими лесными участками и болотами; несколько больших рек перерезают долину. Когда северо-западный муссон, продолжающийся здесь с января по апрель, приносит затяжные дожди, почти все пространство превращается в огромное болото, которое медленно высыхает затем под ветром, дующим с мая по октябрь с Австралийского континента. В эти месяцы здесь жарко и влажно.

Если смотреть на берег со стороны моря, то видится однообразная картина: за низкими длинными отмелями, затопляемыми приливом,—песчаные дюны, защищающие берег от приливной волны, деревни, разбросанные на гребнях, и бесконечные — вдоль всего побережья — ряды кокосовых пальм. Дальше от берега, уже невидимые с моря, тянутся болотистые участки, на которых растут саговые пальмы, а за ними — снова песчаные гребни с кокосовыми пальмами. Глубже в долинах рек растут эвкалиптовые деревья, здесь водится дичь, но зато мало рыбы, а скудные на урожай огороды требуют от их хозяев огромных физических усилий и массу времени. Все же считается, что условия жизни у маринд-аним более сносны, чем во многих других местах Новой Гвинеи.

До недавнего времени маринд-аним, подобно большинству папуасов, жили в каменном веке, пользовались орудиями и оружием, изготовленными из бамбука, камня, раковин, костей. В отличие от многих своих соседей они не знали глиняной посуды, готовили пищу либо на раскаленных камнях, либо в бамбуковых стволах.

Маринд-аним были известны воинственным нравом, они совершали регулярные набеги на дальних соседей, время от времени устраивали целые экспедиции за головами в восточные районы и на остров Фредерика-Хендрика.

Мифы, как и вообще фольклор маринд-аним и их искусство, прочно связаны со всем складом их жизни в прошлом, с системой хозяйствования, с внутренними отношениями. Чтобы понять мифы, надо взглянуть на некоторые стороны их мира как бы изнутри. В частности, многое в мифологии маринд-аним открывается через знакомство с особенностями их традиционной социальной организации. Маринд-аним жили по нормам и законам общинно-родового строя. Общинные отношения преимущественно регулировали хозяйственную деятельность, производство, родовые связи определяли социальные нормы, отношения в семье, между полами и возрастными классами, правила повседневного поведения; они же во многом отражались в системе представлений о мире, об окружающей среде и месте самих людей в этом мире. Основной единицей социальной организации был боан — клан или род, все члены которого считались во взаимном кровном родстве и вели свое происхождение от общего предка. Заслужено П. Вирца как этнографа было то, что он обнаружил у маринд-аним деление на кланы, установил их состав, названия и, что не менее существенно, выявил отношения между ними. Позднейшие наблюдатели и исследователи внесли в эти описания П. Вирца ряд поправок. Существенно, что кланы группируются в несколько фратрий, которые строго экзогамны, т. е. браки между их членами не допускаются. И кланы и фратрии патрилинейны, т. е. родство ведется по мужской линии. Каждый член родового коллектива имеет кровных предков по линии клана и по линии фратрии и в принципе обязан это родство хорошо знать (речь идет, конечно, о мужской части, прошедшей обряд инициации). Именно здесь вступает в силу миф, который включает в себе и генеалогию боана или фратрии, и ее обоснование, и историю предков, равно как и «историю» того времени, когда они появились и когда вообще «все» только складывалось. В мифе сливаются воедино генеалогия, интерпретация, история, объясне-

ние и оправдание существующего коллектива, обоснование возможности, обязательности и эффективности традиционной практики в сфере труда, социальных отношений, ритуалов.

Чтобы понять мифы маринд-аним, необходимо учесть еще, что в их родовой организации ощутимы следы тотемизма: члены одного боана считают себя в родстве с каким-либо видом живой природы — с казуаром, аистом, кенгуру, свиньей, крокодилом — или даже с неживым предметом, например с морем. То же самое относится к фратрии. Птицы и животные соответствующих видов считаются братьями членов кланов и фратрий, а общим предком для них оказывается «первый» казуар, крокодил или аист. Эти отношения выражены в самих названиях кланов и фратрий, которые носят имена соответствующих видов. Глубину и сложность их можно до известной степени постичь из мифов. Каждый боан имеет свой собственный набор мифов и относится к ним с особенным почтением и даже трепетом. Само знание определенных мифов и право их рассказывать обусловлены членством в боане и фратрии. Считается, что рассказывать в присутствии чужих не полагается, что сакральный характер мифов и их секретность взаимосвязаны. Во время ритуальных празднеств (дема-вир), когда происходит воплощение мифологических героев, участвовать в пантомиме могут только члены коллектива, их тотемные родственники.

Читая собранные в этой книге рассказы, мы должны ясно представлять себе, что маринд-аним воспринимали их как вполне достоверные истории, заключающие чрезвычайно серьезный смысл, имеющие прямое отношение к основам их существования, к принципам, определяющим их жизненный уклад, к благополучию всех и каждого в настоящем и будущем. И сколь ни трудно современному читателю отрешиться от восприятия этих историй в привычных для него категориях сказок, фантастических небылиц и т. п., необходимо это сделать хотя бы уже потому, что иначе есть опасность не оценить в должной мере истинное содержательное богатство и глубину рассказов.

Основную группу рассказов и у П. Вирца и у Г. Невермана составляют рассказы о демах. Можно сказать, что представления о демах — одна из узловых точек мифологии маринд-аним. Даже располагая большим числом текстов, не так просто описать и интерпретировать эти представления: нужно иметь в

виду, что они, подобно другим разделам папуасской мифологии, характеризуются зыбкостью, противоречивостью, синкретичностью и с большим трудом поддаются переводу на язык наших понятий. Необходимо исходить, с одной стороны, из фактической многозначности термина «дема» и широкой амплитуды его применения в мифах, а с другой — из «текучести» этого применения по ходу рассказывания, когда образ демы меняет свой характер, «переливается» из одного состояния в другое и эти перемены не мотивируются и даже не всегда четко фиксируются рассказчиком, а просто принимаются как данность и выражаются в поступках персонажа.

Демы прежде всего сверхъестественные существа, мифологические герои, персонажи мифической эры, т. е. времени первотворений и фантастических превращений. Собственно, во временном плане повествования обозначены весьма неопределенно («давным-давно») либо не обозначены вовсе, и это для мифологического сознания вполне естественно: отнесение событий к прошлому как бы само собой разумеется, но вместе с тем каких-то реальных временных границ не существует и «прошлое» в любой момент может обернуться настоящим. В порядке «датировки» рассказчик может сообщить, что происходившее относится к тем временам, когда его дед или прадед были эвати (класс юношей). Однако у слушателей может создаться впечатление, что речь идет о событиях, давность которых измеряется несколькими месяцами.

Словом «дема» определяются персонажи, исполняющие в мифологическом мире разнообразные функции, причем полифункциональность и свободная перемена функций характерны едва ли не для любого из дем. Они выступают в роли перво-создателей и культурных героев — творцов различных видов и явлений природного макро- и микромира и жизненно необходимых предметов. Одновременно демы нередко оказываются непосредственным воплощением этих видов, явлений и вещей. Вообще, отношения между демами и видимыми элементами материального мира достаточно сложны. Нередко те или другие демы просто идентичны каким-нибудь биологическим особям.

Окружающий мир обязан своим возникновением, установлением, своими формами и качественными признаками демам.

Демы также — одновременно или независимо от своих культурных функций — это родовые тотемные предки, родоначальники кланов и фратрий. Они предстают как воплощенное свя-

зующее звено между кланом и его тотемом, и миф содержит в себе объяснение механизма этих достаточно сложных отношений. Демы собственным видом олицетворяют неоднозначную природу тотема и его потомков. Способность к перевоплощениям — в природе дем, и повествования о них полны эпизодами разнообразных и неожиданных реинкарнаций. Ягривар принимает облик юноши, моментами возвращаясь в «собственное» змеиное состояние. Когда его убивают как змею, он продолжает жить как юноша, сохраняя змеиные признаки и однажды снова воплощаясь в змею. Таким образом, демы принимают облик людей, но вместе с тем без труда трансформируются в животных или даже преимущественно действуют в животном (птичьем, рыбьем), растительном обличье. Дема может иметь вид гибрида человека и его тотема. В качестве родоначальника клана дема тем или иным образом порождает «первую» особь, от которой идут затем остальные. При этом особый интерес представляет мифологическая трактовка этих жизненных процессов. Так, Маху, собака-дема, превратилась однажды в собственно собаку, которая произвела множество дем-собак, наделенных разумом и способностью говорить. От них-то и пошли «нормальные» собаки.

Двухступенчатость видообразования — характерная концепция папуасских мифов: обычным видам природы предшествует вид, в котором еще не оборваны непосредственные связи с его сверхъестественным родоначальником (ср. рассказы «Как появились бананы и луна», «Как появилась кокосовая пальма»). Очень выразительный пример дает миф «Как появилось саго». Первое саго произвела на свет Сангон, жена Вокабу. Муж похитил саго, из него выросло дерево, не имевшее ни веток, ни листьев, ни цветов. Вокабу оживил дерево, используя для этого различные виды рыб и птиц. Чтобы обработать саго, он сделал первый топор и призвал девушку, умевшую обращаться с саго. И все же саго с первого дерева не сохранилось, оно было превращено волей демы в глину. Лишь в результате общения жен Вокабу с жителями деревни появились целые рощи разных сортов саговых пальм. Между прочим, в папуасской мифологии предметы культуры нередко появляются путем похищения «первых» образцов у женщин и доведения их мужчинами до «нормального» состояния.

То же самое мы видим в мифах, посвященных антропо- и этногенезу: вначале появляются люди, не освободившиеся от признаков, свойственных их мифологическим родичам; они обладают качествами дем, хотя сами уже не демы; это — первое

поколение клана, оно как бы целиком принадлежит мифическим временам; последующие поколения — это уже в полном смысле люди, которые, впрочем, в известных условиях способны вступать в контакт с демами и становиться обладателями некоторых их качеств. В мифе «Змея Бир» наглядно отражен многоступенчатый процесс этногенеза: дети матери-змеи, явные демы, становятся мужьями своих суженых, которые выпускают их из дупла дерева (т. е. как бы создают их заново); первый мальчик «обучает» своих «отцов» птичьим навыкам, т. е., в сущности, возвращает им их истинный облик птиц-тотемов; от них в конце концов ведет свою родословную один из кланов. Рассказы-мифы построены таким образом, что слушатели (и мы, читатели) должны сами догадываться, идет речь об обычных людях или о демах-людях.

Специфическая особенность мифологических операций — их трансформационный характер. Трансформация и перевоплощение — одновременно и основной прием развертывания повествования, и способ создания элементов мира. Сюжет движется через эпизоды изменений, происходящих с демой или им самим творимых. Эти эпизоды фиксируют моменты хождения демы, но они же отмечают появление чего-то нового в природе, в жизни этноса. Трансформации могут быть осознанными, т. е. запланированными, а также и случайными, бессознательными. Почему происходит так или иначе — миф не объясняет; многое, видимо, заложено в самой природе дем, которая рано или поздно проявляет себя. Птичья сущность Вирубы обнаруживается, когда он не может слезть с высокого дерева: мать дает ему перья, он изготавливает крылья, прикрепляет их к рукам и становится птицей кеваке. Толчком к трансформационным операциям может послужить убийство. Смерть как путь к возрождению в новых формах — обычная концепция мифа. Дему Ягила убивают и разрезают на части: позднее из них появляются орехи аке, фруктовое дерево обьяра, тучи и т. п., а сам Ягил возрождается из собственных внутренностей («Ягил, дема-казуар», «Казуар»). Мужчины устраивают настоящее побоище деме Гангуте, который воплощен в гигантском дереве. Погибшее под ударами дерево дает жизнь множеству видов рыб; гибнет и трансформируется вещественное воплощение демы, но сам он продолжает существовать («Гангута, демасвая»).

В мифе «Йорма, дема вод и моря» герой из мести убивает большую часть жителей деревни Имо, которые превращаются после гибели в рыб. Меньшая часть, оставшаяся в живых, кла-

дет начало сообществу йорм-энд. При этом считается, что члены его — люди и морские рыбы — находятся в кровном родстве. Таким образом, тотемный предок, дема Йорма, выступает как прародитель-убийца: именно акт жестокой расправы делает его прародителем сообщества, объединяющего людей и рыб.

Другая типовая ситуация, приводящая к смене обстановки и рождению чего-то нового,— это бегство. Герой-дема, убегающая от преследований, спасаясь от беды, превращается в солнце, луну, звезду, в райскую птицу.

В мифах маринд-аним встречаются хтонические мотивы, когда на первый план выступает порождающая сила земли. Сапаи, спасаясь от женщин, забирается в землю и исчезает в ней. Наутро здесь вырастает дерево с особенными плодами («Теимбре»). На могиле Яви, первого умершего, за ночь вырастает кокосовая пальма со спелыми плодами («Как появилась кокосовая пальма», «Сын змеи и кокосовая пальма»). «Первая» арековая пальма вырастает из могилы убитого («Как появилась арековая пальма»). Бетелевая пальма появляется на могиле убитого демы-крокодила («Бетелевая пальма»).

Временам первотворения — создания предметов культуры, организации элементов социума, упорядочения отношений в мире — в мифах предшествует некое аморфное, спокойное состояние. Чтобы первотворение совершилось, нужны резкое нарушение неподвижности, появление чего-то необычного, какой-то конфликт, вызывающий цепь трансформаций: появляется Геб, уродливый недочеловек, не знающий настоящей супружеской жизни; подростки, не прошедшие обряда инициации, нарушают порядок, являясь на ритуальную оргию; женщина, предназначенная в жертву, убегает; в среду «обыкновенных» людей (впрочем, мнимо обыкновенных, поскольку все они живут в мифическую эру и связаны с миром дем) попадает существо необыкновенное, зоантропоморфное, получеловек-полужмея, человек-птица, человек-свинья и т. д. Уже существующий культурный мир оказывается сдвинутым, потрясенным, в него привносятся принципиальные перемены, в нем совершаются открытия, иногда он полностью или частично подвергается уничтожению; в итоге складывается новый культурный мир, непосредственно предшествующий нынешнему и его обуславливающий. Преобразования сопровождаются драматическими конфликтами, утратами, кровавыми развязками. Демиурги, культурные герои наряду с благами природы, техники, упорядочением социума вносят свойственную им жестокость, игру страстей. Нередко именно конфликты, виновниками которых яв-

ляются дэмы, приводят к возникновению явлений природы, живых существ и растений. Часто это происходит как бы попутно.

Родоначальники кланов подчас «чужаки», явившиеся откуда-то издалека, персонажи необыкновенной судьбы. Таков Канхар, брошенный отцом в реку и принесенный водой в деревню, где младенца воспитала супружеская пара. Позднее и он сам, и его сыновья совершают новые путешествия, чтобы стать родоначальниками других кланов («Канхар»). Члены клана назем-це ведут свою родословную от группы дем, когда-то отправившихся в плавание в лодке из веерной пальмы вместе с матерью и сыном, предназначенными для ритуальной жертвы, но спасшимися. Путь их обозначен в мифе разными событиями, оставившими след в истории этих мест, и сакральными локусами («Как возник тайный культ Имо»). Вообще, считается, что основатели кланов так или иначе пришли откуда-то. Миф может завершаться генеалогическими свидетельствами. Мунгус, сын аиста и краба, найденный девушками у реки, остается среди людей: мать не может выручить его, а отец оставляет в деревне, приказывая женщине беречь его; со временем Мунгус женится на девушке из другой деревни, затем отправляется дальше; потомки его сыновей принадлежат к клану, тотемом которого является аист («Краб нгус»).

Странствие, перемена мест — один из естественных способов осуществления демами их культурной миссии, в частности создания существующей топографии, образования примечательных локусов и элементов ландшафта и даже организации этносов. Происходит это как бы попутно, не специально, во многом случайно. В мифе «Лодка Дива» дэмы без видимого порядка, чтобы облегчить лодку, высаживаются из нее в разных пунктах, которые и закрепляются за ними. Длинная канава, тянущаяся с востока на запад близ Вурамура, — след от тела матери-змеи («Змея Бир»). Острова возникают, когда дема отделяет ударами палицы участки побережья, пытаясь погасить огонь («Дави»). Особенности местного ландшафта — красные камни в одном месте, множество белой глины в другом, участок необычайно густой береговой травы — все это последствия различных, часто неосознанных действий побывавших здесь дем.

В топонимических преданиях и мотивах кроется не просто история — нередко локусы мыслятся как современные места обитания дем или даже материализованные дэмы. Здесь проявляется нерасчлененность мифологического прошлого и на-

стоящего. Вера в продолжение существования и активности дем в сильнейшей мере поддерживается памятью о мифологических связях местной топографии.

Судьбы дем по-своему драматичны и в этом смысле противостоят судьбам сказочных героев, которых они иногда напоминают. Геб, тело которого обросло морскими желудями и стало колючим и твердым, был обречен на одиночество, женщины чуждались его. Подобно сказочным замарашкам, заколдованным юношам и т. п., он однажды преобразается, но это не приносит ему конечного избавления от бедствий. Геб — герой не сказки, а мифа, и судьба его связана не с личным самоутверждением, а с осуществлением функций культурного героя: он приносит людям бананы, а сам поднимается на небо, где становится луной («Как возникли бананы и луна»). Сходным образом летучие собаки, посещающие по ночам в облике юношей девушек, обречены оставаться демами и в финале превращаются в кокосовую пальму, которую срубают люди («Кокосовая пальма»).

Пространственный миф о Нацре, свином деме, избрал едва ли не все наиболее характерные особенности мифов маринд-аним, посвященных демам. В нем, в частности, нашла отражение и интерпретацию тотемно-мифологическая генеалогия того сообщества (базик-базик), которое вело родословную от первопредка-свиньи. Фантастическое превращение в свиней жителей деревни можно как будто расценить как жестокое наказание за поедание ими мяса животных, с которыми дема связан родством. Вместе с тем оно — следствие устроенного людьми в честь свиньи ритуала. Существенно, что так или иначе история человеческого коллектива начинается заново и генерирующую роль в ней играет Нацр, одновременно покровитель свиней, устроитель ритуалов в их честь и культурный герой. Странствия Нацра сопровождаются приключениями, воинскими подвигами, умиротворением различных локусов, созданием орудий, открытием огородных культур. Специального внимания заслуживает история появления у Нацра детей-молний. Мы видим здесь целую цепь мифологических трансформаций: Нацр сжигает ребенка старухи, принадлежащей к миру умерших; она вешает ему на шею корзину с костями мальчика; из костей возникают молнии. Позже мальчики-молнии составляют войско Нацра. После успешной битвы они отправляются на небо. Можно допустить, что вся эта плохо мотивированная цепь эпизодов возникает из необходимости объяснить тот первичный этиологический мотив, согласно которому Нацр, свиной дема, родоначальник тотемного

сообщества, является первосоздателем макрокосма, в том числе и молний (его двойник Дивахиб прямо зовется отцом молний). Мифологическое творчество носит операционный характер и создает сюжеты, как бы раскручивая их в обратную сторону. Разумеется, у него есть свои законы и нормы. В данном случае известную роль сыграла сюжетная параллель «Напр возрождает убитых свиней». Кроме того, не случайна, конечно, связь свиного деми с миром умерших. В варианте, записанном Неверманом, есть рациональное объяснение: Дивахибу «волей-неволей пришлось стать их приемным отцом». Такие логические толкования явно вторичны. Структурно мотив сожжения мальчика соответствует типовым трансформационным двухступенчатым операциям: новое явление, новый предмет обретают свои определенные формы в ходе уничтожения и преобразования предшествующего состояния.

Разумеется, мифы маринд-аним (как и вообще мифы) нельзя рассматривать исключительно в рамках одной лишь системы представлений о мире и ритуальной практики. Доля собственно художественная, относительно свободный вымысел в нем уже ощутимы достаточно ясно. Мифологическое сознание ставит творчеству жесткие границы и строго регулирует его, но внутри этих границ у него есть возможности варьирования и более или менее вольного выражения. Вот почему вовсе не обязательно в каждом эпизоде, мотиве, поступке персонажа и в его характеристиках непременно искать символический смысл и пытаться извлекать из них метафорическую семантику.

В связи с этим закономерно возникает вопрос о взаимоотношении мифов маринд-аним со сказкой. Сразу же надо отметить, что сказок, волшебных, животных и др., в привычном для нас смысле слова у маринд не зафиксировано, и это вполне закономерно: там, где в полной мере живут мифы, классическая сказка еще не определилась. Как показано фольклористикой на материалах разных народов, собственно сказка как бы вырастает из мифа, формируется через трансформацию, переосмысление, отрицание мифологических повествований. Складывание сказки происходит через размывание и постепенное преодоление таких важнейших признаков мифа, как вера коллектива в его сакральное значение, в его «историчность», как социально регулирующая и объясняющая функции, практическая направленность, включенность в ритуально-обрядовые комплексы. В сказках на первый план выступает собственно художественное начало, специфически-образное выражение

чаяний и стремлений народа. Сказочный герой перестает быть носителем родовых, коллективных представлений и интересов, первопредком, культурным героем и т. д. Наконец, в самой структуре волшебные сказки явственно отличаются от мифов, строятся по своим сюжетно-композиционным моделям. Можно заметить, что в мифах маринд-аним уже наличествуют элементы сказочности — в сюжетике, в образах персонажей, в некоторых коллизиях. С другой стороны, в них есть и элементы героического эпоса: как известно, этот вид пародной поэзии также возникает в недрах мифологической героики. Сопоставление с мировым фольклором позволяет выявить в мифах маринд-аним множество разнообразных сказочных и эпических параллелей. Таков уже упоминавшийся мотив принесения героя-младенца водой («Канхар»). Таковы тема суженой или суженого — героев, предназначенных друг другу, — и связанные с нею мотивы поисков суженой, борьбы за нее, похищения ее соперниками, сопротивления ее «незаконным» претендентам.

Одна из повторяющихся тем мифов — «чудесный супруг» — хорошо знакома и европейским сказкам. Мифы маринд-аним ведут нас к типологическим истокам этой темы: чудесный супруг здесь — персонаж из «чужого» мира дем, и брак с ним приносит беду. Преображение его, появление в виде животного, птицы или в облике прекрасного юноши здесь объясняется природой дем. Сказочный финист — ясный сокол ведет свою родословную от героев этого типа, но решительно противостоит им: смысл сказок такого типа — в торжестве человеческого начала, в возвращении человеческой природы жертвам колдовства и т. д. В мифах маринд-аним встречается и классическая для мирового фольклора тема инцеста, чаще — брата и сестры, реже — сына и матери. В соответствии с широко распространенной мифологической концепцией, брак брата и сестры кладет начало данному этническому коллективу. Иногда это могут быть сиамские близнецы.

У маринд-аним мы находим мотив, позволяющий генетически объяснить распространенную в сказках многих народов коллизию — подмену поворожденных младенцев животными: героини мифов производят на свет сначала зверей и птиц и лишь позднее — настоящих детей, и для мира дем это вполне естественно.

Таким образом, в сюжетике мифов маринд-аним заложены возможности для развития сказочных и эпических конфликтов. То же самое относится и к персонажам мифов. Хотя каждый

из дем — персонаж определенного мифологического цикла, иногда тотемный предок, привязанный к данному сообществу, к его локусам, к его предыстории, многих дем мы вправе рассматривать как типовые фольклорные образы, соотносящиеся своими характеристиками и своей семантикой с образами папуасской мифологии в целом и, шире, с образами мифологии и фольклора народов мира. В персонажах рассказов маринд-аним находят выражение различные стороны и разные ступени раннего мифотворчества. Иные из них заслуживают того, чтобы войти в галерею образов мирового фольклора. Таков Араме́мб — великий охотник, воплощающий охотничью природу тотемных предков, творец кенгуру и их покровитель, беспощадно мстящий за убийство животного и таким способом вводящий запрет на уничтожение тотемного зверя. У него есть также несколько птичьих атрибутов. Он обучает людей охоте и искусству изготовления оружия. Вместе с тем Араме́мб — создатель ямса, первым засадивший обширные пространства этим корнеплодом. Любопытно, что рождение ямса совершилось благодаря участию Араме́мба в ритуальных оргиях Майо, связанных своей символикой с идеей плодородия. Хотя в этом участвовали девушки, ямс рождается не от женщины, а вырастает из тела Араме́мба. Характерно, что и рождение первой кокосовой пальмы связано также с Араме́мбом: она вырастает из головы Яви, его приемного сына, после совершенного над ним похоронного ритуала. Мотив, согласно которому великий охотник приносит начатки земледелия, хорошо известен папуасской мифологии. В образе Араме́мба есть черты мифологического озорника — трикстера (ср. историю с похищением Яви), но также и неудачника, которому все время достается: он вынужден убегать, у него похищают дорогие ему вещи, ему приходится скитаться по разным местам. Араме́мб, подобно многим мифологическим героям, пытается устранить смерть из бытия людей, но при этом терпит неудачу: его снадобьем, дающим бессмертие, пользуется змея.

Столь же характерны образы великих колдунов и великих воинов. Таков Явима — «насылающий дождь», вызывающий своими магическими действиями разгул стихии, который приводит к различным превращениям в природе. Его сыновья — деды ветров. Угу — также великий колдун и в то же время хитроумный воин, причиняющий массу неприятностей своим сородичам: он — предшественник хорошо известных мировому фольклору строптивых богатырей, с детства нарушающих принятые нормы поведения и проявляющих свои особые возмож-

ности. Тотемическая природа его довольно ясна: в нем сохранились черты крокодила. Кожа, которую сдирают с него после убийства, трактуется как шкура крокодила, обладающая чудесными свойствами. С другой стороны, Угу своим рождением обязан Харау, мифической старухе, преобразившейся в прекрасную девушку и ушедшей в землю после оргиастического брачного обряда. Угу зародился не в чреве матери, а в эвкалиптовом лубе, служившем брачным ложем. Охотничьи подвиги Угу совершил с помощью колдовства, скрывая это от людей. С Угу связаны также представления о возможности длительного пребывания в глубине моря. Те, кто вкусил тела Угу, сами становятся обладателями великой магической силы.

Все эти примеры наглядно подтверждают тот факт, что в мифах маринд-аним предстает архаическая ступень мифотворчества, при котором господствуют нерасчлененность и невыделенность значений и характеристик, сюжетных ситуаций, по основной набор их и специфичность трактовок уже отчетливо наметились, так же как выявились и возможности дальнейшей дифференциации на почве более позднего фольклорного творчества.

На основании собранных и опубликованных П. Вирцем и Г. Неверманом текстов трудно судить о повествовательных и композиционных особенностях мифов маринд-аним: собиратели честно признаются, что книжные тексты не являются буквальными воспроизведениями слышанного ими. Маринд-аним далеко не всегда рассказывали мифы в полном виде, не обязательно передавали их как цельные нарративы: нередко какие-то мотивы и эпизоды, мифологические образы и реминисценции всплывали в разговорах, обнаруживались в составах ритуалов, вспоминались в связи с какими-либо предметами и т. д. Наблюдателям приходилось подчас самим восстанавливать рассказ как целое, объединять отдельные эпизоды и т. д. Все же некоторые особенности мифов как архаической формы устного рассказа могут быть выделены: это дискретность (разорванность, недостаточная связность, резкость переходов), сюжетная незавершенность (в противоположность непрерывной завершенности сказок или эпических сказаний), развертывание сюжетов без более или менее очевидных мотивировок, отсюда — налет загадочности, необъяснимости. Законы строения мифов и развертывания повествования порождены особенностями «мифологического сознания», и уяснение этих законов очень важно для понимания специфики фольклорных повествовательных жанров.

Характерная особенность мифов — их функциональная, семантическая и сюжетная связь с ритуальной практикой маринд-аним. Связь эта двусторонняя: в ритуалах реализуются представления и ситуации, выступают персонажи, о которых достаточно полно и определенно говорится в мифах, а в самих рассказах подчас разъясняются те или иные ритуальные действия и благодаря рассказам открывается глубинный смысл целых ритуалов. Вообще же рассказ и ритуальное действие, танец, пантомима, маски, звуки музыкальных инструментов, резные фигуры и орнамент и т. п. представляют собой разные способы реализации единого мифологического содержания. Вербальная форма, может быть, наиболее понятная, но отнюдь не обязательно первичная и самая полная.

Участники ритуалов не просто разыгрывают миф, но как бы заново и совершенно серьезно воспроизводят его события, следуя примеру предков, некогда впервые совершивших аналогичные действия. Мифы часто объясняют, как тот или другой «первый» поступок дэмы либо та или иная вызванная им ситуация дали жизнь обряду. Девушки принесли на новый праздник и развесили на деревьях бананы вместо рыб — так установилась новая символика, сменившая прежнюю, тотемную и связанная с плодородием культурных растений, и один культ сменился другим. В мифе «Как возник тайный культ Имо» обычай ритуального жертвоприношения установился после убиения женщины с сыном: убийство это носило явно предуказанный характер. От ритуальной символики идут многие мифологические мотивы, в которых подчеркивается жестокость, изображаются странные с обыденной точки зрения поступки и т. д. В мифологической сюжетике отражается не столько эмпирика жизни, реальность, сколько символика, фантастически осмысленная «реальность» мифологического прошлого, комплекс представлений первобытнообщинного коллектива о возникновении макро- и микромира и о его собственной истории.

Хотя собранные П. Вирцем и Г. Неверманом материалы относятся в первую очередь к мифам о демах, мы находим в них элементы мифологической космогонии, картины первотворения, создания окружающих маринд-аним природных ландшафтов, микросферы, докусов, животного и растительного мира. Природные мифы теснейшим образом связаны с мифами антропо- и этногенетическими. В мифах маринд-аним природа возникает не независимо от человека, а в единстве с ним: нерасчлененность процессов подчеркивается близостью самих операционных

механизмов, лежащих в основе первосоздания, а также тем, что люди рождаются первоначально из объектов природы (стволов бамбука и т. п.) и сами могут в них превращаться.

Такого рода концепции и такого рода творчество возможны лишь на ранних ступенях общественного развития и при определенных условиях, они не могут быть повторены и воспроизведены на более поздних стадиях культуры. В этом смысле мифы маринд-аним имеют исключительное историческое значение, тем большее, что для сегодняшних поколений этого новогвинейского племени они уже являются памятниками прошлого. Одновременно эти мифы очень интересны и в историко-художественном плане — как средоточие мотивов, тем, сюжетов, находящихся у истоков мирового повествовательного фольклора, и как наглядное проявление действия архаических законов творчества, имевших весьма продуктивное воздействие на творческие процессы последующих исторических стадий.

В собрании Г. Невермана наше внимание привлекают еще два очень своеобразных раздела — «Рассказы об охоте за головами» и «Рассказы из повседневной жизни». Мифологическое начало в них присутствует как некий фон, преобладает же реальный жизненный материал. Рассказы этого типа принято называть меморатами: в основе их лежат действительные житейские истории, а герои их — реальные люди, нередко сами рассказчики. Значение таких рассказов — и для лучшего понимания жизни папуасов, и для более глубокого проникновения в их психологию, для раскрытия их нравственного кодекса — чрезвычайно велико. Поражает в этих рассказах, пожалуй, более всего жестокость ситуаций, поступков, взглядов на убийства и каннибализм в сочетании с той человечностью, высокими понятиями о нравственности, какие проявляют маринд-аним в обычной повседневной обстановке. Г. Неверман очень хорошо объясняет, что охота за людьми, каннибализм, жестокость не вытекают из природы папуасов, не обусловлены какой-то особой их психикой, а мотивированы социально, нормами первобытнообщинной жизни, комплексом традиционных представлений: благо общины превыше всего, и перед ним отступает всякое уважение к людям из чужих племен. За пределами законов, регулирующих отношение к врагам, маринд-аним проявляют качества, которые вызывают естественную симпатию и восхищение: честность, добродушие, щедрость, гостеприимство, почтительность к старшим и т. д. Для понимания общества и

людей общинно-родового строя рассказы, собранные Г. Неверманом, равно как и дополняющие их наблюдения и характеристики ученого, дают очень много.

Сборник, рекомендуемый вниманию читателей, включает две самостоятельно сложившиеся, хотя и тесно связанные между собой книги, принадлежащие двум известным этнографам-путешественникам. Первый раздел сборника — «Мифы папуасов маринд-аним» — представляет собой перевод мифологических текстов, извлеченных из двухтомного этнографического труда П. Вирца «Die Marind-anim von Holländisch-Süd-Neu-Guinea». Второй раздел — «Сыны Дехевая» — составляет перевод книги Г. Невермана «Söhne des lötenden Vaters».

Пауль Вирц, швейцарец по национальности, родился в 1895 г. и вскоре после окончания университета отправился в большую экспедицию на Новую Гвинею. С того времени и до конца жизни он почти не оставлял тропические страны. Умер он в 1955 г. в городке на севере Новой Гвинеи. За тридцать лет П. Вирц помимо района маринд-аним обследовал другие территории южного побережья Новой Гвинеи, побывал в бассейне реки Сепик, население которого славится искусным изготовлением масок и деревянных скульптур, работал на севере острова. Результаты его путешествий и исследований отразились в ряде капитальных трудов по этнографии Новой Гвинеи¹. Безусловной заслугой Вирца является открытие и изучение им представлений и мифов о демах, значительно обогативших наши знания в сфере ранних форм мифологии и религии. Из других путешествий П. Вирца заметный след в науке оставила его поездка на остров Цейлон (ныне Шри Ланка)².

Ганс Неверман родился в 1902 г. После получения докторской степени работал в Берлинском этнографическом музее. В 1933 г. он отправился в экспедицию в Океанию. Довольно значительное время провел у маринд-аним, частью следуя по марш-

---

¹ См., например: P. Wirz. Die Marind-anim von Holländisch-Süd-Neu-Guinea. Bd 1—2. Hamburg, 1922—1925; он же. Anthropologische und ethnologische Ergebnisse der Zentral Neu Guinea Expedition 1921—1922. Leiden, 1924; он же. Dämonen und Wilde in Neuguinea. Stuttgart, 1928; он же. Beiträge zur Ethnographische des Papua-Golfes, British-Neuguinea. Lpz., 1934; он же. Kunst und Kult des Sepik-Gebietes. Amsterdam, 1959.

² P. Wirz. Exorzismus und Heilkunde auf Ceylon. Bern, 1941.

руту Вирца, частью проникая в места, где тот не был. Впоследствии Г. Неверман стал автором книги по мифологии и религии народов Океании, а также трудов общетеоретического характера. В своих работах он широко использовал материалы, полученные у маринд-аним³.

Обоих исследователей объединяли некоторые общие принципы работы и теоретические позиции. Мифы маринд-аним были для них органической частью племенного мира, они воспринимали их прежде всего как этнографы. Обоим ученым были присущи гуманистические взгляды на «первобытных людей» и стремление понять их жизнь и психологию как бы изнутри. Отсюда — множество цепных наблюдений, отсутствие какой бы то ни было предвзятости, сочувственное отношение к народу, жизнь которого они изучали.

В методике записи и публикации мифов у Вирца и Невермана обнаруживаются определенные расхождения. П. Вирц в своих записях более точен, строже придерживается услышанного текста. Правда, и он редактировал записи, видимо сопоставляя варианты и дополняя их, но в то же время воздерживаясь от дальнейшего вмешательства. Поэтому его тексты ближе к первоисточникам, в них отчетливее сохраняются неясность изложения, немотивированность, незавершенность повествования. Мифы у Вирца составляют большой раздел его этнографического описания, поэтому рассказы перебиваются пространными описаниями обрядов, обычаев, некоторые мифы изложены в виде примечаний. Не всегда даже ясно, где Вирц точно передает текст, а где просто излагает его содержание.

Г. Неверман в передаче текстов не столь точен: он считал возможным упорядочивать полученные записи, придавать им большую законченность и ясность. С другой стороны, Неверману удалось найти и расположить к себе хороших рассказчиков. Надо также иметь в виду, что он записывал мифы через 13—15 лет после Вирца, а за эти годы в жизни маринд-аним произошли немалые изменения.

Таким образом, записи двух этнографов не отменяют, а очень интересно и разнообразно дополняют друг друга. Это

---

³ H. Neumann. Bei Sumpfmenschen und Kopfjägern. Stuttgart, 1935; он же. Die Kopfjäger Gesigen. Stuttgart, 1936; он же. Die Naturvölker und die Humanität. Lpz., 1948; он же. Söhne des tötenden Vaters. Kassel, 1957; H. Neumann, E. A. Worms, H. Petri. Die Religionen der Südsee und Australien. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1968.

особенно заметно на примере текстов, которые представляют собой варианты общих сюжетов (в примечаниях к текстам мы всюду указываем такие варианты). Сопоставление вариантов позволяет не только углубить знание сюжетов отдельных мифов, но и частично увидеть механизм воспроизведения мифологических рассказов, наличие разных трактовок, возможности варьирования, характер изменений и т. д.

Материалы П. Вирца и Г. Невермана принадлежат к числу наиболее интересных и значительных открытий европейской этнографии в области духовной культуры, мифологии, фольклора папуасов Новой Гвинеи.

Б. Н. Путилов

МИФЫ ПАПУАСОВ МАРИНД-АНИМ

Собраны П. Вирцем в 1916—
1922 гг.

Перевод с немецкого
М. С. Харитонова

МИФОЛОГИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТОТЕМНЫХ СООБЩЕСТВ

Всякая попытка расспросить островитян про их мифы сопряжена помимо языковых с целым рядом других неизбежных трудностей.

Первая из них связана с тем, что значительную часть мифов вправе рассказывать лишь немногие. Как правило, это старики (самб-аним), знающие большинство преданий. Чаще всего, впрочем, речь идет о сказках, известных каждому ребенку, и во многих случаях было бы лучше, если бы их и рассказывали дети. Они куда более умелые рассказчики и не напускают на себя таинственности, как старики. Тех обычно приходится уговаривать, обещать им вознаграждение, что, конечно, сказывается на характере повествования.

Другая трудность состоит в том, что лишь немногие островитяне умеют рассказывать. Некоторые знают много мифов, но изложить их не могут. Их рассказ представляет собой обычно какой-то фрагмент без начала и конца, и бывает иногда весьма нелегко понять, о чем идет речь, особенно вначале. Однако со временем я заметил, что во всей области, населенной маринд-аним, большинство мифов рассказывается одинаково, с незначительными отклонениями. Прежде всего называются везде одни и те же имена наиболее важных племенных родоначальников (дем), и с этими именами связаны всегда одни и те же мифы. Дело, следовательно, было лишь за тем, чтобы записать в разных местах рассказы как можно большего числа информантов. Получив таким образом общее представление обо всем материале, можно было дополнить фрагменты отдельных мифов другими. Это был единственный возможный путь. Каждый рассказчик, как правило, начинает свое повествование с того, что ему в данный момент пришло на ум. Чаще всего бывает сразу даже трудно уловить

какой бы то ни было смысл, какую-то последовательность. Но некоторое время спустя удается опять услышать фрагмент того же мифа. Так составляешь о нем все более и более полное представление и можешь уже сам выяснить недостающие частности, задавая вопросы. Таким образом возникла большая часть приводимых здесь записей.

Встретить островитянина, который знал бы целый миф с начала и до конца, удавалось редко. К тому же у многих мифов и нет начала. Они представляют собой скорее продолжение, соединяются, переплетаются, переходят один в другой. Как правило, каждый предпочитает рассказывать лишь те мифы, которые ему наиболее близки, т. е. относятся к кругу его тотемно-мифологического родства.

Еще одно обстоятельство, которое затрудняет соби- рание мифов, связано с самим их содержанием. Часто они содержат какую-нибудь большую или маленькую тайну, которую, в частности, нельзя выдавать членам другого боана. Ведь все мифы без исключения повествуют о страшных предках-демах, об их поступках и делах, о том, как от них произошли различные предметы, и т. д. И поскольку обычно каждый рассказывает лишь те мифы, которые относятся к его боану или тотемному сообществу, он остерегается в присутствии члена чужого боана говорить как о своих демах, так и о демах других семейств. В самом деле, имена дем, как и некоторые мифы, представляют собой тщательно оберегаемые тайны для всех, кто не принадлежит к соответствующему кругу мифологического родства. Дело доходит до того, что человек, выдавший имена дем, рискует за свою болтливость навлечь на себя кару — болезнь или смерть, которые насылаются колдовством. Он боится при этом не только дем, имена которых названы в мифах, но и членов собственного боана, которые таких вещей весьма не любят.

Поэтому знатоки мифов, прежде чем приступить при мне к рассказу, всегда старались удостовериться, нет ли поблизости людей из чужого боана, которые могли бы их подслушать. И если круг слушателей состоял из членов одного и того же боана или одного и того же тотемного сообщества, все было в порядке.

Имена дем действительно окружены тайной. Это,

однако, относится не ко всем демам в равной мере. Некоторые имена, например наиболее обычных дем, как дема кокоса, дема саго и т. д., известны большинству. Тем не менее кое-кто, особенно старики, разводят вокруг них невероятную таинственность, которую я так и не могу объяснить до конца. Понятно, если бы избегали называть имена страшных дем, например демы волн. Но нет: по имени этого демы назван целый тотемный клан, состоящий в тесном тотемно-мифологическом родстве с морем, так что имя демы волн известно каждому и упоминается достаточно часто. Как правило, в секрете держатся имена тех дем, которые известны не каждому и которые не связаны с наименованием кланов. Но вот, например, дема кокоса, чье имя известно почти всем; оно часто звучит также и в широко распространенных заклинаниях, которые произносятся, чтобы обеспечить всхожесть орехов и плодоносность пальм. Тем не менее местные жители будут весьма недовольны, если имя этого демы (или демы саго) будет произнесено вслух в присутствии людей, которые не принадлежат к боану кокоса или к тотемному сообществу гебце, в которое входит боан кокоса.

То же относится и к именам дем-женщин (деманакари), они часто содержатся в еще большей тайне. Я должен был расценивать как особую благосклонность, если кто-нибудь из рассказчиков шептал мне на ухо несколько имен, которые к тому же нередко оказывались попросту вымышленными.

Я долго не мог понять всех этих странностей. Но, видимо, подобная таинственность имеет под собой какие-то основания. Недаром островитяне, как правило, полагали, что меня интересуют лишь тайные имена. Как я уже говорил, часто, вместо того чтобы рассказать миф, который я хотел услышать, они шептали мне на ухо ряд имен и говорили: «Теперь ты знаешь то, про что меня расспрашивал». Это сопровождалось специальным требованием, чтобы я никому больше не выдавал услышанных имен. С другой стороны, когда я попадал в отдаленные деревни, тамошние жители первым делом расспрашивали меня про «настоящие имена» луны, солнца и т. д.

Имена действительно играют для островитян очень важную роль. У каждого предмета есть не только обыч-

ное наименование, по и целый ряд названий, основанных на сравнениях, звукоподражании, на причинных отношениях и т. д. Сверх того, каждый предмет, как правило, имеет еще и «настоящее», действительное имя, так называемое «игиц-ха» («игиц» — «имя», «ха» — «действительный, настоящий»), или имя демы («дема-игиц»), т. е. родоначальника, от которого произошел данный предмет; подразумевается, что этот дема где-то существует на самом деле.

Все это заставляет в какой-то мере вспомнить учение Платона об идеях, хотя сравнение тут возможно лишь весьма отдаленное. Действительное имя постоянно звучит в волшебных заклинаниях, когда нужно обратиться к деме или назвать необходимый предмет. В обыденной речи, однако, его никогда не услышишь. Знающий имя демы, «игиц-ха», имеет тем самым в своих руках ключ к волшебным заклинаниям; это одна из причин, почему его держат в секрете.

Другая причина, несомненно, боязнь рассердить дему. Если слишком часто называть его имя, он может уйти в другое место, тогда соответствующее растение захиреет. Имена дем-животных окружены тайной в гораздо меньшей степени, чем имена дем кокоса, саго и банана, а также их жен, от которых зависит размножение и процветание соответствующих растений. Необходимо вообще избегать всего, что могло бы разгневать дем. На этом в значительной мере основана мораль островитян. Например, не следует бросать саго на землю или разбазаривать его попусту. Это может разгневать сагового дему, что приведет к недостатку саго.

Наконец, третья причина, почему не следует называть дему по имени, — это страх перед самим демой, который может явиться к тому, кто произнес его имя. Дело в том, что имя отчасти содержит в себе жизненную силу называемого объекта. У демы эта сила интенсивнее, чем у обычных объектов, поэтому ни в коем случае не следует ею злоупотреблять.

Это объясняет также, почему никогда не принято называть действительное имя человека: всегда употребляется прозвище или кличка.

К страшным демам, от которых берут свое начало тайные культы, существует, как уже было сказано,

особое отношение. О них ни в коем случае никто не отважится заговорить — не то они сразу же отомстят болтуну неизлечимыми болезнями.

Мне часто приходилось наблюдать, как усердный рассказчик внезапно замолкал, и становилось невозможно вытянуть из него больше ни слова. Я долго не мог объяснить такого странного поведения, пока не узнал, что мой рассказчик вдруг пугался: не поразит ли его дема болезнью за то, что он слишком много про него рассказал. А бывало и так, что кто-нибудь другой, не особенно ко мне расположенный, намекал ему на возможную кару, чтобы тот со мной не связывался.

Похоже, что наибольший страх вызывают чужие, не родственные демы. Вообще говоря, предпочтительно знать только своих дем и свои мифы, а с демами и мифами других боанов и тотемов не иметь дела. В ходе празднеств также обычно изображаются лишь родственные в тотемно-мифологическом отношении демы и предметы, иначе дема наверняка отомстит. Всякий неродственный дух представляет собой могучую силу, которая при известных обстоятельствах может причинить вред. Вокруг тотемно-мифологического родства вращается, собственно, все, на нем строится вся социальная жизнь. По любому поводу, например на праздниках и т. п., речь ведется фактически лишь об одном — о принадлежности к боану или к союзу боанов. Этому тотемно-мифологическому подразделению противостоит естественное подразделение по возрасту и семейному родству.

Лишь немногие мифы рассказываются в присутствии детей и женщин, поскольку содержание большей части их непристойно. В этом смысле маринд проявляют крайнюю щепетильность и деликатность, какой, казалось бы, трудно ожидать от них, зная их более близко. Но это доказывает, что, несмотря ни на что, им отнюдь не чужды более высокие моральные представления и нравственные чувства. Никогда маринд не станет рассказывать непристойный миф в присутствии детей или юношей.

Предлагаемый материал собран мною преимущественно на побережье, а именно в селениях между Боремом и Окабой. Как уже было сказано, в процессе соби-

рания мифов выяснилось, что большинство из них повсюду у маринд рассказываются одинаково, лишь с небольшими отклонениями, поскольку это мифы клановые, т. е. повествующие про общих родоначальников и их дела. Благодаря этому обстоятельству, расспрашивая как можно больше людей, удалось собрать так много мифов в относительно короткое время.

П. Вирц

МИФЫ ТОТЕМНОГО СООБЩЕСТВА ГЕБ-ЦЕ

1. Геб и Сами

Однажды, давным-давно, жители Сингеаса¹ решили устроить праздник. Мужчины ушли на охоту за кенгуру, чтобы раздобыть мяса. Женщины остались в деревне одни. И вот, воспользовавшись этим, они решили: «Когда мужчины вернутся, внезапно нападём на них и убьём, а праздник устроим без них»².

Они надели на себя мужские украшения, вооружились палицами, луками и стрелами, а сами стали петь, танцевать и всячески веселиться, дожидаясь, пока мужчины вернутся с охоты.

Мужчины вернулись на другой вечер. Женщины напали на них из засады и всех убили. Только двоим удалось спастись, забравшись на деревья. Этих мужчин звали Дапари и Карем. Женщины решили оставить их в живых, чтобы племя не вымерло, и позвали обоих в деревню.

Услышав шум и крики, из своего жилища, термитника, выбрался Геб. Тело его было покрыто морскими желудями³; поэтому он был безобразен и колюч, зато термиты не могли причинить ему вреда. Он пошел в деревню посмотреть, что случилось, и увидел только возбужденных женщин, вооруженных, в мужских украшениях.

— Женщины убили всех мужчин! — крикнули ему с деревьев те двое, которым удалось спастись.

Тем временем из мест, удаленных от побережья, пришел другой дема, Сами, живший в пчелином улье. Он тоже захотел посмотреть, что произошло. Вместе с Гебом они отправились в Торасси и на реку Явим позвать мужчин из чужих племен (икам-аним), чтобы они убили женщин.

Собрав множество людей, они на лодках поплыли вдоль побережья к востоку, в Сингеас. Впереди плыли

Геб и Сами. Близ Сингеаса мужчины разделились. Геб с частью людей расположились по одну сторону от деревни, Сами с остальными — по другую. Геб привел также своих женщин-муравьев⁴, а Сами — своих пчел.

Когда был подан знак, Геб и Сами со своими людьми напали на женщин. Геб и его товарищи убили сестер Сами, а Сами, в свою очередь, убил родственников Геба. В живых остались лишь немногие.

Затем люди из Торасси и с реки Явим собрали добытые головы и повезли их с собой, в свои земли. Однако голов было слишком много, их никак не удавалось унести все. По пути многие попадали на землю. Со временем эти головы превратились в камни. Вот почему во многих местах к востоку от Домандэ можно встретить большие круглые камни.

С этим мифом местные жители связывают существование маленького племени между рекой Флай и верховьями Биана, в котором преобладают женщины. Эти женщины умеют обращаться с оружием и принимают активное участие в охоте за головами. Насколько верны эти сообщения, судить трудно.

2. Геб и Маху

Геб жил в Сингеасе. Его тело было безобразно и колюче: оно все было покрыто морскими желудями⁵. Поэтому ни одна женщина не хотела идти за него замуж, и его женой была нижняя часть бамбуковой трубки (хонг)⁶.

Однажды из Унума, что в верховьях Биана, пришел к Гебу дема Маху со своими женами Лен и Пиакор. Он шел через Илис и Серезу, где поджег лес. В Убите (область, где живут гавур-аним) он оставил свою лодку и отправился в Сингеас пешком. Не доходя до деревни, он встретил Геба.

— Нгейс⁷, — сказал он ему.

Маху был голоден с дороги. Он поймал несколько кускусов, убил одну из своих собак и велел женам набрать дров, чтобы приготовить мясо. А сам вместе с Гебом сел у огня. Они достали калебасу с известью и принялись жевать бетель⁸.

Когда Геб увидел жен Маху, он очень разволновался. Маху это заметил и сказал Гебу:

— Это мои жены.

Он знал, что у Геба нет жены. Он прожевал жареное мясо и тихо сказал Пиакор, чтобы Геб не слышал:

— Пойди возьми кусок саго и дай Гебу.

Пиакор стала отказываться. С трудом Маху удалось ее уговорить. Она взяла саго и принесла Гебу. Геб от этого еще больше разволновался. Он положил кусок саго в огонь, чтобы тот поджарился, а женщины тем временем жевали для мужчин уати⁹: Лен — для Геба, а Пиакор — для Маху.

— А где же твоя жена? — спросил наконец Маху Геба. Как будто он не знал, что у Геба нет жены.

— В хижине, — невозмутимо ответил Геб.

Маху заглянул в хижину, но ничего не увидел, кроме обрезка бамбука. Тут Геб признался, что этот обренок и заменяет ему жену. Вечером Маху уступил Гебу Пиакор и научил его, как с ней себя вести.

На другое утро Маху собрался дальше. Он нагрузил свою лодку и сел в нее вместе с Лен.

— Пиакор теперь твоя жена, — сказал он Гебу. — Она останется с тобой. Я время от времени буду тебя навещать. — И, крикнув на прощание «Нгейс-а-е!», Маху отчалил.

Вот каких детей родила Пиакор. Сначала она родила птицу мокмок с человеческим лицом.

— Это не настоящий человек, — сердито сказал Геб.

Вторым ребенком опять была птица руас, третьим — рыба киму и четвертым — рыба онгаяб. Геб продолжал сердиться.

— Это все демы! — сказал он.

Наконец пятый ребенок оказался настоящим человеком. Геб обрадовался мальчику и назвал его Ламуа. Шестым родился мальчик по имени Мангис, а седьмой — девочка по имени Белевиль. Дальше опять появились демы, в том числе сова момохо и птицы киркуа.

3. Белевиль

Когда Белевиль забеременела, она отправилась рождать на берег. Но роды длились так долго, что начался прилив, и волны унесли Белевиль в море. И по сей день Белевиль находится в море близ Домандэ.

На этом участке моря есть каменистые отмели. Во время отлива они бывают хорошо видны и при большой волне могут представлять опасность для плывущих на лодках. «У Белевиль мощный хребет», — говорят местные жители. Согласно мифу, ее позвоночник превратился в камень, но сама сущность демы пребывает под камнями или внутри их. Несчастные случаи, которые бывают с жителями Домандэ во время купания, рыбной ловли или плавания на лодках, неизменно приписываются деме Белевиль.

4. Как появились бананы и луна

Геб находился в Яме и Бути¹⁰, близ Кондо-мирава. Каждый день он шел на берег ловить рыбу и искать моллюсков. Он находился в воде так долго, что его тело постепенно обросло морскими желудями и наконец стало совсем колючим и жестким. Поэтому ни одна женщина не хотела выходить за него замуж.

Однажды, когда Геб опять рыбачил на берегу, он увидел, как издалека приближаются к нему девушки-иваг¹¹. Геб поскорее зарылся в песок, потому что он стыдился своего колючего тела¹². Он зарылся весь, и девушки его совсем не видели. Они тыкали палками в песок и ил, ища раковины. Вдруг одна из них наткнулась на что-то мягкое и услышала крик. Крик шел, казалось, прямо из земли. Это был Геб. Девушки быстро раскидали песок. Показалась рука, потом голова и наконец весь мальчик — безобразный, сплошь покрытый морскими желудями. Девушки побежали в деревню рассказать про свою находку мужчинам.

Вооруженные палками и каменными топорами, жители деревни поспешили на берег и увидели Геба, уже выбравшегося из песка. Они стали соскребать с него желуди палками, кокосовой скорлупой и каменными топорами. Геб кричал от боли, но выпущен был терпеть.

К вечеру тело мальчика стало чистым, и мужчины потащили его в кусты. Там они использовали его для удовольствия и обмазали тело Геба спермой, чтобы оно зажило и стало опять гладким¹³. А стоявшие вокруг люди при этом пели:

Мам-ту эрерамо!
Сипаси-ту эрерамо!

Вельмо! Вельмо!
Бути вероме!

И т. д. ¹⁴.

Затем мальчика заперли в хижине и уложили на скамью. Жители деревни хотели, чтобы он непременно остался с ними ¹⁵. Ночью, когда все спали, на затылке у Геба вырос большой банан. К утру на нем уже висело множество спелых гроздьев ¹⁶. Таким образом, Геб стал банановым демою: от него произошел банан ¹⁷.

Девушки-иваг ¹⁸ срезали этот банан и посадили его поблизости. Это место до сих пор почитается, потому что здесь и сейчас обитает банановый дема. Здесь же находится глубокий колодец, называемый Кондо ¹⁹. Время от времени в нем можно услышать странные звуки: это дема плещется в воде. А иногда видно, как он появляется над водой.

Вокруг посаженного банана (банана-демы) появились молодые побеги. Они росли очень быстро. Скоро на них появились большие зрелые гроздья с плодами в локоть величиной. Каждый куст, появившийся из этих побегов, был другим и давал особые плоды. Это были сорта букара, бути, пувра, яку и многие другие ²⁰. Но всех их превосходил первоначальный банан кандева.

Отовсюду из деревень приходили люди, чтобы посмотреть на невиданные растения и отведать их плодов. Жители Сангара решили устроить большой праздник свиньи. На праздник пригласили и людей из Кондо, которые воспользовались случаем, чтобы захватить с собой новых плодов. А девушки, которых звали Вангаи и Варунгаи, принесли бананы в Сангар и повесили их на шестах вокруг площадки для празднеств ²¹. До сих пор жители развешивали на сучьях рыб — ведь бананов они не знали. Вечером все собрались на праздник и очень удивились, увидев, что праздничная площадка увешана незнакомыми плодами. Получилась настоящая роща. Люди попробовали плоды, и они им очень понравились. Тогда они решили выбросить протухших рыб и с тех пор никогда больше не вешали их на праздничной площади — только бананы. Праздник начался.

На праздник пришел и Монгумер-анем, арековый дема. Он тут же превратился в арековую пальму. После

праздника все взяли с собой банановых черенков. Так бананы стали распространяться.

Между тем Геб, у которого с затылка сняли куст банана, по-прежнему оставался запертым в хижине. На другое утро мужчины опять использовали его для удовольствия. Но когда его и на следующую ночь опять заперли в хижине, он сумел выбраться на крышу и по вьющемуся стеблю ямса взобрался на небо, где пребывает до сих пор. Он стал луной. Пятна на луне возникли от нечистого тела и ран на теле Геба²².

Обычно маринд-аним называют лупу зараженной кольчатым червем (самани-ти-патур), имея в виду и другие кожные болезни, вообще нечистоту кожи. Мотив кожной болезни распространен во многих мифах.

5. Канхар

В Каяре, близ Тамарау, жил некогда человек по имени Йере. Этот Йере убил свою беременную жену. Он изрезал ее тело, а плод бросил в болото близ Тамарау. Ручей подхватил плод и принес в Вивар, где его нашел человек по имени Камис. Ребенок был еще живой. Камис взял его и принес своей жене Авиа, которой удалось выходить мальчика. Назвали его Канхар. От него ведут свой род люди канхар-рек.

У Канхара было два сына — Ямби и Мес-хевааи. Им пришлось отправиться на запад в большой банановой коже, то есть в банановой лодке (напет-явун). Канхар впоследствии добрался до Сангасе, там у него родились сыновья Камбур и Мамбрем. Много его потомков живет в Каяре²³, а некоторых можно встретить в других деревнях, например в Кумбе и Ятомбе.

Миф должен утвердить мысль, что банановая лодка связана тотемическим родством с геб-це и принадлежит этому обществу. Вообще, с помощью мифа можно обосновать общность между племенными группами, первоначально никак не связанными. Согласно другим авторитетным утверждениям, канхар-рек и каяр-рек взаимно идентифицируются, что также весьма вероятно. Имена различных мест и предков носит также целый ряд других кланов,

МИФЫ МАЙО¹

Майо — это тайный культ, церемонии которого включают сексуальные оргии и каннибализм. Во время каждой церемонии Майо в члены тайного союза принимаются повички, а мужчины постарше, принятые в союз ранее, посвящаются в его тайны.

Наряду с культом Майо во всей области, населенной мариинд-аним, а также у соседних племен, существует множество других тайных культов, имеющих сходный характер.

Мифы разных тотемных сообществ повествуют о былых церемониях Майо, которые совершались давным-давно, во времена дем, на легендарном участке побережья между реками Маро (Флай) и Явим.

Существует множество мест и площадок, которые называются Майо. Они разбросаны по всему участку побережья между реками Маро и Кумбе, т. е. именно в той области, где живут последователи культа Майо. Чем дальше на запад, тем чаще встречаются места с такими названиями. А между Каибуром и Боремом почти возле каждого селения на побережье есть площадки, называющиеся Майо или Майо-мирав, т. е. место, где происходит церемония Майо.

6. Кокосовая пальма

Давным-давно на праздник Майо явились непосвященные мальчики (бурап-патур)², захотевшие принять участие в обрядах. Они встретились там с девушками³. Разгневанные этим, посвященные (метоар) набросились на мальчиков. А те превратились в черных летучих собак (кере) и улетели за море.

Ночью, когда люди спали, они вернулись назад. Во рту у них были кокосовые цветы и молодые кокосовые орехи (бока). Долетев до деревни, они сбросили их на спящих. А потом опять превратились в мальчиков и пошли к девушкам. Утром они снова обернулись летучими собаками и улетели за море. Люди проснулись, увидели на земле неизвестные орехи и цветы и стали смотреть на них, качая головами⁴.

Так повторялось несколько ночей. Наконец одна старая женщина сказала:

— Подсматрю-ка я, кто это принесит такие странные круглые плоды.

И вот на следующую ночь она увидела, как с моря к деревне подлетела стая летучих собак. Они бросили на землю маленькие кокосовые орехи и цветы, потом превратились вдруг в мальчиков и отправились к девушкам. А утром она подсмотрела, как летучие собаки опять улетели за море.

Старуха рассказала мужчинам, что произошло ночью. Те тотчас снарядили лодку и отправились в море посмотреть, откуда появляются летучие собаки. Они добрались до острова, который называется Самакор⁵. На нем росло неизвестное дерево. Это была кокосовая пальма. Но когда наступил вечер, пальма вдруг исчезла. Она превратилась в летучих собак, а те полетели на материк. Лишь на другое утро летучие собаки вернулись и превратились опять в пальму⁶. Тут люди поняли, что это был дема.

Они взяли свои каменные топоры и срубили пальму, расщепили ее ствол на множество кусков, а листья обрезали. Все это они бросили в море. Некоторое время спустя части кокосовой пальмы выбросило на берег. Люди на побережье нашли их, но не знали, откуда они взялись. И по сей день части кокосовой пальмы можно встретить между реками Маро и Комбис⁷.

Но сам кокосовый дема (то есть его сущность, способная принимать разные обличья) уже успел убежать в море. Звали его Меру⁸. Напрасно девушки (их звали Арманови, Арпатови, Царко, Мурау, Семан и Докуб) пытались вернуть убежавшего дему на сушу. Лишь позднее двум из них, а именно Царко и Мурау, удалось его заманить. У них было больше, чем у других, волос между бедер, и Меру последовал за ними на берег, близ места, которое получило название Эромка. Он находится здесь со своими женами и поныне. От него произошли большие заросли этого кокоса, который в других местах встречается довольно редко.

А не вернись Меру на сушу, у нас вообще бы не было кокосов⁹.

7. Уаба

Другой праздник Майо устроил Уаба. Он пришел в Майо близ Йормакана и привел для предстоящих обрядов девушку. Но, как и во время первого праздника, перед началом обрядов на праздник опять пришли непосвященные и уселись вместе с посвященными. Разгневанный этим, Уаба взял кусок бамбука, наполнил его кровью¹⁰ и забрызгал ею непосвященных. Они тотчас все умерли там, где сидели, и превратились в камни. Это те самые красные, разнообразной формы кампи, что открываются во время отлива на берегу близ Йормакана¹¹. Это место называется «дема-мирав Майо», то есть место дэмы Майо, который до сих пор находится здесь. А девушка с сыном убежали в Имо¹² на лодке из веерной пальмы.

Об этом рассказывает следующий миф.

8. Как возник тайный культ Имо

У этого мифа, сколько раз мне его ни рассказывали, нет ни начала, ни конца. Я пытался кое-что уточнить, но на все свои вопросы получал мало что говорящие ответы. Впрочем, многое, о чем умалчивает рассказчик, можно дополнить путем сравнения с другими мифами. Дело в том, что культ Имо в еще большей степени, чем культ Майо, связан с рядом жестокостей. Местные жители ни в коем случае не имеют права выдавать его тайн. Поэтому я передаю миф в том виде, в каком он предстает после многих рассказов. Впрочем, его можно рассматривать как продолжение предшествующего.

В Майо близ Йормакана должен был состояться однажды праздник Майо. Однако по некоторым причинам он расстроился.

Предназначенная для обрядов старуха майо¹³ убежала со своим сыном, но нигде не могла найти лодку. Они пешком добрались до самого Кюндо, потом дальше, до Тамарау, и наконец пришли в Назем, близ Сарира. Там они увидели большую веерную пальму (уга). Они хотели сделать из ее ствола лодку¹⁴. Однако дерево оказалось слишком твердым, и свалить его было трудно. Тогда мальчик — его звали Дакороб — поймал большую рыбу намбимб и поднес ее к дереву, чтобы она перекусила ствол. Рыба его перекусила. Пришли окрестные

жители и помогли выдолбить ствол. Когда лодка была готова, ее раскрасили и увешали пестрыми передниками для танцев из лубяных волокон ¹⁵.

Наконец можно было отплывать. Среди дем, которые отправились в путь, были Саипу, Ун-аним, Мурав, Казука, Сангон, Карвай ¹⁶, а также дема птицы кеб-а-кеб, дема рыбы намбимб и дема рыбы галена. С ними же были старуха и ее сын Дакорреб.

Они поплыли вдоль берега в сторону тогдашнего Имо. Добрались до реки Кумбе.

— Выйдем здесь и поедим,— сказала старуха.

Была очень холодная ночь, луна не светила. Они вышли из лодки, разожгли огонь, испекли бананы и саго. А поев, отправились дальше.

Близ Онгари море разбушевалось. Некоторые демы захотели выйти из лодки, но волны их поглотили. Они стали красными камнями в море близ Онгари.

— Доберемся до Ива ¹⁷,— сказала старуха.

Ночью они вошли в речушку Ива и близ Имо сошли на берег. Было холодно. Мальчик, дрожа от холода, спал в лодке. Вдали были видны отсветы огней, это горели костры жителей Имо. На берег вынесли привезенные вещи. Дема Тубаб-хеваахи (который тоже плыл с ними) выбрался на берег первый и разжег большой костер, чтобы согреться. Потом он взобрался на кокосовую пальму и сорвал несколько орехов.

В это время к ним незаметно подошел один из жителей Имо. Он увидел из леса незнакомых людей, испугался и хотел убежать. Но маленький мальчик, приплывший в лодке, подозвал его. Человек подошел к лодке, увидел там мальчика и старуху. Он быстро вернулся в свою деревню и рассказал всем, что в Имо пришла лодка, а в ней красивая девушка ¹⁸. Мужчины поспешили к реке и привели девушку с мальчиком в деревню, где собрались мужчины и юноши.

Их обоих убили ¹⁹ и съели.

— Будем повторять такой праздник ежегодно,— сказали мужчины.

Так возник тайный культ Имо, который берет начало с этого события.

Приверженцами тайного культа Имо являются жители Сангасе, Доманда, Алатепе, частично жители Мевы, Онгари, а также маринд-аним, населяющие местность между реками Биан

и Бурака. Таким образом, они соответствуют тем маринд-аним, которые, как можно предположить, первыми переселились в эти места. Их диалект несколько отличается от диалекта приверженцев Майо, их восточных и западных соседей. Во время этих церемоний убивают и съедают по мальчику и девочке из племени; этим отчасти объясняется их таинственность.

Мифическая старуха (мес-иваг, или назем-це-иваг), которая приплыла на лодке из веерной пальмы и с которой связывают возникновение культа Имо, пребывает в этих местах и сейчас в виде демы вместе со своим сыном. Здесь, в лесу, где то находится ее жилище (дема-аха). Вероятно, оно аналогично такому же дема-аха в Кондо, о котором еще будет речь. Такие дома, возможно, когда-то служили для отправления культовых церемоний тайного союза.

На другое утро демы в лодке опять отправились в путь, уже без девушки и мальчика. Они добрались до реки Маро, недалеко от нынешнего Мерауке свернули по маленькому притоку к Браве (близ Новари), потом поплыли дальше к Имбути-каи и Эвати-каи. Здесь умер Дакорреб, и демы его похоронили.

Дальше их путь лежал через болото, заросшее саговыми пальмами. Здесь стало вскоре слишком мелко, и лодка не могла продвинуться дальше. Чтобы облегчить ее, демы выбросили девушку (кивасум-иваг²⁰), которая также ехала с ними. Им удалось проехать еще немножко, а потом лодка опять застряла. Вновь понадобилось ее облегчить. Демы выбросили в воду рыб галену и намбимба, потом дему Ун-анима и наконец Саицу. Бамбуковые шесты, которыми толкали лодку, демы тоже воткнули в землю. Шесты пустили корни и стали расти. С тех пор в этих местах за деревней Эвати и появились большие бамбуковые заросли.

Лодка продвинулась еще немного и наконец совсем застряла. Слишком тут было мелко. Демы привязали лодку к стволу дерева. Ее можно увидеть в этих местах и сейчас. На огороде за Йобаром есть вытянутый в длину холм, имеющий форму лодки. Это место — дема-мирав (то есть место, связанное с пребыванием демы), поэтому оно пользуется уважением.

А демы добрались до Йобара и там остались. От них произошло племя назем-це, или мегаи-це, принадлежащее к сообществу геб-це, к боану уга (веерная пальма), потому что лодка, на которой прибыли их предки-демы, была сделана из этой пальмы.

Члены этого клана называют себя назем-це, потому что их предки прибыли на лодке из Назема. Но лодка называлась мегаи, отсюда — второе название клана. Члены клана назем-це по большей части живут и сейчас в Йобаре, однако их можно встретить и в Эвати и в Сангасе, где, согласно мифу, тоже остались некоторые из их предков — демы.

9. Змея Бир

В этом мифе речь идет о «мальчиках-майо» («майо-патур»), которых во время церемоний принимали в число посвященных членов культа. Однако это вовсе не значит, что новообращенные были маленькими детьми. Как уже было сказано, обозначение «патур»²¹ в мифах далеко не всегда следует понимать буквально. Очень часто оно употребляется, чтобы придать мифу более безобидное звучание. Возможно, однако, что с течением времени этот миф стал рассказываться именно как история о детях. Это любимая детская сказка, известная каждому ребенку. Но все, что касается происхождения мифа и связано с церемониями Майо, сохраняется в строгой тайне. Во всяком случае, об этом никогда не говорится в присутствии детей и непосвященных.

В Майо близ Йормакана состоялся праздник Майо. Когда он окончился, «мальчики майо» отправились со своей матерью на запад. А матерью их была большая змея Бир²². Она несла детей в детской корзине (кабу). В первый день они дошли до реки Явим, на второй — до Куркари, на третий — до Майо близ Сивасива, на четвертый — до Каякаи, близ Сепадима, и на пятый пришли к реке Маро. Там они провели несколько дней.

В детской корзине у Бир была еще маленькая девочка (кувасим²³). Она выбралась из корзины и превратилась в дерево хаям²⁴.

Затем змея с детьми отправилась на запад, в Вурамур. Здесь и сегодня можно увидеть ее след — длинную канаву, которая тянется с востока на запад. Дальше их путь лежал в Ангару, близ Анассаи, и в Майо на левом берегу Кумбе. Здесь они устроились на ночлег. Утром они услышали крик лесного петуха и пошли дальше на север, через Венир, Дадум, Давангу, пока не достигли Коанди. Там они остановились на долгое время.

Здесь миф разделяется на два варианта. Каждый рассказчик предпочитает либо один, либо другой. Редко удается услышать оба вместе — хотя бы потому, что мифы довольно длинны и рассказывать их в один присест не так просто. Один из них повествует о появлении кокосовой пальмы.

10. Яви, кокосовый дема

В Коанди Бир забеременела и родила мальчика по имени Яви²⁵. Змея сгрэбла в большую кучу листьев и положила мальчика на нее. Однажды сюда пришли из Мохи²⁶ две девушки. Их звали Кома и Манимбу. Они вместе со своим отцом по имени Сагит искали пропавшую свинью. Вдруг девушки услышали чей-то крик. Это кричал Яви. Девушки осторожно приблизились и увидели на куче листьев новорожденного мальчика, а рядом с ним — большую змею. Они притаились в лесу и подождали, пока змея не уползет на поиски пищи. Тогда они схватили мальчика, принесли его в Моху и спрятали в хижине.

Змея увидела, что мальчик исчез, и догадалась, что его похитили. Она по следам приползла в Моху. Была ночь, все люди спали. Змея добралась до хижины Манимбу и поняла, что ее мальчик там. Тогда она обвилась вокруг свай и сдавила их так, что хижина зашаталась и рухнула. Люди в ужасе выскочили и разбежались. Но какая-то старуха стала швырять в змею пылающими головнями. Змее пришлось скрыться.

Бир спряталась в болоте близ Тамарау (где находится, видимо, и сейчас). Однажды на болото пришли женщины с сетями, чтобы ловить рыбу. Они не знали, что здесь живет дема-змея. Бир проглотила их одну за другой. Одна беременная женщина спала на берегу. Бир хотела проглотить и ее. Но та застряла у нее в глотке. Пришли мужчины, увидели, что случилось, убили неподвижно лежавшую змею, разрезали ее и извлекли всех проглоченных. Но в живых остался лишь плод, находившийся в теле беременной. Мальчика назвали Бугау. От него ведут свой род бугау-рек, которые живут в Тамарау и относятся к сообществу геб-це²⁷.

А Яви вырос и стал большим красивым мальчиком. Его все любили. Дема Арамеб услышал о Яви и решил похитить мальчика. Он пришел в Имо и спросил, где Яви. Люди сказали ему, что Яви находится в Мохе. Там как раз должен был состояться праздник, во время которого на мальчиков надевают первые украшения.

Мужчины из Мохи были на охоте, а женщины в лесу готовили саго для праздника, когда туда пришел Арамеб. По пути он занимался обменом, доставал ка-

баньи клыки, зубы кенгуру и перья для головных украшений. Он принес также ротановую пальму из мест, отдаленных от побережья, и раковины наutilusа с острова Комолом. Со всеми этими вещами он явился в Моху и обрадовался, никого там не застав. Он быстро слепил из саговой муки похожие на человечков фигурки, выставил их перед деревней и увешал принесенными украшениями²⁸.

Тем временем мужчины, находившиеся в саванне, послали в деревню мальчика принести огня. Они хотели поджечь траву, как это обычно делается во время охоты. Мальчик пришел в деревню и увидел саговые фигурки, выставленные строем и увешанные украшениями. В изумлении он уставился на эти диковины, позабыв и про огонь и про охоту, — все не мог досыта насмотреться.

Напрасно люди в степи ждали, когда мальчик принесет им огонь. Наконец один из мужчин сам отправился в деревню. Но он тоже не вернулся назад. За ним отправился третий, потом четвертый. Так все один за другим они пришли в деревню, и все останавливались перед невиданными фигурками, удивляясь тому, что сделал Арамемб.

Потом с огородов пришли женщины и тоже замерли в удивлении перед украшенными фигурками. Скоро слух о том, что сделал Арамемб, прошел по всем соседним деревням. Отовсюду стали приходить люди подивиться на невиданные украшения. А пока они смотрели на эти диковины, Арамемб похитил Яви и отправился с ним в Имо, где стал воспитывать мальчика.

Когда Яви стал старше, он тайком соблазнил жену Арамемба. Однако Арамемб это вскоре заметил и решил разделаться с Яви. Он отправился в Куркари за колдунами, чтобы они умертвили Яви.

Жители Куркари и сейчас пользуются репутацией колдунов-убийц (камбара-аним). К услугам этих колдунов вообще прибегают в тех случаях, когда пужно наказать жену, изменившую мужу, или ее соблазнителя. Следующий миф довольно точно воспроизводит представления непосвященных о действиях камбара-аним,

11. Как колдуны убили Яви

Из Куркари Арамеб вернулся с пятью колдунами. Их звали Мангазессе, Мангауэру, Уэру, Дойам и Энод²⁹. Они были родом из сапи-це³⁰. Арамеб поведал им, как обидел его Яви, и они сказали ему в ответ:

— Когда Яви опять придет к твоей жене, не мешай ему. Пусть он думает, что ты ничего не знаешь. А нам сразу сообщи.

Колдуны пришли в деревню тайком. Никто не должен был знать об их приходе. Они спрятались в хижине Арамеба и вместе с ним притворились спящими. Пришел Яви, увидел, что Арамеб спит, и позвал женщину с собой в лес. Но Арамеб уже успел предупредить жену. Он сказал ей:

— Если Яви опять позовет тебя в лес, пойди. А потом натрись маслом из разжеванного кокосового ореха и принеси немного этого масла мне.

Вечером жена Арамеба принесла ему скорлупу с кокосовым маслом. Он взял его и отнес колдунам³¹.

Через несколько дней жители Имо отправились на охоту. Арамеб и пятеро колдунов пошли вместе со всеми, чтобы не привлекать к себе внимания. Спустя некоторое время некоторые из них сказали, что поранились. Другие сказали, что они достаточно поохотились. Так поодиночке все пятеро вернулись в деревню и направились в мужской дом.

Яви в это время купался в море. А больше в деревне никого не было. Из мужского дома, где собрались камбара-аним, хорошо было видно море. У каждого колдуна в руках были ветки кротоновой пальмы. Четверо, скорчившись, скакали перед открытой дверью, не упуская из виду Яви. При этом они непрерывно произносили заклинания и потрясали ветками кротоновой пальмы³².

Макан о!
Моно бо!
Нани тоно бо!
Кере бо!
Моно кере бо!
Моно бо!
Ох! ох! ху!

(Непонятные слова)

Арамемб ка нок.	— Я — Арамемб.
Сабиб ахо кахамин!	— Сабиб, приди!
Донгау ахо кахамин!	— Донгау, приди!
Барингау хау кахамин!	— Войди в телесный сок (Körpersaft) Барингау!
Бумис хау кахамин!	— Войди в телесный сок Бу- миса!
Не иссак каронаб!	— Мать посылает тебя туда!
Хаис иссак каронаб!	— Дух мертвых посылает тебя туда!
Ац иссак каронаб!	— Отец посылает тебя туда!
Не иссак каронаб!	— Мать посылает тебя туда!
Карумбу	} (Непонятно)
Каромнасси	
Иваг каромнасси	
Барингау махаи!	
	— Барингау, танцуй!

Пятый колдун, Уэру, в это время стоял у дверей, держа в руках орех мангон³³. Он наполнил орех кокосовым маслом, которым натиралась жена Арамемба, прикрепил к нему длинный шнур и колдовством направил его прямо в Яви. Тот даже не заметил, что в него попал мангон. Уэру потянул за шнур, и Яви очутился в мужском доме. Четверо других мужчин оглушили его³⁴. Яви упал без чувств. Они надрезали ему внутри, под кожей, тело так, что снаружи не видно было никаких повреждений. Затем они опять привели Яви в чувство. Он совершенно не помнил, что с ним произошло, и, ничего не подозревая, опять пошел играть на берег. Но уже к вечеру он почувствовал себя плохо. У него начала болеть голова, он не мог ничего есть. К ночи ему стало совсем худо, а к утру он был уже мертв. Его убили колдуны-камбара.

Арамемб об этом даже не знал. На другое утро он стал разыскивать юношу.

— Где Яви? — спросил он жителей деревни.

— Его умертвили камбара, — отвечали те.

В деревне стали готовиться к похоронам. Арамемб поспешил в лес и принес оттуда целебную траву де³⁵. Он, видно, думал, что Яви еще можно спасти. Ему было жалко, что он так скоро умер.

Но было уже поздно. Люди успели похоронить Яви и запели песню гага³⁶. Тогда Арамемб взял скорлупу с

соком пережеванной целебной травы и вылил его в пасть змее. Змея замерла неподвижно, стала холодной и сбросила кожу. С тех пор змеи не умирают. Если они заболеют или почувствуют себя плохо, они просто сбрасывают с себя кожу³⁷. Успей Арамемб вовремя дать снадобье Яви, тот бы тоже не умер. Тогда люди вообще не умирали бы, а просто сбрасывали бы с себя кожу, как змеи, когда они больны.

12. Как появилась кокосовая пальма

Когда Яви похоронили, вокруг его могилы соорудили изгородь и увешали ее саговыми листьями и бананами. На другое утро, к общему изумлению, из могилы выросла кокосовая пальма³⁸, на которой уже были спелые плоды.

Другие рассказчики повествуют о возникновении кокосовой пальмы несколько иначе.

Когда Яви умер, к Арамембу пришел дема Бевра и попросил дать ему голову Яви, чтобы он мог дать имя своему сыну³⁹. Отрезав голову Яви, Бевра ночью зашел песню гага⁴⁰:

Онгат-а, кимиа, пипиап!

Аби, мери-онгат

И т. д.

Ночью из головы Яви выросла кокосовая пальма. Яви был кокосовым демо⁴¹.

Дерево росло так быстро, что уже в тот же день принесло спелые плоды. Они, в свою очередь, тоже дали ростки, и спустя недолгое время вокруг могилы Яви разросся целый кокосовый лес. Со всех сторон сюда приходили люди посмотреть на чудо. Ведь прежде кокос не был известен.

Тем временем в Имо пришел дема Вокабу, чтобы заплести свои волосы в маленькие косички⁴². Вокабу увидел кокосовый лес, попробовал в первый раз плоды, и они показались ему вкусными. Он выплюнул на ладонь немного разжеванного кокоса, натер им волосы, тело и увидел, что оно стало блестящим. Тогда ему пришло на ум смешать кокосовое масло с красной землей (ава), чтобы раскрашивать и натирать тело⁴³.

Теперь люди приходили отовсюду, чтобы посмотреть на кокосовые пальмы и отведать незнакомых плодов. Приходили даже люди из чужих деревень (икам-аним), прежде всего канум-аним. Каждый взбирался на пальму и срывал столько орехов, сколько мог унести. Пальм становилось все больше и больше, потому что спелые орехи давали ростки чрезвычайно быстро. Скоро из них вырастала большая пальма.

Один человек, зараженный кольчатым червем⁴⁴, по имени Явим, никак не мог набрать столько орехов, сколько ему хотелось. Он все рвал их и рвал и оставался на пальме до тех пор, пока один росток не проткнул его тело. После этого он уже не смог спуститься с дерева.

Другой съел так много орехов, что живот у него совсем раздулся и он больше не мог ходить. Его звали Бикит. Это дема, который и теперь живет в Конейме, близ Венду, и вредит жителям Венду и Бахора, постоянно воруя у них кокосовые орехи.

Еще одному деме, по имени Ибу-Ибу, молодой кокосовый орех (бока) упал в рот. И у него появились ростки из ушей, изо рта. Он превратился в кокосовую пальму⁴⁵.

Многие унесли с собой столько кокосовых орехов, сколько могли захватить, и доверху нагрузили свои лодки. Затем одни отправились, минуя Биан, на восток, другие — на запад, в Окабу. Вскоре, однако, люди заметили, что набрали слишком много и что им не донести столько орехов. Некоторые орехи попадали на землю. Другие люди выбросили сами. Таким образом орехи распространились повсюду. Вдоль всего побережья тянутся теперь сплошные пальмовые рощи.

Так Яви (или Барингау, что является его собственным именем) стал демой кокоса. Барингау — это также настоящее имя (ягиц-ха) для кокосовой пальмы, или имя ее демы (дема-ягиц), поскольку все кокосовые пальмы происходят от Барингау⁴⁶. Обычно эти имена держат, однако, в строгой тайне. Барингау обозначает также нижний утолщенный конец ствола кокосовой пальмы, где находится ее душа (ви), или душа кокосового демы, который сам представляет собой кокосовую пальму необычайных размеров.

13. Змея Бир (продолжение)

Итак, змея Бир с сыновьями добралась до Коанди. Там Бир повесила корзину со своими детьми на дерево.

Ночью к дереву подошел дема по имени Кейпхер⁴⁷. Он искал в лесу кору, нужную ему для жевания бетеля. Кейпхер увидел на дереве корзину с детьми. Когда мальчики проснулись, он спросил их, что они собрались делать.

— Мы хотели бы взобраться на кокосовую пальму,— сказали мальчики.— Но мы не знаем, как это делается.

Самый старший из них пробовал вскарабкаться на пальму, но не сумел. Он пытался лезть по стволу ногами вверх, а головой вниз. Кейпхер научил мальчиков, как взбираться на пальму. Прежде всего он объяснил, что надо сделать петлю из травы или из лиан, которую обвивают вокруг ног. Потом он показал им, как обхватывают ствол ногами и лезут по нему вверх. Дема также научил мальчиков, как срывать орехи; их надо откручивать, а не просто тянуть, как это пытались сделать мальчики. Затем разговор зашел о том, как следует открывать орехи. Мальчики хотели сразу их раскусывать.

— Из дерева приб, мамбар или мукатам,— объяснил Кейпхер,— надо сначала сделать приспособление, с помощью которого очищают орехи от кожуры.

Всем этим подробностям научил мальчиков Кейпхер. Ведь они до этого никогда не видели ни кокосовых пальм, ни кокосовых орехов. Мальчики наелись и напились. А потом Кейпхер вернулся в Кираву, к себе домой.

Бир провела с мальчиками еще одну ночь в Коанди, затем отправилась дальше⁴⁸. А следующей ночью к ним опять пришел дема Кейпхер. Он повесил корзину с детьми на высокое дерево и убежал. Утром Бир долго не могла найти корзину. Наконец она увидела, что корзина висит на высоком дереве. Она забралась на него и помогла мальчикам одному за другим спуститься вниз. Лишь один из них, самый младший мальчик по имени Вируб, не сумел слезть. Тогда мать дала ему перья, чтобы он сделал себе крылья и слетел на них вниз. Вируб

прикрепил эти перья к рукам и превратился в птицу кевекаве⁴⁹.

— Спускайся вниз! — звала его мать. Но Вируб отстался на дереве.

— Кве! Кве! Ац кве! Ап кве! — кричала птица сверху и не желала спускаться. Это значит: «Отец кве! Мать кве!»

Тогда змея с остальными детьми отправилась дальше, в Сангир и Бадам. Там один из мальчиков превратился в банан йорим⁵⁰. Дальше их путь лежал в Гавурмирав, к месту, называемому Майо. Там они провели несколько дней. Мальчики ловили в болотах рыбу. Когда рыбу испекли, два мальчика (их звали Намера и Тапера) захотели всю ее забрать себе. Они закидали братьев горящими головнями, а сами взобрались на дерево и превратились в звезды Пуно (Плеяды)⁵¹.

В другой раз, когда мальчики опять играли на болоте и ловили рыбу, туда явилась старуха с большими, страшными зубами. Она подошла к детям и сказала, что ищет своего мужа Хони. Мальчики уселись на берегу. Они испекли рыбу и пошли купаться. Пока они плескались в воде, с другой стороны болота явился дема Хони. Он под водой подплыл к берегу, где на угольях еще лежала рыба, быстро сожрал все, а потом также под водой уплыл обратно. Мальчики ничего не заметили. Только один из них, зараженный кольчатым червем, видел все и рассказал остальным. Мальчики схватили деревянные дубинки и поколотили Хони, так что он с воем убежал. Потом они опять наловили рыбы и положили ее на уголья.

Но Хони опять дождался, пока мальчики пойдут купаться, и утащил рыбу. Мальчик, зараженный кольчатым червем, увидел его и на этот раз и опять все рассказал товарищам. Когда Хони, ничего не подозревая, вынырнул из воды, мальчики забили его насмерть. А старуху заперли в хижине и хижину подожгли.

Потом они пошли в Ахив-це-мирав. Там находилось множество термитников. Мальчики стали метать в красные холмики травяные стрелы так, чтобы они в них вонзались⁵². Вдруг им послышалось, будто в термитнике кто-то кричит. Это был саговый дема. Он находился в земляной куче⁵³. К этой куче пришла старуха по имени Раром с маленькой девочкой Алиссан. Она хотела

достать оттуда саго. Но мальчики, услышав из кучи крик, до основания ее разрушили. Внезапно оттуда выскочил саговый дема и быстро убежал. Паром очень рассердилась, схватила палку и набросилась на мальчиков. Им пришлось бежать.

Они добрались до Димау (между верховьями Биана и Бураки). Там они забрались в дупло дерева и в нем переночевали. Утром девочки из ближней деревни пошли в лес собирать хворост. Они приблизились к дуплистому дереву и услышали внутри гудение. Они подумали, что там в стволе пчелы. Одна маленькая девочка поспешила в деревню за каменным топором. Но когда они раскололи дерево, надеясь найти там мед, из ствола, к их изумлению, выскочили мальчики, которые в страхе побежали прочь. Однако девочки их поймали. Каждая схватила по мальчику и повела в деревню.

Люди в это время были заняты на огородах. Девочки спрятали мальчиков в хижине и дали им поесть. Вернулись с огородов жители деревни. Они разожгли огонь и стали готовить кушанье из саго. Но когда женщины захотели войти в хижину, где находились мальчики, девочки закричали:

— Не входите сюда! Здесь черная собака, она кусается!

Однако все стали рваться в хижину, чтобы посмотреть, кто там. Пришлось девочкам уступить. Из хижины вышли мальчики. Жители деревни очень удивились. У них в деревне было как раз ровно столько же незамужних девушек. Каждая выбрала себе на будущее в мужья одного из мальчиков.

Лишь одна маленькая девочка, зараженная кольчатым червем, осталась без мальчика. Но потом она внимательнее посмотрела под лавкой, нашла там еще одного малыша и вытащила его.

Через несколько лет все поженились. Самая старшая девушка забеременела первой и родила мальчика. Он быстро вырос и стал бойким подростком, который любил забавляться с луком. Однажды, играючи, он выстрелил в ящерицу, но нечаянно попал стрелой в ногу одной старой женщине. Та решила, что это он нарочно, и обругала его. Мальчик с плачем побежал к матери. Больше он в деревне с луком не играл, но придумал одну проделку, чтобы отомстить старухе.

Однажды мальчик сказал матери и теткам:

— Пойдите сегодня на болото, наловите рыбы. Пусть у нас вечером будет рыба.

Женщины пошли на болото. В деревне остались только отец и дядя мальчика. Тогда он отправился в лес, вырезал из дерева большие птичьи клювы необычной формы — такие клювы бывают у птицы хаивуи⁵⁴, — а затем смастерил различные украшения из перьев. Со всем этим он вернулся в деревню и дал своему отцу и другим мужчинам по клюву, а также украшения из перьев. Украшения они приделали к рукам, как крылья, а клювы привязали к носам.

— Пойдемте учиться летать! — сказал мальчик и повел их в лес.

А в лесу он еще прежде соорудил высокий помост из стволов пальмы гонгаи. Все взобрались на помост и попробовали слететь вниз. Сначала они летали с небольшой высоты, потом стали забираться все выше и выше и наконец научились летать. Они превратились в настоящих птиц хаивуи.

Когда вечером вернулись с рыбной ловли женщины, они увидели, что все мужчины исчезли. Напрасно искали они их по всей деревне. Но когда женщины пошли в лес, они увидели там высокий помост. На земле еще лежало несколько перьев и клювов птиц хаивуи. Стая птиц пролетела над ними. И тогда они поняли, что это мужчины, превратившиеся в птиц.

— Мы тоже хотим стать птицами! — сказали женщины и начали вырезать из дерева клювы и готовить украшения из перьев. Но получилось это у них не так хорошо, как у мужчин. Поэтому у самцов-хаивуи оперение красивее, чем у самок. Затем они надели на себя украшения и стали учиться летать, пока тоже не превратились в птиц. Только одна беременная женщина никак не могла научиться летать, потому что была слишком тяжела. Тогда она смастерила себе маленький клюв, потом тоже научилась летать и превратилась в райскую птицу цакир.

Так появились птица хаивуи и райская птица. От людей, превратившихся в хаивуи, произошли димаи, живущие в Дигуле. Их жилища на деревьях напоминают об их предках.

14. Ягривар, змеиный дема

Дему змеи короам звали Ягривар. Долгое время он жил в Илабе, близ Домандэ, где и сейчас еще можно видеть его следы. Он умел превращаться то в змею, то в юношу-миакима.

Однажды в Мебе, близ Домандэ, Ягривар увидел девушку. Она шла за водой в саговую рощу. Ягривар быстро превратился в богато разукрашенного юношу и спрятался в зарослях. Он незаметно приблизился к девушке. Когда она наклонилась набрать воды, дема схватила ее и утащила в заросли.

Жители Домандэ увидели, что девушка пропала, и начали ее повсюду искать. Наконец в зарослях они нашли Ягривара с девушкой. Ягривар поскорее превратился опять в змею и хотел уползти. Но люди успели ударить змею палкой и убили ее. Однако душа Ягривара давно убежала. Ведь Ягривар был дема, и, значит, его душа бессмертна. Змеиный хвост он тоже успел прихватить с собой и сделал из него рукоятку для своей палицы.

Ягривар отправился на запад, в сторону реки Биан, к месту, которое в честь него получило название Ягривар-эпе-атин, что значит «здесь отдыхал Ягривар». Переправившись через Биан, он пошел дальше, в Окабу и в Макалин. Там есть место, которое в честь него получило название Ягривар-авахес. Дальше Ягривар направился в Эгеви, к яба-аним. Яба-аним устроили праздник, и Ягривар женился на одной из их девушек.

Однажды, когда они с женой пошли на огород, девушка увидела, как Ягривар превратился в змею и хвостом стал взрыхлять землю. Так ему было быстрее и проще. Девушка побежала в деревню и сказала всем:

— Юноша, за которого я вышла замуж,— дема. Он умеет превращаться в змею.

Ягривар увидел, что люди догадались, кто он такой, и ушел от них дальше, к проливу Мури. Там он встретил Колелейма, дему-наутилуса. Колелейм был весь покрыт раковинами наутилуса.

— Я хочу устроить праздник,— сказал он Ягривару.— Придешь ко мне на Комолом?

Ягривар согласился. Но у них не было лодки, чтобы переправиться через Мури.

— Не беспокойся, я сделаю лодку,— сказал Колелейм. Он вытянулся в длину, так что в теле его при этом образовалось углубление, и превратился в лодку. Ягривар сел в нее и поехал на Комолом, в деревню Колелейма.

На праздник пришло много людей. А ночью, когда они всю веселились, пели и танцевали, Ягривар опять обратился в змею и приполз в деревню. Он несколько раз обвился кольцом вокруг деревни и раздавил в ней все хижины и всех людей. На месте этой деревни и сейчас еще можно увидеть большое округлое болото, где поныне живет Ягривар.

Этот миф часто рассказывают и немного по-другому.

Ягривар пришел в Домандэ и жил там долгое время. В Домандэ он похитил одну девушку, которая пришла в лес за водой, и унес ее к проливу Мури. На берегу он встретил Колелейма, дему-наутилуса, и попросил у него лодку, чтобы переправиться через Мури. Но Колелейму захотелось взять девушку себе. Когда они отплыли от берега и находились уже посредине Мури, на берег пришли жители Домандэ. Они хотели вернуть пропавшую девушку. На другом берегу тоже дожидалась толпа людей. Они хотели, чтобы девушка осталась у них.

Ягривару стало не по себе. Что делать? В это время Колелейм стал уменьшать и уменьшать размеры своей лодки. Наконец Ягривару пришлось прыгнуть в воду. Он вплавь добрался до острова Комолом и там спасся от погони. А Колелейм исчез с девушкой в глубине моря.

Концовка этого мифа, повествующая о том, как стала уменьшаться лодка демы-наутилуса, связана, видимо, с устройством камер раковины наутилуса, которые внутри становятся все меньше и меньше.

В Домандэ Ягривар оставил потомство, в том числе трех мальчиков, которых звали Део, Нео и Бален. От них произошли ягривар-рек. Кроме этих мест ягривар-рек живут также в Сангасе, Алатепе и разрозненно в других селениях. Они состоят в близком родстве с уаба-рек и, подобно им, тоже причисляют себя к боану кокоса (онгат-ха). Но некоторые считают, что ягривар-рек принадлежат к особой группе — к боану змеи короам.

15. Мана

Мана также связан родством с тотемным сообществом геб-це. Но, очевидно, это родство носит исключительно тотемно-мифологический характер, что видно из следующего рассказа, напоминающего лунный миф.

У Маны была сестра по имени Сарипа, с которой он жил как с женой. Они жили в Комане, близ Сарора. У Сарипы были раны на ступнях и язвы на ногах, поэтому она не могла готовить саго. Она оставалась в хижине. А Мана шатался по окрестностям, ночью срубал саговые пальмы жителей Сарора и воровал саго.

Наконец один мужчина из Сарора, по имени Бурба, заметил, что кто-то по ночам крадет саго, и решил выследить вора. Сарипа узнала об этом и сказала Мане:

— Поскорее убегай. Тебя хотят подстеречь и убить.

Выследить Ману взялись четверо мужчин из Сарора. Звали их Дано́йа-циб, Умаи, Кеви-да и Яба-пуки. Они пришли к месту, где Мана обычно воровал саго. Среди срубленных пальм они увидели сердцевину саго (мам). Сваи белых какаду клевали его. Но Маны там не было. Мужчины вернулись в деревню и стали его поджидать. Однако Мана той же ночью бежал. Минуя Сука-боб, Цамбук, Багор, Канамин, он направился дальше, в Венир. На рассвете он встретил двух жителей Ятомба, Сакираи и Акару, которые охотились за свиньями.

— Куда идешь, Мана? — спросили они его.

— Я иду в Дарир, — ответил Мана и как ни в чем не бывало пошел своей дорогой.

Вскоре Мане встретилась девушка. Ее звали Маминд. Она ходила на болото ловить рыбу. Мана был голоден. Он подозвал девушку и потребовал у нее рыбы. Но у него были и другие намерения. Он дал девушке знак, чтобы она пошла с ним в заросли. Однако он не заметил, что поодаль шел муж Маминд. Когда тот к нему подошел, Мана сразу заговорил по-другому.

— Куда идешь, приятель? — спросил он как ни в чем не бывало. А сам только дожидался удобного момента и ударил соперника по голове дубинкой. Потом он овладел Маминд, вот почему это место стало называться Маминд киссар, то есть Маминд, сочетавшаяся браком.

Вместе с Маминд Мана направился в Сираку. Оттуда через Маро и Савери (близ Сепадима) он добрался до Тарира, где убил Монгумера, арекового дему⁵⁵. Позднее Мана дошел до Сенайо, где у него родилось потомство, и наконец обосновался в Цеве (близ Кумбе), где тоже произвел потомство и где живет и поныне.

16. Как появилась жемчужница

Жители Сарора безуспешно искали Ману, похитителя саго, чтобы убить его. Но Маны уже и след простыл. Поэтому жители Сарора решили отомстить его сестре Сарипе. Ее увели в лес, и там ее изнасиловали много мужчин. Ночью ей удалось бежать. Она тоже решила отправиться в Сенайо, где надеялась встретить Ману. Но ее ступни еще не зажили. К тому же ночь была темная, безлунная, и Сарипа угодила в болото Тавакер (близ Но-отива). Из него она уже так и не смогла выбраться. Она превратилась там в жемчужницу (купер-сав). В болоте Сарипа родила двух девочек, которые стали птицами (демами). Это птицы обаб и катар-биру. Они и теперь обитают на болоте Тавакер.

Болото Тавакер расположено отчасти в местности, населенной племенем купер. «Настоящего имени», «имени демы» жемчужницы, Сарипы, здесь никто не вправе произносить. Это место окружено почтением, поскольку дема (Сарипа), которая продолжает жить в болоте, вызывает страх. Миф объясняет также обилие здесь птиц (обаб и катар-биру). Эти птицы связаны тотемным родством с кланом мана-рек, который населяет как раз места, где происходит действие этого мифа, т. е. Сарор и Но-отив; некоторые живут также в Купер-мирав. Впрочем, племя купер прежде, очевидно, обитало на побережье и лишь сравнительно недавно продвинулось в глубь острова.

Жемчужница сходна по блеску и форме с луной. Они и возникли сходным образом. Возможно, по этой причине мана-рек считает себя находящимися в близком тотемном родстве с геце. Они причисляют себя также к боану банана напет.

Родство жемчужницы с луной подчеркивается и тем, что ее раковине часто придают форму полумесяца и вешают в качестве нагрудного украшения. Это украшение называется гана. Любопытно, что носят его только старые мужчины, самб-аним, которые обычно обходятся без украшений; это их привилегия. Возможно, это обстоятельство тоже как-то связано с мифом. Может быть, молодые люди испытывают страх перед жемчужной раковиной, потому что боятся демы жемчужницы, живущей в болоте Тавакер. Во всяком случае, в те места стараются не ходить.

МИФЫ ТОТЕМНОГО СООБЩЕСТВА КАПРИМ-САМИ

17. Как возник огонь

Начало этого мифа также неясно. Но оно согласуется с другими мифами и может быть дополнено по аналогии.

В Майо близ Йормакана состоялся праздник Майо. Среди посвященных (метоар-аним) был Уаба, который привел для предстоящих обрядов девушку. Однако ей удалось убежать, так что праздник сорвался.

Звали девушку Уалиуамб¹. Она убежала в Мопу, близ Гелиба, и там занялась приготовлением саго².

Уаба, узнав, что девушка убежала, кинулся за ней в погоню. Он пришел в Сангасе и спросил тамошних жителей, не видели ли они Уалиуамб.

— Она в Мофе, близ Гелиба,— ответили жители Сангасе.

Уаба отправился в Мопу и там опять спросил у людей:

— Где Уалиуамб?

— Она в саговой роще, добывает саговую муку,— отвечали те.

Вечером Уалиуамб принесла саго в деревню и вошла в хижину. А Уаба до темноты спрятался. Когда же стемнело, он незаметно проник в хижину к Уалиуамб.

На другое утро стонущего Уабу нашли в объятиях Уалиуамб. Он никак не мог из них освободиться. Дема Ругарунг-хевааи³ поспешил в Кондо и сообщил людям, что случилось с Уабой. Несколько человек тотчас отправились за ним в Мопу. Они сделали носилки из бамбука и положили на них Уабу с Уалиуамб. Их накрыли циновкой и понесли назад в Кондо. Впереди бежал Ругарунг-хевааи. Он смеялся и издевался над злоключением Уабы и махал кротоновой веткой⁴.

Они пришли к реке Бураке, где им надо было переправиться на другой берег. Здесь остановились на ночлег.

— Скоро мы доберемся до Сендара? — спросил Уаба.

— До Сендара еще далеко, — отвечали демы.

Дошли до реки Биан, и опять Уаба спросил:

— Скоро мы будем в Сендаре?

И опять мужчины, которые несли их, отвечали:

— До Сендара еще далеко.

Так повторялось у каждой реки, через которую надо было переправляться. От реки Кумбе они пошли к Сирапу, оттуда — в Браву, Кая-каи, Сивасив, Тамарау и наконец достигли Сендара. Уабу с Уалиуамб внесли в хижину и положили на спальный настил. Обоих укутали в циновку, в изголовье положили полено, чтобы им было удобнее лежать. А перед хижинной посадили кро-
тоновый куст ⁵.

Тем временем в Имо пришел из Майо близ Йормака-на дема Арамемб. Он хотел принять участие в празднике Майо и долго ждал, пока вернется Уаба. А потом он решил, что Уаба с убежавшей девушкой вернулся в Имо.

— Не видели Уабы? — спросил он жителей Имо.

— Уаба в Сендаре, — отвечали те.

Арамемб взял саго, взял бананы и пошел в Сендар. Придя в Сендар, он явился в хижину, где, покрытый циновкой, все еще лежал в объятиях девушки Уаба.

Арамемб схватил Уабу и начал трясти, вертеть его так и сяк, чтобы освободить из такого положения. Вдруг появился дым, а затем показалось пламя, возникшее из-за трения ⁶. В тот же миг Уалиуамб родила казуара (кеи) и гигантского аиста (уар) ⁷. Из дымной сажи возникли черные перья казуара и уара. К тому же уару обожгло ноги, а казуару — часть шеи, вот отчего они стали красными.

В деревне никто не знал, что случилось. Вдруг раздался крики: «Огонь, огонь!» Поднялся переполох. Но никто не мог понять, где огонь, пока не увидели, что горит хижина Уабы. Огонь распространялся быстро, потому что было сухое время и все пересохло. Он попал людям на головы и опалил им волосы. Вот почему среди потомков этого дема до сих пор много лысых.

Восточный ветер понес огонь вдоль побережья. Он выжег здесь все. Так возникла широкая безлесная кромка побережья, которая и поныне тянется непрерыв-

ной полосой вдоль моря. Все звери, жившие на берегу, обожглись и поскорее уползли в воду. Поэтому крабы стали красными и до сих пор краснеют от огня, а моллюски издают шипящий звук, какой бывает, когда в огонь попадает вода. Местами огонь уходил от побережья вглубь, и там также возникли длинные безлесные долины. Позднее они заполнились водой — это нынешние русла рек.

Во многих местах близ Бравы, Сезама, Ворамора (у реки Кумбе), Онгари, Сангассе, Гино-мирава, Мо в земле находят уголь — остатки былых пожаров. Маринд объясняют эти находки мифическим пожаром на побережье.

Возникновение огня из акта совокупления привело к созданию тайного союза. Демы из Кондо, как повествует миф, с тех пор больше не ходили на церемонии Майо, у них было теперь кое-что другое, получше. У них был огонь, и они умели его разжигать. У них был теперь дема огня, который при надобности снабжал их огнем.

В Сендаре же Уаба убил дему Ругарунг-хевааи. Его кости и поныне находятся там, а вокруг них из ветвей, которые он принес, разрослись кротоновые рощи.

18. Дави

Из Майо близ Йормакана пришел дема Дави с большой палицей и попытался потушить огонь. Но ему это не удавалось. Он отбивал своей палицей выступающие участки побережья, отделяя их от остальной суши. Так возникло множество островов. Ведь прежде береговая линия не была такой ровной, как теперь, на ней были выступы и заливы.

Таким образом именно в то время возникли все острова: и острова по ту сторону Тораси, такие, как Саибаи, Дару, Бирмбу, и острова Хабе, Комолом, Бумбель и другие; и земли по-аним⁸, Сурабайя, Макассер и Амбо⁹ были когда-то соединены с нашей землей. Дави их отделил, и они уплыли далеко в море. Остров Хабе тоже находился раньше в другом месте, в устье реки Маро. Оттуда он в давние времена приплыл на запад. На нем обитает дема-ротан.

19. Остров Хабе и дема-ротан

С островом Хабе, что расположен против деревни Велаб, связаны многие мифы. И это не удивительно для столь своеобразного явления природы. Ничего подобного нет на всем побережье. Могучие каменные утесы вздымаются среди весьма мелкого в этих местах моря. Со всех сторон они круто обрываются к морю. Лишь со стороны, обращенной к побережью, есть небольшая песчаная отмель, которая с течением времени перемещается под периодическим воздействием муссонов и морских течений. Недаром мариинд верят, будто остров плывет по воде, а держит его дема — огромный дема-варап, который схватил его своей пастью. Об этом повествует следующий рассказ.

В очень давние времена Дави отделил остров Хабе от остальной суши. Это произошло близ устья реки Флай. Оттуда остров поплыл на запад. На нем находился дема-ротан по имени Герау. Люди на берегу видели, что остров медленно плывет на запад. Но близ деревни Багид, что находится около Бирока, он вдруг остановился. Это дема-ротан схватил его и не пускал дальше.

Тогда люди решили вытащить дему-ротана и освободить Хабе. Собралось много народу. Все вместе уперлись в Хабе, но столкнуть остров им не удалось. Часть людей отправилась в верховья Бурака, к даух-це-аним¹⁰, просить у них помощи и совета, как справиться с дему-ротаном.

Оттуда пришли на берег демы Вайба и Умбри, сыновья Дику. Они попробовали вместе со всеми столкнуть остров. Но Хабе не двигался с места. Два других демы, Коменго и Гархоби, сделали из обожженной глины круглые палицы (купа), чтобы ими колотить дему-ротана. От них ведут свое начало все круглые палицы, которыми мы теперь пользуемся. Но как ни колотили дему-ротана этими палицами Коменго и Гархоби, толку все равно было мало.

Тогда дема Умбри решил попробовать колдовство (ведь даух-це-аним умеют колдовать). Он произнес несколько заклинаний. Это подействовало. Дема-ротан оказался в руках Умбри, и Хабе поплыл дальше в сторону Уамби. Там его схватил дема-варап по имени Упикак, который держит его и поныне.

А вокруг Умбри столпились все люди, которым захотелось иметь ротан¹¹. Умбри, Вайба и его друзья ухватились за один конец ротана, а Коменго и Гархоби

со своими друзьями — за другой. Наконец ротан лопнул. Умбри и Вайбе досталась верхняя его часть с листьями. Они увезли ее по реке Кумбе в Опеко, а оттуда дальше, в местность под названием Оба. Там дема-ротан живет и поныне со своими женами Зенгой, Зенгой-зенгой и Гугу-масав. Умбри и Вайба намазали листья и кору ротана спермой, чтобы это новое и ценное растение хорошо размножалось. В окрестностях Обы растет теперь много ротана.

Сам Умбри поселился в деревне Яруа, близ Бирока. Здесь теперь живут его потомки. А Вайба остался в верховьях реки Кумбе, где стал обменивать ротан у жителей побережья.

— Вы мне давайте наutilusов и раковины сахо,— сказал он,— а я вам за это дам свой ротан.

Так началась торговля ротаном¹².

С острова Хабе, так рассказывает миф, пришел и дема-кенгуру. Он нечаянно зацепился за ротан, и дема долго его не отпускал. Но когда дема-ротан отпустил остров, кенгуру тоже освободился и прыгнул на побережье. А когда остров Хабе достиг Уамби, на побережье прыгнула и свинья по имени Сапи. Поскольку дема-свинья и дема-кенгуру явились с острова Хабе, они находятся в близких отношениях и со всем тотемным сообществом, которое связано с этим островом.

20. Упикак, дема-варан

В ту пору, когда Хабе остановился недалеко от Уамби, жители этой деревни стали ходить на остров, чтобы охотиться на птиц мовира¹³, вивших там гнезда, и собирать птичьи яйца.

Однажды на остров пришла за птицами девушка по имени Упикак со своими отцом и матерью. Она быстро вскарабкалась на кокосовую пальму. Ей удалось убить палкой одну птицу, а птенцов выбросить из гнезда. Но тут подул сильный ветер. Он стал раскачивать пальму во все стороны и даже срывал листья. Упикак крепко уцепилась за ствол, чтобы не упасть.

— Отец, мать, помогите мне спуститься! — кричала она с дерева. Но из-за сильного ветра они ее не услышали и уплыли в Уамби одни.

Долго сидела Упикак на пальме и наконец превратилась в варана¹⁴. Так она осталась одна на острове

Хабе и уже не смогла вернуться домой. Она еще долго кричала, оборотясь к морю,— напрасно. Никто ее не слышал. Тогда Упикак построила себе на Хабе жилище. А чтобы защититься от прибоя, она набрала камней и нагромоздила их друг на друга. Затем она стала носить камни в море, чтобы построить дамбу до самого побережья.

В ту пору в Уамби находился дема Арамемб. Он ловил в здешних местах рыбу. Вдруг он услышал со стороны моря крик. Арамемб посмотрел на Хабе и увидел, что кто-то строит там дамбу к побережью.

Тогда он тоже начал сооружать дамбу из больших клубней ямса¹⁵. Уже через несколько дней он продвинулся в море настолько, что обе дамбы сомкнулись¹⁶. Арамемб привел Упикак на побережье. Там они поженились. «И Упикак,— так завершил свое повествование рассказчик,— родила Саманимба, дему-кенгуру».

Другой миф сообщает, что Упикак откусила Хабе от побережья и зажала его между челюстями. Этот образ связан с видом круто обрывающихся к морю утесов: кажется, будто остров схвачен пастью зверя. На северной стороне острова есть песчаная отмель, которую перемещают муссоны. Маринд объясняют это тем, что остров поворачивается на плаву, потому что удержать его совсем неподвижно дема-варап не в силах.

21. Харау

Харау приплыла по реке Биан от деревни Оан. Она плыла вниз по реке на травяной кочке, а когда ее прибывало к берегу, отталкивалась от него длинной палкой. Так она достигла устья реки Биан и поплыла дальше, в Домандэ. Близ деревни Далимб она пристала к берегу. В этом месте и сейчас растет береговая трава им. Она разрослась из травяной кочки, на которой приплыла Харау.

В это время дети из Домандэ искали на берегу моллюсков. Вдруг они услышали чей-то свист и увидели приставшую к берегу кочку. Они приблизились к ней и увидели, что в траве сидит безобразная женщина, зараженная кольчатým червем. Дети поскорее побежали в деревню и сказали людям:

— Идите на берег, там в траве сидит старуха (месиваг).

Люди побежали на берег, увидели Харау и привели ее в деревню. Все стали смеяться над ней, потому что она была безобразна. Кожа ее была вся в морщинах и заражена кольчатым червем.

В Домандэ был праздник. На праздник пришел неженатый мужчина по имени Ванэ.

— Что, Ванэ,— сказали ему люди,— не хочешь ли взять в жены Харау?

Но Ванэ не захотел жениться на Харау. Она показала ему слишком старой и безобразной. Он вплет себе в волосы лубяные косицы и ушел в Аурим-дову, а оттуда на другой день в Онгари, потом в Каибур и наконец в Сирапу.

Тем временем в Домандэ пришел и Бебукла. Он познакомился с Харау. Она ему понравилась, и он решил взять ее в жены. Он надел украшения, вплет в волосы лубяные косицы и раскрасил себе лицо. Но Харау не понравился Бебукла. Он показался ей слишком старым. В Мохе она уже успела познакомиться с красивым юношей по имени Эльме, из маху-це¹⁷. Она захотела выйти замуж за него.

Бебукла узнал об этом и очень рассердился. Как только представился случай, он выстрелил Харау в бедро и решил ее похитить. Некоторое время спустя он ушел на охоту, а его мать Алиссан пошла в саговую рощу за водой. Харау взяла палку с развилкой и, когда Алиссан наклонилась, чтобы зачерпнуть воды, захватила этой развилкой ей шею и столкнула головой в болото. Из длинных волос Алиссан появились различные водоросли, которыми и поныне полно болото¹⁸.

Так Харау отомстила Бебукле. После этого она убежала в Моху, надеясь там найти Эльме и выйти за него замуж. Но Эльме в ту пору ушел в Сенайо.

Тем временем услышал о Харау Вокабу и позвал ее к себе в Комбиру (деревня близ Домандэ), чтобы она готовила ему саго. Она была тогда единственной женщиной, которая это умела¹⁹.

Из Комбиры Харау ушла в Маро, потом отправилась в Сенайо. Когда она пришла в Сенайо, все мужчины были на охоте, а женщины собирались ловить рыбу на болоте. К Харау подошла сестра Эльме и спросила, не поможет ли она им ловить рыбу. Харау взяла сеть, пошла на болото и пробыла в воде долгое время.

Когда Харау вышла из воды, она совсем переменялась. Ее кожа стала гладкой, кольчатый червь исчез. Да это и не был кольчатый червь. Просто от долгого выколачивания саго ее тело покрылось саговой мукой (мам). Вот почему у нее был такой ужасный вид, будто она заражена кольчатым червем.

Сестра Эльме развела костер, чтобы Харау могла согреться после долгого пребывания в воде. Потом они вместе вернулись в деревню, и Харау стала себя украшать. Прежде всего она умаслилась жеваным кокосом и раскрасилась красной краской ава. Затем она вплела в волосы лубяные косицы и надела на себя все украшения, которые принесла с собой.

Вечером вернулись с охоты мужчины. Эльме даже не узнал Харау, так она изменилась, а Ванэ в душе досадовал, что в свое время не женился на Харау. Все мужчины собрались вокруг Харау и любовались ею. Эльме сразу хотел сделать ее своей женой, но другие оттеснили его в сторону. Харау увели за деревню, уложили ее на эвкалиптовое лыко, и все мужчины наслаждались с нею до утра²⁰.

На другое утро Харау опять парядилась. Она придумала на этот раз новые украшения для волос. Вечером опять собрались мужчины, некоторые пришли из соседних деревень, другие приплыли на лодках издалека, из Таяма и Сермаяма, потому что даже там слышались о Харау. Ночью все опять повторилось. А Эльме, который хотел взять в жены Харау, сумел подойти к ней лишь последним.

А прежде чем наступило утро, Харау исчезла в земле. Дема Харау еще и поныне живет в яме близ Сенайо.

22. Угу

Когда Харау исчезла в земле, Эльме взял эвкалиптовый луб, на котором она лежала, вместе со спермой, свернул его и отнес в мужской дом. На другое утро, проснувшись, он услышал крик ребенка. Эльме пошел посмотреть, кто это кричит, и нашел в лубяном свертке маленького мальчика. Это был сын Харау. Эльме назвал его Угу.

Женщины положили мальчика в детскую корзину и взяли его на воспитание. Угу быстро рос и скоро стал

веселым сильным юношей. Повзрослев, он оказался гораздо на всяческие проделки, обижал стариков и бил товарищей.

Вскоре выяснилось, что Угу способен делать вещи, о которых прежде никто не слыхивал. Это было попросту колдовство. Угу оказался колдуном (месав). Он первым научился колдовству. До него никто не имел про это понятия. Так что всякое колдовство берет начало от Угу.

Еще мальчиком Угу выделял разные штуки, каких никто, кроме него, не умел. Когда он, например, со своим отцом шел на охоту, он обходился без всякого оружия. Он просто забирался на высокое дерево и оттуда при помощи колдовства убивал подряд всех кенгуру и диких кабанов, каких только видел. А потом мазал стрелы кровью, чтобы люди думали, будто он убил зверей из лука.

Он вытворял и много чего другого. Никто с ним не мог справиться. Например, Угу мог, как крокодил, очень долго оставаться под водой. Его большие зубы наводили на всех страх. Жители Сенайо не раз пытались убить Угу, но он всякий раз прыгал в воду и уходил от них. Однажды мужчины очередной раз попытались схватить Угу, и он опять прыгнул в воду. Но все, разделившись, стали поджидать на обоих берегах реки, пока он вынырнет. И вот через некоторое время над водой показалась голова Угу. В тот же миг мужчины стали кидать в него поленьями. Угу завопил и исчез под водой. Он поплыл к морю, в сторону Алаки.

А несколько его больших зубов оказались выбиты. Их и поныне находят иногда в Сирару, близ Сенайо. Это зубы демы (гомар-дема)²¹.

Итак, Угу добрался до Дабогама, близ деревни Алаку. Там он тоже принялся пугать людей. Однажды он играл на берегу с мальчиками из Алаки.

— Давай-те посмотрим, кто дольше всех сможет пробыть под водой, — сказал им Угу.

Первыми попробовали нырять мальчики. Они стали считать на пальцах, кто сколько сумел продержаться под водой. Но все выныривали, прежде чем удавалось пересчитать пальцы на руках. Наконец очередь дошла до Угу. Мальчики стали считать, дожидаясь, пока он вынырнет. Они пересчитали пальцы на руках и ногах

у всех присутствующих, а Угу все оставался под водой. Прошло много-много времени, пока он показался вдали.

Мальчииков это очень испугало. Но Угу их успокоил. Он позвал одного из мальчииков нырнуть под воду вместе с ним. Кожа Угу обладала необычайной способностью растягиваться. Она могла раскрываться на животе и закрываться опять. Туда могло забраться сразу много людей. Мальчик, который решил нырнуть вместе с Угу, забрался в его живот, и они проплавали под водой очень долго.

Изумленно смотрели на все это мальчиики из Алаку. Ничего подобного они не видели. Они напряженно ждали, пока Угу снова вынырнет и выпустит их товарища. Но еще больше они удивились, когда Угу предложил им всем забраться к нему под кожу. Их было двадцать, и все они там поместились — так невероятно растягивалась его кожа. А потом Угу опять закрыл ее и вместе со всеми двадцатью нырнул в море.

Люди из Алаку узнали о чудесном искусстве Угу. Когда он опять стал играть на берегу с мальчииками и нырять с ними в море, а потом начал показывать еще и новые необычные проделки, люди решили его убить.

— Как бы нам устроить ему ловушку? — стали они советоваться.

В это время в деревню как раз пришел дема по имени Аниб, или Монгоманг-анем, весьма искусный в метании копья.

— Я своим копьем смогу поразить Угу, — сказал он мужчинам.

Он взял свое длинное копье, на конце которого был зазубренный крючок (тори), и пошел на берег. Угу плавал под водой уже один. Он медленно приближался к берегу. Сквозь прозрачную воду его было хорошо видно.

— Смотри, — кричали Монгоманг-анему сидевшие на берегу дети, — сейчас Угу схватит тебя и проглотит! — И пели песню:

Монгоманг анем а!
Уаи! Киу а!
Мано варок е!
Бенг варок е!
Тори е! Тори е!
Мано ахеток е!

Монгоманг-анем!
Смотри, крокодил!
Пронзи его!
Пронзи его!
Копьем! Копьем!
Кидай в него!

Своей твердой рукой Монгоманг-анем бросил копьё и пронзил Угу. С большим трудом вытащили его на сушу. С Угу сняли его чудесную кожу, а мясо разделили и испекли. Мальчики попробовали мясо Угу и тоже обрели способность к колдовству. Через это мясо им передалась чудесная сила.

В то время как мальчики сидели у костра и ели мясо Угу, по берегу из Окабы шел Арамемб.

— Что вы делаете? — спросил он мальчиков.

— Мы едим мясо Угу, которого убили, — отвечали они.

Но один мальчик, зараженный кольчатым червем, поскорее приложил ладонь к губам, показав остальным, что им лучше молчать.

Арамемб увидел кожу Угу, которую мальчики развесили для просушки на кокосовую пальму. «Славная вещица, — подумал он, — хорошо бы ее украсть». Он принес сухой лист кокосовой пальмы и сделал вид, будто хочет раздуть огонь, чтобы испечь принесенные бананы. Но, улучив мгновение, когда мальчики на него не смотрели, он стащил с пальмы кожу, свернул ее и убежал с нею прочь.

О коже Угу у маринд-аним ходят всяческие диковинные легенды. Собственно, само имя Угу означает не что иное, как «шкура» или «кожа», но это слово употребляется лишь в некоторых диалектах, например у племени, живущих в верховьях реки Биан. Рассказчики утверждают, что кожа Угу существует и поныне, сохраняя те же необычайные свойства, что и при жизни Угу. Если ее опустить в воду, она способна растянуться до такой степени, что в ней могут поместиться пятьдесят человек. А если эту кожу затем изнутри закрыть с помощью ротана, находящиеся в ней люди могут погрузиться под воду на очень долгое время. Они могут плавать под водой, нападать на купальщиков, рыбаков и убивать их. Эти сказочные сообщения имеют под собой реальную основу. Как мне стало известно из заслуживающих доверия сообщений, кожа Угу по сей день находится, видимо, в Сароре. Вероятно, речь идет о шкуре крокодила, в которую наряжались когда-то, чтобы пугать людей. С течением времени рассказы об этом обрастали преувеличениями, приобретали сказочные черты, связывались с другими мифами. Постепенно все несчастные случаи, которые происходили с купальщиками и рыбаками по вине крокодилов, стали приписываться этим «оборотням», колдунам, которые в шкуре Угу плавают по рекам и морю, сея панику. Колдун под именем Угу-месав наводит страх на жителей побережья; лишь в последние годы этот страх, кажется, стал утихать.

Когда мальчики спохватились, что кожи Угу уже нет на пальме, Арамемба давно и след простыл. Они пустились за ним в погоню. Но он кинул им пустую кожуру от кокоса. Они приняли ее за кожу Угу и остановились, чтобы подобрать.

23. Арамемб

Арамемб пришел к реке Биан с кенгуру, который все время скакал за ним. Он переплыл на лодке на другой берег и встретил там своего родственника. Звали его Бевра²².

— Нгейс²³, — сказал Бевра Арамембу, — дай мне твоего кенгуру.

Но Арамемб не захотел расстаться с кенгуру. Тогда Бевра тайком от Арамемба убил его кенгуру, а мясо испек на костре. Арамемб сделал вид, будто ничего не заметил, сел к костру Бевры и стал жевать свой бетель. Потом Бевра взял обгорелую шерсть кенгуру и насыпал ее Арамембу в калебасу для извести. Однако Арамемб заметил эту проделку. Он взял калебасу, поднес ее к уху и услышал внутри жужжание. Обгорелые шерстинки кенгуру превратились в москитов. Не успел Бевра опомниться, как Арамемб стукнул его по голове калебасой, да так, что калебаса раскололась.

Рой москитов закружился вокруг головы Бевры. Бевра вскочил и кинулся бежать. Он добежал до деревни Вояу, что на реке Биан. Москиты всюду его преследовали. Он никак не мог от них избавиться. Наконец в отчаянии Бевра прыгнул в реку. Еще и поныне в Вояу живут демы-москиты. Из этих мест произошли все прочие москиты²⁴.

Арамемб же взял под мышку кожу Угу и пошел дальше. Скоро он пришел в Онгари. Там на берегу сидели мальчики. Они увидели приближающегося Арамемба и сговорились отнять у него кожу Угу. Взявшись за руки, мальчики загородили Арамембу дорогу и стали припевать: «Бабу, валумассу! Бабу, валумассу!»

Арамемб побежал к морю, и мальчики побежали к морю. Он попытался взбежать на каменистый берег²⁵, и мальчики туда же. Так он бегал то туда, то сюда, но мальчики все время следовали за ним. Он вверх, и они вверх, он вниз, и они вниз.

Так продолжалось до самой темноты. Наконец Арамембу удалось прорваться, и он продолжил свой путь в Каибур.

Всю дорогу он пританцовывал и напевал:

Арамемб-а э!	Арамемб! Он появился в Бале,
Бале куамин, Изок куамин	он появился в Изок.
Уар-ка-нок, Йогум-ка-нок	Я — огромный аист Йогум.
Билум, Билум э!	} Последние слова перечисляют места на побережье, где проходил Арамемб. Бале и Изок находятся близ устья реки Биан.
Мелью удуп э!	
Вапенг, Вапенг э!	

Не доходя до Каибура, Арамемб услышал со стороны берега крики.

— Слышите, кто-то шумит там? — спросил он встречных мальчиков из Каибура.

— Это Явима²⁶, — отвечали мальчики. — Его укусила в ухо змея, вот он и кричит.

Когда Арамемб был в Мелью, одна женщина стащила у него цамбу²⁷ и повесила на дерево. Арамемб заметил пропажу и вернулся в Мелью. Там он увидел свое цамбу в ручье. Но это было всего только отражение. Он поднял глаза и увидел цамбу на дереве. Оно покачивалось на ветру. На дереве сидели женщины и смеялись над Арамембом.

— Ах вы, собачьи жены! — стал ругаться он. — Отдайте мне мое цамбу!

Но женщины продолжали смеяться и дразнить Арамемба. Они опускали цамбу перед самым его носом, но едва он собирался его схватить, вздергивали вверх. Арамемб был взбешен.

— Отдайте мне мое цамбу! — все кричал он. Но так ничего от них и не добился и отправился в Кумбе.

Не доходя до деревни, он заглянул на огород, где рос уати²⁸, принадлежащий его другу. Там он спрятал кожу Угу в дупле панданового дерева. А сам лег спать, потому что очень устал с дороги.

Утром Арамемб увидел, что кожу Угу обгрызли крысы. Он расстелил ее, чтобы рассмотреть как следует, но тут, к его досаде, на огород пришел его друг. Он

сел рядом с Арамембом, и они вместе стали жевать бетель.

Друг Арамемба увидел кожу Угу и спросил, что это такое. Но Арамемб ответил уклончиво.

Некоторое время спустя они собрались вместе пойти в Анаси. Арамемб улучил минуту и опять спрятал кожу Угу в ствол панданового дерева. Ему казалось, что друг этого не видит. Но он ошибался. Ночью тот тайком вернулся в Кумбе, достал из дупла кожу Угу и убежал с ней в Новари.

Однако и он недолго владел ею. Однажды в Новари пришли люди из Сарора. Они принесли ротан, чтобы обменять его на раковины. Один мужчина, по имени Гина, увидел кожу Угу в корзине для бетеля. Корзина принадлежала одной женщине. Гина увидел, как эта женщина пошла на берег и положила кожу Угу в воду. Кожа тотчас растянулась и стала огромной. Ночью Гина прокрался в женский дом, украл кожу Угу и спрятал ее под своими лубяными косицами (моюб). Никто этого не заметил. Так кожа Угу попала наконец в Сарор, где она находится и поныне.

Арамемб же из Кумбе отправился на своей лодке в Браву (близ Новари). Там он воткнул шест в берег, привязал к нему лодку и пошел в деревню. На берегу в это время играли мальчики и девочки. Они сначала забрались в лодку Арамемба, а потом вышли на берег и отвязали ее. Отлив унес лодку в море. Арамемб вернулся на берег и увидел, что его лодка далеко.

— Что вы наделали! — закричал он на детей и погнался за ними с палкой. Но они попрыгали с берега в воду и превратились в рыб. Мальчики превратились в рыб банг-а-банг²⁹, а девочки — в рыб рубри³⁰.

В Браве Арамемб совершил ряд странных поступков, о которых маринд рассказывают неохотно, потому что многое тут опять же связано с обрядами Майо. Арамемб искал здесь девушку для предстоящего обряда. Рассказы об этом очень разнятся. Одни сообщают о большом празднике Майо, состоявшемся в Браве, другие говорят, что действие происходило в Сариру и Кондо, третьи — в Майо близ Йормакана. Все дальнейшие рассказы об Арамембе вообще окутаны покровом таинственности. Часто речь идет просто о непристойных историях. Можно утверждать, во всяком случае, одно: в Браве обитает загадочный и страшный дема, который приносит всяческие болезни и вообще беды. Трудно сказать, насколько его можно

отождествлять с Арамеббом; к сожалению, неизвестны мифы, которые могли бы прояснить именно этот вопрос.

Из многих мифов можно заключить, что именно здесь, в Браве, произошло когда-то некое впечатляющее событие. Весьма возможно, что это было падение метеорита, давшее толчок разным легендам. Например, рассказывают, как Арамеб бросил вверх свою палицу и она упала на землю близ Бравы в виде пылающего камня. Другие ставят это событие в прямую связь с солнцем и рассказывают, как солнце (дема солнца) послало на землю своего сына — метеора (Уаи).

Не приходится удивляться, что Брава оказывается вообще местом действия самых различных мифов. Если где-то когда-то упал прямо с небес огонь, если видели, как с неба сошел дема в своем телесном облике, — все эти события переносятся в Браву и связываются с Бравой. Местные жители сообщают также, что в Браве находится Дакум-дема, т. е. дословно «дема пупка». Слово «дакум» вообще означает начало, происхождение. Местные жители не раз говорили мне, что этот Дакум-дема и есть мифологический родоначальник культа Майо — Мойу, т. е., возможно, тут что-то тоже связано с возникновением церемоний Майо. Дакум-дема известен и в Кондо. Наконец, третий Дакум-дема, по свидетельствам местных жителей, обитает в Имо, близ Сангасе. Это Имо-дакум-дема. Но какие-либо подробные свидетельства на эту тему отсутствуют.

Умалчивается и об участии Арамемба в церемониях Майо. Рассказчики сходятся лишь в том, что Арамембу путем всяких непристойных проделок удалось заполучить для предстоящих церемоний Майо много девушек, так что празднество приобрело весьма скабрёзный и разгульный характер. Вместо красной краски Арамеб разрисовал себе лоб кровью девушек. В результате на лбу у него выросли два красных попугая. Вместо кокосового масла он натерся спермой. Тогда из его плеч и затылка выросли клубни ямса, причем разных сортов. Он срывал побеги с затылка и высаживал в землю. Так возник ямс. Арамеб засадил им обширные поля между Явимой и Тораси³¹. Здесь вообще выращивают почти исключительно ямс.

Одна женщина пробежала через его поле, только что засаженное ямсом. Арамеб рассердился и пустил в нее стрелу. Спасаясь от стрелы, женщина забралась в свою корзину для бетеля и превратилась в кускуса (банга)³².

Позднее Арамеб опять вернулся на запад. Он прошел Явиму, Дабояс, Тали (на реке Кумбе) и добрался до Дигула, где исчез. С тех пор о нем ничего не известно. Осталась лишь его палица в Браве. Она там находится и сейчас (вероятно, здесь был найден метеорит).

То, что Арамеб, согласно мифологическим преданиям, исчез бесследно, отличает его от других дем. Некоторые говорят, что он ушел в море, другие — что в Дигул, третьи — что он зажигал огонь на праздниках Майо (как Уаба) и при этом сгорел. Из другого, более давнего и уже забытого свидетельства можно, по-видимому, заключить, что Арамеб превратился в птицу уар и улетел.

Однако все рассказчики сходятся на том, что у Арамеба не было потомков, которые стали бы людьми. От него лишь различным образом произошли всякие странные демы, а уже от них, в свою очередь, люди, животные и растения, находящиеся в родстве с Арамебом. Поэтому не существует племени арамеб-рек.

Рассказывают еще, что Арамеб до конца оставался холостяком. Он всегда путешествовал и нигде не имел постоянного жилища.

Таким образом, Арамеб представляет собой личность, занимающую в мифологии маринд совершенно особое место.

24. Явима

В мифах о Явиме также много умолчаний, мистической таинственности, поскольку и они восходят к обрядам Майо.

Явима пришел из Сангасе с девушкой, чтобы принять участие в празднике Майо. По пути он с этой девушкой переспал, и она родила болотную змею — ацанид. Эта змея укусила Явиму в ухо. Тогда он бросил прочь свое гари³³ и стал с воем носиться взад-вперед по берегу, жалуясь на невыносимую боль. А девушка убежала.

Тем временем из Онгари по берегу шел Арамеб, держа под мышкой кожу Угу. Вдруг он услышал, как кто-то кричит:

Кокойа кебо!

Коко сапио!

Коко Явим-о!

Вале камбит э! (что значит «Ухо болит!»)

— Кто так кричит? — спросил Арамеб мальчиков из Каибура, игравших на берегу.

— Это Явима, — отвечали мальчики. — Болотная змея укусила его в ухо³⁴.

— Пойдемте поймаете его, — сказал Арамеб.

Вместе с мальчиками он тихо пополз на высокий берег, откуда слышались крики. Но не успели они приблизиться, как Явима убежал и спрятался в лесу, где его никто не мог найти.

Этот миф представляется неполным. Другой миф повествует о том, как Явима создал дождь. Поэтому его называют «насылающий дождь» (донгам-аним, т. е. букв. «человек-гром»),

25. Как Явима создал дождь и бурю

Однажды была сильная засуха. Повсюду не хватало воды. Растения засыхали, и люди бедствовали. Тогда Мангури, мать Явимы, сказала своему сыну:

— Пойди в лес и попробуй вызвать дождь. А то мы страдаем от засухи.

— Хорошо, — ответил Явима, — попробую. Только принеси сначала несколько клубней таро и банановых стеблей.

Явима взял клубни таро и банановые стебли и пошел в лес. Там он выкопал глубокую яму, бросил в нее клубни таро, банановые побеги, листья кротона и других растений, которые любят влагу, разные травы, такие, как руга, кундама, самара, ярангар. Потом он наполнил яму водой и стал бросать в нее камни и комья земли, так что вода брызнула высоко вверх.

Наконец Явима взял кусок свиного сала и подержал его на огне³⁵. Сало стало шипеть и потрескивать. Тут же на небе собрались облака. Начался сильный дождь. Засверкали молнии, загредел гром.

В это время Мангури, мать Явимы, и его отец, которого звали Мамипу, как раз пошли на огород, чтобы посмотреть, как растет ямс. Тут началась гроза. До деревни было далеко, и нигде не было укрытия, чтобы переждать дождь. Дрожа от сырости и холода, они подняли над головами палки, которыми рыхлят землю. А дождь все лил и лил. Наконец они превратились в птиц: палки стали длинными клювами, а из рук у них выросли перья. Мамипу превратился в черного аиста видик, а Мангури — в журавля дарау³⁶.

Долго ждал Явима родителей. «Где они могут пропадать так долго?» — подумал он и послал детей поискать их. Когда дети прибежали на огород, оттуда взлетели две большие птицы.

Двух сыновей Явимы звали Мури³⁷ и Сендави³⁸. Мури насылал западный ветер, Сендави был демой восточного ветра. Другом Мури был Йорма, дема волн³⁹.

А вот что рассказывают про других сыновей Явимы. Когда Вокабу украл у демы Уара уати⁴⁰, сыновья Явимы решили воспользоваться случаем и отправились в Сангасе, чтобы испробовать новый напиток. Они жева-

ли и пили уати, покуда совсем не опьянели, и уже не могли вернуться в Каибур. Тогда Явима сам отправился за своими сыновьями. Увидев, что они пьяны, он обругал их и побил своей палкой. И все они превратились в птиц: один — в птицу ахатуб⁴¹, другой — в птицу эбоб⁴², третий — в канд-кабаи⁴³, четвертый — в гем-ка⁴⁴ и т. д. А два мальчика, которые были раскрашены черной краской, превратились в ворона и черную кукушку⁴⁵.

МИФЫ КЕИ-ЦЕ

Внутри тотемного сообщества каприм-сами можно особо выделить три более или менее замкнутые племенные группы. Это боан казуара — кеи-це, боан кенгуру — самкакаи⁴⁶ и боан аиста ндик — ндик-энд.

26. Ягил, дема-казуар

Ягил, дема-казуар, жил близ деревни Вирку, на острове Комолом. Однажды жители Вирку готовились к празднику. Женщины на несколько дней ушли в лес и приготавливали там саго. Днем, когда все люди были заняты и никого в деревне не было, Ягил пробрался в деревню, украл женские передники и спрятал их.

Вечером вернулись из леса женщины и обнаружили, что кто-то похитил их передники. Потом они увидели на песке незнакомые следы и поняли, что в их отсутствие кто-то приходил в деревню.

Следы выглядели странно. Один след был похож на человеческий, другой, казалось, принадлежал какому-то незнакомому существу⁴⁷.

Люди стали думать, как им поступить. Одна старая женщина вызвалась остаться на завтра дома и подстеречь вора.

Так они и сделали. На другой день дема опять появился в деревне в виде полуюноши-полуказуара, увешанного всяческими украшениями. Старуха очень удивилась, увидев такое странное существо. От страха она заползла под скамью. А казуар направился прямо в женский дом, выбросил оттуда все саго, схватил женские передники и убежал.

Старуха тщательно прикрыла следы демы саговыми листьями. Вечером, когда все опять вернулись в деревню, она рассказала, что произошло, и показала необычные следы. Мужчины посоветовались и решили убить дему-казуара. Они приготовили луки и стрелы и на другое утро спрятались за женским домом.

В полдень, как и накануне, появился юноша-казуар. Но едва он вошел в хижину, как ее со всех сторон окружили мужчины. Деться Ягилу было некуда, и его убили копьем.

Мужчины разрезали Ягила на части. Кости они выбросили, а мясо и внутренности завернули в околоцветники ареки, чтобы потом испечь их вместе с саго.

Но ночью, когда люди спали, мясо Ягила превратилось в орехи аке⁴⁸. А там, где на землю пролилась кровь казуара, выросло дерево объяра⁴⁹, которое уже на другое утро принесло зрелые плоды.

Братья Ягила и его мать пошли ночью в деревню посмотреть, почему Ягил так долго не возвращается. Они увидели на земле его кости, увидели внутренности, завернутые в околоцветники ареки, и поняли, что Ягил убит. Братья собрали его кости и бросили их в огонь. Из огня поднялся большой столб дыма. Он превратился в тучи, и тут же разразилась страшная гроза. Молнии попали в хижины и убили всех жителей.

А мать Ягила взяла внутренности своего сына, положила в корзину и направилась в Абои. Корзину она несла за плечами, закрепив перевязь на лбу. Вдруг ей послышалось позади какое-то бормотание. Оно становилось все сильнее и сильнее. Внезапно из корзины выпрыгнул Ягил. Он вновь возродился из своих внутренностей.

Вместе с матерью и братьями Ягил пошел в Дабою. Там все семейство казуара осталось жить. Они развели огород и посадили деревья объяра и аке.

Неподалеку от этих мест жил Маху. Его собаки скоро выследили казуаров и стали их без конца донимать. Но казуары каждый раз защищались и своими сильными ногами убили несколько собак, так что в конце концов их оставили в покое.

По соседству с жилищем казуаров находилось место, где Харау каждый день готовила саго для Вокабу⁵⁰. Однажды Ягил услышал шум, пошел посмотреть,

кто там, и увидел Харау. Он тотчас превратился в красивого, богато украшенного юношу, незаметно приблизился к Харау и попытался завести с ней шуточный разговор.

— Ты, зараженная кожной болезнью, кольчатый червем! — сказал он ей. — Не хочешь ли пойти со мной в лес?

Но она не обратила никакого внимания на него и продолжала свою работу. Вечером Ягил проводил Харау до деревни, а потом превратился в казуара и исчез.

Так повторялось несколько дней. Наконец Харау рассказала своей матери, что каждый день, когда она готовит саго, какой-то юноша пристаёт к ней и насмешничает.

— Подожди, — сказала мать Харау, — я позову людей из племени даух-це, они убьют дему-казуара.

Она отправилась к людям даух-це, принесла мужчинам стрелы и копыя и сказала:

— Пойдемте со мной в Дабою, помогите мне убить дему, который каждый день пристаёт к моей дочери.

Через несколько дней мать Харау с мужчинами даух-це пришли в Дабою. В это время Ягил как раз сидел в хижине возле Харау. Он увидел приближающихся людей и побежал в лес.

— Вот он, — показала мать Харау мужчинам даух-це.

Они погнались за ним и в глубине леса увидели большую ограду, за которой исчез казуар. Проникнуть туда оказалось невозможно, и преследователям пришлось ни с чем вернуться в Дабою.

— Пусть Харау опять отправится в лес за саго. Тогда Ягил наверняка выйдет к ней, — сказали они. А сами решили подождать.

На другой день Харау опять, как всегда, отправилась в лес готовить саго. А мужчины даух-це спрятались поблизости в зарослях. И вот в полдень опять появился Ягил, принявший образ красивого юноши. На этот раз он надел на себя еще больше украшений и позвал Харау пойти с ним в лес.

— Подожди, вот я закончу выколачивать саго, — ответила она и повесила Ягилу кусок саго на шею и еще один — на его лубяные косы, чтобы преследователи могли его по этим приметам узнать⁵¹.

Тут из леса выскочили скрывавшиеся там люди даух-це с копьями и стрелами. Ягил быстро превратился в казуара и кинулся бежать. Преследователи выпустили в него стрелы, забросали копьями, но не сумели попасть в Ягила. Он бормотал и фыркал, носился взад-вперед, отбивался ногами от собак и поранил их так, что они отстали. Наконец он прибежал домой, где его ждали братья. Они быстро закрыли за Ягилом ворота ограды, и мужчины уже не могли к ним проникнуть.

Они опять стали совещаться, как быть, и решили еще разок спрятаться в зарослях, чтобы подстеречь Ягила. На другой день Ягил с братьями пошел купаться. Но когда они вышли за ограду, люди опять стали стрелять в Ягила из луков. Однако и на этот раз они не сумели в него попасть. С матерью и братьями Ягил убежал на болото Оан, что находится в верховьях Биана. Там мать Ягила превратилась в высокий тростник. Люди не могли пробраться в тростниковые заросли, и казуары нашли в нем убежище. И поныне еще можно встретить Ягила, дему-казуара, в болоте Оан.

27. Теимбре

Теимбре был родом из племени кеи-це. Он жил в Самбою, близ Урумб-мирава. Однажды он охотился на кенгуру. Вернувшись, Теимбре повесил свой лук в хижине, а сам пошел разделывать добытого кенгуру.

Пока его не было, в хижину забралась змея. Она по стене доползла до лука и обвилась вокруг него. Теимбре вернулся в хижину, увидел змею и попробовал стряхнуть ее с лука. Но змея держалась так крепко, что он ничего не мог с ней поделать. Он повесил лук на прежнее место, а сам ушел.

Тем временем змея превратилась в прекрасную девушку и стала прибирать площадку перед хижинной Теимбре. Потом она опять обернулась змеей и обвилась вокруг лука.

Теимбре вернулся и был очень удивлен, увидев, как чисто прибрана площадка. Он пошел к своему другу Бекукле рассказать, что произошло. А пока его не было, змея опять превратилась в девушку и изжарила мясо

кенгуру. Когда Теимбре вернулся, оно уже было готово и даже нарезано. В хижине никого не было, кроме спавшей собаки. Но не могла же все это сделать она! А змея опять обвилась вокруг лука и не шевелилась.

Теимбре никак не мог понять, что же происходит. В следующий раз, когда он пошел на огород за бананами, он на всякий случай взял с собой собаку. Он все-таки сомневался: вдруг жареный кенгуру — это ее дело. Вечером, прежде чем войти в деревню, Теимбре крепко привязал собаку к дереву и бесшумно подкрался к хижине.

Перед хижинной у огня сидела красивая девушка и пекла бананы. Увидев Теимбре, она быстро вскочила и хотела бежать. Но Теимбре крепко схватил ее, привел в хижину и там увидел, что змеи на луке уже нет. Тогда он все понял и побежал за деревню отвязывать собаку.

Теимбре попросил девушку остаться жить у него. Она согласилась. С тех пор она стала готовить для Теимбре саго. Звали ее Вариоп.

Бебукла узнал, что у Теимбре появилась жена, и ему стало завидно. Однажды он сказал приятелю:

— Давай пойдем на охоту.

Тот согласился. Но во время охоты Бебукла незаметно исчез. Он побежал в деревню и похитил Вариоп.

Вечером Теимбре вернулся домой и не нашел ни Вариоп, ни Бебуклы. Он сразу смекнул, в чем дело, и отправился искать похитителя своей жены. Бебуклу он настиг недалеко от болота. Завязалась борьба. Сначала Бебукла повалил Теимбре наземь, потом верх стал брать Теимбре. Наконец Бебукле удалось бросить Теимбре в болото, из которого тот не сумел выбраться. Он превратился в осоку и тростник⁵².

Вариоп пыталась выловить Теимбре. Она прочесала своей сетью все болото, но Теимбре найти не смогла. Тем временем у нее родился мальчик, который сразу превратился в пресноводную рыбу ориб⁵³. Потом Вариоп вернулась в Самбою и стала жить с Бебуклой.

Спустя некоторое время у нее опять родился сын по имени Сапай. Маленький Сапай был очень злой. Он все время кусал матери грудь. Наконец она не выдержала, оставила ему молоко в кокосовой скорлупе, а сама убежала в Меб, близ Домандэ.

Мальчик выпил молоко и отправился искать мать. Сначала он бежал по ее следам, но вскоре сбился с дороги.

— Где моя мать? — сердито воскликнул он.

И голос из болота ответил ему:

— Она в Меб, близ Домандэ!

Это был голос его отца, превратившегося в болотную осоку.

Некоторое время спустя мальчик опять сбился со следа. И снова голос из болота подсказал ему:

— Иди прямо в Меб, там ты найдешь свою мать!

Как раз в этот день Вариоп, мать Сапаи, укусил в ногу муравей⁵⁴. «Наверно, сегодня придет мой мальчик», — подумала она.

А Сапаи, не доходя до Меб, встретил женщину по имени Вобохабитау. Она увидела, что мальчик совсем один, и посадила его в свою корзину. Она хотела отнести его к себе домой и воспитать. Но когда она пришла в Меб и показала людям, кого нашла в лесу, Вариоп тотчас узнала своего мальчика и сказала Вобохабитау:

— Это мой сын Сапаи. Посмотрите, как он искусал мне грудь. Поэтому я от него убежала. — И она показала на груди следы укусов.

Но Вобохабитау не желала ее слушать. Между ними началась потасовка. Каждая из женщин хотела взять мальчика себе. Они так вырывали его друг у дружки, что оторвали у него сначала руки, потом ноги. Наконец Сапаи зарылся в землю и исчез.

Утром на том месте, где исчез мальчик, выросло удивительное дерево. На нем уже созрели красные плоды. Это было дерево уарад⁵⁵. Пришла сюда за водой одна девушка. Наклонившись, она увидела на земле красные плоды. Девушка подняла их и попробовала на вкус. Плоды оказались ей сладкими и сочными. Она огляделась и увидела дерево, которого не было прежде, а на дереве — красные плоды. Девушка побежала в деревню и стала созывать людей:

— Из Сапаи выросло дерево! Идите скорее, посмотрите и попробуйте плоды!

Все поспешили к тому месту и удивились, увидев незнакомое дерево. Они наполнили корзины плодами и принесли в деревню. А мужчины надрезали кору дере-

ва и намазали надрез спермой, чтобы это дерево оставалось здесь навсегда ⁵⁶.

В деревне Меб, близ Домандэ, и сейчас можно увидеть колодец, возле которого растут большие деревья ураад. На одном из них красные плоды, на другом — белые. Здесь в земле находится дема. Вот почему это место почитается.

А Вариоп родила еще и других детей, которые превратились в кусты с разноцветными ягодами: это самандир ⁵⁷, баба ⁵⁸ и другие.

МИФЫ САМКАКАИ

28. Яно, дема-кенгуру

В Каибуре жила девушка по имени Саманимб. Каждый день она ходила к источнику, чтобы принести в саговую рощу питьевой воды. Однажды она увидела у источника кенгуру и погналась за ним. Домой она вернулась поздно. Мать стала бранить дочь за то, что ее так долго не было. Но та ответила:

— Я увидела кенгуру и хотела его поймать.

Когда на другой день она опять пришла к источнику, там ее ждал нарядно украшенный юноша. Это был дема-кенгуру.

— Не хочешь ли пойти со мной? — спросил он девушку. Но та ответила:

— Приходи завтра к нам в деревню. У нас будет праздник.

На другой день дема-кенгуру, приняв облик юноши, пришел на праздник и уселся на праздничной площадке. Звали его Яно ⁵⁹. Ночью начались танцы. Яно танцевал вместе со всеми. Но прежде чем наступило утро, Яно схватил свою девушку и унес ее в лес. Теперь это место в лесу называется Яно хап катерем, что значит «Яно пришел ночью».

Жители Каибура ничего не заметили. Только днем они обнаружили, что Саманимб пропала. Они отправились на ее поиски. Сначала обошли все хижины в деревне, затем стали искать на огородах и в лесу. Там они встретили Яно.

— Где Саманимб? — спросили люди.

— Она ушла со мной,— ответил Яно и крикнул Саманимб, чтобы она выходила. Саманимб вышла из леса и сказала матери, что Яно — не настоящий человек. Он — дема, который может превращаться в кенгуру.

Едва Саманимб выговорила эти слова, как Яно схватил ее, превратился в кенгуру и быстро ускакал в густой лес, где его никто не мог найти. Там он скрывался с Саманимб несколько дней. Спустя некоторое время Яно сказал Саманимб:

— Пора идти на огород. Приготовь саго, я хочу посадить уати.

И они отправились вместе на огород. Там Саманимб улучила момент, когда она осталась одна, и убежала к себе в Каибур. Яно пришел в бешенство и решил отомстить. Он договорился со всеми демами-кенгуру напасть на Каибур и убить всех жителей деревни. Поощадить он собирался только Саманимб, если она захочет к нему вернуться.

Мать стала отговаривать Яно. Она считала, что это слишком опасно. Но в условленную ночь все демы-кенгуру собрались вместе. Они вооружились деревянными дубинками и окружили деревню Каибур.

— Саманимб, выходи! — крикнул Яно.

Саманимб услышала, что кто-то зовет ее, и вышла посмотреть, кто это. Яно тут же схватил ее и утащил в заросли. А прочие демы-кенгуру напали на деревню и ее жителей. Они разрушили все хижины, а людей убили. Спасти удалось лишь немногим: они вскарабкались на деревья и превратились в птиц губ-а-губ.

Еще и поныне в зарослях близ Каибура можно увидеть деревянные палки, с которыми кенгуру некогда напали на Каибур. А Саманимб родила мальчика и девочку. Мальчика она назвала Яно, а девочку — Саманимб. Брат и сестра впоследствии поженились. От них произошли самкакаи — люди из боана кенгуру⁶⁰.

29. Как появились кенгуру

Яно и Саманимб пришли в деревню Тангем на реке Кумбе. Они проголодались и захотели поесть.

— Разведи огонь,— сказал Яно Саманимб,— и положи в него камни⁶¹.

Потом он отрезал от себя самого кусок мяса и дал Саманимб, чтобы она испекла. Когда камни накалились докрасна, Саманимб положила на них несколько нарезанных кусочков мяса и покрыла эвкалиптовой корой. Спустя некоторое время она приподняла кору и, к своему удивлению, увидела под ней столько жареных кенгуру, сколько она положила туда кусочков мяса. Они сели и поели.

После этого Яно снова отрезал от себя несколько кусков мяса. Только на этот раз он смазал их спермой, а потом опять положил на камни и покрыл эвкалиптовой корой. Спустя некоторое время Саманимб подняла кору, и из-под нее выскочили несколько молодых кенгуру⁶².

Так появились кенгуру. Их и теперь больше всего на берегах реки Кумбе. Ведь появились они здесь и уже из этих мест распространились повсюду. Яно дал им имена: Сималь, Давилум, Дивак, Гарибут и т. д. Это «настоящие имена» кенгуру — игиц-ха.

Из Тангема Яно ушел к реке Маро, преследуемый демой-крокодилом⁶³, а затем — в Ахив-це-мирав, где пребывает и поныне.

МИФЫ НДИК-ЭНД

30. Вонатаи, дема-аист⁶⁴

Аист ндик жил на болоте близ Дарира. Каждый день он ловил себе рыбу. Однажды к болоту пришли жители Дарира, чтобы настрелять рыбы. Они увидели, как аист ндик ловит их, а поймав, целиком проглатывает.

— Вот бы нам его поймать, — сказали люди. — Хорошее было бы жаркое на праздник.

Они вырезали из дерева рыбу, такую, что ее не отличить было от настоящей, и воткнули в нее хвостовой шип ската со множеством острых мелких крючков-зубрин. Эту деревянную рыбу они опустили в маленький ручей, впадавший в болото, а сами спрятались в зарослях.

Когда деревянная рыба проплывала мимо аиста, он схватил ее клювом и хотел проглотить. Но мелкие кости застряли у него в глотке. Люди тотчас выскочили из за-

рослей, схватили аиста, который уже задыхался, вытащили из его глотки деревянную рыбу и принесли аиста в деревню. Там они заперли его в маленькой каморке, а сами решили устроить праздник и съесть аиста.

На другой день мужчины отправились на охоту, а женщины — на огород, чтобы приготовить к празднику саго. В деревне осталась только одна старуха, чтобы следить за птицей. Она сидела перед хужиной и плела циновку. Вдруг ее насторожил какой-то звук, похожий на щелканье. Ей показалось, что он слышится из каморки, где был заперт аист.

— «Ага,— подумала она,— это ндик щелкает своим клювом. Он проголодался. Пойду принесу ему какой-нибудь еды».

Тем временем аист успел превратиться в юношу. Он как раз собирался намазать маслом свои лубяные косы и стучал, выбивая кокосовое масло на свой кимб⁶⁵. Вот этот-то щелкающий звук услышала старуха, когда подумала, что ндик клацает своим клювом.

Через некоторое время юноша — его звали Вонатаи⁶⁶ — закончил себя украшать, открыл каморку и убежал на берег. Там его увидела старуха.

— Да это не птица, это юноша,— воскликнула она.— И как он нарядно украшен! У него есть бейзам⁶⁷, барар⁶⁸, гуи⁶⁹, сегос и виб⁷⁰. Что я скажу, когда вернутся люди? Они подумают, что я не уследила за ндиком и он улетел.

Вонатаи тем временем был уже далеко от деревни. Он опять превратился в птицу и направился в сторону реки Маро. А старуха тщательно прикрыла следы юноши саговыми листьями.

Вечером люди возвращались с охоты и с огородов. Они увидели, как аист улетает вдаль, и сердито сказали:

— Это, похоже, наш ндик. Старуха за ним не уследила.

Когда они пришли в деревню, старуха рассказала им, что произошло, и показала следы ндика, превратившегося в юношу.

А Вонатаи прилетел к реке Маро, к месту, где сейчас находится Мерауке. Со стороны моря сюда пришли жители Имбути. Они хотели переправиться на другой берег. Вонатаи, увидев их, опять превратился в юношу, сел на землю и стал жевать уати⁷¹.

— Что ты тут делаешь? — спросили люди Имбути, глядя на него с любопытством.

— Я жую уати,— ответил он и протянул им один стебель.

Сначала они не знали, что с ним делать. Но потом попробовали пожевать уати, потому что были очень любопытны. Им захотелось знать, на что годятся эти горькие стебли.

Люди переночевали на берегу, а на другое утро переправились через реку. И Вонатаи отправился с ними. Он сидел в середине лодки, а люди из Имбути сидели спереди и сзади и гребли. Когда они были посреди реки, руки юноши неожиданно покрылись перьями. Нос вытянулся как клюв, ноги стали тонкими — и вмиг совершилось превращение. Он взмахнул крыльями и плавно полетел на другой берег Маро.

Сначала Вонатаи опустился на болотистом лугу, на месте, которое получило название Уар-атин, что значит «здесь отдыхает уар». А потом он полетел к болоту Тарер, что близ Бирока. Там он увидел людей и вновь превратился в юношу.

По лесу шел мужчина с двумя дочерьми. Девушки увидели приближающегося юношу. Обeim он очень понравился, и они заспорили, чьим он будет мужем. Каждая хотела, чтобы он женился на ней. Когда Вонатаи приблизился, отец подошел к нему, взял за руку и подвел к своей старшей дочери, предлагая стать своим зятем. Юноша был не против. Он сказал, что хочет устроить здесь огород и возделывать на нем уати. Но его тесть не понимал, о чем он говорит.

На другое утро Вонатаи с тестем пошли в лес, чтобы начать посадки. С удивлением смотрел отец девушки, как его зять насыпает и тщательно выравнивает грядки, а потом прикрывает их от солнца листьями кокосовой пальмы. Это было совершенно незнакомое для него дело⁷². Но еще больше он удивился, когда Вонатаи выщипал из подмышек несколько волос и воткнул их в грядку. Волосы росли очень быстро и стали ростками уати⁷³.

Жена Вонатаи родила мальчика, который отличался тем, что постоянно гадил⁷⁴. Когда он стал старше и должен был надеть первые украшения, решено было устроить праздник и по этому поводу впервые попробо-

вать уати. Но незадолго перед праздником жена Вонатаи увидела, как руки ее мужа превращаются в крылья, а на лице вырастает клюв. Вонатаи опять превратился в птицу и полетел в Кобером, близ Домандэ. Там он принял облик юноши и пошел в деревню. Он захватил с собой все уати, которое собрал в Бироке.

В Домандэ как раз в это время находился Вокабу. Он влетал себе в волосы лубяные косы, когда Вонатаи пришел в Домандэ. Вокабу увидел, что юноша принес с собой много уати. Зеленые стебли понравились ему, и он стал раздумывать, как бы их украсть⁷⁵.

Уже на следующий день Вонатаи устроил огород близ Домандэ. Он опять сажал в грядки волосы из своих подмышек, и они быстро становились ростками уати. Но ночью к его посадкам пробрался Вокабу. Он вырвал столько уати, сколько мог, сделал большой пучок, который связал прожилками саговых листьев⁷⁶. Еще накануне вечером Вокабу приготовил лодку. Теперь он быстро нагрузил ее и поплыл в Сангасе.

На другое утро он собрал вокруг себя жителей Сангасе и показал им пучок уати.

— Смотрите, что я принес,— сказал он и разделил между ними уати. Тогда все начали жевать уати и пить. В результате все заболели и опьянели, потому что в них попал дема уати⁷⁷.

Когда Вонатаи увидел, что его посадки разграблены, и узнал, что вор — Вокабу, он отправился к нему в Сангасе. Он нашел под скамьей, где спал Вокабу, большой пучок уати. Это были те самые растения, которые выросли из его волосков.

— Ты украл мое уати! — сказал он Вокабу и так ударил его по голове пучком уати, что сразу оглушил, потому что в волосках находился сам дема уати по имени Угуг.

Затем Вонатаи опять превратился в аиста и полетел в Колебум. Там и поныне можно увидеть дему-аиста, который любит сидеть на большом камне.

Потомками Вонатаи были ндик-энд — тотемно-мифологическое сообщество, которое распадается на множество кланов. Ндик-энд состоит в родстве с Арамембом, который породил аиста ндика, а следовательно, и с казуаром и с огнем, т. е. с семейством кей-це. Близким родственником ндик-энд помимо аиста ндик является также уати, поскольку и оно порожде-

шие демы-айста. Между уати и ндиком есть еще и такая аналогия: стебли растения уати часто сравниваются с погами айста, а стеблевые узлы — с коленным суставом. Их даже иногда называют коленями (миг) ндика, используя этот образ в заклинаниях.

31. Таб

В Каибуре жил дема Таб⁷⁸, который мог превращаться то в черепаху, то в варана. Так бывало, когда он пил много уати.

Однажды у Таба украли каменную палицу. Он отправился ее искать и пришел в Кумбе. По дороге он увидел купавшихся мальчиков и спросил:

— Не видели, проходил здесь кто-нибудь с большой палицей?

— Вчера тут пробежал какой-то человек в сторону Кумбе, — отвечали мальчики, — у него была большая палица.

В Кумбе Таб встретил дему Барам и попросил его достать кокосовых орехов, потому что ему очень хотелось пить. Пока Барам лазал на пальму и рвал орехи, Таб выпил полную скорлупу уати и превратился в черепаху гау⁷⁹.

Барам спустился, захотел войти в хижину и очень испугался, увидев там черепаху. Но Таб успокоил его и объяснил, что с ним такое бывает, когда он выпьет полную скорлупу уати. Он сказал, что ничего плохого Бараму не сделает. Он рассказал также, что у него украли палицу и что он теперь ее ищет. Барам вызвался ему помочь, и они вместе отправились в деревню Уэри.

В Уэри Таб обнаружил вора. Ночью он превратился в варана и проник в его хижину. Вор спал там, положив возле себя украденную палицу. Таб схватил палицу и перебил ею всех, кто спал в хижине. Затем со своей палицей он вернулся в Кумбе, превращаясь по пути то в черепаху, то в варана. Дальше путь его лежал в сторону Вауле, болота близ Каибура. Там он находится до сих пор. Люди этого места избегают, они боятся демы Таба.

Неуверенные, замедленные движения черепахи и варана можно сравнить с движениями человека, опьяненного уати. Дема Таб пил слишком много уати, поэтому он превращался

то в черепахе, то в варана. Поскольку причиной этих превращений было уати, Таб и его потомки относятся к боану аиста ндика или уати. Его потомки, представители клана таб-рек, живут главным образом в Кумбе и Каибуре, т. е. там, где происходит действие данного мифа.

32. Аист ндик и орлан-белохвост

Аист ндик и орлан-белохвост⁸⁰ были друзьями. Они жили вместе в деревне Дарир и каждый день ходили на болото ловить рыбу. В птиц они превращались только тогда, когда оказывались вдали от деревни и их никто не видел. Каждый день они вылавливали много рыбы: аист — своим клювом, орлан — когтями. А вечером оба возвращались в деревню, приняв облик молодых мужчин. Они насаживали пойманных рыб на стрелы и говорили людям, будто подстрелили их из лука. Чтобы это выглядело достовернее, они иногда ломали стрелы⁸¹. В деревне они всегда делили рыбу между жителями, потому что сами уже успевали наесться досыта прежде. Люди даже не подозревали, что это были деды.

У орлана был сын по имени Арембо. Он тоже очень хотел пойти на болото вместе с отцом и его другом, посмотреть, как они стреляют рыб. Но отец никогда не брал его с собой.

Однажды, когда Арембо стал старше, он прокрался вслед за отцом и аистом на болото и увидел, как оба превратились в птиц. Мальчик поспешил домой, прибежал к матери и сказал:

— Мать, знаешь ли ты, что я видел? Отец и его товарищ — не настоящие люди. Они — деды и могут превращаться в птиц.

Мать (ее звали Исок) удивленно выслушала мальчика и велела ему никому про это не рассказывать.

На другое утро орлан захотел пойти вместе с Исок и сыном на огород, где выращивалось саго. Но женщина засмеялась и сказала ему:

— Пойди лучше постреляй рыб, как всегда. В лес я пойду одна.

Орлан почувствовал, что женщина что-то знает.

— Давай лучше убьем Исок, пока она не проболталась, — сказал он своему другу, аисту. — А то как бы нам не пришлось плохо.

Аист согласился. На другой день орлан сказал ему:
— Сегодня представится случай убить Исок. Приготовь свои стрелы.

— У меня нет при себе стрел,— ответил аист.— Давай лучше отрежем ей голову.

Тогда орлан велел жене, чтобы она заплела ему волосы в косы. Аист тем временем вынул бамбуковый нож⁸², подкрался к Исок сзади, отрезал ей голову и полетел с ней в Явар, близ Урумб-мирав. Орлан погнался за ним.

Когда люди увидели обезглавленное тело Исок, они закопали его. А дем решили при случае изловить.

Тем временем между орланом и аистом разгорелась борьба за голову. Каждый хотел взять ее себе. И когда они пролетали над болотом Терер, близ Бирока, аист в пылу борьбы уронил голову.

А в том болоте жил Абаду, дема-ориб⁸³. Только голова упала в воду, как Абаду схватил ее и утащил вниз.

С криком кружил орлан над болотом. Когда он удалялся, Абаду выставлял из воды голову Исок. Но едва он приближался и хотел схватить голову, как Абаду тотчас прятал ее под воду.

Наконец орлану это надоело, и он улетел. Аист же спокойно дожидался в зарослях, наблюдая за напрасными стараниями своего приятеля.

— Подожди, дружок Абаду, я тебя оставлю ни с чем,— сказал аист. Он пошел вброд по болоту, схватил Абаду клювом и проглотил. А голову выловил и взял себе, чтобы его сын мог получить имя.

33. Орел Ментоаб

Орел Ментоаб украл жену у аиста ндика. Тот отправился ее искать. Он нашел свою жену в Баре, близ Каибура, и привел домой.

Тогда Ментоаб сказал аисту:

— Послушай, друг, хочешь, сегодня вместе пойдем на охоту? Я видел в лесу дикого кабана и ранил его. Теперь мы без труда его возьмем.

Аист согласился, и оба отправились на охоту. Но у орла на уме было совсем другое. Он еще накануне успел сходить в лес, сделав себе на ногах надрезы осколком

раковины так, чтобы пошла кровь, а потом показал аисту кровавые следы, ведущие в заросли, как будто это была кровь кабана.

— Видишь,— сказал он,— кабан, должно быть, здесь, в этих зарослях.

Ничего не подозревая, аист отправился в заросли разыскивать кабана. А Ментоаб поджег лес. Он хотел, чтобы ндик там погиб. Однако тот обернулся птицей и полетел в сторону Каибура, к месту, которое называется теперь Уар-ахов, что значит «здесь опустился уар⁸⁴». Но все же он успел опалить себе ноги. Вот почему у аиста красные ноги.

Долетев до дома, аист опять принял человеческий облик, взял палицу и пошел к своей жене.

Ментоаб увидел, что у него опять ничего не получилось, и решил забрать жену у аиста силой. Он схватил ее за руку. А ндик крепко держал за другую. Они тянули ее каждый к себе и наконец оторвали руки, оторвали ноги, а потом и голову.

Тогда Ментоаб схватил голову и улетел с ней. Однако на свою беду он уронил ее в болото, где жил Абаду, дема-ориб. Тот быстро схватил голову и утащил ее в свое подводное жилище. Напрасно кружил Ментоаб над болотом, пытаясь выловить из воды голову вместе с демой-орибом. Когда Ментоаб удалялся, ориб высовывал голову из воды, а едва он снижался над болотом, как дема быстро прятал ее под воду. Так голова и осталась во владении Абаду.

МИФЫ ТОТЕМНОГО СООБЩЕСТВА БРАГАИ-ЦЕ (ИЛИ ГОДА-САМИ)

МИФЫ БРАГАИ-ЦЕ-ХА

34. Дема Мер

Когда-то давным-давно в Майо близ Йормакана состоялся праздник Майо. В числе посвященных был Уаба. Он послал дему по имени Мер¹ сходить в Имо за девушкой и принести гари.

Рассказывающие этот миф, как правило, о чем-то умалчивают. Но можно с большой долей уверенности судить о характере умолчаний.

Гари — это большое сооружение полукруглой формы диаметром 3—4 м. Впрочем, к западу от Биана оно значительно меньше. Его изготавливают специально для праздников Майо и других празднеств этого культа. Исполнитель — иногда их несколько — несет гари на спине или на плечах, просунув голову в отверстие, расположенное посредине. Часто он один или вместе с другими участниками исполняет нечто вроде танца, бьет в большой барабан и переступает при этом с ноги на ногу.

О прочих украшениях и деталях здесь говорить не место; достаточно сказать лишь то, что необходимо для понимания мифа. Гари состоит из тонких, сшитых вместе пластинок сагового листа, которые расположены радиально наподобие вена и скреплены стеблями бамбука. Окрашивают его главным образом белой глиной, лишь внутренний и внешний края бывают окрашены в красный или же черный цвет. Изображения тех или иных фигур на белом поле, таких, как звезды, луна, краб, пенис, змея, существенного значения не имеют.

О том, что, собственно, означает гари, можно судить лишь предположительно. Но эти предположения подтверждаются мифами и тем, что известно о современных обрядах Майо. Похоже, что гари содержит просто какой-то намек на сексуальные оргии, связанные с обрядами Майо, т. е. в известном роде это знак для посвященных. Возможно, количество гари соответствует числу девушек, принесенных в жертву на празднике Майо².

Среди прочего танцовщик с гари исполняет в ходе церемонии Майо странную сцену, которую здесь необходимо опи-

сать хотя бы кратко для лучшего понимания мифа, который всегда рассказывается с большими пропусками.

В один из дней, незадолго до начала праздника Майо, один или несколько исполнителей с гари появляются в Майо-мирав. Так называется место в стороне от деревни, где в течение нескольких дней содержатся новички, ожидающие посвящения, и проводятся культовые церемонии. За каждым исполнителем с гари бежит другой танцовщик, оба несут на плечах копые (или обычную палку). Исполнитель с гари медленно переступает с ноги на ногу и бьет в барабан; стоящий позади тоже переступает с ноги на ногу.

Задний мужчина изображает девушку. Единственное украшение на нем — большой женский передник и плетеная шапочка (уд). Кроме того, его тело разукрашено красными и желтыми крапинами. Его называют «майо-мес-иваг», т. е. «старуха майо». Весьма вероятно, что при этом имеется в виду мифологическая «девушка-майо», которую приносят в жертву в ходе церемонии. Старухой ее называют в мифе для того, чтобы затемнить смысл³.

Таким образом, танцовщик с гари представляет на праздниках Майо мифологического Мера, который приводит «майо-мес-иваг» (второй танцовщик в женском наряде). То, что оба соединены копьем, должно означать, что женщина схвачена и уже не может убежать. Само гари служит знаком для посвященных, что оргии начинаются. Вот почему оно такое большое.

Итак, Уаба послал в Имо дему Мера, чтобы принести гари и привести девушку. Мер вернулся. Он шел, переваливаясь с ноги на ногу и ударяя в барабан, и привел девушку в Майо-мирав, где собрались все посвященные. Девушка, однако, защищалась от насилия⁴. Она схватила копые и вонзила его в тело Мера. Тот упал на землю.

Тогда девушка взяла Мера и понесла его в Кондо. Она хотела унести его подальше, чтобы отомстить деме. Однако у нее не оказалось лодки. Ведь все уехали на своих лодках в Майо. Тогда они⁵ взяли долговязого мужчину по имени Свар⁶, стали растягивать его и уминать ногами, пока он не вытянулся и не превратился в лодку⁷. В нее положили Мера и гари и поплыли вдоль побережья на запад.

Вместе с девушками в путь отправились и некоторые демы, в том числе Вавар и Эпакер. Они плыли вдоль побережья, но нигде не могли найти подходящего места, где можно было бы оставить Мера. Наконец они добрались до Дигула, но и здесь не нашли подходящего места. Тогда они повернули обратно и вечером приплыли в Иволье, где хотели отдохнуть с дороги.

Пока они переносили Мера на берег, к лодке подошел дема по имени Даман. Никого не спросясь, он схватил гари и надел на себя. Разгневанный этим, Уаба хотел убить его своей палицей. Но Даман вместе с гари прыгнул в воду и превратился в рыбу ямара⁸.

35. Как появился крокодил

Демы приплыли на лодке в деревню Киву, близ Иволе. Там они сошли на берег, а лодку привязали к бревну. Женщины развели огонь и стали жарить рыбу.

В это время с моря пришла большая приливная волна. Она раскачала лодку и вместе с бревном утащила в море. Бревно волны вскоре выбросили на берег и стали перекачивать по песку. Вдруг у него выросли четыре ноги, один конец его превратился в голову, другой — в хвост. Бревно стало крокодилом⁹. Никто этого не заметил.

На берегу купались дети. Крокодил медленно полз к ним, незаметно схватил одного из мальчиков и утащил в воду.

Только одна старая женщина увидела это. Она поскорее позвала мужчин, и те поспешили на берег с луками и стрелами. Но на берегу они увидели только бревно, которое перекачивали волны.

— Подождите немного, — сказала старуха. — Вот увидите, как только к этому бревну приблизится купающийся мальчик, оно опять превратится в крокодила.

В самом деле, едва к бревну приблизился купальщик, оно опять превратилось в крокодила. Но когда крокодил захотел схватить мальчика, люди стали стрелять в него из луков и бросать копья. Некоторые из них попали в крокодила. Тот быстро ушел под воду. На поверхность всплыло лишь несколько пузырьков воздуха.

Люди долго ждали, когда крокодил появится над водой опять, раненый или мертвый. Ведь в теле его застряли стрелы и копья. Но он не всплывал.

— Кто попробует нырнуть и накинет на крокодила ротановую петлю? — спросил наконец один из мужчин. — Мы тогда сможем вытащить его на берег.

Сделать это вызвался один из мальчиков, по имени Гуэра. Он взял петлю из ротановых стеблей и нырнул

под воду. При нем была длинная трубка из бамбука с пробитыми перегородками. С ее помощью он мог дышать и оставаться под водой очень долго.

А крокодил устроил себе жилище на морском дне. Дом его был полон добытых голов. Это был не простой крокодил, а дема, поэтому он вовсе не умер, как думали люди, и Гуэра завел с ним разговор.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Меня зовут Угнемау, — отвечал крокодил. — Возвращайся наверх и позови свою сестру Дамун. Скажи ей, пусть сделает саговую муку, захватит саговых листьев и спустится сюда, чтобы приготовить мне еду.

Пока он говорил, Гуэра сумел незаметно накинуть ротановую петлю на ноги крокодила и на его пасть. Потом он быстро вынырнул на поверхность и отдал людям концы ротановых петель. С большим трудом крокодила вытащили на берег и убили.

Целый день людям пришлось разделять крокодила, так он был велик. Потом они зажарили крокодилье мясо. А вечером старики затянули траурный напев — ярут — и пели его до утра. Юноши тем временем угощались жареным крокодильим мясом.

Кости крокодила сложили в сторонке. Наутро из них выросла саговая пальма, какой прежде не видывали¹⁰. Женщины стали готовить саговую муку. Это заняло несколько дней. Потом жители деревни и гости, приплывшие на лодке, стали готовить пироги из саго с крокодильим мясом (киу-горамо).

На земле осталась лежать лишь верхушка саговой пальмы. Из нее собирались позднее приготовить тушеное блюдо. Однако на другое утро она вдруг тоже превратилась в крокодила.

36. Человек из Опеко

От Иволье демы на своей лодке¹¹, в которой все еще находился дема Мер с гари, повернули на восток, к Эви¹². Вслед за ними все время плыл крокодил, появившийся из верхушки саговой пальмы¹³.

Женщины хотели довести Мера к деревне Опеко, на реке Кумбе, и там бросить его в воду. Они вошли в речушку Эви и, чтобы сократить путь, поплыли через бо-

лотистые низины, которые в дождливую пору покрыты водой.

Близ Каромнати демы решили оставить гари. Их лодка и без того была слишком тяжело нагружена, это мешало ей двигаться на мелких местах.

По версии других рассказчиков, с гари была обита только известь, которой она была раскрашена. Название местности Каромнати, возможно, происходит от слов «карона-ти», что значит «со спермой». Дело в том, что белая раскраска всей плоскости гари служит символом сексуальных оргий, связанных с культом Майо. Ср. охотничий клич сообщества брагаице: «Йаба Карона! Йаба Карона!», что значит «много спермы», или «Йаба Цомба! Йаба Цомба!», т. е. «много совокупляться».

От Каромнати дальнейший путь их лежал через болота и ручьи в Багудуб, Ворамор, Дути, Манги¹⁴, Куаймад. Близ Апара лодка достигла реки Кумбе.

Об их прибытии прослышал дема по имени Мего. Он поскорее раскрасил себе лицо известью¹⁵ и приготовился напасть на лодку. Но, увидев, что в ней так много людей и что они уже заметили его, он остался на месте и сам приготовился к защите.

Близ деревни Опеко демы вышли на берег. А женщины остались в лодке. Посреди реки они вбили в дно два бревна из прочного дерева, крепко привязали к ним Мера за руки волокнами из своих лубяных кос и опустили его в воду. Мер отчаянно вырывался. Он отбивался ногами и скоро сумел освободиться.

Тогда женщины опять вынули его из воды, перевернули и сунули в реку головой вниз, крепко привязав к бревнам, на этот раз и за руки и за ноги.

Так по сей день и остался Мер в реке Кумбе, близ Опеко. Поэтому его зовут Опеко-анем — «человек из Опеко». Он все еще дрыгает ногами, пытаясь освободиться. Вот почему в этом месте реки близ Опеко такой сильный водоворот.

Близ Опеко река Кумбе резко поворачивает. Из-за этого здесь образовался сильный водоворот. Часто тут можно увидеть торчащие из реки стволы вырванных деревьев, а также выступающие над водой стебли бамбука, которые колышутся течением и издают щелкающий звук. Такие места почти всегда связывают с пребыванием дем.

Опустив Мера в воду, женщины запели песню айясе¹⁶.

Кахидиоре, Кадисурамо
Айо Катингваре
Айо Будэ
Будэ Ябудо ваньябу,
Кади сурамé
и т. д.¹⁷

Помимо всего они надели на Мера большой женский передник, чтобы он не мог больше сопротивляться. А лодку вытащили на берег, где она находится и поныне. Сами женщины тоже остались тут же, чтобы стеречь Мера. А демы отправились дальше по разным деревьям.

37. Как появилась арековая пальма

Пока женщины привязывали Мера к бревнам, в их лодку вдруг впрыгнули два демы-кенгуру — Яно и Саманимб¹⁸. Они схватили стебель сахарного тростника, который находился в лодке, и перепрыгнули с ним на другой берег.

Крокодил Мангу, все время следовавший за лодкой, хотел было схватить Яно. Но тот уже был на другом берегу и вместе с Саманимб быстро ускакал в степь.

Мангу пустился за ними в погоню. Они промчались через Канис-меркару, Киюптере, Курикру, Яно-васиг и добрались до деревни Таям, на реке Маро¹⁹. Там Саманимб сказала Яно:

— Я не могу больше бежать, я забеременела.

— Остайся здесь и спрячься в лесу, — ответил Яно. — Я перепрыгну на другой берег, крокодил погонится за мной, а тебе ничего не сделает.

Он перепрыгнул через реку Маро. Мангу бросился за ним в реку и поплыл к другому берегу. Теперь оба побежали на запад, в Мапат, потом в Янгор. Здесь крокодил выдохся и прекратил преследование. Отдохнув, Мангу превратился в прекрасного юношу и пошел в деревню Мессе. Там он услышал от людей, что в Монгумере должен состояться праздник — большой праздник свиньи. Тогда юноша²⁰ начал себя украшать, вплетать в волосы лубяные косы, чтобы тоже пойти на праздник.

Когда он приближался к Монгумеру, навстречу ему выбежала девушка. Она тронула его за руку и спросила:

— А ты можешь быть апанапне-аним²¹? У тебя такое твердое, неподатливое тело!²²

Они вместе пришли в Монгумер, где должен был состояться праздник. Там юноша уселся на землю, раскрасил себе, как полагается, лицо и умастил тело²³. Оно стало гибким, красивым, и женщины принесли ему саго и плоды.

Из далеких и близких мест шли на праздник люди. Пришел в Монгумер и Мана²⁴. В ночь перед тем, как монгумер-анем должен был убить свинью, Мана соблазнил его жену по имени Яримба. Но потом он испугался, что юноша захочет ему отомстить, и больше уже не выпускал из рук своей палицы.

Ночью запели самб-ци²⁵. Когда праздник был в самом разгаре, Мана улучил момент, ударил монгумер-анема палицей по голове и убил его. А сам убежал в Копианг, к верховьям реки Биан.

Все оплакивали монгумер-анема. Женщины, которых звали Гура, Гура-гура, Кена, Кена-кена, Сенойя, Уэро, Дуа и Дуа-дуа, завернули его тело в кору эвкалипта²⁶ и положили в могилу.

На другое утро из могилы выросла арековая пальма (канис), прекрасная, стройная, неизвестная прежде. На ней уже были зрелые плоды. Собрались люди. Они дивились на дерево и пробовали орехи. Орехи оказались им пригодными для жевания бетеля. Вместе с известью и бетелем они окрашивали слюну в красный цвет. Ведь прежде (и до сих пор, если нет арековых орехов) вместо них жевали кору различных мангровых растений, например батна.

Женщины сорвали целые плоды, украсили каждый двумя кротоновыми листьями²⁷, понесли их на праздничную площадь и там повесили на бамбуковые шесты.

Все стали приходить сюда и рвать орехи. Жевание бетеля вскоре вошло у всех в привычку, потому что была найдена превосходная замена грубой и жесткой мангровой коре.

Скоро орехов на пальме почти совсем не осталось. Тут пришел юноша, зараженный кольчатый червем, по имени Ганди. Он взял последнюю гроздь арековых орехов и произнес над ней заклинание, так что в орехи сразу вошел червь. Этот червь и поныне водится почти в каждой арековой грозди. Он портит много орехов. Но

если бы Ганди этого не сделал, то люди бы съели их все²⁸.

Ганди был не кто иной, как сам монгумер-анем²⁹. Он сел на сиденье из саговых стволов и стал смотреть на праздник. Вечером к нему пришли его жены. Он спал с ними, и они родили много детей.

Все это представляется очень наглядно. Рассказчик пояснил мне картину таким образом: раскрываются околоцветия пальмы, из них появляются цветы, и каждый соответствует другому сорту ареки. (Маринд различают почти двадцать различных сортов.) Цветы — это превратившиеся женщины, олицетворение женского начала. Женщины фигурируют во всех мифах о демах-растениях, причем нигде прямо не говорится, в чьем образе они персонифицированы.

Женщины распространили ареку повсюду. А дема ареки находится и поныне близ Монгумера, где растет много арековых пальм — его потомков.

Миф демонстрирует великолепную фантазию маринд, свойственное им прекрасное знание природы. Близкое родство крокодила и арековой пальмы, по их представлениям, проявляется уже внешне, и, вероятно, это дало толчок возникновению мифа. Шероховатая, бугорчатая, жесткая кожа крокодила напоминает маринд поверхность арековых шишек.

Как происходит превращение одного в другое, особенно наглядно можно увидеть во время праздников. Поэтому я приведу для пояснения запись из моего дневника.

«Тут вперед выступает монгумер-анем. На спине у того, кто его изображает, висит большой, сделанный из дерева плод арековой пальмы. На нем пестрые украшения, вырезанные из оснований саговых листьев.

Прямо-таки видно, как совершается превращение крокодила в арековую шишку. Две его передние конечности превратились в основание плода, отростки которого имеют форму полумесяца; задние уже совсем исчезли. А между отростками выступает также вырезанная из дерева голова крокодила».

Однако родство между крокодилом и арекой проявляется не только во внешнем сходстве: родственны и одушевляющие их анимистические силы, поскольку они происходят от одного и того же деми. Это используется прежде всего в колдовстве. Арековые орехи заговаривают, приступая к ловле крокодилов, а также если кто-то был укушен крокодилом.

38. Вавар

После того как Опеко-анем был наказан, демы пещком разошлись по разным местам. Лодку они бросили у реки, где остались женщины — следить, как бы Опеко-анем не отвязался и не убежал.

Дема Вавар отправился в Имо. По пути он поранил ногу о бамбук. Рана была очень большая. Поэтому он решил сначала зайти в Саринге и там переждать, пока рана не заживет.

Когда он шел по болоту недалеко от Саринге, рана на его ноге открылась. Из нее вытекло много гноя и крови. Они попали на листья кувшинки, и те тотчас превратились в птиц.

Вавар этого даже не заметил. Он только услышал, как сзади кто-то произнес: «Тре-тре-тре!». А когда он обернулся, в воздух поднялась стая уродливых серых птиц со странными желтыми лоскутами на глазах. Это были птицы теретаре.

Позднее Вавар опять вернулся в Кумбе. Там он остался жить. У него родилось трое сыновей. Звали их Арембо, Сина и Гуно. О них известно следующее.

Сина пошел в Онгари, там теперь и живут его потомки — люди племени сина-рек. Арембо же и Гуно пошли в Саринге. Вот почему там живут арембо-рек и гуно-рек.

Другие потомки Вавара (вавар-рек) живут в разных деревнях (Кумбе, Каибур, Димар-це, Опеко и т. д.). Все они принадлежат к тотемно-мифологическому семейству брагаи-це или к боану арека-крокодила.

39. Лучной дема

В Сангасе жила девушка по имени Аримба. Каждый день она ходила на болото ловить рыбу.

Однажды она рыбачила в болоте близ деревни Мандиве. Она шла по болоту с сетью и вытаскила много рыбы. Вдруг она услышала чье-то бормотание. Это был рыбий дема, спрятавшийся среди рыб.

Девушка не обратила на этот звук внимания. Не глядя, кто попал в сеть, она вытряхнула рыб в корзину. В этот самый момент рыбий дема выпрыгнул оттуда и угодил ей прямо во влагалище.

Вскоре Аримба забеременела и родила двух мальчиков-дем. Первого звали Рингау. Он был наполовину человек, наполовину лук и впоследствии стал лучным демой.

Второй выглядел как крокодил. Только его тело было

покрыто арековыми плодами. Он был демо́й-крокодилем и впоследствии превратился в арековую пальму. Это и был монгумер-анем.

Девушка сказала своим сестрам, чтобы они никому не проболтались о том, что случилось.

Этот миф связывает миф о луке (см. № 60) и миф о монгумер-анеме. Брагаи-це считают лук своим родственником, так как он появился из их рыбы.

Известны и другие мифы о луке. Ведь каждый боан хочет иметь свой мифологический лук.

МИФЫ ЙОРМ-ЭНД

К числу брагаи-це в более широком смысле относятся и йорм-энд (на западномариндском диалекте — йолм-энд), т. е. группа племен, происходящих от Йормы, демы моря, или принадлежащих к боану моря (этоб)³⁰. Они находятся в близких отношениях с морем, с рыбами, пресной водой, грунтовыми водами и дождем, короче говоря, со всем, что имеет какую-то связь с водой. Менее понятно их родственное отношение к другим брагаи-це, о чем ни один миф не позволяет судить.

40. Как возникли грунтовые воды³¹

Однажды была сильная засуха. У жителей деревни Гебут, в верховьях Биана, совсем не стало воды. Наконец они сказали одной старой женщине, по имени Давена:

— Пойди-ка, Давена, в лес, поищи воду!

Давена пошла в лес, но воды нигде не было. Тогда она стала копать в местах пониже, где росли саговые пальмы. Она копала долго, без усталости и выкопала довольно глубокую яму, но до воды так и не добралась.

Жители Гебута напрасно ждали Давену. Наконец они решили узнать, где она так долго пропадает, и побежали в саговую рощу искать ее.

Они искали ее, искали и набрали на глубокую яму. На дне ямы находилась Давена. Она как раз начинала мочиться.

Из мочи Давены и возникли все грунтовые воды. Она — дема, породившая всю воду, что течет под землей, в глубине, наполняет болота и ручейки.

Давена и поныне сидит в яме близ Гебута, в верховьях Биана. И даже в самую большую засуху, когда пересыхают все ручьи и болота, в этой яме всегда есть вода, потому что Давена все время ее подбавляет.

С этим мифом связано заклинание, которое произносят, когда в пору засухи ищут грунтовую воду. Мне хотелось бы привести его для полноты. Когда возникает жужда в питьевой воде, маринд втыкают в вырытую яму лист кокосовой пальмы и произносят: «Давена, Давена! Кано дамо косур ехар мирав!», что значит: «Давена, Давена! Помочись на это место!»

41. Йорма, дема вод и моря

Сыном Давены был Йорма, морской дема. А отца его звали Дессе³².

Когда Йорма достиг возраста мокравед³³, он пришел в окрестности Имо и поселился в болоте. Сюда каждый день приходила за водой одна девушка. Однажды она увидела в болоте юношу, который при ее приближении стал онанировать³⁴. Девушка вернулась в деревню и рассказала об этом мужчинам. На другой день, когда она опять пошла к болоту за водой, следом отправились несколько мужчин, вооруженных луками и стрелами. Девушка наклонилась зачерпнуть воды и опять увидела юношу, который призывно смотрел на нее из болота. Но тут один из мужчин пустил стрелу, и она попала юноше в глаз.

Плача и стеляя, Йорма убежал из болота. Сначала он пришел к другому болоту, которое получило название Йорма-эссад, что значит «местопребывание Йормы», а оттуда спустя некоторое время направился в Вобитаруд-мук, Кароки-эпе, Вапанг, Эхиа, Юргиб, Карера и наконец добрался до речки Кророри, близ Окабы³⁵.

Оттуда Йорма пошел к морю и направился вдоль побережья на запад, к Мури, пока не добрался до самой западной оконечности Комолома, до Мои и Пегали. Там он встретился с Гебом³⁶, пожаловался ему на боль и рассказал, как люди из Имо ранили его в глаз и заставили бежать. Геб сказал Йорме:

— Позови своих женщин (накари), пусть они сделают тебе надрез³⁷.

Накари Йормы звали Кандова, Ворма, Анойя, Акойя,

Санойя, Караи и Мо³⁸. Они принесли осколки раковин, чтобы сделать надрез на заплывшем глазе Йормы. Каждая по очереди бралась за дело, но ни у одной не получалось. Только Ворма сумела помочь деме, потому что у нее была твердая рука³⁹. Медленно приблизилась она к нему с осколком раковины, сделала быстрый и точный надрез на гнойном нарыве, так что вся нечистая кровь вытекла, а с ней вышел обломок наконечника стрелы.

Геб спросил Йорму, что он намерен делать. Тот ответил, что хочет отомстить жителям Имо, причинившим ему зло. С помощью Геба он смастерил множество украшений, которые положено носить великому деме: дедарир, темтема, батенд и карури⁴⁰. Он надел эти украшения на себя, потом взял большой барабан и погрузился в море⁴¹.

Вначале Йорма был еще немного слаб, движения его были неуверенны, но он не переставая бил в барабан, все громче и громче, и сам становился все сильнее и сильнее и передвигался от Комолома все дальше на восток.

Йорма стал великим и страшным демой. Его гуи⁴² развевалось по ветру. Далеко разносился звук его барабана⁴³. Заслышав этот грохот и гул, люди в деревнях в страхе разбегались и прятались по своим хижинам.

Йорма решил пойти в Имо, чтобы разрушить эту деревню. Он переночевал в Вамеле⁴⁴, а наутро отправился в путь. По пути он решил разделаться с жителями деревни Уамби. Он затушил у них огонь, вырвал несколько пальм и разрушил хижины.

С жителями Имо Йорма обошелся гораздо хуже. Как раз перед его приходом у них был праздник. Всю ночь они пели и танцевали, а потом легли отдыхать. Когда Йорма пришел в Имо, все в деревне спали. Он промчался по берегу и поломал все пальмы. Потом он стал рушить хижины, в которых спали люди, и не пощадил даже огороды. Скоро он сровнял с землей всю деревню. От нее не осталось и следа. Так Йорма отомстил жителям Имо.

Потом он отправился к реке Биан и там пребывает по сей день. Он — большой страшный дема, который живет в этой реке. Каждый день он поднимает огромную волну⁴⁵.

А погибшие жители Имо стали рыбами⁴⁶. В живых остались лишь немногие. От них и произошли йормэнд⁴⁷.

42. Гангута

Гангута был демой дерева сер⁴⁸. Однажды он появился в местности Мувидал, близ Онгари. Какой-то мальчик, зараженный кольчатый червем, увидел, как от берега к деревне движется огромный дема. Мать мальчика сидела в это время перед хижиной и плела циновку. Когда она увидела Гангуту, ее охватил страх.

— Беги скорее сюда! — крикнула она мальчику. — А то Гангута бросится на тебя и затопчет.

Потом она побежала в мужской дом и подняла тревогу. С ужасом смотрели мужчины, как Гангута приближается к деревне, сметая все на своем пути. Они поскорее попрыгали в лодки и поплыли звать на помощь людей из других деревень.

— Пойдемте с нами в Онгари! — говорили они им. — Огромный дема грозит нашей деревне. Помогите нам справиться с ним.

И все, кто жил в деревнях Бар и Канапук, Монгуал и Токе, Бапир и Байкар, вооружившись каменными топорами, сели в лодки и поплыли в Онгари. Гангута еще не дошел до деревни, но каждый миг грозил обрушиться на хижину.

Мужчины окружили дерево. Три дня они подрубали своими каменными топорами его ствол. Наконец Гангута медленно покачнулся в одну сторону, в другую и со страшным грохотом упал.

Крона дерева упала далеко в море, и листья его превратились в морских рыб ровровех, сангупан, кируб, куикавак, ямопа. Корни же Гангуты превратились в пресноводных рыб, которые населяют теперь болота. Это яманг, тунга, умга, цакив, кануб. А самый большой корень превратился в акулу ипани.

На берегу близ Онгари и сейчас можно встретить много окаменелых ветвей и кусков дерева. Это все, что осталось от Гангуты. Ствол же его мужчины притащили в Рарук-мирав, где он находится и поныне. Но сам дема ускользнул от людей и спрятался в болоте близ Онгари.

Гангута относится к сообществу брагаи-це, поскольку от него произошли рыбы. Таким образом, он связан родством и с морем, с йорм-энд. От него происходит племя гангута-рек, которое искони живет в Онгари; оно принадлежит также к боану рыбы аве.

43. Морской орел

Крокодил и морской орел⁴⁹ были братьями. Они жили в устье реки Биан, на ее левом берегу, вблизи острова Валинау⁵⁰. Крокодил устроил себе жилище на берегу, орел — на высоком дереве недалеко от моря.

Однажды братья увидели, как по берегу идут две девушки. Морской орел и крокодил быстро превратились в молодых людей и вышли к ним навстречу.

— Куда вы собрались? — спросили они.

— Мы хотели попасть на Валинау, на праздник, — ответили девушки, — но не нашли лодку, чтобы переправиться через море.

— Не беспокойтесь, — в один голос сказали юноша-орел и юноша-крокодил, — мы вас перенесем через море.

И вот одна девушка села на спину юноше-крокодилу, другая — на спину юноше-орлу. В тот же самый миг они опять превратились в зверей. Крокодил быстро утащил свою добычу в море, а морской орел со своей девушкой взлетел на высокое дерево, где находилось его гнездо.

Девушка стала жить с демой-орлом. Но она все время думала, как бы ей убежать. Слезть с дерева казалось невозможно, оно было слишком высоким, а ствол — слишком толстым. Наконец она придумала хитрость.

Однажды она сказала морскому орлу (а звали его Бау):

— Слетай-ка сегодня в степь и принеси кенгуру. Я хочу испечь пирог с мясом.

Бау полетел в степь охотиться на кенгуру. Вечером он возвратился с добычей, и девушка приготовила горамо — саговый пирог с мясом.

На другой день девушка опять сказала:

— Слетай сегодня в лес и принеси мне уга — листьев веерной пальмы. Я хочу сплести из них циновку.

Бау и на этот раз не заставил просить себя дважды. Он полетел в лес и вечером вернулся, нагруженный ли-

стями пальмы уга. Девушка тотчас принялась за плетение.

На третий день она снова сказала:

— Не добудешь ли ты еще одного кенгуру? Я опять хочу испечь пирог с мясом.

Бау снова отправился в степь и охотился до вечера. Тем временем девушка сплела из волокон уговой пальмы длинную веревку⁵¹. Еще до наступления вечера была готова веревка достаточной длины.

Девушка спустилась по ней с дерева и быстро переправилась на Валинау. Жители Валинау уже давно повсюду ее искали. Они посоветовали ей спрятаться в хижине на случай, если Бау захочет ей отомстить.

Вечером Бау вернулся к своему гнезду. Он увидел свисающую с дерева веревку и понял, что девушка убежала. В гневе полетел морской орел на Валинау. Там он стал рушить хижину за хижинной. Вскоре от Валинау ничего не осталось, кроме развалин.

Покончив с хижинами, Бау набросился на беззащитных людей. Он рвал их на части когтями, бил клювом. Поток крови лился до самой Онгари. Даже море стало красным, даже морское дно пропиталось кровью. Недаром и сейчас между Домандэ и Онгари можно увидеть множество красных камней.

А морской орел полетел дальше, в Ман⁵². С клюва у него еще капала кровь. И там, где она падала на землю, сейчас находят алую земляную краску. Затем Бау полетел в Мангат-мирав и другие места, всюду оставляя следы крови. Во всех этих местах встречается алая земляная краска — ара.

Наконец Бау добрался до верховьев Тораси. Там у него появилось потомство. От него ведут свой род бауаним, которые принадлежат к боану морского орла (кидуб).

Позднее Бау обосновался в Муре, между реками Явим и Комбис. Там и поныне находится камень, по виду похожий на морского орла. Это и есть дема.

44. Сангар-анем, орлан-белохвост

Другую хищную птицу, которая также принадлежит к данному тотемному сообществу, в мифах обычно называют Сангар-анем, т. е. «человек из Сангара». Вероятно, это орлан-

белохвост, *Pandion leucoscephalus*. Он связан мифологическим родством с боаном свиньи, базик-боаном. Об этом повествует следующий миф.

Сангар-анем жил в Валинау у своего брата, большого морского орла. Гнезда обоих находились рядом на одном и том же дереве.

Однажды в Сангаре, близ Сивасива, состоялся большой праздник свиньи. Сангар-анем тоже отправился туда. Путь его лежал через местности Цид, близ Нох-отива, Мури, близ Сепадима, и Йорен, близ Борема. В Йорене он надел на себя украшения и потребовал у людей, чтобы они дали ему стрелы, причем не охотничьи, а настоящие военные стрелы — ариб.

У одного из местных жителей, Меру, он увел дочь и пошел с ней в Сангар, где люди как раз готовились к празднику. Женщины были заняты на огородах, а все мужчины ушли на охоту. Сангар-анем тоже захотел быть полезным и отправился на болото ловить рыбу.

Через два дня начался праздник. Это был большой праздник. Всю ночь танцевали и пели, а наутро убили жирную праздничную свинью.

Когда мужчины занялись разделкой свиной туши, Сангар-анем придумал хитрость. Чтобы отвлечь их, он отдал мужчинам девушку, которую привел с собой. Он заметил, что они уже давно поглядывали на нее. Тотчас все отправились за деревню, где должны были состояться торжества. Когда все ушли, Сангар-анем незаметно вернулся к праздничной площади и украл от свиной туши столько мяса, сколько мог унести. Он убежал к реке Тораси, где и спокойно съел свою добычу⁵³.

Оттуда он ушел в местности Бапир и Бандри, на реке Явим. Там Сангар-анем живет и сейчас. В Явиме живут его потомки, которые принадлежат также к боану орла (кидуб).

К сообществу брагаи-це, а именно к боану орла (кидуб), принадлежит также хищная птица мовира. Птица эта черно-коричневая, только небольшая область на животе у нее белая. Миф рассказывает, что предки-демы этой птицы, которые прежде жили исключительно на острове Хабе, когда-то носили на животе раковину (такие раковины мужчины носят впереди на поясе для украшения).

МИФЫ ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗОВ ДИВА-РЕК, МАХУ-ЦЕ, ВОКАБУ-РЕК И ЦО-ХЕ (ИЛИ ДАХ-САМИ)

Все эти племенные союзы образуют общую группу с единым кругом мифов. Отношения между ними основаны на тотемно-мифологическом родстве, как это довольно хорошо видно из приводимых далее текстов. Не совсем ясно лишь отношение к прочим дива-рек, но, по-видимому, оно тоже носит тотемно-мифологический характер, хотя и несколько особого рода.

МИФЫ ДИВА-РЕК

45. Лодка Дива

Однажды в майо близ Йормакана состоялся праздник Майо. Когда он окончился, демы уплыли на лодке. Лодка их называлась Дива. В ней было много народу, в том числе демы Цави, Киндур, Вапе, Вату, Вимас, Бегуа¹.

Впереди сидел Йови, дема белой цапли². Лодка была нагружена саго, кокосовыми орехами, рыбой, арековыми плодами, колотушками для саго — короче, всем, что маринд обычно берут с собой в дорогу.

Они плыли вверх по реке Тораси, затем по затопленным участкам суши добрались до речки Вангу, притока реки Маро, и потом по Маро поплыли вниз, до самого Сенайо.

Один дема, по имени Югил³, шел впереди пешком. У него был невероятно большой член. Его приходилось нести, перекинув через шею.

Югил пришел в местность Сенайо и хотел там переправиться через реку. Но нигде не было лодки. Наконец на другом берегу он увидел женщину. Она выколачивала саго вместе с дочерью. Он крикнул им, чтобы они перевезли его через реку.

Женщина приплыла к нему и предложила Югилу войти в лодку. Она сама села впереди, в середине сидела ее дочь, а Югил — позади. Во время поездки Югил оскорбил дочь женщины. Тогда мать взяла пластинку сагового листа (дапа) и отрезала Югилу член, так что тот упал в воду.

Воя от боли, Югил вышел на берег и пешком добрался до Сенайо. Скоро туда приплыла и лодка Дива.

В Сенайо демы устроили большой праздник⁴. Среди присутствующих были дема-орел и его друг, дема-аист. Они сидели друг против друга на противоположных берегах реки⁵. Во время праздника дема-орел украл очень много саго и улетел с ним. Но ему не повезло: неподалеку от Сенайо он уронил свою ношу. Саго упало и превратилось в белую глину, которую жители Сенайо выкапывают и едят⁶.

Когда праздник окончился, демы отправились на лодке дальше. Югил тоже поплыл с ними. Одному деме, Цави, пришлось остаться, потому что он во время праздника объелся саго и стал из-за этого слишком толстым и тяжелым.

Ниже Сенайо лодка вдруг наткнулась на отрезанный член Югила. Он зацепился за переднюю часть лодки и так поплыл вместе с ней по реке к морю. Их быстро несло течением. Но лодка оказалась сильно перегружена и грозила зачерпнуть воду. Надо было ее облегчить. Поэтому в Мураме демы сбросили в воду одного из пливших с ними. Это был дема, который хотел сам себя съесть. От него произошли эмер-аним (голодные люди)⁷.

Когда проплывали мимо местности Макавир, из воды внезапно вынырнула морская змея — дема Салендо. При этом возник сильный водоворот. Лодка зачерпнула воды и едва не перевернулась. Потом Салендо поплыл впереди, лодка Дива медленно следовала за ним. Ее надо было опять поскорее облегчить. За борт выбросили сначала колотушки для саго (амбука), а потом старуху, которая превратилась в черепаху гау. Вот почему в этих местах и теперь находится майо демы-черепахи.

Когда проплывали Цид, демы выбросили в воду рыбу хара. Вот почему близ Цида водится много этой рыбы. Затем пришлось выбросить рыбу карамбу, потом большое количество саго. Вот почему здесь много саговых роц, а ручейки и болота полны рыбы.

А в Биамите они выбросили за борт дему-крокодила. Он и до сих пор там живет.

В Аруде один мальчик вышел из лодки на берег, чтобы помочиться. Его так и оставили на берегу. Это дема, который и теперь живет в тех местах. А еще одного мальчика оставили в Сарапе. Он был брагаи-це, поэтому в тех местах находится дема арековой пальмы⁸.

Тем временем перед лодкой опять внезапно вынырнул Салендо, устроив сильный водоворот. Он проплыл вокруг лодки и нырнул снова. Из воды выглядывали только его глаза, похожие на крокодильи. Лодка подплывала к нему все ближе. Салендо подождал, пока она будет совсем близко, и вдруг перевернул ее. Все демы оказались в воде. Это было вблизи от Сирапу. Здесь и сейчас живут демы. Поэтому это место называется Дема-мирав и пользуется дурной славой.

Только дема Дабад успел вовремя увидеть Салендо и выпрыгнул в воду раньше. Однако он не сумел добраться до берега, и течение унесло его в море. Он и сейчас живет под водой в устье Маро⁹.

А Салендо уплыл к Анасеи, в болото под названием Майо, где он пребывает и теперь.

Когда лодка перевернулась, демы сумели выбраться на берег и привязали ее к шесту. Однако течение опять подхватило лодку и понесло в море. Один мальчик увидел это и пошел за ней по берегу. Звали этого мальчика Мессе. Он увидел, что лодку понесло вдоль морского берега к востоку, в сторону Бокрема. Там течение увлекло ее в маленькую речушку Тарма, а потом через болота все дальше и дальше от побережья.

Мальчик долго еще пытался угнаться за ней, но наконец отстал и сел отдохнуть. Место, где он остановился, получило название Мессе. Там до сих пор обитает демамальчик.

А лодку Дива несло дальше и дальше, через болота и ручьи. Наконец она достигла речки Собвары, которая впадает в Маро, близ Горара. Таким образом, лодка опять вернулась в Маро. Но приливное течение понесло ее еще дальше вверх по реке, в Таям, Сермаям, Сенайо, и принесло в реку Вангу, где она находится по сей день.

Вместе с лодкой отрезанный член Югила достиг Кая-каи (между Сепадимом и Боремом). Здесь прибой

вынес его на берег. В болоте близ Кая-каи живет и поныне дема-член¹⁰.

Сам же Югил вместе с другими демами, которые плыли на лодке Дива, остался в Сирапу. От них и произошли дива-рек, которые причисляют себя к боану члена (увик). Югила называют также Миет-увик-дема, что значит «дема обрубка члена».

В окрестностях Кая-каи, как и в окрестностях Сирапу, встречаются, согласно рассказам местных жителей, камни в форме пениса. Их почитают как вещественное воплощение демы. Вот почему эти места пользуются уважением.

Большое племя дива-рек населяет сейчас, в соответствии с мифом, преимущественно Урумб-мирав — местность в устье реки Маро, соответствующую бывшему Сирапу. Представители этого племени живут также и в соседних селениях Нох-отив и Купер-мирав.

46. Гангута, дема-свая

В Сенайо устроили большой праздник свиньи. Как водится, для этого соорудили праздничную хижину на резных сваях. Протанцевав всю ночь, люди заснули.

Вдруг одна свая начала раскачиваться, грозя обвалить всю хижину. Это был Гангута — дема-свая. Никто не заметил опасности, кроме одной старухи, которая не спала. Но она опоздала предупредить остальных. Едва она разбудила спавших, как хижина рухнула и погребла под собой людей.

— Пак, пак! — закричали они из-под развалин, словно лягушки. И тут же все превратились в лягушек¹¹.

А Гангута упал в воду и поплыл вниз по реке Маро в Япарам, где пребывает и сейчас.

В соответствии с этим мифом, лягушек причисляют к племениному союзу дива-рек.

47. Авасра

Авасра-рек, потомки Авасры, связаны тотемно-мифологическим родством с дива-рек. Они также принадлежат к боану пениса, поскольку и Авасра тоже был дема-пенис.

Авасра был родом из Сенама, что на реке Кумбе. Он родился из околоцветника нибунговой пальмы (сотех).

Там, в околоцветнике, он прятался, лишь иногда высывая голову¹².

Однажды мимо пальмы проходили две девушки. Они шли на огород за кокосовыми орехами. Вдруг они услышали детский плач. Они оглянулись, пошли на этот крик и увидели маленького краснокожего мальчика¹³, который сидел в околоцветнике нибунговой пальмы. Одна из девушек быстро вскарабкалась на нее, отрезала околоцветник, достала мальчика и принесла в деревню. Его назвали Авасра.

Когда мальчик повзрослел, его член вырос до чрезвычайной длины. Авасра стал соблазнять в деревне девушек и женщин. Тогда мужчины его прогнали, и Авасра убежал в Абои, к реке Биан¹⁴. Там у него родились дети. От них ведут свой род авасра-энд.

Однажды Авасра пришел в Тумид, где должен был состояться праздник. Он тоже принял в нем участие. Но больше всего он смотрел на девушек и соблазнял их.

Он не заметил, как одна из девушек похитила его палицу. Когда Авасра обнаружил это, он взял осьминога, поджарил его, привязал к шнуру и приделал к нему множество зазубренных и расщепленных перьев (кус)¹⁵.

Ночью юноши и девушки стали танцевать и петь. Авасра незаметно подкрался к ним, раскачал осьминога на шнуре и бросил его высоко в воздух. Тот упал на танцующих.

Юноши и девушки разбежались в ужасе, крича: «Уаи-а! Уаи-а!» Осьминог превратился в метеор — в уаи. А Авасра получил назад свою палицу.

Осьминог (аназис) и метеор (уаи) принадлежат к авасра-энд, т. е. они ведут род от Авасры.

МИФЫ МАХУ-ЦЕ

48. Маху, дема-собака

Маху (дема-собака) также связан тотемным родством с дива-рек, поскольку и у него мужское естество было необычайных размеров.

Маху очень любил свою жену Лен. Она родила ему выводок собак¹⁶. Все они были демы-собаки.

Сначала Лен спрятала своих детей-собак в хижине.

Но Маху услышал, что в хижине все время кто-то скулит, и скоро разгадал тайну. Он дал им такие имена: Маледу, Йодкап, Йодайод, Мицерангиб, Курку, Кивари, Гируи, Пул, Ндинду, Русак, Мераб, Авунау и т. д.¹⁷

Маху часто называют демой-собакой, но мыслят как человека, у которого, однако, есть что-то и от собачьей природы, прежде всего мужское естество больших размеров. Поэтому он породил собак, которые, в свою очередь, опять же не были вполне собаками, в них было что-то и от человеческой природы. Прежде всего они умели говорить и могли превращаться в людей. Словом, это были собаки-демы (дема-нгат). От них лишь, как повествует далее миф, произошли собственно собаки. Таким образом, маху-де относятся к боану собаки (нгат).

Позднее Лен родила настоящих детей. Все они были мальчики, а звали их Какиду, Менам, Димбу, Канас, Бои, Киму, Маки и другие.

Кроме Лен у Маху была и вторая жена по имени Пиакор. Она однажды похитила с огорода Маху много бетеля. Но Маху выследил ее, связал по рукам и ногам и притащил в хижину.

— Я подстрелил казуара, — сказал он своему сыну. Он не хотел, чтобы дети знали, как он поступил с их матерью.

Но сыновья Маху узнали, как было дело, и очень рассердились. Они были так злы, что, когда стали испражняться, их испражнения полетели по воздуху в болото, которое называется Дув-хейн¹⁸ и находится близ Сингеаза. Там и поныне обитает дема-испражнение Са-руак.

Через несколько дней Маху вместе с Лен и Пиакор отправился в Сингеаз, в гости к своему другу Гебу. Он взял с собой в подарок и несколько своих собак. Ведь раньше собаки были неизвестны, вместо них люди держали крыс. Пиакор он тоже оставил Гебу, у которого не было жены¹⁹.

49. Ястреб и раковина кекевин

Дема Бето жил в Вурамбаде, близ Венду. Однажды он сидел у болота с удочкой и поймал рыбу намбимб. Бето зажарил ее и стал есть.

Вдруг прилетел ястреб²⁰, опустился около Бето и

укра́л его раковину кекевин²¹, которую дема положил рядом с собой. Бето закричал и погнался за птицей.

Он перебежал от дерева к дереву, а птица улетала все дальше и дальше с раковиной в когтях. Наконец она бросила раковину на землю, и та разбилась.

Поздно вечером, когда уже стемнело, усталый Бето пришел в деревню Капиог. Он хотел переночевать там у своего друга из племени на-аним. Но тот уже закрыл дверь и, видимо, спал.

— Открой мне! — закричал Бето и стал стучать в хижину. — Впусти меня!

На-аним открыл дверь и впустил Бето. Вместе с Бето в хижину вошел и хаис (дух умершего). Когда Бето лег спать, хаис схватил его и стал душить. Бето в страхе проснулся. Оказалось, ему просто снился сон о ястребе, который укра́л у него раковину.

Принадлежность ястреба (кеке) к сообществу маху-це обосновывается тем, что он обычно пожирает на берегу испражнения (на). Следовательно, на-анем — его родственник. К маху-це относится и раковина-семифузус (кекевин). У них сходная раскраска — красно-коричневая и белая. Представляется, однако, что между ними есть и более глубокая общность. На это указывают, возможно, названия «кеке» и «кекевин». Не исключено, что миф первоначально звучал иначе. «Кекевин» значит «стать кеке»; можно предположить, что в раковине семифузус родился ястреб и породил его Бето. То, что коршун является к Бето как хаис, также имеет реальную подоплеку: серо-коричневое оперение этой птицы и ее способность внезапно появляться и исчезать в самом деле придают ей нечто призрачное.

50. Как появились собаки

Один из псов Маху, по имени Гируи, соблазнил свою мать Лен. Каждый раз, когда Маху со всеми собаками шел на охоту, Гируи незаметно возвращался и проскальзывал к ней в хижину.

Вскоре Маху догадался об этом. Он увидел в хижине Лен следы Гируи и решил его убить.

Однажды, когда он с собаками опять отправился на охоту, Гируи попытался ускользнуть из лодки, чтобы незаметно вернуться в деревню. Тут Маху ударил его палицей по голове. Гируи замертво упал в воду. Маху вытащил пса бамбуковым крюком и, вернувшись домой, зажарил его.

Кости Гируи он собрал, завернул в околоветник арековой пальмы и повесил в хижине под крышей. Но дема продолжал жить и в костях. Когда Маху ушел, из каждой кости появилось по маленькой собаке.

Однажды Маху справлял в зарослях большую нужду и услышал, как позади него кто-то скулит. Из хижины выбежал выводок молодых собак, почувствовавших запах испражнений.

Так из костей демы-пса появились настоящие собаки. Из ближних и дальних деревень приходили к Маху люди посмотреть на его псов. Маху раздарил их всех, сколько у него было. Ведь прежде люди не знали собак и держали вместо них крыс.

51. Батенд-дема²² и Дорех

Батенд-дема жил в Ямули, на реке Бурака. У него было две жены. Одну звали Упма, другую — Упмаи. Но он всегда ходил один, а жен своих оставлял дома, и потом им то и дело приходилось очень долго его искать²³. А найдя его, жены снимали с себя передники и били ими батенд-дему по лицу.

Однажды Вакуху, женщина из Ямули, пошла к колодцу за водой и там увидела, как женщины забавляются с батенд-демой. Вакуху поспешила в деревню и сказала людям:

— Скорее бегите к колодцу! Там в роще странная птица²⁴ играет со своими женами.

Люди из Ямули решили изловить батенд-дему. Они смастерили силки и поставили их в роще, где жил дема.

Прошло немного времени, они поймали дему и принесли его в мужской дом.

А матерью батенд-демы была змея по имени Сами²⁵. Узнав, что люди поймали ее сына, она ночью отправилась в Ямули. Уже издалека она услышала крик своего сына: «Ти! ти! ти!» Змея пошла на крик и приползла к мужскому дому. Она открыла ловушку и освободила сына.

Люди проснулись от шума. Но в темноте они не смогли ничего разобрать и лишь наутро увидели, что птица исчезла.

Вместе с сыном Сами ушла в Макалин, потом в Ка-

рикери. В Карикери она осталась и находится там по сей день. А батенд-дема пошел дальше, в Бахор. Его жены последовали за ним.

Прошло несколько дней, и люди из Бахора тоже обнаружили дему и выследили его. Они погнались за ним с палками и стрелами. Но батенд-дема спрятался в банановых зарослях. Люди вслепую колотили палками вокруг себя, но лишь ломали банановые стебли. А батенд-дема убежал в болото Тарер, к северу от Ятомба.

Один из преследователей, Дорех, мужчина из племени даух-це, гнался за батенд-демой до самого болота. Там он опять стал вслепую колотить вокруг себя, но в птицу-дему не попал. Лишь несколько желто-красных перышек упало на землю. Из этих перышек выросли кротоновые стебли (кундама). Однако Дорех поранил здесь себе ногу острой травой и решил отказаться от дальнейшей погони. Место, где это произошло, называется с тех пор Ахо эссог, что значит «порезанный».

А батенд-дема полетел в Браву, потом дальше на восток, к реке Флай, и наконец перелетел на другой ее берег, в Хаис-мирав, страну мертвых, где он летает и ныне, охраняя вход в нее.

Удрученный Дорех вернулся в Имо. Там он решил посадить ямс. Первым делом он принялся за постройку бамбуковой изгороди. При этом он опять поранил острым бамбуком ногу, и ему пришлось на время прекратить работу.

Кровь, которая текла из раны, Дорех остановил сложенным листом таро. Но когда кровь свернулась, в ней, к его удивлению, проступило человеческое лицо. Оно становилось все отчетливее, и наконец в листе появился настоящий мальчик.

Но запах крови привлек ос. Они стали садиться на край листа. Пришлось Дореху отложить его в сторону. Он побежал к своему другу Гебу. Гебу осы были не страшны, потому что кожа у него была очень твердая.

Геб вышел из муравьиной кучи. Все его тело было покрыто морскими желудями.

— Что тебе? — спросил он Дореха.

— Пойдем со мной в Имо, — ответил тот. — Из крови, которая вытекла из раны на моей ноге, появился маленький мальчик. Но осы мешают мне взять его с собой.

Они оба пошли в Имо. Дорех захватил с собой детскую корзину. Геб вынул мальчика из листа таро и положил его в корзину.

Дорех назвал мальчика в свою честь, то есть тоже Дорехом. А из капель крови, которые упали на землю, образовались маленькие кучки земли, как будто специально взрыхленные для посадок ямса. Так что Дорех сразу смог приступить к посадкам.

52. Близнецы Бариу и Геренгер

В Курикре, на берегу Кумбе, жили два близнеца. Звали их Бариу и Геренгер. При рождении им не повезло, они срослись друг с другом спинами. На двоих у них были только две руки и две ноги. А головы тоже две.

Дорех все время издевался над близнецами. Как только Бариу собирался передать еду своему брату Геренгеру, Дорех тотчас ее перехватывал. И если еда была у Геренгера и он хотел передать ее своему брату, повторялось то же самое.

А однажды он завернул братьев в околочветник арековой пальмы, связал и бросил в огонь. Но они разорвали эту оболочку, прыгнули в воду и натравили на Дореха своих собак.

— Эй, Йодкап! Эй, Мицерангиб! Эй, Йодайод! — стали они кричать. — Хватайте Дореха! Хватайте его!

Дореху удалось схватить палку и перебить всех собак. Затем он набросился на Бариу и Геренгера и убил их тоже. Он взял их головы и головы убитых собак, завернул в один арековый околочветник и отправился в Варапу, на Кумбе, к своему другу Теимбре. Там он обработал головы.

После этого Дорех пошел в Онгари. Там он выбросил собачьи черепа. Их и сейчас можно увидеть в этих местах ²⁶.

Из Онгари Дорех направился в Домандэ, потом дальше, за реку Биан, в Окабу, где он убил Аниба ²⁷, оттуда дальше, в Ибом. В Ибومه он женился на девушке по имени Дабу и отправился с нею в Бу, на реке Мури. Там у него родился сын по имени Гопа.

Когда Гопа подросток, он в отсутствие Дореха соблаз-

нил свою мать, затем убил ее и труп бросил в реку Дигул. Там до сих пор пребывает дема, создающий сильный водоворот. А Гопа, преследуемый Дорехом, убежал в Акемиет, близ Макалина.

Некоторые рассказчики сообщают, что Дорех пустился за ним в погоню и преследовал до тех пор, пока Гопа не превратился в очень красивую птицу батенд. Так этот миф связывает с мифом о деме-батенд.

53. Амари и Ори

Собака-дема Саборувакту пришла из Абои в деревню Куркари и там родила мальчика по имени Амари.

В Куркари в это время находился Арамемб. Однажды он делал стрелы и вдруг увидел, что над деревней кружат сокол и коршун. Они высмотрели мальчика Амари и стали спускаться, чтобы схватить его. А Саборувакту дома не было. Она ушла в лес охотиться. Арамемб крикнул своим женам Сатап-иваг и Дави, чтобы они перенесли ребенка в безопасное место. Те положили его в детскую корзину и принесли в хижину.

Спустя некоторое время вернулась из леса собака. Она стала повсюду рыскать, искать пропавшего мальчика, но не нашла и убежала.

Мальчик остался жить в доме Арамемба. Он подрастал, достиг возраста мокравед²⁸, затем возраста эвати²⁹. Но он был скверным парнем³⁰. Он притворялся больным, чтобы жены Арамемба ухаживали за ним, а потом соблазнял их.

Наконец мужчины в деревне решили его убить. Однажды во время охоты мужчины послали его в деревню принести огня. Амари и на этот раз воспользовался случаем и опять наведалься в женский дом.

Когда он вернулся с огнем в степь, мужчины велели ему сложить костер. Затем они крепко привязали его к стволу дерева и вместе с ним бросили в огонь. Арамемб тоже согласился с таким решением. Когда Амари поджарился, его разделили и съели. Но Арамемб собрал кости Амари и завернул их в околответник ареки.

Жены Арамемба узнали про смерть Амари и очень огорчились.

— Зачем ты его убил? — сказали они Арамембу. — Мы же его вырастили! — И они стали думать, как бы отомстить Арамембу за убийство.

Арамемб уже сам жалел, что с Амари так поступили. На другой день он один отправился за деревню. Там он нарезал банановых листьев, сложил на них кости Амари так, чтобы они подошли одна к другой. Затем он покрыл кости травой и тростниками базум, бонабон и акур.

Прошло некоторое время, и трава зашевелилась. Кто-то под ней зашуршал. Арамемб приподнял траву. Из-под нее показались ухо и пальцы ног. Тогда он совсем отбросил траву и увидел юношу-миакима³¹. Это Амари опять ожил.

Арамемб побежал к женам рассказать, что произошло. Те были очень рады. Арамемб смастерил множество украшений и вплел их в лубяные косы юноши. Женщины тоже постарались для него. Они сплели ему браслеты, пояса, различные наголовные украшения. Арамемб жевал кокос и жег пайум³², чтобы умастить лубяные косы Амари.

На следующий вечер Амари был в полном наряде. Перед ним разложили сахарный тростник, бананы, ямс и уати. Он сидел на скамье, и девушки подходили к нему полюбоваться³³.

Позднее одна из девушек, по имени Наик, связалась с Амари, не сказав ему, что у нее уже был муж, которого звали Демо. Тот узнал о связи своей жены с Амари и при первой возможности убил соперника, пустив в него стрелу. Умирая, Амари воскликнул:

— Бабак! Бабак! Отнесите меня в Бабак³⁴!

Мертвого Амари отнесли в Бабак. Там он пребывает и поныне. Вот почему это место почитается. Его мать Саборувакту тоже пришла в Бабак; она — демасобака, живущая в этих местах.

А Наик родила от Амари сына по имени Ори. Когда Ори подрос, он отправился искать своего отца. Он обошел Имац-мирав, на другом берегу Биана, прошел Атих и Тумид, но нигде не мог найти отца.

В Тумиде Ори женился на девушке по имени Авимеб, и она родила ему четверых детей. Звали их Армеб, Питаруб, Гаринга и Ду.

Однажды они вместе играли и учились метать копьё.

Копье улетело куда-то в заросли, и дети не могли его найти. Тогда на поиски отправился сам Ори...³⁵.

Затем Ори со своей женой отправился в Алаку и поселился там. Он построил две хижины, одну — для себя, другую — для своей жены. Однажды вечером он увидел, как по берегу идет странный человек с круглой корзиной на голове³⁶. Ори испугался. Он никогда прежде не видел хаупры и не знал, что это такое. Ему показалось, что перед ним злой дема. Ори кинулся на него и сорвал с его головы корзину. Человек в страхе убежал.

Ори разглядел корзину со всех сторон, и ему пришло на ум использовать ее для рыбной ловли. С тех пор он каждый день ходил с ней вдоль берега и вскоре научился хорошо ловить рыбу.

Однажды он оставил корзину на берегу и пошел спать. Тем временем на берег пришел мужчина по имени Гопа и взял хаупру себе. Утром Ори проснулся и не нашел корзины на месте. Она лежала немного в стороне, но не так, как он ее оставил накануне. И Ори уже не смог найти дыру, через которую достают рыбу³⁷. Он был совсем сбит с толку и с тех пор больше не рыбачил.

Неподалеку на берегу он увидел детей. Они жарили рыбу. Это были дети Гопы. Ори незаметно приблизился к ним, взял горячую рыбину и стал бить ею детей по голове. Те пустились наутек.

На следующую ночь Гопа пришел туда, где спал Ори, с большими бамбуковыми сосудами, в которых носят воду, и вылил воду на спящего. Дети Гопы тоже принесли воду и стали лить на Ори. Вскоре там образовалось целое озеро. Вода унесла хижину вместе со скамьей, на которой лежал Ори.

Ори превратился в акулу (сесаи) и поплыл в сторону Такары. Его жены следовали за ним по берегу. Звали их Кена и Кена-кена.

Какие-то мужчины увидели, что со стороны Алаку идут две женщины.

— Куда вы направились? — окликнули они их.

— Ори превратился в акулу, — отвечали те. — Смотрите, вон он плывет в море.

И они рассказали, что произошло. Мужчины успокоили женщин и сказали:

— Сейчас мы поймаем Ори на крючок и вытащим.

Они смастерили большой крючок и забросили его на

шнуре в море. Когда акула схватила крючок, мужчины вместе с женщинами с большим трудом вытащили ее на берег. Мужчины надрезали акуле кожу на лбу, и из нее выбрался Ори. Он и сейчас обитает близ Алаку.

А у акул на лбу появился с тех пор шрам.

Амари и его потомки относятся к тотемно-мифологическому семейству маху-це, к боану собаки, так как Амари рожден от демы-собаки. Через Арамемба, который фигурирует в мифе, они также связаны с кеи-це. Ори-рек, т. е. потомки Ори, обитают, в частности, в Анасаи и Кумбе, а также в Алаку.

Ори-рек обычно говорят: «Мы стоим между маху-це и кеи-це-самкакаи. Арамемб относится к числу наших дем». Существует ли экзогамия между ори-рек и кеи-це-самкакаи, я с уверенностью не могу сказать. Похоже, что нет.

МИФЫ ВОКАБУ-РЕК

54. Как появились кораллы и горгониды

Дема Вокабу со своими многочисленными женами шел в Имо из Майо близ Йормакана, где он участвовал в празднике Майо. Каждый раз, когда Вокабу останавливался по пути на ночлег, он строил для себя и для своих жен хижину. А потом их разрушали ветры и бури.

Еще и поныне вдоль всего побережья можно увидеть развалины хижин Вокабу. Это обломки кораллов и горгонид, которые выбросило на берег.

Горгониды — это обломки кровли из саговых листьев (эбд), кораллы (какам) — перекрытия хижин. Приливы и отливы перекатывают их по берегу. А жены Вокабу — это маленькие крабы разных пород, живущие здесь.

55. Как появилось саго

Однажды на празднике свиньи жена Вокабу Сангон съела слишком много сала. И когда она возвращалась в Имо, у нее заболел живот. Поэтому ей приходилось то и дело справлять нужду. Но то, что из нее извергалось, оказалось не калом, а саго. Ведь Сангон была дема.

На аналогии между испражнениями и саго, объясняющей возникновение саго, основано родство между маху-це и вокабу-рек. И те, и другие относятся к боану саго (дах), они считают саго своим родственником.

Миф часто рассказывается и несколько иначе.

Когда Сангон, жена Вокабу, возвращалась из Сангара, она почувствовала, что забеременела. Вскоре она произвела на свет нежную красноватую мякоть. Это было саго³⁸. Но Сангон этого не знала. Ведь прежде саго было неизвестно, вместо него употребляли в пищу только банан³⁹.

Она попробовала поесть этой мякоти. Новая еда ей очень понравилась. Но сколько она ни ела, саго не становилось меньше. Нет, его оставалось столько же, потому что это был дема.

Сангон никому не стала выдавать своей тайны. Но однажды Вокабу заметил, что его жена ест не то, что он.

— Почему я ем бананы,— сказал ей Вокабу,— а ты что-то другое?

Однажды, когда Сангон не было дома, он стал обыскивать хижину и обнаружил, что в переднике его жены завернуто что-то желтовато-красное. Вокабу взял кусочек этой мякоти, положил на огонь, испек и съел. А остаток он спрятал под свои лубяные косы, вплетенные в волосы.

Но Вокабу не заметил, что его сыновья — Сибули, Акиал, Кукас и Ланави — подсматривали за ним. И когда Сангон вернулась домой, они рассказали ей, что отец украл у нее саго. Тогда Сангон ударила мужа по голове, и саго упало на землю.

На другой день из саго выросла пальма. На ней не было, правда, ни листьев, ни цветов — один лишь голый ствол, не очень высокий. Тогда Вокабу сказал одному деме из семейства брагаи-це:

— Пойди к морю, налови мне рыбы. Только мне не нужна рыба кируб и не нужна рыба карамба. Принеси мне скатов⁴⁰.

Тот пошел на берег, поймал несколько скатов и принес их Вокабу. А Вокабу взял рыб и прилепил их к стволу. Они тотчас превратились в основания саговых листьев⁴¹.

А Вокабу опять попросил дему:

— Сходи к морю еще раз и поймай рыбу-пилу.

Дема поймал несколько рыб и принес Вокабу. Тот вставил их в верхний конец ствола, и из них получились листья ⁴².

К пальме слетелись стаи птиц паре-паре, энд-энд и других. Они расположились на верхних листьях, а над ними уселась птица йови ⁴³. Так дерево начало цвести ⁴⁴.

Вокабу решил срубить пальму, чтобы приготовить саго. Он созвал на помощь людей. Но никто не знал, как приняться за дело. Ведь каменные топоры в те времена были еще неизвестны. Тогда Вокабу вырвал зуб у демы по имени Монуби. Этот дема пришел издалека, у него были очень большие зубы. И из этого зуба Вокабу сделал первый топор ⁴⁵.

Жены Вокабу, которых звали Римба и Мупи, принялись стучать этим топором по стволу. Тут дема, сидевший в дереве, стал кричать ⁴⁶. Наконец он вытащил из земли свои ноги и убежал. А дерево упало.

Чтобы обработать саго, Вокабу позвал девушку по имени Харау ⁴⁷. Она пришла с верховьев Биана и была в те времена первой и единственной женщиной, умевшей готовить саго ⁴⁸. Правда, поначалу она теряла много саго, потому что недостаточно плотно соединяла основания саговых листьев (пуки). Саговый дема был этим разгневан ⁴⁹ и превратил саго в несъедобную глину.

Так обосновывается родство между саго и глиной. Они опять же в чем-то сходны. Белая, серая и желтоватая морская глина, которую находят повсюду на берегах рек и во многих местах моря, очень напоминает по виду и по вкусу свежеприготовленное и обезвоженное саго. Этим же объясняется родство вокабу-рек и маху-це с другим союзом племен, цо-хе, с семействами, которые относятся к боану глины (гем).

Вокабу захотелось иметь еще больше саговых пальм. Он попросил Барингау, кокосового дему, дать ему место для посадок саго. Барингау сказал:

— Иди сажай саго подальше от берега, а я останусь на побережье ⁵⁰.

После этого Вокабу отдал своих жен на одну ночь жителям деревни. Женщины легли по сторонам выросшей саговой пальмы, и мужчины, демы всех семейств и боанов, стали подходить к ним, чтобы их оплодотворить. Тогда вокруг пня срубленной саговой пальмы, из ее корней появились новые ростки ⁵¹, и каждый соответствовал другому сорту:

Дема геб-це породил саго арап.

Дема ндик-энд породил саго вепра.

Дема брагаи-це породил саго думанг.

Дема цо-хе породил саго гаскус, мадои и т. д.

Поэтому саго арап принадлежит семейству геб-це, а саго вепра — семейству ндик-энд, саго думанг принадлежит семейству брагаи-це, а гаскус и мадои — племени цо-хе.

Но первоначальное саго, которое возникло из демы, названо по его имени — гурида⁵².

После того как Харау приготовила саго и вокруг первого пальмового ствола возник целый саговый лес, одна из жен Вокабу, по имени Дуриау, вырвала корень упавшей пальмы и принесла его в Купер-мирав, в местность, которая теперь называется Дах-миет, что значит «Корень саговой пальмы».

Другая жена Вокабу, которую звали Кооди, принесла отрубленную верхушку саговой пальмы в Бес-мирав, и местность эта получила название Нгар эпе эвасид, что значит «Здесь лежит верхушка саго».

Наконец, третья жена Вокабу принесла пальмовые цветы в степь Канги, близ Кондо, и эта местность теперь называется Дум эпе эвасид, что значит «Здесь лежат цветы саго»⁵³.

Всюду в этих местах возникли большие рощи саго, потому что жены Вокабу позаботились о его размножении и распространении⁵⁴.

Сыновья Вокабу, которых звали Буа-буа, Саве, Аго и Угуг, увидели, что их отец отдал своих жен людям, и тоже захотели принять участие в празднике.

— Что вам тут надо? — закричал на них Вокабу и стал бить их по головам своей калемасой для извести так, что она раскололась. Мальчики убежали. Вокабу гнался за ними до самой реки Биан. Там мальчики прыгнули в воду, чтобы смыть с себя известь.

Напрасно ждал Вокабу на берегу, пока его сыновья вынырнут. Они превратились в рыб анда⁵⁵.

— Вылезайте! — кричал им Вокабу. Но мальчики не отзывались.

Тогда Вокабу наклонился над водой и свесил в воду свои лубяные косы.

— Плывите сюда, — закричал он рыбам, — хватайтесь за мои косы, я вас вытащу.

Но они так и не появились.

Другой сын Вокабу убежал в степь. Вокабу преследовал его, пока хватало сил. Наконец мальчик превратился в многоножку таду.

А Вокабу остался в Сангасе. Там у него родился еще один сын — по имени Аренго. От него и произошли вокабу-рек. Позднее Вокабу пришел в Домандэ, где также оставил потомство.

Вокабу-рек представляют собой многочисленное племя, принадлежащее к боану анда (сома). Самого Вокабу называют также анда-дема, поскольку его сыновья превратились в сомов. Он находится в тесных родственных отношениях с фауной песчаного побережья.

Вокабу-рек относятся также к боану саго (дах), поскольку Вокабу связан мифологическим родством и с саго. Ведь это его супруга произвела на свет дему саго, и сам он считается предком саговой пальмы.

56. Как появились голуби

Когда остров Хабе поплыл на запад и близ Бирока его схватил ротановый дема⁵⁶, среди тех, кто пытался его освободить, был человек по имени Камина из даухце. Он пришел на Хабе со своей матерью, которую звали Амус. Пока он всячески старался одолеть ротанового дему, Амус умерла на острове. Сын там же ее и похоронил. А поскольку эвкалиптовой коры, которой принято укрывать тело, у него не оказалось, Камина завернул тело матери в банановые листья.

На третий день после похорон из ямы послышались чьи-то голоса. Камина решил посмотреть, кто там. Он открыл могилу, из нее выпорхнула стая голубей и полетела к побережью.

Нечто подобное произошло и с другой женщиной, которая тоже умерла на Хабе. Ее тело покрыли кусками саговой пальмы. Через три дня из-под коры вылетели утки.

В соответствии с этим мифом голуби (бевом) относятся к геб-це, к боану банана, поскольку для их возникновения понадобились банановые листья. К тому же эти голуби напоминают молодые банановые листья своей нежно-желтой окраской. Утки же по аналогичным причинам относятся к боану саго. Своей коричневой окраской утки напоминают цвет коры саговой пальмы. Таким образом, тотемическое родство опять же основано на внешнем сходстве.

57. Глиняный дема

Однажды глиняный дема Уари отправился на охоту за головами. Он поплыл на своей лодке Нуси на восток, в местность, которая находится между Дув-мирав и Макалином. Но пристать к берегу ему помешала сильная волна.

Как ни досадовал дема, пришлось ему повернуть. Он поплыл к речке Сава и там переночевал. А на другое утро отправился дальше.

Затем Уари добрался до реки Кумбе и в устье ее пристал к берегу. Из-за неудавшейся охоты он был очень зол. Но и здесь он пробыл недолго.

— Ты ничего нам не можешь сделать,— стали кричать ему жители Кумбе.— Ты слишком молод!

Уари поплыл дальше на восток и добрался до деревни Бангу, которая находилась возле устья маленького ручья того же названия. Жители Бангу как раз собирались устроить праздник. Они уже начали украшать себя и вплетали в свои волосы лубяные косы. Уж на них-то Уари решил непременно напасть.

Он оставил свою лодку в Биваре и пешком пошел в деревню. Ночью Уари очень тихо пробрался в Бангу. Все спали. Только один молодой мужчина еще продолжал вплетать в волосы лубяные косы. Услышав шум, он быстро разбудил свою девушку⁵⁷ и сына и вместе с ними быстро вскарабкался на дерево. Оттуда он стал смотреть, что происходит.

А Уари прошел по деревне и перебил всех людей. Затем он завалил слоем илистой глины все хижины. Наутро весь берег оказался покрытым этой глиной. Из нее торчали лишь макушки деревьев. Из всех жителей спаслись только молодой мужчина с женой и сыном.

Когда Уари ушел, мальчик сказал:

— Я попробую спуститься и посмотреть, затвердела ли уже глина, можем ли мы отсюда уйти.

Он слез с дерева. Но едва он сделал несколько шагов, как стал тонуть. Чем отчаяннее пытался мальчик выбраться, тем глубже он погружался в глину — сначала по грудь, потом по шею — и наконец превратился в рыбу-прыгуна.

Мать с дерева все это видела. Тогда она наломала веток, сплела из них шарообразную корзину — хаупру, какой ловят рыбу, — и спустилась с дерева, чтобы выловить сына. Она добралась до места, где утонул мальчик, и стала тонуть сама. Напрасно она барахталась, пытаясь выбраться. Ее корзина превратилась в корни мангрового дерева, а она сама — в его ствол и крону.

Один из вариантов мифа повествует о превращениях других жителей деревни, затопленной глиной. Так, одна маленькая девочка превратилась в пеликана и полетела в Даух-це-мирав, где и поныне обитает дема-пеликан. Одна женщина превратилась в большого краба нгус⁵⁸ и убежала со своим сыном в Окабу, в ручей Корои, где и поныне живет дема-нгус. Это была Хойом, жена демы Вонатаи⁵⁹. Остальные превратились в скатов и других рыб.

А кости и черепа людей, погребенных под глиной в Бангу, превратились во всевозможные раковины, которые и сейчас находят на берегу. Это, например, волюта (саху), т. е. раковина, которую носят мужчины и юноши, прикрывая ею пенис, мутилус (варад), кардиум (энен), пектен (хино).

В живых остался один лишь молодой человек, сидевший на дереве. Он ни в кого не превратился. Увидев, что случилось с его сыном и женой, он провел на дереве еще одну ночь и только затем спустился. По глине, которая тем временем успела затвердеть, он очень осторожно пошел подалее от побережья и там обосновался.

От него произошли цо-хе⁶⁰, которые относятся, таким образом, к боану глины (гем) или к боану Бангу. Этот боан включает всех моллюсков, вообще весь животный и растительный мир илистого, глинистого побережья.

Миф связан с тем, что вся полоса побережья от Сариры и дальше на восток почти сплошь покрыта слоем серой морской глины; поскольку в море близ этих мест не впадают сколь-либо большие реки, которые несли бы с собой песок, способствующий образованию дюн, здесь откладывается глина, приносимая морскими течениями.

В течение одной ночи при спокойной воде здесь может отложиться слой глины толщиной в несколько футов; при неспокойном море глину опять вымывает. Таким образом, этот миф представляет собой сказочно преувеличенную интерпретацию реального природного явления. Но возможно, что когда-то оно принимало катастрофический характер. В Овине Уари, глиняный дема, не мог пристать к берегу, так как сильный прибой на этом участке побережья мешает отложиться глине. В устье Кумбе, напротив, берега несколько вязкие, что подражает миф, когда говорит, что Уари провел здесь ночь. Наиболее благоприятны условия для отложения глины в Бангу: за сравнительно короткое время, в течение одной ночи, сюда может нанести очень глубокий слой.

58. Краб нгус

В Бангу жила Хойом, жена демы Вонатаи. Когда деревню завалила глина, Хойом превратилась в краба нгуса⁶¹. Вместе со своим сыном Мунгусом она убежала в Окабу, к речке Корой, и стала в ней жить. Там она спряталась в илистой яме.

Однажды из Окабы к реке пришли девушки собирать раковины. Вдруг они услышали детский крик. Они побежали на этот крик и увидели яму. Перед ямой сидел большой краб. Он угрожающе выставил свои клешни. А позади него в яме лежал маленький мальчик.

Девушки взяли палку и стали отталкивать краба, который в испуге бегал перед ямой туда-сюда, угрожая им своими клешнями. Они вытащили мальчика, положили его в детскую корзину, принесли в деревню и показали жителям.

Хойом была очень опечалена, когда похитили ее мальчика. Она решила отомстить жителям Окабы.

Однажды ночью, когда вода в море поднялась, Хойом пробралась в деревню и подрыла хижину, в которой лежал ее сын. Хижина с треском обвалилась. Люди в страхе выскочили из нее. А Хойом схватила своего мальчика и побежала прочь.

Но одна старуха швырнула ей вслед горячей головней. Головня попала в Хойом, и старухе удалось отнять мальчика. Потом она ударила краба палкой, Хойом пустилась наутек к берегу.

Так мальчик остался в деревне, где его воспитали женщины.

Однажды Вонатаи, его отец, захотел посмотреть на своего сына. Он принял обличье нарядно украшенного юноши и пошел в Окабу. На берегу играли дети.

— Не знаете, где сын краба нгуса? — спросил он.

— Он там, в деревне, у одной женщины, — отвечали дети.

Вонатаи пошел в деревню, нашел эту женщину и сказал ей, что ребенок, которого она воспитывает, — его сын. Пусть она его бережет. Затем он превратился в аиста и улетел.

Когда Мунгус подрос, он пошел в Карикри и там женился на девушке по имени Зузу. С нею он отправился в Даух-це-мирав, где жена родила ему двух сыновей.

Звали их Демай и Корокев. Впоследствии Демай пошел в Вамал, а Корокев — в Ибом, близ Уамби, где живут их потомки, принадлежащие к ндик-энд.

59. Баклан

Однажды мальчики из Эриана и Борема пошли ловить рыбу. Вечером они возвращались в деревню с большим уловом. По дороге, в Морате, им встретился дема по имени Генге. Он отобрал у мальчиков весь улов и убежал.

Мальчики с плачем прибежали в деревню и рассказали старшим, что какой-то дема забрал у них всю рыбу. — А как его звали? — спросили мужчины.

Но мальчики забыли имя грабителя, и мужчины не знали, за кем им гнаться.

Последним в деревню прибежал самый маленький мальчик, зараженный кольчатым червем. Он всю дорогу, чтобы не забыть, повторял про себя имя Генге.

— Генге украл нашу рыбу! — крикнул он.

Тут мужчины взяли луки и стрелы и пошли ловить Генге. Они нашли его за деревней. Дема как раз собирался жарить рыбу. Мужчины окружили его и схватили за ноги, за руки.

Генге стал вырываться. Вдруг из рук у него выросли перья. Он превратился в баклана (кар-а-кар)⁶² и улетел.

Вор, похищавший у людей рыбу, стал бакланом, известным пожирателем рыбы, который состоит, таким образом, в тотемно-мифологическом родстве с семейством цо-хе.

60. Лучной дема

Раньше лук был неизвестен людям. Вместо него они пользовались деревянными дубинками. С ними они охотились на кенгуру. Охотиться же на свиней вообще не умели.

А в земле йе-аним, на речке Обат, жил со своей женой и дочерью лучной дема по имени Кедма. Он все время прятался в зарослях, подстерегая там кенгуру и свиней. Люди про него ничего не знали.

Как-то раз жители Сенайо вместе с йе-аним решили устроить на площадке По, там, где в Маро впадает маленький ручеек Уин, большой праздник — праздник свиньи. К празднику приготовили саго, а за несколько дней до его начала мужчины отправились на охоту.

Вооруженные деревянными дубинками, они обошли всю степь и весь лес, но нигде не встретили даже маленького кенгуру, потому что лучной дема уже успел их всех перебить. Долго ходили мужчины в поисках добычи, но безуспешно.

Вдруг в чаще леса они услышали словно бы чье-то ворчание. Они осторожно пошли к месту, откуда доносился звук, и увидели лучного дему, который прятался в зарослях.

— Это тот самый дема, — сказали мужчины, — который перебил всех кенгуру в наших местах. Давайте его поймаем.

В это время с реки Кумбе сюда пришли жители Са-рора. Они как раз собирались на охоту за головами к верховьям Маро. Но, услышав от жителей Сенайо и от йе-аним про дему, они отложили свои дела и присоединились к ним.

Лучной дема пустился наутек. Он побежал на запад, к реке Кумбе, в Ямбу, затем дальше, в Мандиве, что между Сахором и Сирпу. Там он спрятался.

Но всюду, где бы он ни проходил, дема оставлял свои следы, потому что он убивал по пути всех кенгуру. По этим следам его можно было найти.

Услышав о деме, который убивал всех кенгуру, к погоне присоединились и мангат-аним, и канум-аним, и многие другие. В Сахор пришло множество людей.

Лучной дема готовился между тем к нападению. В одной руке он держал большой лук, украшенный перьями казуара, в другой — пучок стрел. Лицо его было раскрашено белой глиной⁶³. С ним были его жена и дочь.

Люди увидели дему издалека и решили сначала окружить его, чтобы он не мог убежать. Затем они перебежками стали приближаться к деме. Он многих успел ранить и убить своими стрелами, но другие сумели подобраться к нему и крепко его схватили.

Жена лучного демы обвинилась вокруг его шеи, а дочь зарылась в землю. Жители Сахора и дув-аним держали

дему за один конец, а йе-аним и канум-аним вместе с мангат-аним и сенайо-аним — за другой. Они стали тянуть его каждый к себе, пока он вдруг не разорвался. Каждому досталась половина демы. Лесные жители взяли себе верхнюю часть, жители побережья — нижнюю.

Затем все схватились за стрелу. Лесные жители тянули к себе острие, жители побережья — стержень. Наконiec стрела тоже сломалась.

Таким образом, миф объясняет, почему у йе-аним стрелы красивые, раскрашенные красной краской, с наконечниками из острых костей или когтей кенгуру. Ведь им достались острия стрел лучного демы, из которых они впоследствии стали изготавливать свои стрелы. А маринд-аним, жившие на побережье, остались с простыми стержнями стрел. Они так и не научились изготавливать красивые, раскрашенные, хорошо оснащенные острия. Им приходится довольствоваться обычными деревянными или бамбуковыми остриями, которые просто втыкаются в стержни.

Изготавливать красивые стрелы, так называемые карпау (с костяными наконечниками) и коа (с наконечниками из когтей кенгуру) умеют только йе-аним. Их стрелы пользуются широкой известностью и служат для йе-аним излюбленной статьей меновой торговли.

Так же обстоит дело и с луком. Йе-аним и другие племена, живущие далеко от побережья, еще и теперь изготавливают луки с разными концами: один напоминает нос, а другой — ноги демы. Маринд-аним, живущие на побережье, имеют наряду с этим луком еще и другой, с двумя одинаковыми концами, соответствующими «ножному» концу лука йе. Он обычно используется для охоты на рыб.

Цо-хе считают этот миф своим. Действительно, лук по большей части относится к их кругу тотемно-мифологического родства.

В мифе о лучном деме опять проявляется великолепная фантазия маринд, их способность увидеть человеческий образ в луке, этом своем самом важном и необходимом оружии. Деревянная основа лука, в котором маринд различают переднюю часть (нос) и заднюю часть (ноги), — это сам мифологический лучной дема, а тетива лука с двумя петлями — жена демы, обвинявшаяся вокруг его шеи. Наконец, дочь демы — это стрела, которая после выстрела вонзается в землю.

МИФЫ ТОТЕМНОГО СООБЩЕСТВА БАЗИК-БАЗИК (ИЛИ МОРОБ-САМИ)

Название тотемно-мифологического сообщества базик-базик в переводе означает «свинья-свинья». Почему эта группа так называется?

Она состоит из двух главных кланов, родоначальниками которых были два демы-свиньи; согласно мифам, они были родственниками. Один из этих кланов называется нацр-энд (по имени своего свиного демы Нацра), другой — сапи-це (по имени своего демы Сапи). В свою очередь, нацр-энд и сапи-це подразделяются на ряд семейств, которые называют себя по имени тех или иных более поздних предков.

К мифологическому Нацру, свиному деме, восходит особый тайный культ. Близ Сангара (по другим известиям, близ Гарамы) находится, как говорят, дом свиного демы, где он обитает. Существует ли этот дом сейчас, я не могу сказать.

61. Нацр, свиной дема

В Сангаре, близ Сивасива, жил когда-то неженатый мужчина. Он был свиной дема и мог превращаться то в человека, то в свинью. Но жители деревни об этом не знали. Звали его Нацр.

Целые дни Нацр проводил в деревне среди людей. А ночью он тайком убегал в саговую рощу. Там он превращался в свинью и пожирал заготовленную сердцевину саговых пальм.

Вскоре жители Сангара заметили, что кто-то каждую ночь ворует их саго. Они вырыли в том месте, где женщины обычно выколачивают саго, глубокую яму, утыкали ее дно остриями стрел и костяными иглами и все это прикрыли саговой сердцевиной.

В ту же ночь они поймали большую свинью. Но сам дема успел убежать и продолжал жить по-прежнему.

В честь добытой свиньи люди устроили большой праздник — сома-ангеи¹. Из ближних и дальних деревень собирались на праздник люди. Пришел сюда и Нацр, приняв облик нарядно украшенного юноши. Люди, конечно, не знали, кто это был такой.

Когда Напру предложили жареной свинины, он не взял. Зато он собрал все кости съеденной свиньи, положил их в околответник ареки и вынес из деревни. В лесу он разложил кости перед собой на земле. Сначала череп, к нему приставил позвоночник и ребра, затем кости конечностей. Так он собрал полный скелет свиньи и покрыл все травой.

Спустя некоторое время из-под травы послышался голос:

— Эа! Эа хотят купаться! Им жарко! Им больно!

Трава зашевелилась и поднялась, из-под нее послышалось шуршание, затем показались ноги и два рыла. Напр отбросил траву, и оттуда выбежали две свиньи, большой кабан и свинья поменьше.

Свиньи побежали в деревню, где веселились люди. Свинья кричала: «Уи, уи!», а кабан кричал: «Ха! ха!» Они набросились на людей, стали кусать их за ноги. Люди в страхе попрыгали на скамьи. Поднялся оглушительный шум. Женщины и девушки тоже начали кричать: «Уи! уи!» А мужчины и мальчики стали подражать хрюканью кабана, они кричали: «Ха! ха!» И вдруг все люди превратились в свиней, а деревня и праздничная площадка заросли густым лесом.

В это время из Имо в Сангар шел Вокабу. Он нес на праздник кокосовые орехи, а также бананы, таро, клубни ямса и сахарный тростник. Придя в Сангар, он удивился: от деревни не осталось и следа. Вместо нее был густой лес.

Из зарослей к нему выбежало стадо свиней. Они хотели отнять у него лакомство. Ужас охватил Вокабу. До этого он никогда не видел свиньи. Он бросил на землю кокосовые орехи, бананы, ямс, сахарный тростник и пустился наутек.

Но потом он оглянулся и увидел, что свиньи не собираются сделать ему ничего плохого. Они занялись бананами и прочими плодами. Тогда он остановился и успокоился.

Тут из леса вышел Напр в облике молодого мужчины. Он заговорил с Вокабу, и они вместе стали жевать бетель. Вокабу показал Напру кокосовые орехи, которых тот прежде не видывал. Ведь кокос лишь незадолго перед тем появился в Имо из Барингау. Вокабу показал Напру, как жуют кокос, как им умащивают тело и

лубяные косы. А детей Нацра он угостил вдобавок каннапом².

Вокабу и Нацр заключили дружеский союз и стали называть друг друга «нгейс»³.

После этого Вокабу вернулся в Имо. Там он собрал людей и рассказал им, что произошло в Сангаре. Он рассказал, что деревня исчезла, а жители превратились в злых свиней, которые нападают на человека.

Тогда жители Имо отправились на восток, к бау-аним, бапир-аним, бапкар-аним и другим людям, живущим на реках Тораси и Явим.

— Пойдемте с нами в Сангар, — сказали они людям. — Там появились злые свиньи. Убьем их!

Все вместе они отправились в Сангар. По дороге Вокабу предупредил охотников, чтобы они не говорили о своих намерениях молодому мужчине по имени Нацр, который живет близ Сангара, потому что он, судя по всему, в дружеских отношениях со свиньями. Если Нацр спросит, зачем они идут, пусть назовут какую-нибудь другую причину. Скажут, например, что они пришли выжечь лес, но только пусть не говорят, что они собираются охотиться на свиней.

Они подожгли саванну полукругом, так, чтобы ветер нес огонь к открытой стороне. Там стояли наготове мужчины с луками и стрелами, с дубинками и петлями для ловли свиней. Они ждали, когда огонь погонит к ним зверей, чтобы убить их или поймать живьем.

Один мужчина, по имени Минду, расхвастался, что поймает большого кабана⁴. Другие охотники стали его отговаривать, советовали быть осторожнее. Но Минду их не послушался и продолжал хвастаться. Не успел он оглянуться, как на него набросился большой кабан.

Потом этот кабан побежал к острову Хабе. Его звали Сапи, от него ведут свой род сапи-це.

А Минду корчился в крови, и из его тела выросло неизвестное вьющееся растение. Это был бетель, которого прежде не знали. С тех пор его стали жевать вместо древесной коры⁵.

Сам Нацр поймал маленького кабанчика⁶. Он решил его воспитать и отдал женщинам, которых звали Сангам и Самац. Женщинам удалось постепенно приручить к себе кабана. Он тоже был дема⁷ и умел превращаться в человека. Днем он выглядел обычным ка-

баном, а ночью превращался в юношу и пробирался в хижину к Самац и Сангам.

Никто об этом не подозревал. Но как-то раз мать одной из женщин нашла в ее хижине мужское украшение — сангасиг⁸. Она заподозрила неладное и решила проследить, кто это наведывается в женский дом.

Ночью, когда стемнело, она увидела, как к хижине подошел кабан, превратился в юношу и провел ночь с Самац. Наутро она рассказала про все мужчинам. Кабана решили убить. Нацр тоже с этим согласился.

Задумали устроить большой праздник. Убить свинью должен был сам Нацр. Он пошел к братьям матери Самац, чтобы заказать им оружие и украшения.

Этих братьев⁹ было четверо. Камави изготовил лук, Ябе-пирахи и Акамцакан сделали стрелы. Наконец, четвертый, по имени Барамбариуган, сплел тетиву. Кроме того, они приготовили всякие украшения.

На праздничной площадке соорудили эссару — широкий настил из саговых стволов — и украсили его кротоновыми ветвями и молодыми листьями пальмы. Нацр раскрасил себя, надел украшения из перьев, вплел в волосы лубяные косы и укрепил на голове гибкий прут с пером на верхушке.

Вечером он в полном убранстве взошел на помост и танцевал всю ночь напролет, переступая с ноги на ногу, покачиваясь взад-вперед, так что длинный гибкий прут на его голове колыхался.

Когда наступило утро, Нацр пустил стрелы: одну — перед собой, другую — назад и так пронзил стрелами четырех братьев матери Самац, стоявших по четырем углам помоста.

Объяснить мне причину такого поступка рассказчик не смог, но можно предположить следующее: после праздника Нацр женится на девушке Самац. Такой обычай действительно существует у маринд. Апанашне-анем, т. е. мужчина, изображающий на празднике свиньи мифологического Нацра (его называют Дивациб¹⁰), в полном наряде дема танцует всю ночь, а на рассвете убивает праздничную свинью. Он имеет известные права на девушку или женщину, которая откармливает праздничную свинью. Кроме того, он получает фрукты, саго и лучшую часть свиньи — окорок. Очевидно, когда дема Нацр захотел жениться на Самац, ее родственники с материнской стороны, имевшие право решать судьбу девушки, воспротивились этому. Вот почему он их убил.

Расправившись с этими четырьмя, Нацр снял с себя украшения, намазал руки известью, схватил дубину и ударил по голове кабана, которого Самац последний раз покормила.

Это было огромное животное. Убить его удалось лишь с большим трудом. Когда кабана стали разделывать, кровь его брызнула до самых облаков, и образовалась радуга.

После праздника Нацр женился на Самац. Вскоре она забеременела. Нацр сказал ей:

— Если ты родишь мальчика, назовем его Нацр. А если будет девочка, назови ее в свою честь.

Сказав это, Нацр отправился в путь. Он пошел на запад. В Монгумере ему встретился дема-крокодил. Нацр сначала хотел его убить, но вовремя сдержался, потому что узнал в нем своего друга ¹¹. И еще один друг встретился ему по пути — Вокабу.

Дальше Нацр направился в Тамарау. Там он сделал себе лодку и поплыл на ней вдоль побережья, в сторону Венду. В Венду он оставил лодку и пешком пошел дальше.

Встретился ему по пути дема Пукер. Он плел повязку на предплечье (барар) из тонко выделанных полос ротана. Нацр показал ему, как плести красивый, прежде неизвестный узор — базик-исаз-арир, узор свиного следа ¹².

Дальше путь Нацра лежал в Анасаи. Там он встретил дему по имени Мере. Тот вырезал из саговой древесины ямсовые клубни сорта нар ¹³. Мере думал напасть на Нацра. Он уже прицелился в него из лука, однако Нацр его опередил. С охотничьим кличем «Буангеде, буангевер!» он выпустил свои стрелы в Мере. Но ни одна из них не попала в дему. Они улетели под ягодицу Мере, не причинив ему вреда.

Тут Нацр увидел двух змей, которые совокуплялись друг с другом. Он связал Мере этими змеями, закинул себе за спину и пошел дальше, в Кумбе.

В Кумбе Нацр встретил Аге-миакима, дему, который лепил из серой морской глины прибрежных птиц давидави и туб-а-туб ¹⁴. Они оживали под его руками и улетали. Нацр хотел подстрелить одну из птиц. Но при первом же выстреле тетива его лука порвалась. Пришлось ему делать новую. А из выброшенной тетивы вы-

росла ротановая пальма¹⁵, которую до сих пор можно увидеть близ Кумбе.

Нацр сделал себе также новые стрелы. Концы, отрезанные от стержней, он выбросил, и они превратились в раковины муму.

Когда Нацр отправился дальше, он забыл близ Кумбе свою корзину для бетеля и калемасу для извести. С тех пор это место называется Цидвад абакев, что значит «здесь лежит бетелевая корзина».

В Онгари Нацр пустил стрелу в большую акулу, которая появилась из Гангуты¹⁶. Стрела застряла в хвосте акулы, но не убила ее.

А в Дудвалу, неподалеку от Онгари, Нацр стрелял в дему рыбы кируб. Стрела рассекла ему лобную кость, вот почему у рыбы кируб по сей день на лбу складка.

Затем Нацр пришел в Дахлимаб, близ Домандэ, где жил страшный дема Го-анем. Тот собрался убить Нацра и уже раскрасил себе лицо известью. Однако Нацр опередил его и убил своей стрелой.

А на реке Биан Нацр хотел убить дему-тунца по имени Якрава, но тот быстро ушел.

Потом Нацр увидел, как на берег вышел огромный дема хлебного дерева. В это время поднялась большая волна и понеслась вверх по реке. Нацр вскочил на дему и заставил его плыть по приливной волне дальше от побережья. В местности Абои Нацр захотел выбраться на берег. Но дема-дерево застряло посреди реки и не слушался никаких уговоров. Тогда Нацр придумал хитрость. Он нарочно сказал деме:

— Смотри не подплывай к берегу, не то застрянешь в прибрежном иле.

Тут дема-дерево назло подплыл к берегу, и Нацр выпрыгнул на сушу. А дема-дерево пустил там корни. Выросло могучее хлебное дерево, которое очень скоро принесло зрелые плоды. Его и сейчас можно увидеть в Абои. Место, где оно растет, названо Барау, что значит «хлебное дерево».

Нацр послал к дереву женщин, которых звали Ветиби, Тебтилу, Боронанг, Санему и Ясу, чтобы они нарвали плодов. Но едва женщины сбросили вниз первые колючие шары, как те разбежались. Некоторые зарылись в землю. Они превратились в ехидн и сумчатых

крыс. А некоторые из упавших плодов превратились в небольших птиц: даро, биру, тена и ката ¹⁷.

Другие женщины развели под деревом огонь, чтобы испечь плоды хлебного дерева. Один плод случайно упал с дерева на дему Мере, которого Нацр все еще носил на себе. Мере свалился с плеч Нацра прямо в огонь и там испекся вместе со змеями, которыми он был связан.

Нацр принялся за еду. Он съел и плоды, и змей, и Мера. Наконец он так наелся, что через некоторое время ему захотелось сходить по нужде. Из зарослей его увидела большеногая курица. Она стала смеяться над Нацром и кричать: «Катакеле Нацро!»

Нацр рассердился, схватил лук и выстрелил в курицу, но промахнулся. Стрела угодила в его собственный кал и острием воткнулась в него. Когда Нацр подошел взять свою стрелу, он был очень удивлен: кал и стрела превратились в палицу с плоским камнем. Он, конечно, захватил это полезное оружие и пешком отправился дальше, к верховьям реки Биан.

Он пришел в деревню, где жила старуха по имени Монгору. Она была демой-пеликаном ¹⁸. Монгору хотела съесть Нацра. Но на нем было столько лубяных кос, к тому же натертых жженым орехом трилобиума и кокосовым маслом, что ей пришлось его выплюнуть. Тут Нацр убил ее ударом палицы и разрезал ей живот. Внутренности он бросил в болото, голову закопал в землю, а тело съел.

На другое утро он с изумлением увидел, что из этих внутренностей вырос болотный камыш и разные травы, в том числе сахарный тростник им, капату, куна-хи-кассим, гу и т. д. А из головы старухи вырос банан сураки.

Дочерей Монгору Нацр взял себе и велел им готовить для него саго.

Однажды вечером Нацр встретил возле деревни старуху ¹⁹. Она шла с реки, где ловила рыбу. С ней был ребенок.

— Дай мне немного рыбы,— сказал ей Нацр.

Старуха дала ему несколько плохих рыбин, а хорошие отдала ребенку. Нацр рассердился. Когда старуха отошла подальше, он поджег ее хижину вместе с ребенком. Старуха прибежала, попробовала затушить

огонь. Но было уже поздно. Хижина сгорела, а от ребенка остались одни кости.

Тогда старуха собрала эти кости и положила их в корзину. Нацр тем временем пошел в Ангибу, к людям тумид, и сел с ними у костра. Старуха незаметно шла за ним с корзиной, полной костей. Не доходя до деревни, она превратилась в собаку, подкралась сзади к Нацру с корзиной в зубах и повесила ее ему на шею. Нацр, удивленный, вскочил, но успел увидеть только, как от него убегает прочь собака.

В корзине находилось несколько мальчиков, которые появились из костей. Нацр оставил их себе. Он дал им имена Дахира, Дара, Сараки, Сара и т. д. и пошел с ними в Даух-це-мирав, в местность Куза, где жил дема Маху.

Там Нацр повесил корзину с мальчиками на дерево. Вдруг из корзины с шипением и треском выскочили молнии, и могучее дерево со страшным грохотом упало на землю. Дети, которые появились из костей сгоревшего ребенка старухи, превратились в молнии²⁰.

Маху услышал треск, шум и прибежал посмотреть, что случилось. А Нацр опять посадил своих детей-молний в корзину. Из упавшего ствола он решил сделать себе лодку. И Маху захотелось иметь такую же.

— Пусть молнии и мне свалят дерево,— попросил он.

Нацр взял корзину с детьми и повесил ее на другое большое дерево.

— Ндии!²¹ — вновь с шипением выскочили из корзины молнии, и это дерево тоже упало.

Тогда Маху и Нацр принялись за работу. Каждый сделал себе лодку из выдолбленного ствола. Им также пришла на ум мысль сделать переднюю часть лодки в форме человека с носом, руками, ушами и т. д. Нацр сделал себе лодку с большим носом, а Маху — с маленьким.

С тех пор маринд и стали делать лодки не такие, как у других племен. Другие ведь никак не украшают переднюю часть лодки²².

Нацр решил отправиться на своей лодке охотиться за головами к людям, живущим на реке Дигул²³.

— Они же чужие (икам-аним),— сказал он.— Их вполне можно убивать и отрезать им головы.

Маху разубеждал его и отговаривал. Но Нацр рвался на охоту, и в конце концов Маху решил к нему присоединиться. Только сначала он решил отвести свою жену Пиакор Гебу, у которого не было жены²⁴.

Нацр тем временем смастерил стрелы и деревянные палицы, раздал их своим детям-молниям и научил, как с ними обращаться. Маху вернулся из Сингеаза, от Геба, увидел вооруженных до зубов людей и очень перепугался. Однако Нацр его успокоил.

— Это же мои дети,— сказал он.— Я им раздал оружие. Скоро ты увидишь, на что они способны.

Вместе с мальчиками-молниями они отправились в путь и приплыли к верховьям реки Биан. Там они оставили лодки и пешком пошли дальше, к Дигулу. Когда они вступили в область, населенную икам-аним, Нацр предложил сначала разведать, какие там селения, разузнать хоть приблизительно, сколько там жителей.

Спустя несколько дней они решили напасть на одну деревню. Маху не терпелось приняться за дело сейчас же, однако Нацр его удержал. Он сказал, что лучше переждать ночь и совершить нападение под утро, когда люди, напившись уати, уснут.

В полночь они выступили в путь и тихо подкрались к деревне. Нацр выпустил из корзины своих мальчиков, и те тотчас ринулись на хижины. Они кидались на сонных людей и поражали их своими стрелами.

А Нацр тем временем отрезал им головы. Он позвал Маху на помощь. Ему ведь надо было каждый раз узнавать имена людей, которым он отрезал головы, иначе охота не имела смысла²⁵.

Маху сказал:

— Я у них спрашиваю имя, а они не понимают. Они же не наши.

— Неважно,— ответил Нацр.— Пусть он скажет хоть что-нибудь, прежде чем ты отрежешь ему голову, и можешь считать, что это имя.

Они добыли множество голов. Лишь несколько человек сумели убежать. Нацр предупредил своего друга, что надо спешить, потому что уже начинался рассвет.

Он кликнул своих мальчиков-молний, которые все продолжали метать стрелы в убежавших людей, но те

его не слышали. А когда он хотел схватить их и посадить в корзину, они вырвались из его рук и навсегда поднялись в небо.

Нацр и Маху унесли добытые головы в заросли. Они нашли местечко, где могли чувствовать себя в безопасности и где им не грозила погоня. Нацр показал Маху, как обрабатывать головы.

Он надрезал кожу на одной из голов до самого затылка и через лицо снял ее с черепа. Затем при помощи бамбукового ножа он удалил с черепа все мягкие ткани и через отверстие на затылке вытащил мозг. Из сырой глины он слепил новое лицо, в глазницы вставил по кусочку сагового листка и по маленькой раковине, прикрепив их воском. Вместо носа он вставил скобу из ротанового прута, прикрепив его к нёбу и ко лбу. После этого он вновь надел кожу на череп, так что внешне на голове нельзя было заметить никаких изменений. Затем он очень медленно стал подсушивать голову над огнем. А когда и с этим было покончено, Нацр вплел в волосы на голове косы из луба. В заключение он покрасил голову красной землей.

Таким же образом обработал свои головы и Маху. Нацр стал поторапливать его, говоря, что пора уже отправляться в путь.

— Пойди посмотри, — сказал он Маху, — на месте ли лодка. Я тем временем dokonчу твои головы.

Маху так и сделал. Но едва он исчез в зарослях, как Нацр схватил и свои головы, и головы Маху и убежал.

Маху вернулся, увидел, что Нацр исчез вместе со всеми головами, и сразу понял, в чем дело. Он дождался утра, потом прихватил своих собак и кинулся на поиски Нацра.

Он шел за ним следом по степям и лесам. Лианы преграждали ему путь. Лишь с большим трудом удавалось продвигаться вперед. К тому же местность была незнакома Маху.

Одно вьющееся растение Маху перекусил зубами и спустя некоторое время заметил, что его слюна стала красной. Сначала он подумал, что это кровь. Но потом вспомнил, что недавно жевал орехи арековой пальмы и известь. А растение, которое он перекусил, был бетель. Прежде люди его не знали. Так Маху открыл бетель.

Он настиг Нацра в верховьях реки Биан, в земле йе-аним. Тот сидел в хижине и мастерил стрелы. Маху превратился в собаку и прокрался в деревню. Там он произнес заклинание и усыпил всех жителей. Не заснул лишь один мальчик, зараженный кольчатым червем. Он пришел в деревню попозже и увидел, что все спят и только одна собака рыскает вокруг хижины. Мальчик спрятался в зарослях и стал за ней следить.

Он увидел, как собака подкралась к головам Нацра, которые висели на перекладине кровли, схватила их зубами и быстро убежала. Тогда мальчик закричал и разбудил людей. Но было уже поздно. Догнать собаку не удалось.

Маху с головами вернулся к своей лодке и поплыл в Карикри. А Нацр остался у йе-аним, в верховьях реки Кумбе. Он и поныне живет здесь в болоте. Когда срезаешь в этих местах тростник, чтобы сделать стержни для стрел, то слышно, как он кричит.

62. Сапи, свиной дема

Свиной дема Сапи пришел с острова Хабе в Уамби и стал разорять огороды жителей, воровать ямс и таро. Днем он имел вид обычного юноши в полном наряде, с лубяными косами, палицей и всем, что полагается молодому человеку его возраста. Ночью же, когда все люди спали, он пробирался на огороды, перелезал через изгородь, превращался в свинью и поедал клубни ямса и таро. А перед рассветом он опять оборачивался юношей и тайком возвращался в деревню.

Больше всего вреда приносил свиной дема посадкам одного человека, по имени Цами. Он уже давно облюбовал его посадки ямса. Наконец Цами решил выследить вора.

Но Сапи тоже был хитер. Он каждый раз дожидался, пока Цами нажуетя уати и, опьянев, отправится спать. Тогда свиной дема пробирался на огороды и принимался за его ямс. Когда же Цами просыпался и шел к своим посадкам, он с огорчением заставал их уже разграбленными.

В досаде Цами решил обратиться к своему другу Янде. Он попросил его посторожить огород. А Сапи ни-

чего про это не знал. Вечером он опять увидел, что Цами заснул, и отправился к его огороду.

Янда уже поджидал вора в зарослях. Он увидел юношу, который приблизился к огороду и перелез через изгородь. Вдруг, к его изумлению, юноша превратился в свинью, и эта свинья тут же принялась за ямс.

Янда быстро побежал к Цами и сказал ему:

— Эй, приятель, пойдика в свой огород. Там ты сам увидишь, кто ворует твой ямс.

Они оба поспешили к огороду. Свинья не заметила, что за ней следят, и продолжала рыться в земле.

На другой день Цами пошел на реку Кумбе и разыскал хорошего охотника, которого звали Боmeid-анем.

— Пойдем со мной в Уамби,— сказал он Боmeid-анему.— Свинной дема без конца разоряет мой огород. Застрели его.

Боmeid-анем взял лук, стрелы, циновку, корзину бетеля и вместе с Цами пошел в Уамби.

— Я убью свиного дему,— успокоил он своего друга.

Они пришли в Уамби. Когда стемнело, Боmeid-анем спрятался возле огорода, куда свинья обычно приходила воровать ямс. И действительно, спустя некоторое время он увидел юношу, который перелез через ограду и превратился в свинью. Боmeid-анем пустил в нее стрелу, потом другую, третью, четвертую и наконец убил зверя. Это был большой, могучий кабан с огромными клыками. Боmeid-анем радостный побежал в деревню сказать, что дема мертв.

Устроили большой праздник. На него пришло множество людей из ближних и дальних деревень. Сам Боmeid-анем не стал есть свиного мяса. Он попросил себе только сердце и печень свиньи.

Затем он отправился обратно к себе на Кумбе. На берегу реки он вдруг увидел, что за ним гонится большая свинья. Оказывается, он уронил свиную печень и сердце, а из них появилась свинья, потому что дема не был мертв, как думал Боmeid-анем. Произошло это на месте, которое теперь называется Он эпе эвада, что значит «здесь осталась печень».

Боmeid-анем до смерти перепугался. Он произнес заклинание над своим луком и вновь пустил в свинью одну за другой несколько стрел. Большинство из них

не попало в свинью, а некоторые стрелы застряли в ее шкуре, не причинив свинье вреда. Более того, она еще быстрее погналась за Бомейд-анемом. Тот пустился бежать со всех ног и, совсем обессиленный, добежал до деревни Кумбе. Там уже в тревоге ждала охотника его мать Малим.

— Буба! Буба! Буба!²⁶ — закричала она Бомейд-анему и протянула к нему руки. Бомейд-анема подбежал к матери и спрятался у нее между ног. Тут примчался кабан. У Малим со всех сторон выросли ноги. Они надежно скрыли Бомейд-анема, и кабан ничего не мог ему сделать.

Малим превратилась в мангровое дерево. Его висячие корни — ноги Малим. И по сей день находится на берегу реки Кумбе это могучее дерево. В зарослях его корней до сих пор обитает Бомейд-анем.

Свою циновку (игу) Бомейд-анем отбросил, когда увидел мать, и она превратилась в дему-ската, который тоже поныне живет в реке близ деревни Кумбе.

По некоторым сведениям, свиней дема Сапи окаменел и тоже до сих пор живет в Кумбе. По другим рассказам, его поднял на небо дема грома Манимбу с помощью лубяного волокна (тараги). Там он находится по сей день. Долгие раскаты грома — это не что иное, как хрюканье свиного дема. Отдельные же мощные удары, напротив, производит дема грома Манимбу.

Дему грома и молнии обычно называют Де-хеваи. Как уже было упомянуто, он, видимо, отождествляется с мифологическим Нацром или считается предком как его, так и дема Сапи.

Во время грозы Де-хеваи спускается на землю в виде молнии огненной молнии. По ней проворно спускаются его дети, менее сильные молнии, и устраивают в степи охоту на кенгуру.

Однако обычно Де-хеваи представляется в виде старика с большой белой бородой, который пребывает на небесах.

Когда Бомейд-анем убил в Уамби свинью, женщины из Уэнда собрались разделать ее и зажарить. Они развели большой огонь, раскалили камни, положили на них куски мяса и прикрыли их корой эвкалипта. Через некоторое время они приподняли кору. Вдруг изпод нее с визгом и хрюканьем выбежали поросята. Женщины вырастили их. Они кормили их бананами и саго.

Однажды с Комолома пришел дема Арамемб. Он нес бананы. Поросята набросились на Арамемба, а люди стали ему кричать:

— Брось скорее бананы, не то они тебя покусают!
Но Арамеб только дразнил животных и смеялся над ними.

У этих поросят еще не было никаких украшений²⁷, то есть у них не было ни грив, ни клыков, ни хвостов. Поэтому они выглядели очень безобразно. Тогда из Куркари пришли демы Мангауэру, Мангазесе, Уэру, Доям и Энод-анем²⁸ и сделали для поросят украшения. Один вырезал из дерева большие клыки и вставил им в пасти. Другой изготовил головные украшения из пальмовых волокон и украсил ими поросят; так у них появились гривы. Третий навесил на них туман²⁹, так поросята приобрели хвосты. Наконец, Уэру и Доям дали им имена: Валех, Генге, Самаке, Дораи, Койяни и т. д.³⁰. Затем они позвали к себе поросят и сказали:

— Вы приставали к Арамебу и хотели отобрать у него бананы. Не делайте больше этого. Не то люди будут вас убивать. И если вы встретите человека с луком и стрелами, бегите от него поскорее прочь, потому что люди будут охотиться на вас.

Сказав это, они отослали поросят в лес. Так появились лесные свиньи (базик).

Мангазесе, Мангауэру, Доям, Уэру и Энод-анем произошли от Сапи и были первыми камбара-аним, т. е. колдунами-убийцами. Ни один миф не рассказывает, как они научились своему искусству. Но нет сомнения, что должны быть такие мифы, аналогичные мифу об Угу, от которого пошло колдовство.

Из мифа о кокосовом деме известно, что в убийстве посредством колдовства постоянно участвует пять посвященных (камбара-аним), они соответствуют пяти демам вышеприведенного мифа.

В связи с этим мифом маринд обычно говорят: «Свиньи в лесу — это то же, что колдуны-убийцы в деревне». Имеется в виду: как свиньи относятся к самым опасным и коварным животным, так и камбара-аним — это самые страшные и хитрые из людей, им никогда нельзя доверять, в них никогда нельзя быть уверенными.

Между теми и другими существует, как видим, еще и глубокая тотемно-мифологическая связь. Камбара-аним унаследовали свое искусство от дем, которые относятся к сапи-де, т. е. в известном смысле от свиного демы. От него же они унаследовали свою лживость и коварство.

ОБЩЕПЛЕМЕННЫЕ МИФЫ

63. Как появился человек¹

Вне всякой связи с вышеизложенными мифами, согласно которым предками людей и вообще всего на свете были демы и которые легли в основу тотемно-мифологических отношений и клановой организации, существует совершенно иной миф о происхождении человека.

В приводившихся до сих пор мифах демы, от которых произошли люди, изображались как человекоподобные существа, способные, однако, превращаться во что угодно и порождать разнообразнейшие объекты. Но с течением времени, со сменой нескольких поколений их потомки утратили свои сверхъестественные способности и стали, собственно, людьми, какие существуют сейчас. Таким образом, переход от демы к человеку совершался постепенно, по мере приближения нынешних времен, о которых существуют достоверные данные. В легендарные же времена, напротив, жили только демы.

Миф, который будет изложен далее, противоречит этим представлениям. Люди, согласно ему, произошли из неких бесформенных существ, которые появились из-под земли. К тому же место действия его ограничено почти исключительно пределами Кондо.

Правда, в этом мифе тоже говорится о демах. Этим словом у маринд-аним вообще обозначается все странное и необычное. Миф развивает представление о Дема-мирав — Стране дем, которая находится под землей и в целом мыслится как зеркальное отражение «верхней» земли. Существа, живущие там, являются антиподами существ, живущих на земле. Под землей текут реки, совершенно аналогичные земным и точно так же расположенные; соответственно там такие же моря и суша, степи, леса и населенные пункты.

Ни в одном из вышеизложенных мифов нет никаких указаний на эту Страну дем. Однако существует связь между ними и мифом, о котором идет речь. Она заключается в представлении о том, что, завершив свою деятельность, демы возвращаются в землю, в болота и в реки. Но, повторяем, собственно о Дема-мирав, подземной стране, до сих пор ни разу не было даже намека.

Таким образом, этот миф сформировался независимо от других. Можно ли считать случайностью, что действие его происходит именно в Кондо, где живет часть племени кондо-аним, долгое время оставшаяся в изоляции?

С другими мифами здесь согласуется еще и рассказ о странствиях. Сообщается, что предки нынешних маринд, вый-

дя из-под земли, переселились на запад, в места своего нынешнего обитания. Из этого, видимо, можно заключить, что Кондо когда-то представлял собой этапный пункт этих странствий и долгое время был густо заселен. На это есть указания и во многих других мифах, действие которых происходит в Кондо.

Когда-то демы в Сангасе² устроили под землей большой праздник, а потом пошли на запад. Пес-дема Гиури с длинной шерстью (какая бывает у собак чужеземцев) находился в это время на земле. Он услышал из-под земли шум и пошел в том же направлении, что и демы. Время от времени пес принюхивался, разрывал лапами песок, опять прислушивался и шел дальше.

Так, принюхиваясь и прислушиваясь, он переплыл реки Биян и Кумбе и наконец достиг Кондо. Здесь шум стал сильнее.

У ручья Марио пес опять стал разгребать лапами песок. Вдруг из-под земли брызнула вода и показались какие-то странные существа из бамбука. Они имели облик полурыб, полулюдей. Внешность у них была человеческая, но конечности приросли к телу, пальцы на руках и ногах тоже были сросшиеся, а на головах не было ни глаз, ни ушей, ни ртов.

Вышел из-под земли Уар, дема-аист, увидел, что в воде что-то плавает. Он подумал, что это рыбы, и уже нацелился на них своим клювом, собираясь съесть.

— Что ты делаешь? — закричал ему другой дема³, который тоже вышел из-под земли. — Это не рыбы, это люди.

И он велел аисту вытащить странных существ из воды и перенести на сухое место. Было холодно, существа дрожали от холода и сырости. Дема развел огонь и сунул в него бамбуковых людей. Они стали весело потрескивать.

Вдруг от жара маленький бамбук лопнул с легким хлопком: «Поо!» И тут же на головах у всех существ открылось по два углубления — это были уши.

— Поо! — треснул второй бамбук, потолще, и у всех существ прорезалось по два глаза.

Раздался третий хлопок, и у них появились ноздри.

А спустя некоторое время раздался самый сильный хлопок: это лопнул самый толстый бамбук. И в тот же

миг все существа пронзительно закричали: «Уа-аах!» Это вместе с последним хлопком у них открылись рты.

После этого дема вырезал уже намеченные, но приросшие к телу конечности, а также пальцы на руках и ногах. Вначале они были соединены плавательной перепонкой. Дема ее отрезал и бросил в воду. Из этих кусочков кожи возникли пиявки⁴.

Теперь существа превратились в настоящих людей.

Пес-дема вырыл еще и вторую яму. Из первой появились демы, от которых произошли маринд-аним, а из второй — чужие люди, икам-аним. Став людьми, все они отправились в путь.

Сначала ушли чужаки. Они направились в самые отдаленные места, где живут и теперь. За ними последовали маринд.

Первые из них забрались дальше всех, до самых границ земли. Это были жители Эромки. За ними последовали жители Эгеви (Уамби), Дув-мирава и Макалина. Они странствовали день и ночь без отдыха, пока не добрались до своих нынешних мест жительства.

Люди из Алаку, Сангасе и Домандэ шли только ночью. Поэтому они принадлежат к особому тайному союзу и во время своих обрядов раскрашивают себя сплошь в черное. «Это хапи-рек (то есть ночные люди)» — так говорят, когда упоминают об их тайном союзе. Они и свои обряды совершают ночью.

Люди Онгари, Камбу и другие, живущие сейчас на востоке, напротив, шли к месту своего нынешнего обитания днем. Тогда же пошли в свои места и дег-аним, то есть лесные жители.

Первым покинул Кондо юноша по имени Ворью (или Войу). Он пошел вдоль побережья на запад. В Корроаре, близ Сарира, юноша вышел к морю. Поэтому Ворью называют обычно Корроар-эвати.

Был прилив, и в некоторых местах невозможно было пройти по берегу. Тогда Ворью сказал: «Волны, вернитесь скорее назад, чтобы я мог продолжать свой путь».

Будучи первым человеком, Ворью, как рассказывает другой миф, и умер первым. Его умертвили с помощью смертельного колдовства пятеро мужчин из Куркари, камбара-аним. Звали их Мангазесе, Мангауэру, Уэру, Доям и Энод-аним.

Но и став хайсом, Ворью продолжал жить среди лю-

дей. Только от него исходило зловоние, к тому же люди боялись мертвеца. Тогда они прогнали его.

Ворью ушел в землю яб-аним, близ устья реки Дигул, на другом ее берегу. С тех пор туда отправляются все хайсы. Он захватил с собой и свой большой барабан Минги, которым хайсы пользуются с тех пор во время праздников и танцев.

64. Как пришли чужеземцы⁶

В то же самое время, когда демы под землей добрались до Кондо, с моря пришли чужеземцы (по-аним). Они приплыли на большой парусной лодке и бросили якорь в море близ Кондо.

Над морем лежал глубокий мрак, а у чужеземцев не было огня⁶. Они увидели, как на берегу дема развел костер, и захотели подплыть к этому месту. Им удалось войти в небольшую речку Марио. Но начался отлив, и течение стало относить их обратно в море.

Дема увидел это. Он взял большой деревянный крюк, привязал к нему веревку и хотел бросить на лодку, чтобы подтащить ее к берегу. Но крюк не долетел, и лодку уносило в море все дальше и дальше.

— Дай нам огня! — крикнули чужеземцы деме.

Дема бросил им горящий бамбук. Они поймали его. С тех пор у чужеземцев появился огонь.

«Ваши спички,— говорят обычно маринд,— вы заимствовали у нас. Они появились из огня, который бросил вам дема в Кондо, потому что весь огонь возник у нас в Кондо от демьогня».

65. Собра

Этот миф рассказан в Бироке. Он повествует о происхождении людей несколько иначе.

Когда из ямы, выкопанной псом-демой, стали появляться странные существа, дема-аист вытащил из земли первых трех. Но своим клювом он проткнул им головы, и они тотчас погибли. Их звали Сасак, Коно и Момпин.

После этого другой дема уговорил аиста уйти. Тогда

существа сами стали появляться вместе с водой, которая выбивалась из-под земли. Но сначала выбралась старуха-дема по имени Собра. За ней появились все бамбуковые существа, которые потом стали людьми. Пятеро из них живут на земле и по сей день. Их зовут Нененауи, Темтауи, Яуэма, Ярепа и Бумб. Это демы землетрясений (бамб-аним). Когда они уходят под землю, все дрожит и трясется. Это их призывают люди заклинанием, когда хотят сажать растения и обрабатывать землю. Они просят их помочь и сделать землю более рыхлой.

Собра развела большой огонь и бросила в него бамбуковых людей. Бамбук стал лопаться, и у людей появились уши, носы, глаза и рты. Затем она отделила им от тела конечности и расщепила пальцы на руках и ногах.

Возникшие таким образом люди захотели первым делом утолить голод и все вместе отправились на охоту. В деревне остался лишь один маленький мальчик Эдод со своей матерью Бликонго. Они ушли в хижину спать.

Когда оба заснули, в их хижину прокралась старуха Собра. Она выкопала себе яму за деревней Сендар и скрывалась в ней. Собра вытащила из хижины мальчика, бросила его в огонь и съела. Затем она опять спряталась в своей земляной яме.

Вечером вернулись с охоты люди и увидели, что мальчик исчез. Они обыскали хижину, потом всю деревню, но нигде его не нашли. Наконец один из мужчин обнаружил около костра кости и ногти, оставшиеся от мальчика, а потом и голову, которую Собра повесила перед хижинной сушиться.

— Это наверняка сделала Бликонго, — в один голос сказали люди. — Кроме нее, никому.

Они вытащили женщину из хижины, заставили ее скакать, как кенгуру, а сами при этом пели:

А амайо а мангситу
амайо хаха рангситу
ха наце! ха амайе!

Когда Бликонго совсем выдохлась, мужчины изнасиловали ее, потом заставили опять танцевать, а после этого убили и съели.

Тут Собра вышла из ямы.

— Что это вы делаете? — спросила она.

— Мы едим Бликонго, — ответили мужчины. — Она убила и съела нашего мальчика.

Тогда Собра опять забралась в свою яму и спряталась в ней. А при следующем удобном случае она снова убила мужчину и съела его, и это опять послужило поводом для ответного убийства. Так возникла охота за головами.

Представляется, однако, более вероятным, что таким образом возник один из обычаев какого-то тайного культа. Собра, как говорят, и сейчас находится у маклеу-аним, у которых мне, однако, не известно никакого тайного культа, связанного с ней и вообще с этим мифом. Но весьма вероятно, что такой культ там существует.

По другой, более распространенной версии, Собра — это хаис старухи, на которой женился дема Напр и которая родила мальчиков-молний. Об этом рассказывает следующий миф, услышанный мною в Венду.

Собра была хаисом старухи, которая когда-то упала с неба. В ту пору наверху, в небесах⁷, царила сильная засуха, и у хаисов совсем не оставалось воды. Они послали Собру за водой в лес.

Она пошла в низины, где растет саго, но там тоже все пересохло. В надежде найти воду старуха все копала и копала без устали. Наконец яма стала такой глубокой, что Собра уже не могла из нее выбраться. Вдруг дно ямы под ее ногами провалилось, и она упала глубоко-глубоко — до самой земли.

Хаисы на небе долго ждали Собру. Наконец они отправились ее искать в лес. В саговой низине они вскоре увидели свежевыкопанную яму. Она была так глубока, что хаисы не могли нащупать ее дна. Они опустили вниз ротановую веревку, такую длинную, что ее можно было протянуть от реки Маро до реки Кумбе. К веревке привязали деревяшку, чтобы Собра могла на нее усесться и тогда ее можно было бы вытащить наверх.

Веревка опустилась до самой земли. Собра подергала за нее, чтобы хаисы на небе знали, что она внизу. Но вначале она решила посмотреть землю. Прежде всего ей хотелось поискать воды, потому что ее мучила страшная жажда.

Она привязала к веревке несколько растений уати.

Это растение не было известно на небе. Хаисы потянули веревку наверх. Они думали, что это Собра сидит на деревянном сиденье. Они были очень удивлены, когда вместо нее увидели неизвестное растение, но все же попробовали его на вкус.

А Собра ушла искать воду. Она оказалась близ Рарунд-мирав, на реке Дигул, к северу от истоков Биана. Оттуда она пошла к реке Кумбе в Уаром, Цакев, Осер, Сенам-мирав, Барес и Йобар. Здесь она наконец нашла болото и все его выпила. Затем она отправилась на запад и выпила там еще одно болото, а потом еще несколько других.

Так она пришла в Коман и там опять захотела выпить болото. Вдруг она услышала сзади чей-то крик: «Нео, Нео, Нео!» «Наверно, это птицы», — подумала она и направилась к веерной пальме, с которой доносился крик. В тот же миг с дерева к ней на голову прыгнула большая змея. Она запуталась в волосах Собры и хотела хвостом забраться к ней в задний проход. В ужасе старуха пустилась бежать. Но змея крепко держалась у нее на голове. Тогда Собра схватила деревянную палку, убила змею, а потом зажарила ее и съела.

После этого она пошла дальше. Но теперь она была осторожнее. Ведь она увидела, как много в незнакомой стране, на земле, всяких опасностей.

Она переправилась через Бураку, пришла в Уамби и увидела в море красивый остров Хабе. Ей захотелось переправиться на этот остров. Но море было бурным, и лодку Собры все время относило назад.

Тогда она опять пошла в Тумид-мирав. В Имо люди как раз собирались устроить праздник. Когда пришла Собра, в деревне никого не было. Лишь поздно вечером вернулись с огородов люди, они несли плоды и саго. Они увидели издали сидящую на скамье старуху и в страхе разбежались.

Однако им не удалось преодолеть любопытство. Потихоньку они стали опять подкрадываться к своей деревне, чтобы поглядеть на странную старуху.

— Я ваша бабушка (амаи), — сказала им Собра.

И она рассказала людям про все, что с ней случилось: как она копала колодец, как упала с неба на землю. Собрались все жители Уамби. Они с удивлением

окружили старуху. Ничего подобного они никогда не слышали. Они ведь никогда не видели хаиса. Спустя несколько дней Собра отправилась дальше в путь. Она дошла до Сингеаза. Там ее встретил Нацр и женился на ней⁸. Она родила много детей, которые стали молниями (тараги).

Собра первая начала охотиться за головами. Она, как рассказывают дальше, отправилась на охоту за головами вместе с Нацром и Маху и показала им, как обрабатывать головы. Сама она шла впереди и пела яйяссе — песню охотников за головами, которую с тех пор всегда поют, отправляясь за добычей:

Собра э! Аним Собра э!

Собра э!

И т. д.

Таким образом, охота за головами началась с хаиса — Собры. Однако в мифах никогда не содержится никаких упоминаний о том, какую цель преследуют охота за головами и препарирование голов. Возможно, это еще больше связано с хаисом — Соброй. Возможно, она открыла демам Маху и Нацру, а через них маринд-аним более глубокое значение обычаев охоты за головами, объясняя, как присваивать детям имена убитых.

Как бы там ни было, миф о Собре известен еще недостаточно, чтобы идти дальше подобных предположений.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МИРОЗДАНИИ И КОСМИЧЕСКИЕ МИФЫ

Обобщим рассеянные в мифах сведения, относящиеся к мировоззрению мариинд, посмотрим, как они представляют себе мироздание.

Землю (макап) мариинд мыслят себе как плоскость, о протяженности и пределах которой не имеют никакого понятия. С двух сторон она окружена морем (этоб). На севере же и на востоке суша простирается неопределенно далеко и населена чужими племенами, икам-аним, с которыми мариинд знакомы по охоте за головами или о которых по меньшей мере слышали. А что лежит за этими землями, куи-мирав, и по ту сторону двух больших рек, Маро (Флай) на востоке и Дигула на севере, об этом никто не может сказать с определенностью. Предполагается, что там находится Хаис-мирав, место пребывания духов. Во всяком случае, что касается восточной области, то мариинд довольно твердо убеждены, что там должен располагаться Хаис-мирав. Ведь именно из тех краев приходят к ним всякие странные вещи и известия, например о белых людях. Белые люди — это, конечно, не кто иной, как хаис. С недавних пор Хаис-мирав переместился еще дальше — когда мариинд услышали об островах далеко-далеко в море, откуда прибыли чужеземцы, по-аним. Там, конечно, должны находиться и духи.

Но духи обитают повсюду. У них нет определенного места пребывания. Они живут и на небе, которое представляется мариинд в виде прочного купола, эти духи — молнии.

Небесный свод подобен земле. Там есть вода и суша, есть растения и животные, какие не водятся на земле. А живут там духи и демы; к их числу относятся, например, светила.

Но и под землей, которая обладает лишь ограниченной толщиной, находится страна, которая в точности соответствует настоящей земле. Это тоже Дема-мирав, Страна дем, где, согласно мифу (который, однако, противоречит другим), в давние времена пребывали предки всех людей. Предки эти были демы. Затем близ Кондо они вышли из земли в виде неразвившихся человекоподобных существ и стали настоящими людьми.

Еще и поныне под землей находятся некоторые демы, которые тогда не вышли на поверхность. Это демы землетрясений — бумбум-аним. Когда они шевелятся, земля дрожит и возникают землетрясения.

Демы находятся повсюду, в земле и на земле, в воздухе, в пресных водах и в море. Они обладают способностью превращаться во всевозможных животных и в различные предметы. А распознать их можно по странностям, необычным повадкам, удивительным проявлениям и могучим силам.

Более высокое мистическое существо, которое обитает в море и в зависимости от настроения производит волны и бурю (при случае вовлекая в свою игру и людей), — это Йорма, дема моря и волн. Белые пенистые волны — это его украшения: развевающееся на ветру нагрудное украшение из свиных хвостов (гуи) и украшение из перьев (энод), которое раскачивается на его голове. У него всегда при себе барабан, и в шуме и грохоте морских волн маринд слышат звуки барабана Йормы. Куски пемзы, которые встречаются по всему побережью и которые сюда принесло от какого-то вулкана, — это слюна (кас-се) Йормы.

Медузы — это его дочери, а горгониды (какам) — его рыбацкая сеть (кипа). Так всюду и во всем маринд видят аналогии и основывают на них свои мифы.

Светила — это тоже демы, которые когда-то жили на земле и с течением времени забрались на небесную кровлю. Луна (Мандау) — это мифологический Геб, банановый дема. Очень часто он фигурирует также как самани-ти-патур, т. е. «мальчик, зараженный кольчатым червем»: так объясняются пятна на луне — все дело в нечистой коже демы Геба.

При новолунии приятно говорить: «Мандау менда караник», что значит: «Луна стала меньше». Первую фазу после новолуния называют раветок-мандау, т. е. «перевернутая луна»; имеется в виду, что, пока луна отдыхала (в пору новолуния), она перевернулась и находится теперь в обратном положении по отношению ко времени последней четверти. Когда видят маленький серп луны, говорят о кеели-мандау, маленькой луне, или о сособали-мандау — по названию маленькой раковины сособали. Полная луна — это мес-мандау (спелая, старая луна). Фазу между полнолунием и новолунием называют караник-мандау, что значит: «Луна начинает садиться», отправляется на покой. Маринд западного побережья обозначают три лунные фазы так: нгор-мандау («пгор» — «острие, вершина»), ин-мандау («ин» — «середина») и мит-мандау («мит» — «ствол, основание, нижняя часть»).

Некоторые своеобразные обороты речи, связанные с появлением лунного серпа после новолуния, говорят о том, что собаки могли видеть луну на день раньше, чем люди, что, конечно, свидетельствует об их чрезвычайном чутье.

О возникновении фаз луны не существует ясного представления. Говорят, например, что на луне спрятался мальчик, который стыдится своей нечистой кожи. А венец вокруг луны отождествляют с рыбацкой сетью (кипа).

Солнце (катане), о котором до сих пор не приводилось ни одного мифа, — это тоже дема. Тем не менее оно играет в мифах очень скромную роль, а в системе тотемно-мифологического родства почти не играет никакой роли. Лишь очень редко оно ставится в связь с какими-либо другими мифами. Следовательно, солнце не принадлежит ни к какому определенному тотемному союзу. Кеи-це относят его к своим родственникам, поскольку, говорят они, солнце — это огонь. Точно так же причисляют его к своим родственникам и геб-це, ставя его в один ряд с луной. Другие же маринд-аним полагают, что солнце на равных правах принадлежит всем тотемным сообществам.

вам, поскольку оно связано со всем универсумом. У жителей западного побережья солнце обычно относится к тотемному сообществу геб-це, луна же, напротив, к йолм-энд, боану рыбы, поскольку она блестит, как тело свежепойманной рыбы.

Из сказанного отчетливо видно, что оба эти светила, и солнце и луна, занимают в мифологии маринд и в системе их тотемического родства лишь весьма подчиненное положение. Более важную роль играют другие объекты — старшие тотемы; к их числу принадлежат прежде всего кокосовая и саговая пальмы.

О солнце рассказывает следующий миф.

66. Огненный мальчик

Солнце — это страшный дема. Он прежде находился в Дарамби, близ Комолома. Как-то раз один зараженный кожной болезнью мальчик с Комолома шел на рыбалку и неожиданно увидел глубокую яму. Из ямы исходил страшный жар. В ней находился дема солнца, имевший вид красного мальчика (до хи патур). Звали его Бунау¹.

Мальчик побежал в деревню и рассказал мужчинам, что на берегу в глубокой яме сидит красный мальчик, от которого исходит свет и жар.

Мужчины вооружились копьями, луками и стрелами, палками и каменными топорами и побежали туда, где находился солнечный дема. Другие притащили в длинных бамбуковых трубках воду заливать яму, чтобы уменьшить исходящий от нее жар.

Наконец они смогли заглянуть туда и увидели огненно-красного мальчика. На дне ямы копошились змеи и всяческие пресмыкающиеся.

Мужчины вытащили солнечного дему из ямы и привели его в деревню. Там мальчика поместили в мужской дом и надели на него множество украшений — карури². Затем его отвели в заросли и использовали для удовольствия.

Но мальчику удалось убежать. Он взобрался на небо по вьющемуся стеблю ямса. Однако стебель оказался слишком тонким, и мальчик упал на землю.

После этого он все-таки сумел взобраться на небо по высокому дереву. Его перья карури стали солнечными лучами. Их особенно хорошо видно, когда солнце заходит.

Немногочисленные мифологические предания маринд о солнце не играют заметной роли в их системе тотемно-мифологического родства. Да и в остальном солнце как мифологический объект играет лишь подчиненную роль. Жители побережья, по всей видимости, знают лишь один-единственный миф, действие которого происходит либо на крайнем востоке, либо на крайнем западе. Это связано с весьма распространенным представлением о том, что там, на крайнем востоке и крайнем западе, находится место, где солнце выходит из земли и соответственно где оно возвращается в землю. Маринд верят, что оба эти места связаны подземным проходом, по которому солнце передвигается ночью.

Когда солнце вечером склоняется к закату, оно опускается неподалеку от Дарамби, вблизи острова Комолом, в землю, в глубокую и широкую яму. Ночью оно идет по подземному проходу к востоку и утром поднимается вновь за реками Комбис и Маро.

Но если близ Дарамби для солнца существует яма, то с другой стороны, на востоке, имеется башнеобразное возвышение, холм или какое-то иное странное образование; его маринд считают не чем иным, как воротами, через которые солнце выходит из земли. Об этом образовании старики маринд-алим могут и впрямь рассказывать самые диковинные вещи. Характерно при этом, что с мифологическими преданиями переплелись всевозможные приключения, связанные с охотой за головами и разбойничьими набегами былых времен, вообще всякие необыкновенные вещи, которые маринд видели в те времена близ Маркаи.

Это странное возвышение получило название Эп квитаре, что значит «там сидит он», т. е. дема. По некоторым рассказам, этот дема совершенно белый. Он имеет форму лука, как Гали, или напоминает лодку с надутыми белыми парусами. Время от времени из вершины холма поднимаются дым и пламя. По другим свидетельствам, сам дема возвышается до облаков. Согласно же некоторым сообщениям, он имеет известное сходство с большой лампой, и тут можно предположить, что в действительности речь идет о маяке на одном из островов в дельте реки Флай, который, само собой, представлялся маринд чем-то крайне странным, диковинным.

Этот фантастический образ оказался связанным с самыми различными мифами и демами. Одни видят в нем жилище или же выходные ворота солнечного дема, другие связывают его с демой огня в Сендаре. Так возникают причудливые сказки и фантастические предания.

Однажды мужчины из Каибура, которые наряду с сангасейцами всегда считались самыми мужественными охотниками за головами, захотели посмотреть на Эп квитаре поближе. Но когда они попробовали приблизиться к острову, вода стала вязкой и плотной, как каша, и, чтобы не застрять, им волей-неволей пришлось повернуть назад. Старики маринд и сегодня готовы рассказать множество подобных историй. Это еще одно свидетельство необычайной фантазии и силы воображения, присущих местным жителям.

Вернемся, однако, к солнечным мифам. В прежние времена тоже было солнце, только находилось оно не на небе и двигалось тогда не с востока на запад. В те времена не было также ни света, ни тепла, лишь слабые сумерки отличали день от ночи. Тогда солнечный дема³ еще находился на земле. Он имел обличье мужчины и жил в глубокой яме под землей близ Дарамби, недалеко от селения Комолом. Здесь было его постоянное местопребывание, которое он покидал лишь изредка, чтобы подстеречь людей, приближавшихся к яме. Он их ловил и пожирал. Так и случилось, что мальчики из Комолома, которые стреляли с берега рыб, стали жертвами демы солнца.

Несколько по-иному рассказывали мне солнечный миф в селениях восточного побережья. Согласно этому мифу, солнце или, вернее, солнечный дема первоначально воспринимался как существо, имевшее двойное обличье. Местные жители повествуют о солнечном деме и его сыне.

67. Солнечный дема и его сын

Солнечный дема и его сын жили когда-то на земле или, вернее, под землей, в большой яме недалеко от Дарамби. Совсем близко находилось селение Комолом. Но люди там ничего не знали про этих дем.

Каждый день мальчики из деревни отправлялись на берег искать раковины или стрелять из лука в рыб. И вот стали замечать, что, когда они вечером возвращались с берега, каждый раз кого-то из мальчиков недоставало. А вернувшиеся рассказывали, что они опять видели огненно-красного мужчину. Это он, дема, подстерегал мальчиков со светлой кожей и забирал их себе.

Так повторялось несколько дней подряд. Пропадали все новые и новые мальчики. Причем каждый раз это оказывались те, у кого была светлая кожа. Тогда мужчины из Комолома решили подстеречь дему.

Утром мальчики опять пошли на берег, и несколько мужчин последовали за ними. Они спрятались в зарослях и стали ждать, что будет дальше.

Скоро они увидели, как из ямы в земле появился громадный огненно-красный мужчина и направился к мальчикам. Не успели они опомниться, как он схватил одного из мальчиков и быстро утащил в свою яму.

Мужчины вернулись в деревню и рассказали, что произошло.

— Давайте сделаем палки-копалки, — сказал самый

старший из них, — и выкопаем дему из земли. А потом отрежем ему голову.

Все согласились с этим предложением. Старики и юноши стали мастерить из твердого дерева палки-копалки. Другие тем временем приводили в порядок свои луки и стрелы, натягивали новую тетиву, делали новые наконечники. Третьи готовили палицы и деревянные мечи.

На другой день все отправились к месту, где накануне появился из земли дема. Они подошли к краю огромной ямы, в которой он исчез. Из ямы исходил страшный жар.

Это было жилище солнечного демы. Стало ясно, что выкопать его невозможно. Об этом не могло быть и речи, так силен был жар.

Тогда все вернулись в деревню и собрали все сосуды для воды, какие только имелись, — и кокосовые скорлупы, и бамбуковые трубки. Все, что только было можно, они наполнили водой и снова вернулись к яме солнечного демы.

В яму стали лить воду, чтобы ослабить жар, все больше и больше. Другие тем временем начали копать. Но чем глубже копали люди, тем глубже уходил в землю дема со своим сыном. Причем они уходили в разные стороны. Так что весь труд оказался напрасным.

Сын демы прорыл себе длинный глубокий ход к востоку и наконец вышел опять на поверхность земли, но уже далеко на востоке⁴. Его младшие сестры помогли ему выбраться из земли. По ямсовому стеблю он вскарабкался на небо и находится там по сей день. Но каждый вечер солнце регулярно возвращается в свое старое жилище, в солнечную яму близ Дарамби, и ночью бежит по ходу, прокопанному под землей, чтобы утром, уже близ Эп-квитаре, опять покинуть землю и по небу вернуться на запад.

А что же произошло с солнцем-отцом? Люди из Комолома продолжали копать яму в земле все глубже и глубже. Они хотели во что бы то ни стало добраться до демы. Им это не удалось. Но своими палками-копалками они нанесли ему множество ран. Вытекавшая кровь пропитывала песок и землю. Вот почему близ Дарамби часто встречается темно-красная земля, которая и сейчас является излюбленной краской для местных

жителей. Ее называют бон, и жители материка охотно меняют ее на что угодно.

Солнечный дема и поныне остается под землей. У него уже не хватило силы выбраться из нее. Сын же его днем сияет на небе — это солнце, дарующее свет и тепло. Вечером оно опускается в землю и возвращается подземным ходом с запада на восток.

Несколько иначе завершается этот миф в версии, которую сообщил П. Верентен⁵. Согласно ей, людям наконец удалось поймать дему-отца.

Люди вытащили солнечного дему из ямы. Они отрезали ему голову и радостно принесли ее в деревню. Устроили праздник и танцы. На праздничной площадке соорудили множество скамей из бамбука и саговых стволов. На них разложили арековые плоды и пестрые листья, как это полагается на праздниках. Многие скамьи были расположены в виде лестницы, одна выше другой.

Утром мужчины положили обработанную и раскрашенную голову солнечного демы на самую нижнюю скамью. И вдруг они увидели, как голова стала краснеть. Из ушей, ноздрей и глаз, а также изо рта брызнули лучи, и вся голова начала светиться. А пока совершались эти превращения, голова стала медленно перескакивать со скамьи на скамью повыше. Она взбиралась все выше и выше, добралась наконец до самой верхней скамьи, но и там не захотела остановиться. Пришли две девушки, младшие сестры солнечного демы, и подняли его на небо. Тут вдруг стало светло. Голова превратилась в солнце.

Когда голова солнечного демы оказалась в небе, девушки от имени всех присутствующих сказали ей:

— Катане (солнце), заботься о нас всегда, будь к нам добрым, и мы тоже будем добры к тебе.

Затем они опустили со скамей, а солнце осталось на небе. Сын же солнечного демы так и остался в земле.

Вечером солнце опускается в море, говорят жители побережья в Гавире и Рахуке: ведь они видят, как солнце уходит за кромку моря. Имац-маринд, напротив, обычно говорят, что солнце путешествует ночью вдоль горизонта на восток, а утром опять поднимается в небо. Для жителей к востоку от Биана солнце в зимние месяцы заходит за морской горизонт, в летние же месяцы оно прячется за горизонт на суше. Имея в виду

это явление, местные жители любят говорить, что в дождливый сезон, в пору юго-западных муссонов, солнце вступает в брак с морем. Многочисленные нити паутины, которые летают в эту пору по воздуху и повисают на пальмовых стволах, маринд называют комбра-комбра; по их представлениям, это сперма солнца, которую ветром приносит через море на сушу.

Таким образом, и солнце и луна считаются мужскими существами, в то время как земля олицетворяет женское начало. Демы женского пола имеются и среди других светил.

Темные круглые камни, которые течение рек приносит из глубины острова, жители побережья близ Кумбе считают калом солнца (катане-на). Их просверливают и делают из них палицы. Такого же происхождения, по мнению многих местных жителей, и падающие звезды, и метеориты. По мнению других, падающие звезды (уаи) — это души умерших (хаис), которые носятся в воздухе. Третьи считают, что это дети солнца или луны.

Большой толчок фантазии местных жителей дают случаи падения метеоритов. Когда они падают вдальеке, их обычно отождествляют с падающими звездами. Но когда метеориты падают близко, они, конечно, особенно стимулируют мифологическое мышление и связываются с различными легендами.

Мифы указывают прежде всего на четыре случая падения метеоритов, которые, видимо, имели место в давние времена. Нетрудно представить, что они до сих пор занимают легковозбудимую, живую фантазию местных жителей.

Одно наиболее впечатляющее падение метеорита произошло близ Имбути, в Браве. С ним, вероятно, косвенно связан дема Брава. Другие мифы сообщают, что Арамеб зашвырнул в воздух свою палицу, которая упала пылающим камнем близ Бравы.

Другое падение метеорита произошло когда-то в Тумид-мирав. К нему, по-видимому, восходит миф об Авасре.

Третье падение метеорита произошло в Иву-мирав, о нем также существуют разнообразные неясные мифы.

Наконец, о четвертом падении метеорита рассказывают купер-аним. По их словам, оно случилось в давние времена в Багероре. При этом был даже убит человек по имени Мамад из племени явима-рек.

Демами являются также и молнии. Их называют тараги (слово это обозначает жилы или ткани животных; молнии, конечно, мыслятся материально) или нди (это звукоподражательное название). Согласно мифу, это дети Напра, демы-свиньи, и хаиса (старухи Собры)⁶. Однако отцом тараги постоянно называется также Дехевай (букв. «убивающий отец»); часто его зовут сокращенно Дехе), идентичный, видимо, мифологическому свиному деме⁷. Маринд представляют его себе в виде старика с длинной белой бородой⁸. Во время грозы он нисходит на землю в виде блистающей и опаляющей молнии. Маленькие же молнии, тараги,— это его дети. Во время грозы Дехевай и его дети, тараги, охотятся на земле.

Ндии! — с треском и грохотом низвергается на землю сквозь небесную крышу Дехевай — сильная молния. По ней мгновенно спускаются на землю его дети — тараги. Они рыскают по степи и своими острыми стрелами убивают всех кенгуру и свиней в окрестностях, после чего так же быстро поджаривают их и ча-

стью съедают, а частью забирают с собой наверх. Все это происходит так быстро, что люди ничего не успевают увидеть. Горе человеку, который к ним приблизится! Дехевай тут же убьет его своим страшным оружием — имбасумом, а потом съест.

Когда Дехевай пробивает крышу неба, гремит гром. Но другие говорят, что гром — это хрюканье свиного демы Дехевая. Гром зовется Варен (на диалекте западных маринд — Вален) или Руру; последнее имя представляет собой звукоподражательную форму и употребляется для обозначения других шумов, например хрюканья свиньи, лая и воя собак.

Зарницы, арараун (на диалекте западных маринд — алалаун), также вызываются демами.

О происхождении копьеметалки, имбасума, церемониального инструмента Имо, рассказывает следующий миф, который я хочу здесь привести для полноты.

68. Как маринд познакомились с имбасумом

Молма из сообщества геб-це пошел однажды из Рахук-мирава в Домандэ. Ему оставалось идти немного, когда его настигла сильная гроза. Унылый и перепуганный, он с трудом нашел защищенное место и развел огонь.

Вдруг к нему подошел старик с белой бородой и опустился рядом у огня. Это был Дехевай, или Дехе, отец мальчиков-молний. Но Молма этого не знал.

Они беседовали, жевали бетель и ели жареное мясо кенгуру, которого убил Дехевай. На прощание Дехевай подарил своему другу Молме свою копьеметалку — имбасум, чтобы тот в будущем мог убивать кенгуру. Ведь раньше это требовало очень большого труда.

Вскоре на землю через облака спустилась яркая молния. Дехевай и его дети быстро взобрались по этой пылающей жиле вверх. Гроза прошла.

Молма продолжил свой путь в Домандэ, очень обрадованный подарком старика, который он теперь рассматривал поближе. Но вскоре опять загредел гром. Дети Дехевая рассердились на своего отца за то, что он подарил человеку свой имбасум. Они ворчали и ругали Дехе за его глупость, потому что думали, что не смогут больше убить ни одного кенгуру.

Молнии решили опять спуститься на землю. Они со всех сторон окружили Молму. Тот быстро убежал к хижине, бросив все, что имел при себе, чтобы бежать быстрее: свою бетелевую корзину, куски мяса кенгуру,

которое Дехе дал ему с собой, наконец, имбасум. Так он вернулся обратно к Дехеваю.

Но Молма успел как следует рассмотреть оружие и, добравшись до деревни, рассказал про него мужчинам. Они тут же решили смастерить себе такое же.

С тех пор имбасум используется в обрядах Имо.

Звезды — это тоже демы. Прежде они также находились на земле. Маринд известны планеты и неподвижные звезды, сгруппированные в созвездия. С ними часто бывают связаны различные мифы. Но независимо от комбинаций звезд в картины, в которых можно видеть тот или иной объект, отдельные звезды, из которых состоит эта картина, часто считаются демами, и чаще всего девочками или мальчиками.

Звезды вообще называются Вайяр. Для планет употребляют также особое обозначение — фире-аним. Так называют человека, который бежит вокруг чего-нибудь. Маринд неизвестно, что утренние звезды — это те же самые, что и вечерние; первые у них имеют название Овом или Пиг-овом. Мифологическое название Венеры — Манди. Юпитер, второй Овом, называется Арап. Обычно говорят также о появляющейся первой Махаи-овом (что значит «первая Овом») и о появляющейся позднее Ес-овом («последняя Овом»).

Планеты Манди и Арап особенно известны и пользуются любовью как самые яркие звезды. О них рассказывают следующий миф.

69. Манди

Манди и Арап — это две сестры. В давние времена они жили в деревне между реками Явим и Тораси, в местности, которая называлась Сарападо Ави. В тех местах были просторные степи. Общим сестрам приходилось много работать.

Однажды Манди, старшая сестра, ушла из дому, ничего не сказав матери и сестре. Она пришла в Имо. Там была банановая роща, посаженная местными жителями. Манди срезала много банановых листьев и устроила себе постель. На другой день жители Имо заметили, что кто-то отрезал листья у их бананов. Вскоре они наткнулись на красивую девушку, спавшую на банановых листьях. Ее привели в деревню. Мужчины решили использовать девушку для церемонии Имо. Они украсили ее, умастили кокосовым маслом и заперли в хижине.

Но рано утром Манди удалось бежать. Она поднялась на небо и превратилась в звезду.

Месав-аним (колдуны) считают, что благодаря особой остроте своего зрения они видят эти Овом — утренние звезды — лучше, отчетливее, чем обычные люди. Иногда им удается различить в них настоящих девушек, подобных земным. Согласно одному из мифов, жители Имбути некоторое время держали обеих девушек в роще близ Бравы. Действительно, жители Имбути видят, что утром Венера всходит как раз над бравской рощей.

Когда о Венере говорят как о вечерней звезде, ее сравнивают с женщиной, которая вечером, нагруженная тяжелой ношей, возвращается с огородов в деревню, чтобы приготовить к ужину саговые лепешки. Чаще всего женщины-маринд возвращаются домой как раз в то время, когда Венера становится видна на вечернем небе. Это и послужило поводом для подобного сравнения.

Красноватые звезды, например планету Марс, маринд сравнивают с тлеющей кокосовой скорлупой; они называют их онгтапали, т. е. «искры от горящей кокосовой скорлупы». Про утренние звезды Овом говорится «кинде де-хи», это значит, что у них неподвижные глаза.

Плеяды называют Пуно. Это мифологические майо-патур, «мальчики-майо», дети большой змеи (Бир), которые некогда отправились на запад с Майо близ Йормакана. Они лежат вплотную друг к другу в большой детской корзине (кабу), и лишь некоторых из них можно различить по отдельности. Эти наиболее яркие звезды Плеяд соответствуют тем мальчикам, которые тайком от друзей ели рыб; за это другие забросали их пылающими головнями, так что им пришлось спрятаться на небе. Их зовут Намарек, Тапарек, Суру, Фидафо⁹.

В созвездии Южной маринд видят украшение для юноши, которое состоит из двух или трех воткнутых одно в другое перьев казуара; на конце его черные и белые перья голубя. Это украшение называется дангой. Так называют маринд и это созвездие из шести звезд.

Орион толкуется так: три звезды его пояса — это три мальчика, звезда Бетельгейзе — это рыба Ориб¹⁰, на которую они охотятся. Один из мальчиков первым увидел рыбу — это Исаканем, т. е. «охотник, который хочет убить рыбу». Второй собирается вонзить в нее свою стрелу — это Арав-анем («арав» значит «насадить, нанизать пойманную рыбу на стрелу, для того чтобы отнести ее домой»). Третий мальчик держит в руках корзину, сплетенную из пальмовых листьев (вад), и собирается положить в нее рыбу — это Ваде коге-анем.

По имени ипани, большой вкусной рыбы, названо созвездие, состоящее из четырех звезд, которое видно бывает лишь в сухой сезон. Примечательно, что оно совпадает с нашим созвездием Дельфина. На некотором расстоянии от него находятся три расположенные в одну линию звезды, из которых средняя — звезда второй величины, а обе крайние — звезды третьей величины. В этих двух последних звездах маринд видят занятых рыбной ловлей женщин (как-аним), которые держат большую круглую рыбацкую сеть (кипа). Последняя соответствует средней яркой звезде, нашему Атаиру в созвездии Орла.

Большой краб нгус¹¹ — это у маринд созвездие, которое опять же совпадает с нашим Крабом, хотя отдельные звезды толкуются несколько по-иному.

В Гиадах маринд видят нижнюю челюсть крокодила (киу эте); соединенные линией, эти звезды действительно образуют фигуру, имеющую некоторое сходство с крокодильей челюстью.

Амбата, т. е. стрела для охоты на рыб, — это созвездие, состоящее из одной яркой и одной менее яркой звезды. Первая соответствует бете Кентавра — это острее стрелы, другая, стержень стрелы, — это альфа Кентавра.

В целом ряде созвездий маринд видят инструменты для приготовления саго, которые принадлежат Манди-Венере и с помощью которых на небе обрабатывают саго. Здесь есть и Пуки — основание саговых листьев, из которых состоит устройство для приготовления саго; и Амбуко — инструмент из дерева наподобие кирки для выковыривания саговой сердцевины из поваленного ствола; Вангоп, т. е. палка, служащая для выколачивания этой сердцевины, и Мангон, т. е. кокосовая скорлупа для зачерпывания воды.

О кометах говорят, что это демы-девушки, украшенные перьями райской птицы. В самом деле, хвост кометы можно сравнить с головным украшением из этих перьев (цакиль).

Гум (или Сопре) — это древесная зола; сравнение с ней дало название Млечному Пути. Маринд говорят, что это маленькие девочки-демы разбрасывают золу по небесному своду.

Другие особенно светлые места Млечного Пути, которые состоят из различных даже невооруженным глазом звездных скоплений, получили у маринд, живущих к западу от реки БIAN, название Патаре: это слово означает могилы, над которыми рассыпают белый известковый порошок.

Мифы тотемного сообщества геб-це

№ 1.

¹ Т. е. демы. В давние времена существовали только демы, поэтому, когда в мифах говорится о людях, обычно подразумеваются демы. Сингеас — прежнее название местности на побережье, близ Домандэ.

² Женщин обычно не допускают к активному участию в празднествах, пении и танцах с масками.

³ См. об этом миф № 4 «Как появились бананы и луна».

⁴ Персонифицированные в мифе, эти девушки, естественно, мыслятся как девушки в возрасте иваг, т. е. созревшие для замужества. Представляется также, что сам Геб — это персонифицированный термитник, недаром его тело твердое и колючее; в некоторых мифах говорится, что он возник из камня. [См. также примеч. 1.]

№ 2. [Вариант см. Н6.]

⁵ См. миф «Как появились бананы и луна».

⁶ Этот обрезок бамбука, видимо, еще и сейчас находится в Домандэ, где его тщательно хранят и шуточно называют хонгсав, т. е. «госпожа бамбук».

⁷ Так обращаются друг к другу мужчины, женатые на сестрах или на женщинах из одного и того же боапа.

⁸ [О жевании бетеля см. у Невермана (примеч. 1 к № 6).]

⁹ [Уати (у Невермана — вати) — местное название растения *Piper methysticum* и приготовлявшегося из него опьяняющего напитка, очень широко бытовавшего у маринд-аним. Уати выращивали на огородах и готовили из него напиток, разжевывая корни, черенки и листья растения и обрабатывая пропитанную слюной массу. Жевали уати обычно женщины, девушки и юноши. См. также у Невермана примеч. 14 к № 3.]

№ 4. [Вариант см. Н6.]

¹⁰ Бути — сорт банана. Местность получила название в соответствии с мифом, поскольку, согласно ему, именно здесь появились бананы.

¹¹ Иваг — девушки четвертой возрастной группы. [Подробнее о возрастных группах у маринд-аним см. у Невермана, примеч. 23 к № 11.]

¹² В этой версии мифа Геб — мальчик (патур).

---

* В квадратных скобках приводятся дополнения к примечаниям П. Вирца, составленные Б. Н. Путиловым. Буквой «Н» отмечены тексты из книги Г. Невермана.

¹³ Сперма играет, в частности, и роль лекарства, как внутреннего, так и наружного.

¹⁴ Эту песню поют во время так называемой «напет-ари» — церемонии, цель которой обеспечить плодородие бананов; очевидно связь этой церемонии с данным мифом.

¹⁵ Обычай усыновления детей весьма распространен у маринд-аним. При возможности детей иноплеменников похищают и во время охоты за головами.

¹⁶ Банан возник в результате процедур со спермой, проделанных над телом Геба. Вероятно, идея мифа основана на известном сходстве морских желудей с банановой гроздью. Благодаря необычайной силе и свойствам, которые маринд приписывают сперме, морские желуди, очевидно, начали расти, видоизменяться и превратились в бананы.

¹⁷ Геб породил не просто банан, а, более того, банан-дему. Речь идет об определенном сорте, пазываемом кандева. Он считается первым бананом, от которого произошли все другие сорта. Кандева — это также настоящее имя (игиц-ха), или имя демы (дема-игиц), для банана. Вообще, каждый сорт растений и каждая порода животных имеет одно или несколько «постоящих имен» (игиц-ха), или имен демы (дема-игиц). По большей части (хотя и не всегда) эти имена восходят к именам мифологических предков (родоначальников). Иногда же это просто художественные образы, не имеющие какой-либо иной подоплеки; они могут быть основаны на звукоподражании, на неожиданных ассоциациях, уподоблениях и т. п.

¹⁸ Очевидно, имеются в виду жены Геба. Как можно понять, это тоже демы. Они ответственны насекомым, жизнь которых связана с бананами. Эти насекомые питаются плодами банана.

¹⁹ По нему получила свое название вся местность.

²⁰ Маринд различают около сорока сортов банана.

²¹ Так всегда делают во время праздников.

²² [Согласно мифологии маринд, Геб и Сами (см. № 1) — сыновья двух великих дем: отца Динадина, воплощающего небо, и матери Нубы, воплощающей землю. Геб и Сами считаются первопредками маринд. Маху (№ 2) идентифицируется с Сами. В других мифах Геб представляется гигантом. О происхождении его рассказывается, что аист долбил камень, пока не придал ему форму человеческого лица. Наряду с уподоблением Геба луне, что выражается в изображении его белым, в постоянном упоминании морских желудей, покрывающих его тело (они символизируют в мифах луну), известно уподобление Геба солнцу, как в варианте Н6 (он изображается красного цвета). Следы двойственной природы Геба отражены в сюжете мифов о нем].

№ 5.

²³ В настоящее время Каяр не населен.

Мифы Майо

¹ Эти мифы известны всем старшим членам Майо. Их рассказывают почти во всех селениях на побережье. Однако все

опи, как и ряд следующих, содержат много тщательно оберегаемых тайн. Здесь ведь речь идет о тайных культах, сопровождаемых жестокостями и оргиями. Если даже удается завоевать доверие кого-нибудь из местных жителей и он соглашается что-то рассказать, эти рассказы всегда бывают очень коротки и неполны или насыщены несущественными подробностями. Извлечь из них суть довольно трудно.

№ 6.

² В мифах о культах тайных союзов часто упоминаются мальчики (патур), хотя подразумеваются взрослые мужчины. Это излюбленный оборот речи, употребляемый отчасти для того, чтобы сделать рассказ более безобидным. [В данном случае упоминание патур полностью оправдано сюжетно: конфликт возникает оттого, что мальчики, не прошедшие обряд инициации, являются на церемонию, нарушая тем самым строжайший запрет. Превращение их в летучих собак — наказание за нарушение ритуальных норм.]

³ Так называемые майо-иваг — девушки, предназначенные в жертву во время церемониальных оргий.

⁴ Кокос был тогда еще неизвестен.

⁵ Разные рассказчики называют различные острова (Эндаро, Бирмбу, Иваяб и др.).

⁶ Миф указывает на существование взаимосвязи между кокосовой пальмой и летучими собаками, которые питаются молодыми орехами кокоса.

⁷ На этом участке побережья во множестве встречаются окаменевшие кокосовые листья и куски стволов, на что и намекает миф.

⁸ Другое его имя — Дангевра.

⁹ [Мотивы мифа о кокосовой пальме находят отражение в обрядах инициации: участники обряда при возвращении их из леса встречают ранее прошедшие инициацию, имитирующие летучих собак. Позже между неофитами и теми, кто изображает дем, разыгрываются в море сцены борьбы, в ходе которых демы должны быть вытолкнуты на берег: имеется в виду мифологический эпизод с Меру. Обряд должен обеспечить произрастание кокосов.]

№ 7.

¹⁰ Менструальная кровь, по мнению маринд, является сильным ядом и используется для колдовства.

¹¹ Эти каменистые отмели состоят из затвердевшей, превратившейся в коричневый камень глины, которая встречается и в других местах побережья, например между Онгари и Домандэ. Всем им приписывается мифическое происхождение, как и многочисленным окаменелостям, что встречаются в этих местах.

¹² Имо — прежнее название местности на побережье, близ нынешнего Сангасе. По ней получил свое название тайный культ, берущий здесь свое начало. Но «имо» называют также и жителей этой местности, т. е. нынешнего Сангасе, и членов тайного союза, к которому относятся все селения между реками Биан и Бурака.

¹³ Для того чтобы были понятны многие мифы Майо, необходимо сначала пояснить, что такое загадочные «старухи майо» — «майо-мес-иваг». Старухи постоянно упоминаются в тайных культах Майо и Имо (имо-мес-иваг). Весьма вероятно, что к ним восходят какие-то древние формы культа; здесь многое остается непонятным и таинственным. Возможно, что мы просто не знаем каких-то других мифов на эту тему и со временем многое станет понятнее. Однако из того, что мне известно, а именно из данного мифа про лодку из веерной пальмы, можно заключить, что под старухой мес-иваг подразумевается, собственно, девушка (иваг), которую насилуют и убивают во время оргий. Надо знать маринд-аним, чтобы это понять. Они постоянно употребляют подобные выражения и обороты, когда по тем или иным причинам чего-то не хотят называть своим именем. Они и в повседневной жизни говорят о «мес-иваг», подразумевая «иваг». Данный миф демонстрирует это со всей наглядностью. Поначалу рассказчик смущен, сдержан и боится выболтать тайну. Он говорит о загадочной «старухе майо». Но чем дальше, тем больше он перестает смущаться и, сам того не замечая, начинает говорить не «мес-иваг», а «иваг». Наконец он упоминает даже об ужасах церемоний имо, про которые не должен говорить ни при каких обстоятельствах.

Из этого, однако, не следует, что «старуха майо» (или «старуха имо») — это лишь исключительно словесная формула. Возможно, нам просто неизвестны какие-то мифы об этих старухах, которые в тайных культах играют важную, не вполне еще ясную роль. Во всяком случае, говорится о них много. [Старухи, наделенные сверхъестественными способностями, являющиеся из иного (небесного или подземного) мира, приносящие различные культурные блага, матери-прародительницы, хранительницы различных предметов, огня и т. д. широко известны в мифологии разных этнических общностей Новой Гвинеи.]

¹⁴ Большие деревья на побережье — редкость. Зато в этих местах много веерных пальм.

¹⁵ Так принято украшать только что изготовленные лодки, в связи с чем устраиваются и небольшие торжества.

¹⁶ Каждый рассказчик называет этого дему по-разному.

¹⁷ Маленькая речка близ Сангасе.

¹⁸ Рассказчик незаметно начинает говорить уже о девушке!

¹⁹ Каким образом, рассказчик умалчивает.

²⁰ Девушка третьей возрастной группы.

№ 9.

²¹ Мальчик первой возрастной группы. [См. также у Невермана, примеч. 2 на с. 330.]

²² *Liasis albertisi*. У нее есть разные имена, которые держатся в строгой тайне, например Нангерва, Вангор, Вангус, Кадубар. Какое отношение имеет змея к церемониям Майо? Может быть, она отождествляется с «девушкой-майо» («майо-

иваг»)? Все это держится в тайне. [Змея как одно из воплощений демы, змея — мать мифологических персонажей, создательница элементов микромира и т. д. постоянно фигурирует в мифах различных этнических групп Новой Гвинеи.]

²³ Девочка первой возрастной группы,

²⁴ *Inocarpus edulis*.

№ 10.

[Вариант см. Н18.]

²⁵ Его называют различными именами: Яви, Коменго и т. д. Однако «настоящее» его имя — Барингау — известно, видимо, лишь членам сообщества геб-це. Во всяком случае, его избегают называть или упоминать, особенно в присутствии посторонних, поскольку это «имя демы» и «подлинное имя» кокосовой пальмы.

²⁶ Селение, находившееся когда-то в устье реки Кумбе.

²⁷ Ср. № 5.

²⁸ Эти украшения прежде не были известны, их впервые изготовил Арамеиб.

№ 11. [Вариант см. Н18.]

²⁹ Для совершения убийства при помощи колдовства еще и сейчас требуется пять человек; каждому предписана в этом тайном обряде своя особая роль.

³⁰ Племя, принадлежащее к боапу свиньи (базик).

³¹ Масло вобрало в себя жизненную силу (*Seelenstoff*) Яви.

³² Ветви этой пальмы играют важную роль во всех колдовских ритуалах.

³³ Имеется в виду принадлежность для колдовства. Она представляет собой маленький орех кокоса, на котором вырезано изображение змеиной головы с ротовой щелью. Такой орех мангон (или оба, как его еще называют) есть у каждого колдуна, как обычного (мезав), так и у колдуна-убийцы (камбараним). Он служит для разного рода чародейства. В частности, его «посылают», когда нужно привести человека или раздобыть что-нибудь, содержащее жизненную силу (*Seelenstoff*): волосы, экскременты и т. п. Иногда его используют и для того, чтобы непосредственно причинить человеку вред.

³⁴ Как это происходит в действительности, никто из рассказчиков не хотел говорить. Вероятно, колдуны-камбара дали Яви яд.

³⁵ Де буквально означает дерево, растение, но также и медикамент, целебную траву.

³⁶ Особое песнопение, значение которого не вполне ясно. Его поют на церемониях тайных союзов Майо и Имо.

³⁷ Это представление характерно для анимистических воззрений маринд-аним. [Противопоставление смертным людям змей, которые не умирают, а просто сбрасывают кожу, известно в мифах других этнических групп Новой Гвинеи.]

№ 12.

³⁸ Кокосовая пальма онгат-ха с разветвленными соцветиями.

³⁹ Добыв голову, маринд-аним дают имя человека, которому

она принадлежала, своему ребенку. Оно становится его основным именем. [Одним из важных мотивов охоты за головами было приобретение запаса имен, которые позднее давались детям в качестве «главных имен». В случае отсутствия такого запаса у отца с ним могли поделиться дядя или дед новорожденного.]

⁴⁰ См. примеч. 36. Это песнопение состоит по большей части из непонятных слов. Возможно, оно связано также с данным мифом.

⁴¹ Здесь следует указать на сходство кокосового ореха с человеческой головой.

⁴² Для этой цели маринд-аним часто отправляются в дружественную или просто соседнюю деревню, поскольку плетение косичек (маюб) — дело исключительно женское. Это довольно сложная работа, которой маринд отдают много времени. Она вносит некоторое разнообразие в их монотонный образ жизни, поэтому о ней много говорится, в том числе и в мифах.

⁴³ Смазывание и раскрашивание тела играет у маринд-аним большую роль. Этим обычаем ни при каких обстоятельствах не следует пренебрегать. В частности, он совершенно необходим во время праздников. Целые кокосовые скорлупы масла, получаемого из жеваного кокосового ореха, выливаются на голову и тело. Волосы пропитываются им так, что становятся совсем влажными. К кокосовому маслу примешивается либо красная земля (ава или бон), либо жженный маслянистый орех (разновидность трилобиума, «пайум»), который, обуглившись, приобретает глубокий черный цвет. Таким образом, тело смазывается и окрашивается либо целиком в черный, либо в красный цвет.

⁴⁴ Излюбленная красочная подробность, без которой не обходится почти ни один миф. [Имеется в виду зараженность стригущим лишаем — характерная особенность ряда мифологических персонажей; это каким-то образом маркирует их, определяя их роль в событиях и их принадлежность к героям определенного типа. В частности, стригущим лишаем заражены персонажи, связанные с луной. См. также у Невермана, примеч. 114 к № 35.]

⁴⁵ Похоже, что последний эпизод представляет собой особый миф — еще одну легенду о возникновении кокосовой пальмы.

⁴⁶ «Настоящее имя» другого сорта пальмы, мери-онгат, — Даугивра или Меру.

№ 13 [Вариант см. Н31.]

⁴⁷ Дема племени ндик-энд.

⁴⁸ До сих пор в Коанди, на том месте, где стояла корзина с детьми Бир, можно видеть углубление в земле.

⁴⁹ Кевекаве — поэтическое наименование ориолуса.

⁵⁰ Один из сортов банана.

⁵¹ Обычно созвездие Плеяд отождествляется с мальчиками (май-патур), лежащими в детской корзине. Намера и Тапера — названия двух самых ярких звезд в созвездии Плеяд.

⁵² Это любимая игра мальчиков-маринд.

⁵³ Очевидно, подразумевается некая связь между термитником и саго. Может быть, форма термитника напоминала саго?

Против этого предположения говорит, однако, тот факт, что термитник и саго относятся к разным тотемным сообществам. Их возникновение связывается с разными мифами, и между ними нет никакого тотемного родства. Термитник, как известно, был жилищем Геба и, следовательно, относится к сообществу геб-це-ха. Эти эпизоды о Хони и саговом деме были мне рассказаны всего один раз (в Кумбе). Впрочем, рассказ представляется неполным. Вероятно, существует еще какой-то другой миф, фрагмент из которого вставлен сюда по ошибке.

⁵⁴ Птица-носорог, или годовая птица (*Jahrvogel*).

№ 15.

⁵⁵ Ср. № 37.

Мифы тотемного сообщества каприм-сами

№ 17.

¹ Некоторые рассказчики не называют ее по имени, а говорят просто о жене Уабы, чтобы не нарушать приличий.

² [Процесс приготовления саго весьма трудоемкий. Мужчины срубают саговую пальму и снимают наружные слои древесины, обнажая нежную сердцевину. Женщины шестами выколачивают ее, получая волокнистую массу. По мере надобности эту массу обрабатывают, извлекая саговую муку, которую подсушивают и прессуют в твердое тесто. Куски его жарят.]

³ Какого-либо связного мифа о Ругарунг-хевааи нет, рассказчики отказываются говорить о нем.

⁴ Неясно, что это означает, однако ветки кротоновых кустов играют важную роль при всех колдовских манипуляциях.

⁵ Места обитания дем (дема-мирав), к которым относятся также хижины дем (дема-аха), положено украшать кротоновыми ветвями. [Несомненно, что обычай посадки кротона в местах обитания или возможного появления дем имел сакральный смысл и нес магические функции.]

⁶ Так был открыт инструмент для добывания огня трением (рапа) и вообще огонь, который до тех пор был неизвестен. Таким образом, Уаба стал демой огня. Близ Сендара и поныне находится его хижина, называемая дема-аха (дом демы); здесь обитает дема.

⁷ *Xenorhynchus asiaticus*. Маринд обычно называют его ндик. Но существует два вида аиста, которых маринд называют этим именем. *Xenorhynchus* — это собственно ндик, ндик-ха или белый ндик (кои-хи ндик). В мифе птицу называют уар, чтобы отличить ее от других аистов. Этот меньший по размеру и более темной окраски ндик (куна-хи ндик), видимо, еще неизвестный подвид обычного *Xenorhynchus*, хотя на южном побережье Голландской Новой Гвинеи он встречается значительно чаще, чем *Xenorhynchus asiaticus*, который отличается от него черными ногами и прежде всего бурым оперением, на спине оно переходит в белое. Местные жители часто держат в деревнях этих ручных птиц. Так что вряд ли здесь речь идет о молодом *Xenorhynchus asiaticus*.

№ 18.

⁸ По-аним значит «стреляющие люди». Так маринд называют вообще иностранцев. «По» — это звук выстрела из винтовки.

⁹ Дальше географические знания маринд-аним не распространяются.

№ 19. [Вариант см. Н12.]

¹⁰ Племя, живущее в верховьях Бураки.

¹¹ Здесь рассказчик вдруг начинает говорить уже не о деме-ротане, а о настоящей ротановой пальме, т. е. дему-ротана можно представить себе как ротановую пальму, которая является одушевленным сверхъестественным существом, наделенным могучими силами.

¹² Ротан и поньше занимает важное место в меновой торговле лесных жителей. Жители побережья изготовляют из ротана украшения. В обмен они дают моллюсков и раковины наутилуса.

№ 20. [Вариант см. Н12.]

¹³ Вероятно, один из видов вороны, очень здесь распространённый.

¹⁴ Варан, когда он сидит на стволе кокосовой пальмы, очень напоминает человека, который не может спуститься с дерева.

¹⁵ Эти клубни ямса выросли у него из затылка.

¹⁶ Между Хабе и остальной сушей еще и теперь существует на небольшой глубине подводная перемычка, напоминающая каменную дамбу. А былой участок суши к югу от Хабе превращен работой прибоа в маленький остров.

№ 21.

¹⁷ Некоторые рассказчики называют его «сын Маху».

¹⁸ Эти косы называются маюб, отсюда — общее название водорослей: алиссан-маюб. К ним относятся болио-бона, алиссана, акара, куэссам.

¹⁹ Миф представляется неполным, потому что нигде не говорится, у кого научилась сама Харау выколачивать саго. [В мифологии с Харау связывается представление о создательнице саго (ср. № 55). Она фигурирует в мифах иногда как сестра Арамемба. См. о ней также № 26.]

²⁰ К этому мифу восходят свадебные церемонии маринд (*jus primae noctis* — право первой ночи), которые обычно протекают таким образом.

№ 22. [Вариант см. Н25.]

²¹ Гомар значит зуб, а также кабаньих клык.

№ 23. [Вариант см. Н17.]

²² См. № 12.

²³ Нгейс: так называют мужчин, чьи жены являются сестрами или принадлежат к одному боану (см. примеч. 7 к № 2).

²⁴ В этих местах москиты всегда были настоящим бедствием.

²⁵ Каменистое побережье близ Онгари состоит из глыб бурого железняка. Согласно другому мифу, мальчики превратились в эти камни.

²⁶ См. № 24.

²⁷ Цамба — сложное головное украшение, надеваемое на праздниках молодыми неженатыми мужчинами.

²⁸ См. примеч. 9 к разделу «Мифы тотемного сообщества геб-це».

²⁹ *Tedrodon*.

³⁰ Разновидность камбалы.

³¹ Иноязычные племена, обитающие по ту сторону реки Тораси, возделывают главным образом ямс, причем на обширных полях. Для них ямс — главное средство пропитания, тогда как для маринд таковым является саго.

³² Маринд часто держат у себя кускусов. Пойманное и прирученное животное содержится в бетелевой корзине, которая вешается перед хижиной.

№ 24.

³³ Гари — см. пояснение в № 34 и примеч. 3 к нему.

³⁴ Подразумевается, что укус змеи был наказанием за то, что Явима дурно обошелся с девушкой.

№ 25. [Вариант см. Н33.]

³⁵ Все эти колдовские действия совершаются и сейчас в качестве заклинания.

³⁶ *Antigone australasiana*.

³⁷ Т. е. западный муссон.

³⁸ Т. е. восточный муссон.

³⁹ Западный муссон приносит дождь и волпует море. Этот миф весьма наглядно демонстрирует, как мифологическое родство связано с аналогиями, сходством и основывается на них. Это напоминает греческую мифологию, где родство богов также основывается на персонификации сходного, аналогичного. Мифический заклинатель дождя и грозы является отцом демонов ветра и бури и другого демона волн, сыном болотных птиц — аиста и журавля.

⁴⁰ См. об этом № 30.

⁴¹ Колпица (*Platalea leucorodia*).

⁴² Цапля (*Ardea sacra*).

⁴³ Вероятно, ястреб (*Haliastur indus*).

⁴⁴ Кроншнеп (*Numenius*).

⁴⁵ *Centropus nigricans*. Вороны кричат, как пьяные, а вышепозванные птицы на бегу раскачиваются, как будто одурманенные уати. Этим обоснована их принадлежность к семейству аиста (идик).

Мифы кеи-це

⁴⁶ Значение этого слова непонятно, но, видимо, оно происходит от «сахам» — кенгуру.

№ 26. [Вариант см. Н27.]

⁴⁷ Здесь дема-казуар мыслится как двойственное существо — наполовину человек, наполовину животное.

⁴⁸ Аке — большое дерево, орехи которого жуют вместе с бетелем, заменяя ими плоды ареки.

⁴⁹ *Eugenia domestica*.

⁵⁰ Как можно понять из мифов, Харау первая научилась выколачивать сердцевину саго или особенно хорошо умела это делать. Таким образом, она в известной мере является идеалом женщины маринд, поскольку приготовление саго относится к числу ее главных занятий.

⁵¹ Вот почему у казуара затылок цвета красного саго и на шее красный лоскут.

№ 27. [Вариант см. Н38.]

⁵² В мифе перечисляются разновидности тростника: до-хи-кассим, дом-бассур, акур, гу, замб-иму и т. д.

⁵³ *Plagusia marmorata*.

⁵⁴ Укус муравья считается предзнаменованием.

⁵⁵ *Eugenia aquea*.

⁵⁶ Т. е. чтобы дерево дало потомство и само распространялось дальше.

⁵⁷ *Abrus precatorius*.

⁵⁸ *Coix lacrimae*.

№ 28.

⁵⁹ Яно — это «настоящее имя», «имя демы» кенгуру.

⁶⁰ Все кенгуру происходят от Яно.

№ 29.

⁶¹ Маринд всё пекут и жарят на горячих камнях, прикрывая готовящиеся блюда сверху эвкалиптовой корой.

⁶² Благодаря сперме они были живыми.

⁶³ См. № 37.

№ 30 [Вариант Н28.]

⁶⁴ Опять имеется в виду большой белый аист пдик, или уар (*Xenorhynchus asiaticus*). См. также примеч. к разделу «Мифы тотемного сообщества каприм-сами».

⁶⁵ Так называется используемый для многих целей предмет из спрессованной свиной мошонки, который носят на плече.

⁶⁶ Вонатаи — это «настоящее имя», «имя демы» аиста пдика.

⁶⁷ Украшение для волос из нарезанных полосами кокосовых листьев.

⁶⁸ Браслет из ротана.

⁶⁹ Нагрудные украшения из свиных хвостов.

⁷⁰ Пояса.

⁷¹ *Piper methysticum*. Тогда уати был еще неизвестен. [См. примеч. 8 к № 2.]

⁷² Устройство грядок для уати требует особенной тщательности, потому что молодые растения боятся и чрезмерной сухости, и чрезмерной влаги. Особенно же их надо защищать от прямых солнечных лучей.

⁷³ Здесь опять аналогия: узловатые стебли уати сравниваются с волосами из подмышек.

⁷⁴ Он тоже был демой, и в нем сказывалась птичья природа.

⁷⁵ Уати у маринд особенно часто становится объектом воровства. Оно относится к числу наиболее ценных растений.

⁷⁶ Такие связки уати принято приносить по случаю праздника на площадку, где устраивается торжество.

⁷⁷ Маринд считают, что опьяняющее воздействие уати исходит от демы уати, сила которого в полной мере передается растениям, выросшим из его подмышечных волосков,

№ 31. [Вариант см. Н36.]

⁷⁸ Этого дему называют также Мон.

⁷⁹ *Chelodina Novae Guineae*.

№ 32.

⁸⁰ *Haliaetus leucogaster*.

⁸¹ Рыб, подстреленных из лука, принято насаживать пастрелу и в таком виде приносить в деревню.

⁸² Таким ножом пользуются охотники за головами,

⁸³ Пресноводная рыба.

№ 33.

⁸⁴ Уар — название этой разновидности аиста пдика. См. примеч. к разделу «Мифы тотемного сообщества каприм-сами».

Мифы тотемного сообщества брагаи-це (или года-сами)

№ 34 [Вариант см. Н20.]

¹ Обычно рассказчики называют его просто Опеко-анем, т. е. «человек из Опеко» (деревня на реке Кумбе). См. № 36.

² [Как показали позднейшие исследователи, изображения па гари, по-видимому, символизируют его связь с небом и солнцем. Гари играли важную роль в обрядах инициации.]

³ Ср. примеч. 13 к № 8.

⁴ Об этом рассказчик обычно умалчивает. [Другие авторы, описывавшие обряд и миф, ставят под сомнение трактовку Вирца.]

⁵ Как можно понять из дальнейшего, девушке помогали другие демы, а также другие девушки.

⁶ Другие рассказчики называют его Брагаи. Поэтому все это тотемное сообщество называется брагаи-це.

⁷ Передняя часть лодок у маринд часто оформлена в виде человеческой головы.

⁸ Голова этой рыбы отдаленно напоминает гари.

№ 35. [Вариант см. Н23.]

⁹ Этот миф также обязан своим возникновением сходству между бревном и неподвижно лежащим на берегу крокодилом.

¹⁰ Сорт рыбыба,

№ 36. [Вариант см. Н20.]

¹¹ Имеется в виду лодка, в которую превратился Свар (см. миф «Дема Мер», продолжением которого является данный миф, как и предыдущий).

¹² Деревня между Каибуром и Кумбе.

¹³ См. предыдущий миф. Теперь крокодила зовут Мангу. После каждого превращения дема меняет имя. Мангу — также «настоящее имя» крокодила, «имя демы».

¹⁴ Возможно, местность получила название в честь Мангу (см. примеч. 13).

¹⁵ У охотников за головами есть обычай: прежде чем напасть на деревню, они раскрашивают себе лица известью — вероятно, для того, чтобы их не узнали, а также для того, чтобы в пылу сражения не убить своих. [Обычай имел магический смысл. В белый цвет окрашивали также столбы в хижинах, которые строили с ритуальными целями перед военным походом.]

¹⁶ Эта песня специально поется перед охотой за головами — вероятно, для того, чтобы распалить участников предстоящего сражения; при этом имеют место сексуальные оргии.

¹⁷ Смысл этих слов непонятен.

№ 37. [Другую версию см. Н24.]

¹⁸ См. № 28, 29.

¹⁹ Названия всех этих мест связаны с данным мифом.

²⁰ Его часто называют монгумер-анем, т. е. «человек из Монгумера».

²¹ Так называют вообще всех, кто принимает активное участие в празднике; конкретно же во время праздника свиньи это тот, кто убивает праздничную свинью.

²² Юноша сохранил крокодильи свойства.

²³ Апанашне-аним прежде всего должен быть нарядно украшен.

²⁴ См. № 15.

²⁵ Самб-ци — праздничная песня, которую мужчины поют во время больших праздников всю ночь в сопровождении больших барабанов. При этом совершаются сексуальные оргии.

²⁶ Так у маринд принято обрядовать трупы.

²⁷ Так принято украшать для праздника арековые шишки и другие плоды, а также большие саговые лепешки, которые развешивают на праздничной площади.

²⁸ Здесь есть какое-то противоречие либо неясность. Конечно, маринд знают, что зараженные червем орехи не способны уже дать ростки. Более логична другая версия, согласно которой в червя превратилась жена монгумер-анема,

²⁹ Дема возродился в облике юноши.

Мифы йорм-энд

³⁰ У маринд есть два названия для моря: дув обычно означает берег и прилегающую к берегу часть моря, зону приливов, в то время как этоб означает глубокую воду, волны и вообще

все соленые воды в отличие от пресных вод (арарунд адака). Поэтому реки, вода которых непригодна для питья, называют этоб.

№ 40.

³¹ Арарунд адака — эти слова обозначают вообще питьевую воду в широком смысле.

№ 41. [Вариант см. Н9.]

³² Дессе значит «глубина»; имеется в виду, что вода ищет глубины и происходит из земли от Давены.

Многие рассказчики говорят, что отца Йормы звали Бессе, что, несомненно, представляет собой видоизменение имени Дессе. Это показывает, что очень многие рассказчики со временем уже перестают по-настоящему понимать смысл мифа, хотя все твердо верят, что их мифические предки действительно жили в давние времена. Многие мифы в самом деле представляют собой полное смысла сказочное отражение реальных природных явлений, хотя зачастую они изложены юмористически.

³³ Юноша третьей возрастной группы.

³⁴ Онанизм вообще распространен среди маринд; в нем обычно не видят ничего дурного и расценивают лишь как забавное действие.

³⁵ Смысл этих перечислений: Йорма является духом всех названных болот, равно как всех рек, ручьев, самого моря.

³⁶ Странно, что имя Геба прозвучало так далеко на западе области, населенной маринд. Согласно другим мифам, Геб должен постоянно находиться в Домандэ и в Кондо (см. № 1, 2 и др.).

³⁷ Так называемый аром — надрез на коже, который делают маленьким острым осколком раковины, чтобы выпустить нечистую кровь. Это кровопускание применяется при всех внутренних болях и наружных гнойных ранах, поскольку причиной всякой боли считается дурная кровь, которую нужно выпустить.

³⁸ В этом мифе имена накари Йормы имеют определенный смысл. Если Йорма, морской дема, образно представлен в виде юноши, а затем мужчины, то имена женщин, его подруг и спутниц, олицетворяют свойства моря. Так, Карай значит «мрачная», Мо — «ясная». Вполне вероятно, что первоначально имели смысл и такие имена, как Кандова, Аноя и др., возможно, и они означали какие-то свойства моря или воли. Другие накари Йормы — это медузы, а их рыбацкие сети — это горгониды, которые то и дело выносят на берег.

³⁹ Кровопускание (аром) требует особого умения. У маринд его обычно делают женщины; считается, что у них больше споровки и более твердая рука. Йорм-энд говорят, что это изобретение их предка-демы.

⁴⁰ Все это украшения, которые надевает на празднике исполнитель роли демы.

⁴¹ Дема пресной воды стал демой моря.

⁴² Гуи — нагрудное украшение из свиных хвостов; здесь оно олицетворяет вспененные гребни волн.

⁴³ Имеется в виду шум и грохот морских волн.

⁴⁴ В этих местах море спокойное, а берег образует бухту.

⁴⁵ Это явление по-малайски называется «капала арус» (т. е. букв. «голова потока»). Оно наблюдается только на больших реках, таких, как Биан и Дигул. В среднем течении Биана, к северу от Абои, где река особенно широка, возникает довольно сильный перепад воды. В то же время прилив создает большой напор в нижнем течении реки и гонит воду от устья вверх. Где-то ниже Кабтеля оба течения сталкиваются с такой силой, что возникает мощная волна, которая с большой скоростью устремляется дальше вверх по реке. Постепенно волна становится меньше, по мере того как сила прилива ослабевает, река суживается и перепад уровня уменьшается. Наибольшей силы она достигает где-то выше Кабтеля и представляет немалую опасность для людей, плывущих в небольших лодках. Как можно понять, это явление наблюдается только во время прилива и соответственно повторяется каждые двенадцать часов. Сила волны, естественно, зависит от положения луны; в какой-то период она даже совсем пропадает.

⁴⁶ Морские рыбы относятся к сообществу йорм-энд. Те же, что обитают у берегов и в реках, относятся к другому тотемно-мифологическому семейству — к сообществу по-хе.

⁴⁷ Тотемное родство йорм-энд с морем, пресной водой, рыбами и т. д. восходит, таким образом, к этому событию.

№ 42.

[Вариант см. Н10.]

⁴⁸ Сер (на диалекте западных маринд — сел) — очень большое дерево, из ствола которого обычно делают лодки.

№ 43.

[Вариант см. Н11.]

⁴⁹ *Haliaeetus lemo*; маринд называют его коики кидуб.

⁵⁰ Валинау — легендарный остров. Возможно, в давние времена он действительно находился в устье реки Биан. Известия о нем сохранились только в мифах. В пользу предположения, что он реально существовал и был населен, говорит тот факт, что одно из племен сообщества геб-це называет себя валинау-рек. Это название должно означать, что их предки были жителями Валинау. Нельзя точно установить, был ли этот остров размыт морем (и тогда подводную песчаную отмель в устье реки Биан следует рассматривать как его остаток), или же он с течением времени слился с материком в результате передвижения берега; последнее вероятнее.

⁵¹ Такие веревки используются для того, чтобы переносить вязанки хвороста и другую ношу.

⁵² Где находится это место, мне неизвестно.

№ 44.

⁵³ Сангар-анем — часто употребляемый у маринд оборот речи. Так обычно называют вора, который крадет у людей еду. Как возникло такое обозначение, понятно из данного мифа.

Мифы племенных союзов дива-рек, маху-це, аокабу-рек и цо-хе (или дах-сами)

№ 45.

¹ Имена этих дем несущественны. Другие рассказчики называют другие имена.

² *Ardea sacra*.

³ Другие рассказчики говорят, что его звали Дива.

⁴ Тот, о котором уже рассказывалось в мифе о Харау.

⁵ Местные жители до сих пор показывают это место ниже Сенайо, где оба берега реки особенно высоки.

⁶ Местные жители очень ценят эту съедобную глину (по) и привозят ее на обмен в самые дальние деревни вплоть до побережья.

⁷ Племя, которого больше не существует, оно либо вымерло, либо истреблено. От него осталось только название. Вероятно, оно принадлежало к ныне сильно сократившейся группе канум-аним.

⁸ Тотемное родство мыслится так широко, что дема сообщества брагаи-це превращается в дему ареки.

⁹ Здесь находится отмель, называемая Белевиль, где и обитает дема. Не следует, однако, путать ее с Белевилем близ Домандэ.

¹⁰ Его зовут Нгор-увик.

№ 46. [Вариант см. Н21.]

¹¹ Название лягушек, пак-а-пак, основано на звукоподражании.

№ 47.

¹² Существует выражение «Авасра сотех кабу-рек». Это значит «Авасра вышел из детской корзины околоцветника нибунговой пальмы». Околоцветник пальмы сравнивается, таким образом, с детской корзиной.

¹³ Вероятно, имеется в виду светлый оттенок кожи, который маринд называют красным (до-хи). Европейцы, по их словам, тоже до-хи, т. е. красные.

¹⁴ Некоторые рассказчики сообщают, что при переправе через Биан одна старуха отрезала ему пенис, потому что он оскорбил ее дочь (ср. с мифом о Югиле).

¹⁵ Такие перья служат украшениями во время праздников.

№ 48.

¹⁶ Величину половых органов у собак маринд связывают со способностью к частому спариванию и с интенсивным размножением.

¹⁷ Это «настоящие имена» собаки, или «имена дем». Маринд различают по масти и внешнему виду несколько пород собак. Каждая из них восходит к одному из этих дем.

¹⁸ Букв. «до самой воды» (очевидно, «до самой воды» дотели испражнения). Испражнения (на) также связаны родст-

вом с маху-це. Маринд считают, что способность испражняться — проявление собачьей природы.

¹⁹ См. № 2.

№ 49.

²⁰ Вероятно, *Astur doriae*.

²¹ Раковина-семифузус, которую мужчины обычно носят впереди на поясе.

№ 51.

[Вариант см. Н34.]

²² Батенд — птица *Cordilyne variegatum*.

²³ Намек на крайнюю пугливость этой птицы.

²⁴ До сих пор не упоминалось, что дема имел облик птицы.

²⁵ См. также № 9.

№ 52.

²⁶ На побережье близ Онгари встречается много окаменелостей.

²⁷ См. № 22, 23.

№ 53.

²⁸ Юноша третьей возрастной группы.

²⁹ Юноша четвертой возрастной группы.

³⁰ Киу-анем — букв. «человек-крокодил». Так маринд называют людей распущенных, тех, кто преступает запреты и соблазняет женщин и девушек.

³¹ Молодой неженатый человек.

³² Орехи грилобиума.

³³ Обычно юношу украшают к празднику, когда ему предстоит перейти в следующую возрастную группу; этот обычай миф также связывает с демой Арамембом.

³⁴ Место на побережье близ Анасаи.

³⁵ Здесь рассказчик о чем-то умалчивает или что-то забыл.

³⁶ Это хаупра — шарообразная корзина, с помощью которой ловят рыбу возле морского берега, на мелководье.

³⁷ Хаупра имеет сбоку, отверстие, через которое достают пойманную рыбу. Ори был настолько глуп, что думал, будто отверстие должно всегда находиться на одном и том же месте. Он был совсем сбит с толку, когда увидел, что корзина лежит на берегу не в том положении, в каком он оставил ее накануне вечером.

№ 55. [Вариант см. Н26.]

³⁸ Вернее, саговый дема по имени Гурида. Миф говорит о сходстве между саго и новорожденным ребенком.

³⁹ Опять аналогия. И у саго и у банана желтоватая или красноватая мякоть.

⁴⁰ Скот (рыба папа) принадлежит к тотемной группе йормэнд, или брагаи-це.

⁴¹ Опять указание на сходство. Широкие, тонкие, несколько выпуклые основания саговых листьев, переходящие в длинные

тонкие жилки, напоминают скатов с их длинными тонкими хвостами.

⁴² Намек на сходство саговых листьев и пилы рыбы-пилы.

⁴³ Белая цапля, *Ardea sacra*.

⁴⁴ Цветы саговой пальмы напоминают стайку маленьких птиц, сидящих на вершине дерева.

⁴⁵ Каменные топоры (эира), согласно мифу, — это зубы демы, который пришел с верховьев реки Дигул. От него происходят мангат-аним, т. е. «зубные люди». Это чужезычное племя, живущее на левом берегу реки Маро, сейчас очень малочисленное.

⁴⁶ Так в мифе дается образное представление о скрипе и треске дерева.

⁴⁷ Приготовлению саго маринд научила Харау (ср. миф № 21).

⁴⁸ Устройство для приготовления саго состоит из двух-трех приставленных один к другому наклонных и горизонтально расположенных желобов, сделанных из оснований саговых листьев. Они должны быть плотно соединены один с другим. В наклонный желоб собирается переработанная саговая сердцевина; она выколачивается, перемешивается с водой, потом обезвоживается. В горизонтальные желоба попадает готовое обезвоженное саго в виде размельченной массы.

⁴⁹ Маринд остерегаются разбазаривать и выбрасывать саго — свой важнейший продукт питания. Они считают, что в таком случае саговой дема, т. е. родоначальник саговой пальмы, благодаря которому она появилась на свет, может отомстить и они останутся без саго.

⁵⁰ Прелестный эпизод, указывающий на область распространения кокосовой и саговой пальм. Кокос растет главным образом вдоль песчаного морского побережья, в то время как саго распространено преимущественно дальше от побережья, в болотистых низинах.

⁵¹ Из этого эпизода можно заключить, что саговая пальма размножается оплодотворением. Но рассказчики ничего не говорят о том, рождены ли были молодые растения непосредственно женщинами, или же они возникли из побегов пальмы — демы саго — после того, как ее отростки были политы спермой. Возможно, однако, что этот эпизод следует толковать лишь образно: женщины (накари) сами представляют собой персонифицированные побеги саговой пальмы (ибо, как известно, эта пальма размножается отростками). Сперма же, согласно воззрениям маринд, обладает многими удивительными свойствами. Коснувшись растений, она увеличивает их плодородность и способность к размножению. Эти представления маринд находят особенно яркое выражение во время так называемых ари — особых церемоний плодородия. Возможно, эти церемонии сами восходят к мифам.

⁵² Это «настоящее имя» для саго, или «имя демы», которое известно только союзам племен, принадлежащих к боану саго, т. е. маху-це и вокабу-рек. Оно обычно не упоминается, особенно в присутствии людей из других племен.

⁵³ Во всех этих местностях находятся саговые демы. Ведь и корень, и верхушка, и цветы первой саговой пальмы проис-

ходят от демы. Такие места называются «дема-мирав» и пользуются почетом. Например, в Канги кондо-аним соорудили изгородь вокруг болота, в котором обитает Дум-дема.

⁵⁴ Женщины обеспечивают размножение и распространение саговой пальмы. Эта роль приписывается им во всех мифах. Наглядно маринд представляют себе человекоподобных существ, благодаря которым осуществляется размножение и распространение всех животных и растений, появившихся от дем.

⁵⁵ Сом, *Plotosus spae*.

№ 56.

[Вариант см. Н32.]

⁵⁶ См. № 19, 20.

№ 57.

⁵⁷ В мифе молодую женщину часто еще называют иваг, т. е. девушкой четвертой возрастной группы, хотя правильно было бы назвать ее «сав», т. е. замужней женщиной. Молодых мужчин в мифах тоже часто называют «битар» (юноша).

⁵⁸ *Scylla serrata*.

⁵⁹ См. № 30, а также № 58.

⁶⁰ Значение слова «цо» неясно. Видимо, оно иноязычного происхождения, поскольку и само действие мифа происходит в области иноязычных племен канум-аним. Возможно, это имя предка.

№ 58.

⁶¹ Таким образом, краб нгус относится к цо-хе.

№ 59. [Вариант см. Н35.]

⁶² *Phalacrocorax sulcirostris*. Эта птица играет особую роль в тайном культе Майо; о ней, без сомнения, существует еще много мифов. Похоже, что кар-а-кар находится в особых отношениях с охотниками за головами.

№ 60. [Вариант см. Н22.]

⁶³ См. примеч. 15 к разделу «Мифы тотемного сообщества брагаи-це».

*Мифы тотемного сообщества базик-базик
(или мороб-сами)*

№ 61. [Вариант см. Н14.]

¹ Букв. «праздник резных свай». Во время этого праздника сооружают большую хижину на резных сваях, в которой разделяют свинью.

² Канап — белая питательная ткань кокосовых орехов.

³ См. примеч. 23 к разделу «Мифы тотемного сообщества каприм-сами».

⁴ Дему, который появился из костей Нацра.

⁵ Так миф объясняет, почему при жевании бетеля слюна становится красной. Это цвет крови Мипду.

⁶ Маленькие свиньи, согласно мифу, появились не из костей Нацра; это превратившиеся в свиней жители деревни.

⁷ Как, впрочем, и все остальные свиньи.

⁸ Украшение в виде плетеной повязки из ротана, которую носят на икрах.

⁹ В мифе их называют «вахок-ивинд».

¹⁰ Можно предположить, что Дивациб — это искаженное имя Де-хевай-циб, т. е. «сын Дехевая», «сын убивающего отца»; с течением времени оно стало произноситься укороченно. Возможно, что первый свинной дема, от которого произошел Нацр, соответствует мифологическому Дехеваю, т. е. что сам Нацр в каком-то смысле — сын Дехевая. Как уже было сказано, Дехевай — наиболее загадочная личность в мифологии маринд-аним, его роль и место в мифах еще недостаточно ясны. [Согласно более поздним исследованиям, Дивациб — это персонаж, играющий главную роль в ритуале свиней: он руководит ритуалом, исполняет главный танец и совершает ритуальное убийство свиньи. Нацр является мифологическим прототипом Дивациба. Дехевай — другое имя Нацра, этимология которого дополняет набор мифологических значений героя (см. о нем с. 13). Нацр, свинной дема, является также отцом вспышек молний-мальчиков, которых родила ему жена Собра, пришедшая с неба. В этом значении он — «стреляющий отец». Он также основоположник охоты за головами, которой его научила Собра. Наряду с Ара-мембом, демой-кенгуру, Нацр, дема-свинья, является одним из главных героев мифологии маринд.]

¹¹ Крокодил и свинья считаются друзьями. Оба они — опасные и коварные звери.

¹² Этот узор плетения — один из наиболее часто встречающихся. Им украшают корзины, браслеты и другие предметы. Очень популярен базик-исаз-арир и как орнамент в резьбе.

¹³ *Dioscorea salicifolia*.

¹⁴ Зук (*Charadrius*).

¹⁵ Тетива лука делается из ротана.

¹⁶ См. № 42.

¹⁷ Последняя из них — это большеногая курица; ядра плодов хлебного дерева напоминают яйца этой птицы.

¹⁸ См. № 13.

¹⁹ Рассказчик называет старуху «хаис», что неточно можно перевести как «дух умершей». [В другой версии ей соответствует Собра, которая становится женой Нацра (см. № 65).]

²⁰ Маринд связывают молнии с хаис. И то, и другое, по их понятиям, неясно и пугающе. Но, кроме того, молнии обладают свойствами огня, ведь они могут воспламенять. Эти свойства они приобрели потому, что, происходя от хаис, были первоначально сожжены.

²¹ Ндии — звукоподражательное название молний. Другое их название, тараги, означает жилы, ткани животного или растительного происхождения. Маринд представляют себе молнию как нечто вещественное.

²² Передняя часть лодок у маринд действительно часто имеет вид человеческого лица. Легко можно различить нос и глазные впадины, но существуют и различные переходные виды

к совсем не украшенным лодкам. Это изобретение приписывается Нацру и Маху.

²³ Таким образом, происхождение охоты за головами (куи) возводится к свиному дема Нацру. Свинья — самый крупный и опасный зверь, известный маринд; поэтому свиной дема для них — родоначальник всякого зла и всякой жестокости.

²⁴ См. № 2.

²⁵ Цель охоты за головами — добыть имя для своего ребенка. Каждый ребенок должен получить имя убитого. [См. примеч. к № 12.]

№ 62.

²⁶ «Буба» значит «грудь». Так мать зовет своего ребенка, как бы говоря ему: иди, я дам тебе пососать грудь!

²⁷ Рассказчик употребил слово «маху». Оно означает все украшения, которые положено носить на теле, а также раскраску лица и тела, лубяные косы и пр.

²⁸ Ср. № 11.

²⁹ Нагрудное украшение, которое плетется из шнуров. Его часто носят вместо нагрудных украшений из свиных хвостов.

³⁰ Это «настоящие имена» (игиц-ха) свиней.

Общеплеменные мифы

№ 63. [Вариант см. Н1.]

¹ Этот миф известен повсеместно и рассказывается одинаково, лишь с небольшими отклонениями, независимо от принадлежности к боану. Его знают даже соседние с маринд-аним племена. Местами он также весьма напоминает аналогичный миф о происхождении человека племени аранда в Центральной Австралии, что позволяет предположить их общее происхождение (ср.: С. Strehlow. Die Aranda- und Loritja-Stämme in Zentral-Australien. Т. 1.— Veröffentlichungen aus dem Städtischen Völkermuseum Frankfurt a. M.).

² По другим рассказам — в Авахиме.

³ Многие рассказчики называют этого дему Арамембом. Это, конечно, понадобилось, чтобы объяснить появление огня, о котором идет речь ниже (Арамемб — дема-огонь).

⁴ Связывая этот миф с вышеизложенным, маринд обычно говорят, что пиявка в равной мере принадлежит всем боанам, потому что все первые люди внесли свою долю в ее создание.

№ 64. [Вариант см. Н4.]

⁵ Это миф недавнего происхождения. Он связан с предыдущим, хотя в чем-то не согласуется с ним. Имеются в виду и европейцы, и цветные пришельцы.

⁶ Огнем владел тогда один лишь дема, чужеземцам он не был известен.

№ 65.

⁷ Небесную крышу маринд представляют себе твердой. Там, по их понятиям, находится мир, аналогичный земному, где оби-

тают хаис. Известны, однако, и другие места, где обитают хаис. Они находятся по ту сторону больших рек Флай и Дигул. Эти места обобщенно называют Хаис-мирав. Страна мертвых на севере за Дигулом, видимо, старше. О Хаис-мирав за рекой Флай стали говорить позже. С некоторых пор умерших «переселяют» также и на острова чужеземцев — Макассар, Амбон, Яву.

⁸ См. № 61.

Представление о мироздании и космические мифы

№ 66. [Вариант см. Н7.]

¹ Это «настоящее имя» (игиц-ха) солнца.

² Головное украшение из перьев райской птицы.

³ Здесь следует заметить, что солнце (катане), как и луна, у маринов мужского рода.

№ 67. [Название дано переводчиком.]

⁴ Т. е. как раз там, где находится Эи-квитаре.

⁵ «Java Post», 1917, с. 591.

⁶ Ср. № 65.

⁷ См. примеч. 10 к № 61.

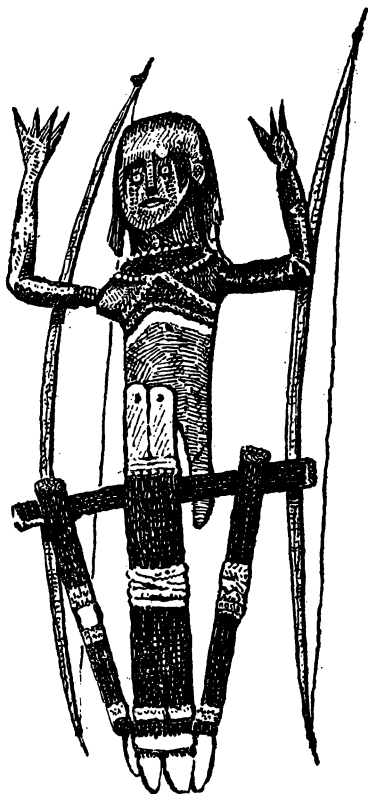
⁸ См. следующий миф.

№ 69. [Название дано переводчиком.]

⁹ Ср. № 9.

¹⁰ *Plagusia marmorata*, которая водится в болотах.

¹¹ *Scylla siriata*.

СЫНЫ ДЕХЕВАЯ

**Предания о демонах
и рассказы об охоте
за головами**

Собраны проф. Г. Неверманом
в этнографической экспедиции
на юг Новой Гвинеи

Перевод с немецкого Г. Пермякова

ТУАН, АХЭ!
(ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ)

«Туан, ахэ!» — такими словами на юге Нидерландской Новой Гвинеи, у маринд-аним и их соседей, приветствуют белого, которому хотят что-либо сообщить.

Конечно, услышать истории, собранные в данной книге, было не так-то просто, и моему знакомству с ними предшествовала долгая дружба с туземцами. Дело в том, что все эти истории считаются у них священными и потому старательно скрываются от посторонних. Демоны, о которых идет там речь, играют важную роль в мышлении маринд-аним, и далеко не всякий чужеземец удостоивается чести быть посвященным в тайну, окружающую их культ. К тому же каждый маринд-анем (*анем* — единственное число, *аним* — множественное) считает себя тесно связанным по происхождению с тем или иным демоном и совершенно не желает, чтобы чужеземцы касались их святая святых.

В 1933 и 1934 годах, во время экспедиции, проводимой по поручению Берлинского Этнографического Музея, мне удалось завоевать доверие маринд-аним и соседних с ними племен и принять непосредственное участие в их жизни. Спустя четыре месяца мне были рассказаны первые мифы о демонах, а после того, как меня усыновило племя канум-иребе и я стал членом рода Гемар, мне было сообщено все, что относится к устным сокровищам этого народа, или по крайней мере то, что еще было живо в его сознании.

В свое время базельский этнограф Пауль Вирц, скончавшийся в 1955 году на севере Новой Гвинеи, уже записал значительное число мифов маринд-аним. Но они во многом отличны от тех, которые довелось слышать мне. Это зависит главным образом от того, что он собирал свой материал у восточных маринд-аним (гавир), тогда как я — у западных — имас (сами себя они называют

има) и у приверженцев культа Сосбма на крайнем востоке, к числу которых принадлежат мои канум-иребе. Этим же объясняются и многие различия в написании собственных имен, что отчасти связано с разницей в диалектах (так например, у Вирца морской демон носит имя *Йорма*, в то время как я слышал *Йолума*), но может иметь и другие, неясные для меня, причины (к примеру, возникновение имени *Оле* для демона-аиста, который обычно называется *Ндик-дема* или *Вонатай*). Отдельные сказания, вроде легенды о покровителе саговой пальмы, впервые появились уже после Вирца; но я решил, что их, как и предания соседних племен, все же следует включить в сборник.

Иные сказания чрезмерно многословны, особенно в тех местах, где говорится о странствиях демонов. Там подробно перечисляются все деревушки и стойбища, сообщается, где демоны спали, ели и справляли другие надобности, совершенно несущественные для развития действия. В таких случаях я допускал некоторые сокращения текста. Характерно, что сами рассказчики относились к этим перечислениям достаточно равнодушно, но стоило им снова перейти к изложению действия, как они сразу же оживлялись, речь их становилась ярче и выразительнее и подкреплялась энергичной жестикულიцией и мимикой.

К собственно сказаниям (Sagen) непосредственно примыкают сообщения, записанные мной от коренных жителей Новой Гвинеи, а — в редких случаях — также от поселившихся там индонезийцев и основанные на подлинных событиях. По форме эти сообщения довольно разнообразны: среди них имеются и обычные рассказы, и тексты протокольного характера («Пунтианак»), и торжественные речи («Умбери и Тьюл»). Некоторые из них составлены из рассказов разных лиц и в части, касающейся описаний походов, тоже значительно сокращены (например, «Почетный гость» и «Поход на Мабур»). Но и в таком виде эти сообщения способны передать облик людей, которые устояли против всех чуждых влияний и вплоть до наших дней сохранили свои самобытные черты.

Один из текстов настоящего сборника, а именно миф о Нггивé и Маму́се, заимствован мною у голландского правительственного чиновника и этнографа ван Бааля и

представляет собой сокращенное переиздание его записи.

В словах местного происхождения ударение всегда падает на последний слог. Произношение звука «в» несколько приближается к «у» (английское w).

* * *

Едва ли найдется другой такой народ, о котором существовали бы столь разноречивые мнения, как маринд-аним, крупнейшее племя юга Нидерландской Новой Гвинеи. Их охотничьи походы за человеческими черепами в чужие земли вплоть до отдаленных областей Британской Новой Гвинеи и далеко в глубь голландской части острова создали им дурную славу каннибалов. Первая встреча маринд-аним с голландцами, состоявшаяся в 1899 г., кончилась тем, что они убили и съели трех офицеров королевского флота, которые высадились на берег¹. А какие жуткие сцены ритуальных разгулов и убийств разыгрываются, а тем более разыгрывались ранее в их тайных культовых союзах — и не передашь словами!

После всего этого можно подумать, что маринд-аним — какие-то дьяволы. Однако в действительности дело обстоит как раз наоборот. Каждый, кому довелось в течение длительного времени пожить среди них — до сих пор, к счастью, это были лишь немногие белые, — был восхищен их непосредственностью, их чистой, подчас даже назойливой дружбой, их добродушием и горячей любовью к правде. И если бы не были известны страшные истории об охоте за человеческими головами и ритуальных ужасах, можно было бы утверждать, что нет на свете более добродетельного и честного народа, чем маринд-аним.

Обе высказанные оценки в равной степени справедливы. Добро и зло прекрасно уживаются друг с другом в сердцах маринд-аним, а так как эти люди весьма эмоциональны, они постоянно колеблются между крайней жестокостью, охватывающей их в пылу боя или при совершении культовых обрядов, и исключительным добродушием в спокойные минуты жизни. В этих людях есть что-то детское: они не задумываясь могут подарить друзьям все, что имеют сами, могут предаваться без-

удержной радости, а потом снова становится необыкновенно жестокими, даже не сознавая своей жестокости.

Двойственность характера маринд-аним находит, однако, и другое объяснение. Сами себя они называют *аним-ха*, т. е. настоящими людьми. Это означает, что все остальные люди являются существами второго сорта и вообще не заслуживают звания людей. С ними можно обращаться как угодно, потому что нравственные законы на них не распространяются. Внутри же своего племени полагается вести себя так, чтобы не причинить никому ни малейшего вреда и в меру своих сил помогать каждому.

Идеалом маринд-аним являются *аним-анем* — «человечный человек»², помогающий другим людям, и *дур-анем* — «совестливый человек», который стыдится сделать что-либо противоречащее обычаям старины. Они уважают собственность своих соплеменников и считают воровство одним из самых подлых преступлений. С глубоким почтением относятся маринд-аним к старости, внимательно прислушиваются к советам стариков (которые, кстати сказать, заправляют всеми деревенскими делами, сообщая выполняя роль старейшин) и никогда не посмеют упрекнуть их в том, что они уже не могут работать. Для защиты своей общины маринд-аним не жалеют ни собственности, ни самой жизни и — что редко для дикарей и на Новой Гвинее встречается далеко не везде — испытывают непреодолимое отвращение ко лжи. «Маринд-аним-меен сакод-ке иси мбаке» — «Слово маринд-аним едино и верно». Обычай не позволяет мужчинам посягать на честь жен и дочерей своих единоплеменников, но иногда страсти вносят в идеал свои поправки, хотя чужестранцу и остается непонятным, чем могут привлечь мужчину эти изможденные работы и рано увядшие создания.

Мужчины, напротив, по-своему красивы. Это та самая красота, которую один голландец удачно назвал «великолепием дикаря». Представьте себе человека высокого и стройного, с телом темно-шоколадного цвета, а по праздникам размалеванного еще красной и черной красками; его грудь и шея богато украшены ожерельями из ракушек, зубов, плодовых косточек и плетеных волокон; у него открытое лицо с широким, но тем не менее резко выступающим вперед носом, через который

продет в качестве украшения кабаньих клык или кость, и с яркими цветными полосами на щеках и на лбу, и надо всем этим, как венец, вплетенные в курчавые волосы лубяные косы (до двухсот пятидесяти штук!) и диадема из черных перьев казуара и желтых блестящих перьев райской птицы. Его наряд дополняют узкий плетеный пояс, раковина морской улитки³ или кусок кокосовой скорлупы, служащие единственным прикрытием наготы, а также наручные браслеты с воткнутыми в них цветами или листьями, плетеные наколенники и многочисленные легкие серьги из стволов казуаровых перьев в растянутых ушных мочках. Кроме того, при нем имеется небольшая походная сумка с табаком или орехами бетеля, и тыквенный сосуд с известью для жевания⁴, и, само собой разумеется, большой, выше человеческого роста, бамбуковый лук с запасом стрел.

Так выглядят молодые люди. Но чем они становятся старше, тем проще делается их убранство. Зато больше внимания и труда уделяют они своей прическе, с каждым разом по-иному заплетая косы, служащие у них указателем возрастного класса. А тот, кто дожил до седины, кроме кос носит лишь одно украшение — нагрудную пластину из перламутра⁵.

Мужчина у маринд-аним — полновластный хозяин в доме. Со своей женой он может делать все что угодно, так как после свадьбы она становится его собственностью. Он может, если друзья его о том попросят, одолжить или подарить ее и может даже, если она его разозлит, тут же ее убить⁶. Но, конечно, чаще всего он привыкает к жене или, быть может, еще больше — к ее кухне; во всяком случае, там очень часто встречаются неразлучные пары, а иной раз мужчина оказывается даже под пятой у своей жены.

На долю женщин приходятся все основные работы по дому. Они присматривают за детьми и готовят пищу — обычно из саговой муки с рыбой или мясом и кокосовым маслом, — пользуясь для этого раскаленными кусками термитника⁷. На женщинах же лежит работа о свиньях — единственных кроме собак домашних животных, уход за посевами, который в основном сводится к прополке, приготовление муки из сердцевины саговой пальмы, а также плетение всевозможных украшений и предметов хозяйственного обихода: опахал для

раздувания огня, шнуров для связывания хвороста⁸ и т. п. Некоторые виды рыбной ловли тоже считаются женским занятием. Мужчины же берут на себя расчистку земельных участков, рубку саговых пальм, изготовление лодок, постройку жилищ, ловлю рыбы при помощи лука и стрел, различного рода резьбу и меновую торговлю.

В обязанности мужчин входит также хранение преданий. Для маринд-аним это является крайне важным делом, так как от него зависит процветание общества. Чтобы понять это, необходимо прежде всего познакомиться с общественным укладом маринд-аним. Они делятся на ряд родовых групп, ведущих свое происхождение от тех или иных демонов. В древности этими демонами (о них много говорится в приведенных ниже мифах) были созданы одно за другим все имеющиеся на свете растения, животные, все явления природы и культурные ценности. Иначе говоря, они сделали мир таким, каков он есть, и благодаря им люди получили возможность жить в этом мире. Однако все, что было когда-то создано демонами, постепенно теряет свою жизненную силу. Поэтому люди должны путем магических действий время от времени воссоздавать мир и культуру, что они и делают, разыгрывая на своих культовых празднествах особые представления, воспроизводящие мифы о демонах. Это воспроизведение должно быть очень точным и добросовестным, ибо малейший пропуск или искажение текста могут привести к тому, что в мире появятся изъяны и неполадки. Таким образом, сказания о демонах выходят далеко за рамки обычных рассказов и имеют магическое значение.

Каждый род отвечает за сохранность мифов о своих предках-демонах, а внутри родов эта ответственность возложена на стариков — самб-аним («могучих людей»), вследствие чего они объединяют в своих руках функции жрецов и старейшин, правда лишь по отношению к своим сородичам. Известно, что тотемизм⁹ — так в этнографии называют особенно тесные отношения определенной группы людей со своим мифическим предком, обычно выступающим в образе зверя или растения, — у многих не тронутых цивилизацией народов связан с запретами в употреблении пищи. Отчетливые следы этого обычая обнаруживаются у соседей маринд-

аним — йе-нан¹⁰. Сами же маринд-аним не заходят так далеко, однако и у них при принятии молодых людей в культовые союзы (об этих союзах будет еще идти речь) подобного рода запреты все же играют существенную роль.

Мифическое существо — демон — по-мариндски называется *дема*. Наше слово «демон» лишь случайно совпадает по звучанию с мариндским, но оно же является и лучшим его переводом¹¹, так как демы вряд ли заслуживают названия богов. Они могут принимать любой облик, выступая то в образе человека, то снова в образе зверя или дерева и т. п.¹². Существуют они с незапамятных времен. Их можно убить, но они все равно возродятся в ином виде. По твердому убеждению маринд-аним, демоны живут и по сей день, и многие верят, что сами видели их¹³. Демонов не столько почитают, сколько боятся, а йе-нан уверяют даже, что для человека нет ничего более страшного, чем встретиться со своим собственным предком-демоном. Тем не менее это не ослабляет чувства тесной связи со своим мифическим родоначальником, и когда в полнолуние кто-нибудь из тотемной группы гебхе приветствует в месяце своего пра-родителя Геба громким и радостным возгласом: «Геб, ахэ!» или какой-нибудь потомок тотема воды, выйдя из глубины острова на берег, славит морского демона Йолуму, торжественно восклицая: «Йолума, дема моря, сын бездны, как ты прекрасен!»¹⁴, то они делают это не только по обязанности, но и по велению сердца.

Кем был сотворен мир — земля и море, об этом в сказаниях ничего не говорится. Неведомо также, кто из демонов первым появился на свет. Известно лишь, что растения и животные, звезды и огонь были созданы демонами и что им же обязаны своим возникновением люди.

Одним из самых могущественных демонов считается Дехевай — «убивающий отец», который положил начала охоте за человеческими головами и установил все связанные с ней обычаи. Одновременно он является и демоном грозы, так как живет за небесным сводом, и когда проламывает его, чтобы спуститься к людям, то гремит гром. Благодаря всему этому маринд-аним почти всегда чувствуют его близость.

Профессор д-р Г. Неверман

СКАЗАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛЮДЕЙ И О СТРАНЕ МЕРТВЫХ

1. Первые люди

В давние времена в краю Имас¹ демы однажды справляли праздник. В самый разгар пира вдруг хлынул ливень, и они спрятались под землю. Только псудеме удалось отыскать среди всеобщего потока одно сухое местечко, где он и дождался, пока не сошла вода.

Демы, сидевшие под землей, решили перебраться из Имаса в Гавир². Им пришлось идти в полной темноте, но пес-дема Нгилуй сверху указывал им дорогу. Чтобы проверить, под ним ли демы, он то и дело рыл в земле ямы. Для тех, кто был внизу, это отдавалось громом, и по его грохоту они узнавали, куда держать путь. Если же Нгилуй не слышал шагов, он догадывался, что демы уснули, и тоже ложился отдыхать.

Наконец демы добрались до Сендара, на земле Кондо-мирав. Здесь Нгилуй вырыл особенно глубокую яму, и через нее демы вышли наружу. Потом яма наполнилась водой. Так у Сендара возникло озеро, которое можно видеть еще и теперь.

По озеру плавали какие-то существа из бамбука, очень похожие на рыб. Дема-аист хотел было поймать их и съесть, но огонь-дема не позволил ему этого сделать. Он сказал: «Это вовсе не рыбы, а люди, и принадлежат они мне». Единственное, что он разрешил аисту, — это вытащить их из воды на берег.

Тем временем другие демы сложили на берегу большую кучу хвороста. Им было холодно, и, чтобы согреться, они решили развести костер. Они не подумали, что лежащие рядом бамбуковые люди могут пострадать от пламени, и зажгли огонь.

От жары бамбук потрескался и лучины разошлись в разные стороны. Так у первых людей появились руки и ноги, а на голове — глаза, уши и ноздри. Но вот раз-

дался особенно громкий треск: «Вааах!»³. Это у первых людей открылись рты, и они обрели дар речи.

Огонь-дема взял бамбуковый нож⁴ и принялся за окончательную отделку людей. Он вырезал им пальцы на руках и ногах. Поначалу дема оставил между пальцами плавательные перепонки, но они ему не понравились. Тогда он их срезал и выбросил. Конечно, ему не следовало так делать, потому что эти обрезки впоследствии превратились в пиявок. Но уж так у него получилось.

Первым человеком, появившимся в Сендаре, был молодой мужчина по имени Ворью. Он же был самым первым, кто отправился в странствие вдоль морского побережья. За ним последовали другие люди. Постепенно они заселили все деревни в Гавире, а потом и в Имасе⁵.

Из земляной ямы в Сендаре вышли только маринд-аним. Потому они называют себя еще и аним-ха — «истинными людьми». Все остальные племена — канум, йе-нан, куркари и многие другие — появились на свет позднее⁶, когда пес-дема вырыл вторую яму. Самые плохие из них — куркари⁷. Трое из этих людей научились смертельному колдовству. И первым, кого они убили, был Ворью.

После своей смерти Ворью — теперь уже не человек, а дух — продолжал жить среди людей. Но люди стали его бояться, а исходивший от него запах тления сделался им противен. Тогда они прогнали Ворью, и он ушел дальше, за устье Дигула, где с тех пор живут все души умерших⁸.

Иной вариант мифа о происхождении человека мы находим у близких родичей маринд-аним, так называемых «людей габгаб» (габгаб-аним), живущих в долине реки Флай, там, где эта река, изгибаясь большой дугой, заходит далеко в глубь нидерландской части острова. По своему языку люди габгаб почти не отличаются от маринд-аним. Наиболее близки они к маринд-аним с верховьев Биана, которые образуют особую группу среди самих маринд-аним. Область габгаб делится на две части — Вакмак и Каумак. Габгаб-аним живут в больших домах, вмещающих несколько семей. Селятся они на островах посреди болот и лагун. В габгабском варианте мифа основная роль в создании людей отведена демону Нггивэ⁹.

2. Нггиве и Мамус

Однажды Нггиве поднялся вверх по большой реке в местность Вамак. Людей там еще не было, а жил только один дема, по имени Мамус. Нггиве держал при себе собак. Мамус же еще не знал их и ходил в сопровождении древесных медведей¹⁰.

Как-то раз демы отправились на охоту и дошли до места, где уже были люди. Правда, они выглядели не так, как теперь: у них не было ртов.

Нггиве не стал убивать людей, а спрятал их в траву и под землю. Сверху осталась только одна беременная женщина, и Мамус убил ее. Он разрезал убитую и ее плод на части, зажарил на огне мясо и отдал половину Нггиве. Но тот отказался есть и выбросил свою долю.

Потом Нггиве сказал Мамусу: «Придешь ко мне, когда услышишь бой моего барабана. Но не раньше!» — и ушел.

Он выстроил большой дом со многими спальными местами и приказал варану¹¹ рыть землю. Варан начал рыть и вскоре наткнулся на крышу, разгреб ее: под ней оказались люди. Они сильно перепугались. Но Нггиве сказал: «Не бойтесь, я вас не съем. Выходите наверх!»

Люди выбрались из ямы. Нггиве взял бамбуковый нож, надрезал им те места, где сейчас у людей рот, и сказал: «Теперь вы сможете разговаривать». И тогда люди издали свой первый крик.

Затем Нггиве отвел людей в большой дом, и они спокойно проспали там всю ночь. Утром дема спрятал их за домом и ударил в свой барабан. Мамус сразу услышал зов и явился к Нггиве. Увидев множество спальных мест, он спросил удивленно: «Для кого это ты приготовил?»

— Для себя, — отвечал Нггиве. — Я люблю спать то в одном, то в другом месте.

Тут он позвал людей. Все дружно набросились на людоеда Мамуса и убили его, а собаки Нггиве загрызли древесных медведей.

На радостях люди пустились в пляс, а потом Нггиве рассказал им, как надо делиться на брачные группы¹² и как справлять культовые праздники. После этого он оставил их и ушел в другие края.

О том, как выглядит страна «хаис» (душ умерших), расположенная по ту сторону широкого устья Дигула, куда не отваживается проникать ни один живой человек, мы узнаем из следующего мифа.

3. Посещение страны мертвых

У одного человека умерла жена, и он очень горевал о ней. Целыми днями он думал о том, как бы ему снова свидеться со своей женой. Но сколько он ни думал, душа умершей не приходила к нему. Тогда он обратился к колдуну. Тот велел раскопать могилу жены, достать голову покойницы и съесть ее мозг. «Тогда,— сказал колдун,— ты тоже приобретешь свойства духа и сможешь последовать за своей женой».

Человек выполнил все, что ему было сказано. Только вместе с мозгом он съел еще саговую лепешку и потому превратился в духа лишь наполовину, а наполовину остался человеком.

Ночью к нему явилась душа жены и проводила его в страну мертвых, что лежит далеко за устьем Дигула. Обыкновенные живые люди видят там только ил да мангровы и не могут там жить, но новому пришельцу страна очень понравилась. Правда, ничего съедобного в том краю не росло, но мертвецов это ничуть не беспокоило: каждую ночь они летали по воздуху на свои старые огороды в стране людей¹³ и приносили оттуда столько еды и пьянящих стеблей вати¹⁴, сколько им было нужно.

На следующий вечер вокруг новичка собрались духи умерших, чтобы отпраздновать его приход торжественной пляской. Они забили в большой барабан¹⁵, который когда-то принес сюда Ворью, первый мертвец, и начали так лихо отплясывать, что у них загремели кости. Около молодых мертвецов, кружившихся в дикой пляске, сидели те, которые умерли старыми. Они были настолько слабы и дряхлы, что им, чтобы не рассыпаться, приходилось опираться о пальмы. Беселье продолжалось всю ночь. Человеку стало не по себе, и он еле дождался конца праздника.

Днем, когда все духи уснули, он попросил жену отвести его обратно к живым людям. Она обещала, так как сразу поняла, что он не настоящий мертвец. Едва

стемнело, она обернулась журавлем¹⁶, посадила мужа себе на спину и с быстротой молнии отвезла его в родную деревню. Здесь она с ним простилась и снова улетела в страну духов.

В деревне видели, как человек возвратился домой на журавле, и догадались, что то был не простой журавль, а дух-оборотень. Человека схватили и, узнав от него, что он еще при жизни чуть было не превратился в духа, начали его лечить. Для этого взяли крепкую раковину, разбили ее на части и острым осколком нанесли ему множество мелких ран на лбу, груди и руках, чтобы из него вышла вся дурная кровь, а вместе с ней то, что делало его духом¹⁷. Потом ему дали разные чудесные снадобья, и он опять стал совсем живым человеком, и у него пропала всякая охота еще раз пойти к жене в страну мертвых.

А духи умерших, которых он посетил, будучи живым, почувствовали себя обманутыми. Они страшно рассердились и стали кидать в него кости мертвецов, рассыпавшихся от ветхости, но так ни разу и не попали.

Еще и теперь иногда можно видеть падающие с неба кости. Издали кажется, будто падают звезды, но мы знаем, что на самом деле это кости духов из страны мертвых.

В представлении островитян духи умерших ассоциируются также с чужестранцами, так как все они — будь то голландцы, индонезийцы или китайцы — имеют значительно более светлую кожу, чем коренные жители Новой Гвинеи. В глубине острова их и сейчас часто принимают за духов. Но на побережье, вблизи Мерауке, к чужестранцам постепенно привыкли, считают людьми и называют — из-за грохота, издаваемого их ружьями, — по-аним, т. е. «пиф-паф-люди», или «пиф-пафы». Вот что рассказывает о них легенда.

4. Пиф-пафы

После того как на земле Кундо-мирав появились первые люди, к деревне Мелиу ночью подплыла большая-пребольшая лодка с чужеземцами¹⁸. Чужеземцы еще не знали огня, но, привлеченные его светом, захотели подойти к берегу. Однако это им не удавалось: был отлив и лодку все время относило обратно в море.

Тогда с нее бросили в воду большой крюк, но веревка оказалась слишком короткой, лодка не нашла опоры и продолжала удаляться от земли.

Чужеземцы громко закричали: «Дайте же нам огня!» — потому что он им очень понравился.

Один дема из жалости кинул им пылающую бамбуковую головешку. Она полетела прямо в лодку, и чужеземцы успели схватить ее зубами, прежде чем их совсем отогнало в море. С тех пор они всегда суют огонь в рот и зажигают свой табак, тогда как настоящие люди жуют его.

Позднее чужеземцы засадили огонь в свои палицы, а когда поселились в Эрмасуке¹⁹ и люди напали на них, выпустили его с оглушительным треском «по! по!», приносящим смерть²⁰. С того времени чужеземцев и стали называть по-аним — «пиф-паф-людьми».

Пиф-пафы бледны, как все души умерших. Вот почему, когда они приплыли к нам из Сулабайи²¹ и попросили кокосовых орехов, люди сказали: «Очень жаль, что мертвецы²² в Сулабайе терпят нужду» — и дали пиф-пафам много разной снеди для мертвых. Теперь они могут даже варить духам еду, потому что достали у нас огонь. Сами же добывать его они так и не научились²³. Правда, у них есть маленькие палочки для разжигания огня, но и те дал им дема из Мелиу.

По-иному объясняют происхождение предприимчивых чужестранцев капауры, живущие в западной части Новой Гвинеи, на небольшом полуострове, к югу от залива Мак-Клур. В этническом и культурном отношении это племя не имеет ничего общего с маринд-аним²⁴ и, видимо, испытало индонезийское влияние. Капауры рассказывают²⁵: «У прародителя всех людей было трое сыновей. Каждому из них он дал необходимые для жизни орудия и утварь. Но один из сыновей не захотел работать, улегся под деревом и уснул. Он так долго спал, что стал совсем черным. От него-то и произошли капауры. Двое других сыновей ушли в чужие края, много трудились и в конце концов разбогатели. От них произошли белые и китайцы».

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ О ДЕМОНАХ

Итак, мир и люди были созданы. Но и все остальные предметы и явления нуждаются в объяснении.

По словам маринд-аним, важнейшим событием древности, когда демоны жили еще в Кондо-мираве, было возникновение огня. Это произошло задолго до появления людей. Упоминание же о жителях Кумбе сделано только ради шутки, на которую они, впрочем, нисколько не обижаются.

5. Пожар в Сендаре

В давние времена демы жили в Сендаре, на земле Кондо-мирава. Один из них, Ваба, так горячо любил свою жену, что от его жарких объятий загорелась хижина. Было как раз время засухи, дул сильный восточный ветер, и пламя быстро распространилось по всему побережью. Деревья и трава выгорели дотла, и на берегу образовалась широкая пустынная полоса, которая существует и по сей день.

Ваба и его жена сгорели, а вместе с ними погибли в своих домах и многие другие демы. Ведь в ту пору об огне ничего не знали и не умели от него защищаться.

Когда демы-звери впервые увидели огонь, они из любопытства подошли вплотную к нему, чтобы лучше его разглядеть. При этом дема-аист Ндик по неосторожности опалил себе ноги и крылья. Оттого у аистов ноги красные, а на крыльях — черные подпалины. Еще больше досталось казуару: от жары у него почернели все перья, а на шее появился красный след от ожога. Ракам тоже не удалось уберечься, и с тех пор, стоит им только попасть в огонь, они сразу же становятся красными.

Во многих местах пожар проложил в лесу длинные просеки в глубь страны. Позднее они наполнились водой и превратились в реки.

Как и дем-зверей, людей из деревни Кумбе разобрано любопытство, и они наклонились, чтобы рассмотреть пламя. От этого у них на голове сторели волосы. Вот почему в Кумбе так много плешивых.

«Пожаром в Сендаре» открывается большой цикл легенд, имеющих целью объяснить, почему мир сегодня выглядит так, а не иначе и откуда взялись те или иные животные, растения или небесные светила. Мало того, в них делается попытка подогнать под одну схему вообще все, что встречается в жизни. И хотя некоторые объяснения порой кажутся нам наивными, все же следует признать, что налицо серьезное стремление понять причины явлений.

К числу характерных черт маринд-аним принадлежит любознательность. Каждый молодой человек по достижении совершеннолетия обязан на какое-то время пойти в «сапла» (у восточных маринд — «сапр»), т. е. «поглядеть на мир», в тех пределах, в каких это можно сделать без риска для жизни; некоторые отваживаются даже посетить соседние племена, которые трудно назвать дружественными. Многие юноши связывают эти походы с поисками невесты, так как у маринд-аним женщин меньше, чем мужчин, и здоровую, прилежную девушку — на красоту там обращают значительно меньше внимания — не так-то легко найти. Однако главной целью странствий все же остается «меи нангго», т. е. «накопление знаний».

Правда, связи, устанавливаемые маринд-аним между отдельными явлениями, основаны отнюдь не на научных знаниях, и это показывает, насколько еще у этих людей сильны и живучи мифологические представления. Так, по мнению маринд-аним, бананы, постройки термитов, морские желуди, кокосовые пальмы и месяц тесно связаны между собой, ибо все они играют важную роль в мифе о Гебе. Геб — это дема самой большой и наиболее распространенной тотемной группы, которая имеется и у соседей маринд-аним. Канум-иребе, ябга и жители острова Комолом также считают его своим предком и радостно приветствуют как обитателя луны.

6. Геб

Когда-то Геб жил в местности Домандэ, в термитнике¹. Каждый день он ходил к берегу моря ловить рыбу. Из-за частого пребывания в воде все его тело покрылось морскими желудями², и он стал чудовищно безобразным. Зато те же ракушки надежно защищали его от термитов.

Геб был так уродлив, что не смог найти себе жены. Поэтому он срезал нижнюю часть бамбука³ и смастерил из нее вещицу, заменявшую ему женщину. Прия-

телю Геба, Маху⁴, у которого было две жены, стало жаль беднягу, и он подарил ему одну из своих жен — Пиакор. Но Пиакор не принесла Гебу большой радости: поначалу она производила на свет только рыб или птиц и лишь позднее родила ему двух сыновей и дочь.

Однажды Геб ловил рыбу неподалеку от Бути. Вдруг к берегу подошли девушки; они захотели набрать ракушек. Геб устыдился своего уродства и зарылся глубоко в песок, оставив сверху только нос. Одна из девушек приняла нос за раковину и взялась за него. Гебу стало нечем дышать, и он был вынужден вылезти из песка. Девушки ужасно перепугались и с громким криком бросились бежать.

Мужчины из Бути подумали, что безобразный малый нарочно подстерегал девушек. Они схватили свои палицы⁵ и луки, поспешили к берегу и поймали Геба. Пленника привели в деревню и поместили в отдельную хижину, а чтобы он не сбежал, поставили у дверей охрану.

Потом мужчины палками и каменными топорами попытались очистить Геба от морских желудей. От боли он громко кричал. Но содрать с Геба ракушки так и не удалось, только на затылке у него образовалась большая рана.

Ночью из этой раны вырос банановый стебель. Он рос так быстро, что уже к утру на нем созрели плоды. Мужчины вытащили его из затылка Геба и посадили в землю. С тех пор этот сорт банана и называется бути⁶ — по месту своего рождения.

Мужчины из Бути все же хотели очистить Геба от ракушек и сделать его своим мальчиком для удовольствия⁷. Геб очень испугался и решил бежать во что бы то ни стало.

Ночью он разобрал часть листьев, покрывавших хижину, — выйти через двери было невозможно из-за охраны, — выбрался на крышу, прыгнул на кокосовую пальму и полез по ней вверх. Чем дальше он лез, тем выше вырастала пальма, и наконец ее вершина достигла луны. Геб быстро перескочил с пальмы на луну. В то же мгновение пальма съежилась и вновь приобрела свои обычные размеры.

Геб был спасен, но ему пришлось навсегда остаться жить на луне. Временами он там хорошо виден, и тогда

потомки Геба приветствуют его радостным возгласом: «Геб, ахэ!»

Пока Геб взбирался вверх по шершавому стволу пальмы, с него слезли все морские желуди, и он опять превратился в красивого мужчину. Но по старой памяти его иногда все еще называют «Саманити-патур», что значит «чесоточный юноша».

Жители Сангасе и Алаку⁸ рассказывают эту историю несколько по-иному.

Когда все мужчины из Бути ушли на охоту, Геб выбрался из хижины. На берегу играли мальчики, и дема всем им отрезал головы⁹. Отцы мальчиков снова поймали Геба и решили его убить. Но ни стрелами, ни копьями не могли они пробить покрывающий его слой ракушек. Тогда мужчины попытались утопить дему. Они вырыли глубокую яму, бросили в нее связанного Геба и начали лить туда воду, которую приносили в бамбуковых трубках¹⁰. Но вода быстро впитывалась в землю, и у них опять ничего не получилось.

К утру мужчины отказались от этой напрасной затеи, взяли бамбуковый нож и отрезали Гебу голову. Они хотели сохранить ее как трофей, но голова вырвалась у них из рук, покатила вдоль берега, докатилась до самого края света, потом поднялась вверх и превратилась в солнце. Теперь она ежедневно странствует по небу от Кондо-мирава до Мули¹¹, а по ночам под землей возвращается обратно. Люди из Окабы¹² говорят, будто солнце и ночью идет небесным путем, но этого просто не видно, потому что по ночам оно не светит.

Миф о лунном демоне Гебе распространен у большинства маринд-аним. И это не случайно, ибо в их системе взглядов луна занимает весьма важное место, куда более важное, чем солнце. Именно по луне, регулярно меняющей свою форму, а не по солнцу, почти неизменному в тропиках, ведут они счет времени. Считают маринд-аним только дни и месяцы; понятие о летоисчислении находится у них в зачаточном состоянии.

О солнце же в повседневной жизни вспоминают очень редко: ведь оно так однообразно светит! Единственным существенным его свойством считают зной, о котором даже сложен особый миф. Действие этого мифа разворачивается на острове Комолме, лежащем между двумя южными рукавами пролива Принцессы Марианны.

7. Пылающий мальчик

Случилось это на острове Комоломе. Один мальчик шел вдоль берега на рыбалку и печально свалился в глубокую яму. В яме была такая жара, что мальчик сразу же раскалился докрасна и запылал.

В это время мимо проходили какие-то мужчины. Почувствовав сильный зной, они огляделись по сторонам и обнаружили яму, а в ней — мальчика. Огненно-красный мальчик понравился им, и они захотели вытащить его из ямы и взять с собой в Момбум. Но мальчик оказался таким горячим, что до него нельзя было дотронуться. Тогда мужчины принесли в бамбуковых трубках воду и вылили ее на красного мальчика. От него повалил густой пар. Пар поднялся высоко в небо и превратился в облака. А мальчик заметно остыл, и мужчины смогли достать его из ямы.

Они привели мальчика в Момбум и надели на него головной убор из перьев райской птицы. Но тут мальчик снова запылал. Мужчины испугались, что от него загорится вся деревня, и прогнали его.

Пылающего мальчика тянуло наверх, к освежающим облакам. Он схватился было за вьющийся ямс¹³, чтобы по нему взобраться на небо, но от жары растение тут же засохло и загорелось. Тогда мальчик вскарабкался на высокое дерево. Оно тоже запылало. Но прежде чем дерево успело сгореть, он уже достиг облаков и очутился на небе. Здесь пылающий мальчик превратился в Катанэ, солнце, а то, что мы принимаем за его лучи,— это все те же сверкающие перья райской птицы¹⁴, которыми украсили мальчика жители Момбума.

Вечером, когда становится прохладно, Катанэ возвращается в свою теплую яму на Комоломе. Оттуда под землей, по пути, впервые проложенному демами, он идет до Кондо-мирава, а потом еще дальше, за Старый Маро¹⁵, и там вновь выходит наверх. И от его жара всюду делается тепло и светло. А затем Катанэ опять медленно бредет по небу до Комолома.

Там, где Катанэ по утрам выходит из-под земли, возвышается белая, как известь, башня. Днем и ночью полыхает на ней яркое пламя, видимое издалека.

Люди, почитающие огонь-дему, утверждают, что это он создал огненную башню: пошел из Кондо-мирава

к Старому Маро и построил ее. Но те, которые знали историю Катанэ, усомнились в этом и решили сами отправиться туда и обо всем разузнать. Они долго плыли на своих одnodеревках вдоль побережья, выдержали несколько сражений с чужими племенами и наконец увидели вдаль остров со сверкающим огнем на башне. Но едва они попытались приблизиться к острову, вода в море сделалась густой, как каша¹⁶, что готовят себе пиф-пафы из Амбона, и им пришлось повернуть обратно, чтобы не застряли лодки.

Так до сих пор никому и не удалось разгадать тайну огненной башни. Пиф-пафы говорят, правда, будто ее выстроили какие-то ингрис-аним¹⁷. Но разве могут люди сделать что-либо подобное? Конечно же, башню построил дема; и от нее Катанэ каждый день начинает свой небесный путь.

Под огненной башней ингрис-аним подразумевается маяк на острове Дару. Это один из очень редких случаев, когда явления нашего времени органически включаются в мифологию. Характерно, что ни табак, так полюбившийся маринд-аним, ни новые полезные растения, ни коровы, завезенные в Мерауке голландцами, не нашли в ней места. Что же касается утверждения, будто море перед Дару стало густым, как каша, то его не следует понимать буквально. Когда-то маринд-аним ездили в те края вдоль побережья на охоту за головами. Теперь подобные вылазки сделались весьма затруднительными и понадобилось объяснение, почему нынче нельзя заходить так далеко. Между прочим, «густое море» — это вообще один из распространенных сказочных мотивов, который благодаря арабам попал также и в европейский фольклор. Этот мотив встречается во многих поэтических произведениях средневековья.

Любопытно, что жители деревень Инунгалнам и Мулинам, расположенных на юге острова Фредерика-Хендрика, поизмыслили у маринд-аним миф о Катанэ и не задумываясь повторяют его слово в слово, хотя там и говорится, будто солнце заходит на Комоломе, сразу же за деревней Момбум. Таким образом, получается, что место захода солнца лежит восточнее их собственных деревень. Конечно, они прекрасно знают, что это не соответствует действительности; но их робость перед словом мифа и их уважение к маринд-аним настолько велики, что они не осмеливаются в угоду фактам отступить от текста. К тому же они вообще меньше говорят о солнце, чем о месяце или о звездах, и потому не видят в этом особенно большой беды.

Некоторым созвездиям маринд-аним дали особые названия. Так, одна группа звезд называется у них Крабом. В другой они различают нижнюю челюсть крокодила, в третьей — женщину, ловящую рыбу. Но каких-либо историй, связанных со звездами, они не знают, за исключением мифа об Утренней и Вечерней звездах, а также о Плеядах, возникших, по их мнению, из пыла-

ющих поленьев, которыми швыряли друг в друга мальчики-демоны.

В мифе об Утренней и Вечерней звездах воплощено представление маринд-аним об идеальной женщине и о ее антипode. У них ценится женщина прилежная, которая весь день не покладая рук трудится на огороде или разделявает на болоте саговые пальмы. (Из расколотого ствола такой пальмы киркой выбивают сердцевину, потом тщательно ее промывают, чтобы очистить от древесных осколков, а затем высушивают и получают хорошую саговую муку.) Особенно большое значение придается кулинарным способностям женщины. Она должна много и вкусно готовить и в первую очередь обеспечивать семью сытным ужином. Кроме того, от женщины требуется, чтобы она была уживчивой и ласково обходилась с детьми. Красива она или нет — это не играет большой роли. Маринд-аним говорят, что красота юности быстро отцветает, достоинства же хозяйки дома должны отличаться постоянством. И все-таки красота тоже привлекает их. Правда, мариндский идеал имеет тенденцию к полноте. Во всяком случае, для обозначения красивой девушки и девушки дородной применяется одно и то же слово «кабиливаг». Но подобные красавицы чаще предназначаются для культовых обрядов, чем для женитьбы. Прообразом такой девушки служит прекрасная Манди.

8. Утренняя женщина и вечерняя женщина

Манди была очень красивой девушкой, но она совсем не любила работать. Поэтому ни один юноша не хотел взять ее в жены, хотя многие из них были бы не прочь сходить с ней в лес.

В то время как другие девушки и женщины уходили на огороды и сажали там растения, пропалывали посе́вы или собирали урожай, Манди наряжалась и без дела слонялась по округе. Поздно вечером все женщины и девушки возвращались домой и, сгрузив вязанки хвороста и съестные припасы, начинали готовить ужин. И только когда приступали к еде, являлась Манди.

Самой прилежной из женщин была Охом. Она не раз звала ленивую Манди пойти вместе со всеми на огороды или в рощу саговых пальм, уговаривала ее сходить за хворостом и научиться готовить еду. Но Манди ничего не желала слушать.

Однажды красавица Манди прогуливалась в окрестностях Имо и случайно забрела в банановую рощу. Устав от долгих блужданий, девушка решила отдохнуть. Она срезала несколько банановых листьев, приго-

товила себе удобную постель, потом улеглась на ней и уснула.

Мужчины из Имо, проходившие через рошу, наткнулись на спящую Манди и забрали ее с собой, потому что приближался большой культовый праздник, во время которого полагалось убить какую-нибудь красивую девушку.

Перед самым праздником Манди удалось бежать. Рано утром, когда все еще спали, она поднялась на небо и превратилась в красивую звезду: и теперь каждое утро ее можно там видеть.

А прилежная Охом тоже стала звездой. Правда, по утрам у нее нет свободного времени, как у лентяйки Манди: Охом весь день трудится. Но как только стемнеет, она появляется на небе. Первая вечерняя звезда — это и есть Охом. Как все порядочные женщины в деревне, она возвращается домой только вечером.

Вот почему молоденьким девушкам желают, когда они подрастут, больше походить на вечернюю звезду, чем на утреннюю.

Но некоторые люди говорят, будто Манди в конце концов почувствовала себя неловко перед Охом и там, на небе, принялась добывать саговую муку. И еще говорят: всю ее утварь — корыто для промывания саго, черпак для воды, кирку и колотушку — все это тоже можно разглядеть среди звезд. Свои украшения Манди сбросила, и они превратились в небесных птиц. Эти птицы в виде звезд с длинным хвостом из перьев иногда пролетают по небу. Только видно их очень редко.

По словам йе-аним, что живут в верховьях Маро, все звезды — такие же женщины, как Манди и Охом, и все они замужем за месяцем.

В морской стихии маринд-аним видят воплощение демы Йолумы. А так как жители побережья относятся к морю с огромной любовью, то естественно, что они переносят ее на Йолуму, Сына бездны, названного так в связи с его происхождением из водных глубин. В своей основной сущности Йолума — грозный дема, и миф о нем — не что иное, как поэтическое выражение мощи бури, которая, все нарастая, несет людям смерть и разрушения и в то же время поражает их своим величием. Вместе с тем миф о Йолуме является попыткой объяснить возникновение культа Имо.

9. Сын бездны

Йолума — Сын бездны. Это она произвела его на свет в одном из болот за деревней Имо¹⁸. Он красивее самого нарядного юноши¹⁹ и сильнее всех людей.

Жители Имо не знали, кто такой Йолума. Они приняли его за чужеземца и не пожелали иметь с ним дело. А когда Йолума знаками дал им понять, что хочет взять в жены девушку из Имо, они стали над ним смеяться и выстрелили в него из лука. Раненный в голову, Сын бездны покинул Имо.

Через некоторое время рана на голове Йолумы загноилась. В глубокой печали побрел он через леса и болота к своему другу Гебу. Тот вырубил из раковины маленький острый нож и этим ножом надрезал Йолуме кожу. Гной и дурная кровь вышли, и рана Йолумы быстро зажила. Затем Геб изготовил для своего друга очень красивый наряд, такой красивый, какого еще никто и никогда не носил.

От Геба Сын бездны направился к морю и сделался морским демой. Вот он ударил в свой барабан — и море зашумело, ударил сильнее — послышался гул прибоя. Йолума пошел вдоль берега. Ветер трепал его нагрудные украшения. Они раскачивались и блестели, и в лад им вздымались и пенились морские волны.

Придя в Вамал²⁰, Йолума лег отдохнуть, и оттого в бухте у этой деревни море всегда спокойно.

Потом Сын бездны отправился дальше. И чем быстрее шагал он, чем громче бил в барабан, тем сильнее бушевало море. Когда он дошел до Вамби, буря так разыгралась, что валила пальмы и хижины.

Вскоре Йолума достиг мелководья у Имо и принялся жестоко мстить за обиду, что нанесли ему жители этой деревни. Его барабан грохотал как гром, ожерелья, а с ними и пенные гребни сверкали под ветром. Йолума в гневе вырывал с корнем деревья, опустошал сады и разрушал дома. Жители Имо, даже не успев проснуться, погибали под развалинами. Потом Йолума обрушил на берег огромный морской вал. И все, что еще оставалось в живых, было смыто соленой водой.

Тогда-то и появились в море первые рыбы. Они возникли из людей деревни Имо.

После расправы над Имо Йолума прошел еще не-

много вдоль побережья и наконец остановился в устье Биана. Но и поныне гнев его не иссяк, и он ежедневно гонит из моря в реку мощную волну прилива²¹, о чем никогда нельзя забывать при езде на лодках.

Там, где когда-то стояла деревня Имо, ныне голое место; от нее не осталось следа. Но в память о мести Йолумы в соседних деревнях — Сангасе, Алаку и Меви — союз Имо и теперь еще справляет свои праздники. Главная цель союза — заботиться о том, чтобы кокосовые пальмы были плодоносны и имели крепкие корни; и тогда Йолума, великолепный и могучий Сын бездны, не повалит их снова.

Если вечером море начинает волноваться и окрашиваться в красный цвет, значит, Йолума и другие демы отправились на какую-то битву и предстоит большое кровопролитие.

С данным мифом о Йолуме связаны еще два сказания, которые также имеют отношение к морю и особенно почитаются родственниками тотема воды. То, что одно из них, повествующее об острове и морском орле, сродни мифу о Йолуме, ясно и так. Другое же сказание, о шагающем дереве, стоит в связи с этим мифом хотя бы потому, что там тоже говорится о происхождении морских рыб. Кроме того, в нем также идет речь об опасности, надвигающейся на деревню. По всей вероятности, этот мотив связан с представлениями о странствиях морского демона вдоль побережья. Правда, странствия Йолумы обычно совершаются более бурно.

10. Шагающее дерево

Однажды на берегу близ Онгари играл маленький мальчик. Вдруг он увидел, что к деревне медленно движется огромное дерево. Оно выглядело очень грозно. Мальчик испугался и с криком бросился в деревню.

Собрались мужчины. Они посоветовались и решили срубить дерево прежде, чем оно дойдет до Онгари и раздавит дома, убьет людей, свиней и собак. На помощь позвали мужчин из соседних деревень, и все вместе, взяв каменные топоры, пошли рубить корни дерева.

Мужчины трудились изо всех сил два дня и еще один день²². За это время дерево подошло почти к самой деревне. Наконец могучий ствол покачнулся и со страшным шумом повалился на землю.

Пока дерево раскачивалось туда и сюда, с него осыпались плоды. Те, что упали в море, стали первыми морскими рыбами. А те, что попали в реку, превратились в первых речных рыб.

Так была спасена деревня Онгари, и так возникли рыбы. Если бы маленький мальчик вовремя не заметил шагающего дерева, не было бы сейчас Онгари и никто не мог бы ловить и есть рыбу.

11. Морской орел и девушка

В давние времена морской орел Кидуб жил на высоком дереве близ устья Биана. В ту пору неподалеку от побережья лежал небольшой островок. Назывался он Волинау и был похож на нынешний остров Хабе. Сейчас на том месте остались только подводные камни, но когда-то там находилась деревня.

Однажды морской орел залетел на Волинау и увидел очень красивую девушку. Она уже достигла возраста иваг²³, и потому Кидуб решил взять ее себе в жены.

Жители Волинау были против этой женитьбы и спрятали все лодки, чтобы девушка не могла перебраться на большую землю. Но так как прекрасный юноша-орел сам полюбился девушке, то она посоветовала ему перенести ее к себе на дерево по воздуху.

Первое время молодые сильно любили друг друга. Кидуб ежедневно приносил своей подруге самых вкусных рыб, а когда шел дождь, простирал над ней крылья, чтобы она не намокла.

Но постепенно молодой женщине наскучила жизнь на дереве, а на землю орел из-за ревности никогда ее не спускал. Сама же она по высокому и гладкому стволу не могла сойти вниз. И тогда она решила тайком сбежать от своего мужа. Она долго думала, как бы это сделать, и наконец придумала.

Она сказала морскому орлу, будто уже пришло время плести корзинку-люльку, в какой молодая мать носит на груди младенца.

Доверчивый Кидуб очень обрадовался такому известию: ему хотелось иметь побольше детей. Он тут же полетел и принес жене превосходные волокна, чтобы она могла приступить к работе.

Но жене они явно не понравились. «Для ребенка морского орла,— сказала она,— могут подойти только волокна из листьев уговой пальмы²⁴». Кидуб исполнил и это ее желание. Тогда жена для виду начала плести корзинку. Вдруг она отбросила работу в сторону и говорит:

— Эти уговые волокна никуда не годятся. Мне нужны те, что растут на земле бурик-аним²⁵. Слтай принеси их. Да побольше!

И снова морской орел поверил жене и отправился в путь. А бурик-аним живут очень далеко, еще дальше, чем канум и мани²⁶, и, значит, Кидуб должен был не скоро вернуться домой.

Когда орел улетел, жена распустила начатую корзинку и из всех волокон сплела длинный, до самой земли, и крепкий шнур. По нему она спустилась на землю и побежала к берегу. К счастью, там оказалась лодка с Волинау. Женщина села в нее и стала поспешно грести к родному острову. Жители Волинау с радостью встретили беглянку.

Тем временем к своему дереву из страны буриканим возвратился морской орел, нагруженный листьями уговой пальмы. Он сразу понял обман, а по шнуру и следам, ведущим к берегу, догадался, куда бежала жена. Не помня себя от гнева, Кидуб ринулся к острову.

Люди слышали шум его крыльев и в страхе спрятались под корни деревьев. Вместе со всеми забралась туда и жена Кидуба.

В ярости морской орел налетел на Волинау, от удара его мощных крыльев с треском ломались хижины, и вскоре на месте деревни осталась только груда развалин.

Тут из своей щели вылез один выживший из ума старик мес-меаким²⁷. Он подумал, что морской орел уже улетел, и хотел немного прибраться среди развалин. В закутке, где хранились кокосовые орехи, он нашел метлу и с силой вымел ею кучу обломков. При этом старик случайно угодил метлой прямо в клюв Кидуба. От неожиданности морской орел страшно испугался и улетел. Испуг был так велик, что Кидуб даже ни разу не оглянулся и опомнился лишь на той стороне Мули. Он и теперь еще сидит там на большом камне²⁸. Воли-

нау же отстроилась снова, и бывшая жена морского орла еще долго жила в ней.

Так рассказывают эту историю женщинам и детям, а также другим людям, не посвященным в тайны культа Майо. Посвященным же известно другое. Они знают, что морской орел разрушил весь остров; он разыскал всех жителей, в том числе и свою неверную жену, и растерзал их на части. Потом он полетел к Мули. И в тех местах, куда с его окровавленных лап капала кровь, — на равнине Паюми, между Вамби и Велаб, и у болотных людей²⁹ по ту сторону Мули — еще теперь находят алую земляную краску. Это не простая краска, а запекающаяся кровь жителей Волинау.

Некоторые говорят, будто морского орла звали Бау. Но посвященным известно, что это был не кто иной, как морской дема Йолума, принявший облик морского орла.

Вполне возможно, что Волинау когда-то действительно был островом. Со временем, однако, море размыло его, и на том месте осталось лишь несколько подводных рифов. В наши дни вблизи побережья существует только один маленький остров — Хабе. Цепочка рифов, протянувшаяся от него, позволяет думать, что в прошлом Хабе был связан с материком. Остров никем не заселен, но раз в году его посещают жители деревни Вамби, которые собирают там яйца черепах. Это право жителей Вамби на остров также находит свое обоснование в мифе.

12. Остров Хабе

Когда появился огонь и пожар распространился по всему побережью, могучий дема Деви попытался его потушить. Он ударил по горящей земле своей палицей, но пламя от этого не погасло, только от берега отскочили большие куски суши и превратились в острова. В стране бурик-аним и по сей день существует несколько таких островов. А один из них, остров Хабе, лежит сейчас против деревни Велаб.

Когда-то Хабе был частью суши близ устья старой реки Маро. Но после того как Деви отколол его от берега, Хабе не остался на месте, а поплыл. Он миновал Кондо-мирав и Бути и доплыл до деревни Бирок. Здесь он вдруг за что-то зацепился и стал. Оказалось, его схватил Ротан-дема.

Другие демы попробовали было освободить остров, но шипы ротана так крепко впились в Хабе, что демы никак не могли сдвинуть его с места. Они даже поколотили Ротана палицами, но и это не помогло. И лишь после того, как позвали колдунов с реки Булаки и те произнесли свои заклинания, Ротан-дема отпустил Хабе, и остров поплыл дальше.

Хабе передвигался очень медленно, и жители побережья часто ездили на него собирать черепаши яйца и охотиться на морских птиц.

Как-то раз на плавучий остров высадился один мужчина из деревни Вамби со своей женой и дочерью по имени Упикак. Это случилось, когда Хабе проплывал мимо их деревни. Упикак сразу же полезла на пальму за птичьими яйцами. В это время подул сильный ветер. Люди испугались, что может начаться буря и они не успеют возвратиться домой. Не долго думая, они бросились в лодку и поспешили в Вамби. И верно, едва лишь они добрались до деревни, как разразилась буря.

А Упикак осталась на пальме. Чтобы не упасть, она изо всех сил уцепилась за ствол и вместе с ним раскачивалась под порывами ветра. Девушка громко кричала и звала родителей, но из-за бури никто не слышал ее голоса.

Упикак прижалась к пальмовому стволу, как варан, и постепенно приобрела облик этого животного. Так возник первый варан, а оттого что Упикак в то время охотилась за птичьими гнездами, вараны поныне преследуют птиц и крадут у них яйца.

Между тем остров Хабе проплыл Вамби и приблизился к деревне Велаб. Упикак испугалась, что никогда не сможет вернуться в родные места, и решила между островом и землей соорудить перешеек. Она взяла куски красного железняка и стала бросать их в воду.

Это увидел дема огня Арамемб, который как раз находился в Велабе. Арамемб захотел помочь девушке-варану и тоже принялся строить перешеек. Его часть начиналась у деревни Велаб и шла навстречу той, что сооружала Упикак. А так как под руками у Арамемба не было ничего подходящего, а медлить было нельзя, он пустил в дело крупные клубни ямса.

Как только обе части перешейка сомкнулись, Упикак быстро перебежала к Арамембу. Она вышла за сво-

его спасителя замуж, и они оба стали родителями кенгуру.

Перешеек же вскоре разрушился: ямс смыло водой, и даже красные камни от частых бурь и прибоя сильно измельчали, и их сделалось меньше. Но и теперь еще между Хабе и деревней Велаб находят его остатки. Они-то и удерживают остров.

В представлении маринд-аним, рифы также связаны с действиями демонов. Так, неподалеку от Домандэ есть место Белевил, возле которого находится риф. Место с таким же названием имеется и у деревни Вамал. Говорят, будто здесь женщину-демона по имени Белевил во время родов неожиданно застал прилив и она превратилась в камень. И хотя кости Белевил давно уже стали рифами, сама она все еще жива и иногда топит людей, которые ловят рыбу.

Многие участки берега покрыты наносами морской глины серо-синего цвета. Наибольшую протяженность такие участки имеют к востоку от реки Маро, а также между Бангу и Вамби. Глинистые наносы, которые населены тысячами крабов, зачастую делают местность почти непроходимой для человека. Мало-помалу эти участки зарастают мангровыми деревьями с их многочисленными воздушными корнями-подпорками и тем самым успешно противостоят размыву. В результате в подобных местах море постепенно отступает, в то время как в других — медленно надвигается на сушу. Правда, людям нет от этого никакой пользы: там, где растут мангровы, им все равно нечего делать. В мангровнике могут жить только птицы и морские животные.

Среди обитающих здесь существ самым необыкновенным является грязевой прыгун³⁰ — рыба, которая может подолгу обходиться без воды и любит сидеть на корнях мангровов. В случае опасности грязевой прыгун бросается в грязь и ловкими прыжками прямо по ней быстро пробирается к спасительной воде. О такой рыбе-прыгуне и говорится в приведенном ниже сказании, изображающем охоту демона Вали за человеческими головами.

13. Морская глина

Однажды дема Вали отправился на охоту за головами, но ни в Макалине, ни в Кумбе, ему не удалось никого убить. Тогда он рассердился и поплыл в Бангу. Перед самой деревней дема спрятал свою лодку и пошел пешком. В Бангу почти все крепко спали, и только один молодой мужчина услышал шаги разъяренного Вали. Мужчина немедленно разбудил свою жену и ма-

ленького сына и вместе с ними вскарабкался на высокое дерево.

Они успели как раз вовремя: Вали тут же ворвался в деревню, перебил всех людей и завалил все дома толстым слоем серой морской глины. Сверху остались торчать лишь макушки деревьев. Из всех жителей Бангу только три человека избежали смерти.

Когда дема ушел, мальчик и говорит: «Я хочу сойти вниз посмотреть, что это там такое серое». А глина была еще совсем вязкой, и едва он ступил на нее, как сразу же провалился и стал тонуть. Чтобы спастись, мальчик превратился в рыбу-прыгуна и большими прыжками поскакал к воде.

Все это видела его мать. Она быстро наломала веток, сплела из них вершу, какой обычно ловят рыбу в мелких местах, и бросилась вдогонку за сыном. И, конечно, тоже увязла в глине. Пока мать барахталась в серой жиже, корзина ее превратилась в корни мангрового дерева, а сама она — в его ствол и крону.

Мужчина ничем не мог помочь своим близким и решил не сходить с дерева, пока глина не затвердеет. Потом он спустился вниз и ушел в глубь страны, подальше от Вали и его серой глины.

А возле Бангу в глине еще и теперь часто находят большие белые раковины. Это кости людей, которых убил Вали.

Охота за человеческими головами, которая на первый взгляд кажется нам какой-то особенной жестокостью демона, для маринд-аним выглядит совершенно по-иному. Она считается у них очень хорошим делом, представляющим интерес для всей их общины. Ведь среди них есть не только взрослые люди, но и дети, которым недостает жизненной силы. Особенно нуждаются в ней младенцы, не умеющие еще самостоятельно ходить, есть и говорить. А чтобы достать им необходимую жизненную силу, нужно раздобыть череп взрослого человека, ибо только в нем достигает она своего полного развития. Однако при этом ни в коем случае нельзя убивать кого-либо из своих соплеменников или их друзей. Все прочее не имеет существенного значения: была ли жертва охоты за черепом мужчиной или женщиной, убита ли она в открытом бою или из засады — безразлично. Важно лишь, чтобы вместе с головой было добыто и имя жертвы, которому также приписывается магическая сила. Имя это потом присваивается ребенку³¹.

Крупнейшим среди демонов охотником за человеческими головами считается Дивахиб, который является также большим специалистом по убою свиней и вообще великим мастером смерти.

14. Дивахиб и молнии

В стране людей канум жил дема по имени Дивахиб. Некоторые говорят, у него было еще одно имя — Дехевай, что значит «Убивающий отец», и будто от этого демы пошло все воинственное и жестокое.

Днем Дивахиб был человеком и вместе с другими людьми жил в деревне Сангар. По ночам же он превращался в свинью, тайком бегал на саговое болото и пожирал там заготовленную людьми сердцевину саговых пальм. Но люди не догадывались, что их обворовывал Дивахиб, так как он еще затемно возвращался в Сангар и снова принимал вид человека.

Ущерб от ночных краж был очень велик, и люди решили поймать вора. Они вырыли перед болотом глубокую яму-ловушку. На дне ямы укрепили острые бамбуковые колья, а сверху прикрыли ее ветвями. На следующее утро в яме нашли свиное тело Дивахиба. Ночью он в образе свиньи упал на колья и умер. Но душа³² демы осталась жива. Она вновь обрела человеческий облик, и Дивахиб как ни в чем не бывало возвратился в деревню.

В те времена еще не знали свиней, и найденная в яме туша была всем в новинку. Но жители Сангара сразу поняли, что свинья будет хороша для еды. Они зажарили тело Дивахиба и устроили большой пир. На него пригласили и самого дему. Все с удовольствием ели вкусное мясо, и только Дивахиб не попробовал ни кусочка: не мог же он есть самого себя! После пира Дивахиб собрал все свиные кости, отнес их за деревню, старательно уложил и прикрыл травой. Через некоторое время трава приподнялась, и из-под нее выскочили кабан и свинья. Хрюкая и визжа, они кинулись в Сангар.

Когда люди увидели двух свирепых животных, они очень перепугались. Мужчины закричали «кха-кха», а женщины — «вии-вии». Этого им не следовало делать, потому что, закричав, как свиньи, они сами тут же превратились в свиней, а их дома — в густой лес.

Потом Дивахиб предложил своим друзьям сходить с ним в этот лес на охоту. Он показал им, как делать лук, стрелы и другое охотничье снаряжение — копьё и копьеметалку³³, а также рассошку³⁴ для ловли свиней.

Один мужчина сказал, что хочет убить большого кабана, того самого, который произошел из костей Дивахиба. Но вдруг этот кабан сам набросился на мужчину и клыками распорол ему живот. Мужчина истек кровью. Из его крови вырос первый куст бетеля³⁵. Оттого, когда жуют бетель, слюна становится красной как кровь.

А кабан убежал к Вамби. Позднее другие люди убили его там, а из его хвоста сделали нагрудное украшение, какие с тех пор носят все охотники за свиньями³⁶.

На охоте в Сангаре Дивахиб поймал двух поросят и отдал их на воспитание двум девушкам³⁷. Эти поросята стали первыми домашними свиньями. Одной из них был кабан. Ночью он оборачивался юношей и учинял насилие над своей кормилицей. Мать девушек попросила Дивахиба отомстить за нее насильнику. Дема согласился и обещал убить кабана.

Как заменяющий мать, он надел длинный женский передник, какие носят жены людей канум, и целую ночь плясал перед мужчинами и женщинами. Утром девушка привела к нему кабана, и Дивахиб ударом палицы проломил ему череп. С тех пор мужчины накануне свиного праздника, перед тем как убить кабана, всегда надевают женские передники. Некоторые говорят, будто этим хотят обмануть свиных дем, чтобы те приняли убийцу за женщину и не преследовали мужчин. Но Дивахиб никого не боялся и надел передник просто потому, что заменял мать.

Когда кабана начали резать на части, из него хлынула мощная, до самого неба, струя крови. Так появилась радуга.

Убийство доставляет Дивахибу радость. И он убивает не только одних свиней. Он первым пошел к Дигулу и отрезал головы людям³⁸. Он первый придумал, как снимать с головы кожу, коптить ее, а потом снова натягивать на очищенный череп и приносить в мужской дом прекрасные боевые трофеи³⁹. И он же научил своих товарищей по охоте за головами, и прежде всего пса-дему Маху, запоминать имена убитых, чтобы давать их потом своим детям.

Таким способом Дивахиб убил многих людей. Но одна из убитых им женщин решила отомстить. И когда на рыбалке к ней, уже ставшей духом, подошел Дива-

хлеб и попросил несколько рыб, только что выловленных ею, она презрительно швырнула ему пару самых плохих.

Обозленный Дивахиб ночью поджег ее хижину. Женщина-дух еще успела спастись, но ее дитя сгорело. Тогда она собрала кости ребенка, сложила их в корзину, потом незаметно подкралась к Дивахибу и повесила эту корзину ему на шею. А сама тут же обернулась собакой и быстро скрылась из виду.

Дивахиб очень удивился и открыл корзину. Кости, лежавшие там, превратились в мальчиков, и ему волея-неволей пришлось стать их приемным отцом.

Когда Дивахиб пришел к верховью реки Булаки, он повесил корзину на высокое дерево. В то же мгновение в корзине что-то зашипело, и оттуда с грохотом выскочили огненные стрелы, а дерево повалилось на землю. Мальчики, возникшие из костей сгоревшего ребенка, превратились в молнии.

На шум прибежал пес-дема Маху. По его совету Дивахиб сделал из упавшего ствола лодку-однодеревку. Псу-деме тоже захотелось иметь такую. Он повесил корзину на другое дерево, и оно также рухнуло под ударами молний. Люди говорят, что обе эти лодки были самыми первыми на свете.

Затем друзья-демы взяли корзину с молниями, сели в свои лодки и снова отправились на охоту за головами. И всюду, где демы появлялись, они добывали много трофеев.

Однажды во время охоты мальчики-молнии так увлеклись, что вообще не могли остановиться. Дивахиб рассердился. Он попытался было сам схватить их и упрятать в корзину, но молнии выскользнули у него из рук и единым мощным пучком поднялись на небо.

Дивахиб очень горевал, что мальчики покинули его: отныне ему опять надо будет вырезать обычные стрелы из тростника, вместо того чтобы пускать молнии. Печальный, пошел он на болото к верховью реки Кумбе, да так там и остался. И когда люди приходят туда за тростником для стрел, они часто слышат, как он стонет и жалуется.

Однако Дивахиб не всегда бывает только жестоким убийцей. Это видно из другого мифа, посвященного ему же.

Имбасум, о котором там идет речь, представляет собой то-

поровидную копьеметалку с каменным крючком, выточенным из лопасти топора. Чтобы понять, как высоко ценятся у маринд-аним подобные орудия, следует принять во внимание, что в их стране вообще не встречается камней и что куски камня для топоров наряду с головами приносят из края дигулов в качестве особо ценных трофеев независимо от того, обработаны они или нет.

15. Оружие громовника

Отец молний Дивахиб живет за небесным сводом, и, чтобы спуститься на землю, деме всякий раз приходится проламывать его. При этом раздается громкий гул, и тогда люди говорят, что гремит гром.

В глубине души Дивахиб вовсе не так уж зол, а иной раз бывает и совсем добрым.

Однажды Дивахиб сошел на землю. Как всегда в таких случаях, сильно гремел гром и сверкали молнии. По земле бегал мужчина и искал укрытия от дождя. Вдруг он увидел впереди небольшой шалаш. В шалаше у огня сидел какой-то древний старик. Он приветливо пригласил мужчину сесть рядом и даже угостил его мясом и орехом бетеля. Оба приятно провели время в беседе, а когда утихла гроза и дождь прекратился, старик на прощание подарил мужчине имбасум — чудесное оружие, какого в те времена не было еще ни у кого из людей. Конечно, этот старик был не кто иной, как сам Дивахиб, и он не пожалел отдать человеку свое лучшее оружие.

Но сыновья Дивахиба, молнии, остались очень недовольны его поступком. Они заявили, что имбасум им совершенно необходим для охоты на кенгуру, и всячески бранили отца за его доброту. Но Дивахиб сказал: «Что подарено, то подарено, и потребовать имбасум обратно я уже не могу».

Рассерженные сыновья Дивахиба сами спустились на землю и разыскали там нового владельца имбасума. Он как раз возвращался с охоты с богатой добычей.

Увидев возле себя молнии, мужчина страшно перепугался и попытался спастись от них бегством. Но они были проворнее, чем он, и тут же догнали его снова. Чтобы легче было бежать, мужчина бросил всю свою добычу, но молнии все равно не отставали от него ни

на шаг. Тогда он выбросил свою походную сумку, потом лук и стрелы и наконец конь. И только имбасум он по-прежнему крепко держал в руках и со всех ног мчался к деревне. Но и это не помогло. Молнии, угрожая, оцепили мужчину огненным кольцом, и ему скрепя сердце пришлось бросить драгоценный подарок старого Дивахиба.

Молнии стремглав кинулись к отцовскому оружию и, схватив его, поднялись на небо.

Сразу же вокруг стало тихо. Облегченно вздохнув, мужчина неторопливо собрал все свои брошенные вещи и целым и невредимым, однако уже без имбасума возвратился к себе в деревню.

Там он рассказал о всех своих приключениях. Люди очень сокрушались, что пропало такое прекрасное оружие. Но, оказывается, мужчина, получив от Дивахиба имбасум, успел хорошо разглядеть его, и потому теперь, правда лишь после долгого и кропотливого труда, ему удалось сделать точно такой же. С тех пор люди знают это оружие и с успехом применяют его на охоте. А так как оно пошло от самого Дивахиба, то им пользуются также и в тайном культе Имо.

О копье и копьёметалке, правда простой, говорится и в одном из мифов о демоне огня Арамембе. От этого демона ведут свое происхождение кенгуру, и потому он считается родоначальником тотема кенгуру.

16. Копье Арамемба

Между землями маринд-аним и людей яб, с одной стороны, и землей болотных людей — с другой, лежит широкая протока Мули. Выглядит она как река, но вода в ней соленая, и принадлежит она Сыну бездны Йолуме.

В Мули живет друг Йолумы — Мули-дема. Он женился на девушке из Авехимы⁴⁰, и та родила ему прекрасного сына, которого отец назвал Арамембом.

Когда Арамемб был еще подростком, он попросил своего отца подарить ему оружие, чтобы тоже ходить на охоту. И тогда Мули-дема дал ему копье и копьёметалку.

Арамемб очень обрадовался, но не знал толком, на

кого ему охотиться с таким мощным оружием, потому что в те времена из всей дичи были известны одни лишь птицы. Диких свиней, казуаров и кенгуру тогда еще не водилось. Не было в ту пору и собак, и вместо них охотников сопровождали крысы.

Арамеб пришел со своим копьем в страну людей яб⁴¹. Там встретился ему великан по имени Мингуй, который преследовал и убивал людей. Арамеб подумал, что Мингуй — вполне подходящая цель для его копья, и при помощи копьеметалки изо всех сил метнул его в великана. Пронзенный насквозь, Мингуй замертво повалился на землю.

Арамеб разрезал тело великана на части, испек мясо и, так как сильно проголодался, съел его, оставив одни кости. Затем он прикрыл кости травой и лег спать.

На следующее утро под травой что-то зашуршало. Арамеб разгреб ее и увидел, что все до одной кости Мингуя превратились в маленьких кенгуру, ползавших по земле. Кенгуру еще не умели прыгать, и, только после того, как Арамеб стегнул их черенком пальмового листа, они подскочили и научились передвигаться прыжками, как делают это теперь.

Вскоре кенгуру подросли и так расплодилось, что Арамеб решил истребить часть их, пока они не сожрали все растения. И тогда он начал на них охотиться.

Однажды во время охоты на кенгуру Арамеб с такой силой метнул свое копьё, что оно вошло глубоко в землю и никак не вынималось обратно. Копье пустило корни и превратилось в огромное дерево, что растет возле Кумбиса⁴², на берегу Мули. Чтобы все же не упустить добычу, Арамеб в гневе швырнул в нее свою копьеметалку. Но и копьеметалка тоже воткнулась в землю, пустила корни и превратилась в бамбук.

Все это видел из воды Мули-дема. Ему стало жаль своего сына, оставшегося без оружия. Тогда он срезал кусок бамбука, сделал из него хороший лук и дал его Арамебу.

С тех пор на кенгуру охотятся не с копьём, а с луком и стрелами.

Арамебу посвящен еще один миф, в котором также говорится о происхождении кенгуру. В то же время в нем объясняется, откуда взялись москиты — подлинный бич почти всей Новой Гвинеи.

17. Москиты

Дема Арамеб носил спереди на поясе большую красивую раковину⁴³, и все люди дивились этому. Как-то ночью Арамеб почувствовал под раковиной сильный зуд и услышал исходившие из нее тихий шорох и приглушенное дыхание. Он собрался уже встать, но чуть только шевельнулся, как из раковины выскочил крохотный кенгуренок. Так Арамеб стал отцом кенгуру, который с той поры повсюду его сопровождал.

Однажды у реки Биан⁴⁴ один вероломный дема тайно умертвил кенгуренка Арамеба и зажарил его. Когда мясо было уже готово, он пригласил Арамеба поест вместе с ним. Арамеб страшно рассердился, что Биан-дема убил его любимца, и решил отомстить злодею.

Немного погодя убийца кенгуру позволил себе еще одну злую шутку: он собрал подпаленные волосы кенгуру и всыпал их Арамебу в калебасу для извести⁴⁵. Однако Арамеб заметил эту проделку и быстро произнес над калебасой слова заклинания. Тотчас же в ней поднялся громкий гул. Арамеб взмахнул калебасой и так ударил ею злого дему по голове, что калебаса раскололась, и оттуда тучей вылетели москиты, образовавшиеся из волос кенгуру. Москиты набросились на Биан-дему и безжалостно преследовали его до тех пор, пока он не прыгнул в реку и не остался там навсегда.

Так отомстил Арамеб за убийство своего кенгуру. С тех пор и поныне у реки Биан очень много москитов.

Правда, позднее самый сильный и могущественный из москитов переселился в Домандэ. Но все остальные из страха перед ним не последовали его примеру. И оттого в Домандэ москитов не так много, как у Биана⁴⁶.

К циклу сказаний об Арамебе относится также история о первом исполнении смертельного колдовства (Todeszauber), которая связана с легендой о происхождении кокосовой пальмы. То обстоятельство, что подобным колдовством занимаются именно люди куркари, объясняется, как мы уже отмечали, смешением их племенного имени с названием цикасовой пальмы (кукари), которую маринд-аним считают волшебным растением⁴⁷.

Летающий волшебный орех (обá), употребляемый для смертельного колдовства,— это карликовый кокос, которому резьбой придана форма головы какого-то животного, по мнению

одних — змеи, а по мнению других — кабана. Внутреннюю полость такого ореха заполняют кровью и известью, которые вследствие особого заклинания становятся его жизненной силой⁴⁸. После этого волшебный орех бросают под ноги или на тело жертвы. Вместо ореха можно также пользоваться волшебной лопаткой, один конец которой вырезан в виде головы или пасти змеи. Иногда орех или лопатку просто кладут на пути человека, намеченного в жертву, чтобы он сам наступил на них. Считают, что при соприкосновении с жертвой в орехе (или лопатке) пробуждается к жизни «искусственный дема»; он проникает в тело жертвы и разрушает ее «внутреннее мясо». Тогда потерпевший лишается чувств, а когда снова приходит в себя, то уже ничего не помнит. Он приходит домой, но не может никому рассказать, что с ним произошло. Сумей он это сделать, его еще можно было бы спасти. Но так как он молчит и никто не предпринимает никаких мер, его жизненная сила (ви), основание, или «внутреннее мясо», которой разрушено, постепенно увядает, и человек гибнет⁴⁹.

С этим колдовством (камбала), в силе которого маринд-аним несколько не сомневаются, предание связывает происхождение кокосовой пальмы.

18. Сын змеи и кокосовая пальма

У реки Кумбе жила раньше большая змея. Однажды у нее родился мальчик. Змея набрала много мягких листьев, уложила на них младенца, а сама отправилась на поиски пищи. Тем временем мальчика увидели три какие-то девочки. Они подумали, что его кто-то подбросил, и унесли младенца к себе домой.

Возвратившись на место и не найдя сына, змея пошла по следам девочек. А ночью, когда все крепко уснули, она обвилась вокруг свай дома и так сжала их, что дом рухнул. Змея-мать чуть было уже не забрала своего сына, но тут одна старая женщина стала кидать в нее пылающие головни, и змее пришлось бежать в страну людей канум и укрыться в болоте. Там она подстерегала женщин, приходивших ловить рыбу, и из мести хватала и проглатывала их, пока наконец мужья этих женщин не убили ее.

Сына змеи звали Яви. Он остался у людей и со временем превратился в красивого и статного молодого человека, которого все любили. Узнал о прекрасном юноше и дема огня Арамеб, а так как ему очень хотелось иметь такого сына, он взял и похитил его.

Но Яви был уже взрослым, и, когда Арамеб однаж-

ды ушел на охоту, он обманул его с женой демы. Однако Арамеб вскоре обо всем догадался и задумал погубить своего приемного сына.

Он позвал пятерых колдунов из людей куркари, и те с помощью летающего ореха оглушили Яви и повредили ему нутро, хотя с виду этого совсем и не было заметно. Придя в себя, ничего не подозревавший Яви пошел домой, потом вдруг почувствовал себя плохо и на другое утро умер.

Услышав плач по Яви, Арамеб все же пожалел, что велел околдовать его. Он догнал колдунов и попросил у них снадобье против заклятия. Но когда он вернулся обратно, Яви уже похоронили. Тогда Арамеб выплеснул снадобье прямо на землю. Одна змея слизала его, и с тех пор змеи не умирают, как люди, а только меняют кожу.

Из головы змеиною юноши Яви выросла первая кокосовая пальма. Его плетеные лубяные косы превратились в корни, голова — в нижнюю часть ствола, тело — в сам ствол, а ноги — хвосты листьев, что качаются от ветра, как будто собираются куда-то уйти. Но земля крепко держит голову, и потому пальма никак не может сдвинуться с места.

А в память о черепе Яви кокосовые орехи еще и теперь имеют три зародышевых углубления, очень похожие на глаза и рот сына змеи.

Мотив о разрушении дома повторяется также в сказании о змеином демоне.

19. Змей-дема

Сначала змей-дема жил в Домандэ. Потом вдоль побережья он переполз в Окабу, затем в Макалин и наконец в Вамал. Оттуда, приняв облик человека, змей-дема направился к людям яб, в Бибикием. Он появился там в образе красивого юноши эвати и женился на ябской девушке. А она и не подозревала, что сделалась женой змея.

Однажды муж и жена пошли на огород сажать таро⁵⁰. Из-за долгой жары и засухи почва затвердела, и копать ее деревянной палкой⁵¹ было тяжело. Тогда

мужчина, чтобы облегчить труд, принял свой змеиный облик и начал взрыхлять землю хвостом.

Молодая женщина очень испугалась. Она побежала в деревню и рассказала всем, что случилось с ее мужем.

Деме стало стыдно, что жена увидела его в образе змея. Он покинул огород и уполз на берег Мули, к Ма-веолю⁵². А так как за ним гнались жители Бибикема, он попросил дему-наутилуса⁵³ помочь ему перебраться на остров Комолом. Наутилус растянулся во все стороны и превратился в лодку. Змей-дема сел в нее и уплыл на Комолом.

Люди на острове как раз собирались справлять праздник и, увидев большую змею⁵⁴, решили приготовить из нее хорошее праздничное жаркое. Но змей-дема весь день скрывался в мангровых зарослях, а ночью, когда все уснули, обвился кольцом вокруг деревни, потом сжался и раздавил все дома вместе с находившимися в них людьми.

Сейчас на месте той деревни болото, в котором живут змеи⁵⁵.

Преднамеренное разрушение дома над головами людей, не подозревающих о грозящей им опасности, играет определенную роль в ритуале тайного союза. В свое время там умерщвляли подобным образом какую-нибудь молодую пару, чтобы потом съесть ее. Девушкам, которых доставляют посвященным, приходится перенести очень многое, даже если с ними и не обращаются так жестоко. Отголосок этого мы находим в мифе о человеке из Опеко.

20. Человек из Опеко

Могучий дема Ваба, основатель тайных празднеств союза Майо, однажды послал другого дему раздобыть девушку, чтобы потом согласно обряду убить ее. Девушка не заподозрила ничего дурного, но едва оказалась среди посвященных, как ее начали мучить. Она не вытерпела, схватила копьё и изо всех сил воткнула его в тело демы. Потом она взвалила дему себе на спину и отнесла к своим родичам⁵⁶, чтобы они ему отомстили.

Девушка дотащила дему до Кондо-мирава, но нести его дальше уже не могла. Тогда ее родичи схватили какого-то мужчину, бросили его на землю и до тех пор вытягивали и топтали его, пока из него не получилась

лодка-однодеревка. С тех пор все однодеревки украшают резьбой, напоминающей нос, уши и зубы человека ⁵⁷.

В эту лодку родственники девушки и положили дему. Они поплыли вдоль побережья, а затем вверх по реке Кумбе, до деревни Опеко. Здесь они вбили в речное дно две сваи и крепко привязали к ним дему. Но вскоре деме удалось освободиться от пут. Тогда его привязали снова, и на этот раз уже вниз головой. Дема отчаянно размахивал ногами, но так ничего и не смог поделать. Он и по сей день остался в реке Кумбе, у Опеко, и потому его теперь все называют Опеко-анем — «человек из Опеко».

Над тем местом, где он находится, постоянно бурлит водоворот, вызываемый его движениями. И там опасно ездить на лодках.

Однажды, когда голландцы привезли в страну маленькую обезьяну, все стали называть ее Опеко-анем ⁵⁸, потому что она делала такие же смешные движения, как и дема в Кумбе.

Лодка, о происхождении которой говорится в данной легенде, — обычная однодеревка, пригодная лишь для плавания по рекам и Мули. Уже к острову Хабе поездка на такой лодке представляется отважным предприятием. То, что подобная лодка играет известную роль в культуре Имо, мы уже отмечали.

Мотив о падающем доме разрабатывается также в сказании о пляшущих столбах. Его действие разыгрывается в Сенау, где весьма заметны следы влияния на маринд-аним соседних с ними йе-нан.

21. Пляшущие столбы

Однажды в Сенау справлялся большой праздник. Все ели много свиного мяса, пили вати и целую ночь под звуки барабана плясали и гатси ⁵⁹. Правда, некоторые говорят, будто этой пляске научились у людей Боди ⁶⁰ значительно позднее, а тогда знали только бендель ⁶¹, но это не имеет существенного значения.

К утру от пляски и от вина все очень утомились, и вскоре в праздничном доме, стоявшем на особенно красивых резных столбах, не оставалось уже ни одного бодрствующего.

Пока люди спали, одному из столбов пришло на ум тоже попробовать поплясать, подобно людям. Конечно, это был не простой столб, а столб-дема.

К сожалению, нижний его конец находился в земле, и потому лишь верхняя часть столба раскачивалась туда и сюда в лад пляске. Столбу-деме это показалось забавным, и он двигался все быстрее и быстрее. Наконец его движения стали такими сильными, что нижний конец распатался, и, когда дема захотел продолжить пляску, он поскользнулся и повис. А крыша дома, которую он подпирал, обвалилась на спящих людей.

Они вскочили и с перепугу громко закричали: «Пак! Пак!»

Так возникли лягушки.

У йе-нан имеется особая тотемная группа, ведущая свое происхождение от домового столба-демы. У них же намного чаще, чем у других племен, встречаются резные столбы у домов и возле мостов⁶², причем большей частью эти столбы имеют вид людей, зверей⁶³, барабанов или лодок. Самое северное селение маринд-аним — По, — расположенное неподалеку от области йе-нан, также отличается красивыми домовыми столбами, которых не увидишь на юге.

В следующей истории, в которой делается попытка объяснить, почему лук и стрелы маринд-аним отличны от таковых у их соседей, будут упомянуты некоторые племена, живущие, подобно куркари, в восточной части страны. Это племя йе-нан, обитающее в верховье реки Маро, канум-иребе — на крайнем востоке и крохотное племя людей мораури, или, как их называют маринд-аним, «мангат-аним», т. е. «зубных людей»⁶⁴, которое в 1934 г. насчитывало всего лишь семьдесят пять человек. Все эти племена имеют собственные языки и несколько отличные обычаи, хотя и стоят довольно близко к маринд-аним.

22. Лучной дема

В давние времена лук и стрелы были известны одному лишь лучному дема. Всем остальным людям приходилось промышлять кенгуру при помощи деревянных дубинок, которые кидали в животных во время облавы; охотиться на свиней тогда еще вообще не умели.

Лучной дема жил в глухом лесу у реки Обы⁶⁵, на земле йе-нан. Йе-нан очень сердились на дема, потому что он перебил всех кенгуру, а им так хотелось поест мяса! Их соседи, маринд-аним из По и Сенаю, также страдали от демы: у них даже на праздники никогда не бывало мясного.

Вот маринд-аним договорились с йе-нан и совместно

выследили дему. Но он убежал от них к реке Кумбе. Вскоре и там все рассердились на него за истребление кенгуру, и наконец многие мужчины, в том числе даже из племен мангат и канум, стали его преследовать, так что деме пришлось постоянно перебегать с места на место. Правда, отыскать его следы было нетрудно: там, где он побывал, совсем не оставалось кенгуру. Вместе с демой скрывалась от людей и его дочь.

Однажды преследователи застали их обоих на берегу реки Кумбе. Беглецов схватили. При этом люди с такой силой потянули дему, что он разорвался пополам. Нижняя часть его тела оказалась в руках у жителей побережья и Кумбе, а верхняя — у лесных людей⁶⁶ йе, мангат и канум. С тех пор прибрежные жители имеют лук с концами, похожими на ноги демы, а лесные люди — другой; верхний конец их лука напоминает нос лучного демы.

Затем люди взялись за дочь демы и тоже разорвали ее на две части. Жителям побережья досталась нижняя часть девушки, и оттого стрелы у них совсем простые и лишены всяких украшений. Йе-нан же досталась красивая и богато украшенная голова дочери демы, и потому они насаживают на свои стрелы такие великолепные красные полированные наконечники⁶⁷, какие не умеет делать ни один из жителей побережья.

В мифе о человеке из Опеко говорилось о лодке, сделанной из тела мужчины. К кругу подобных легенд относится и сказание о деревянном крокодиле. Любопытно, что у маклеуга лодка называется «имо», а крокодил — «явун», что опять-таки совпадает с мариндским наименованием однодеревки.

23. Деревянный крокодил

Однажды демы отправились в далекое странствие на лодке-однодеревке. Она была такая большая, что они с трудом вытаскивали ее на берег, когда останавливались где-нибудь переночевать.

Демы спустились вниз по реке Маро и достигли Гандина⁶⁸, что лежит чуть выше Эрмасука, называемого чужеземцами Мерауке. Там они снова заночевали. Но они не угли, что волны в том месте много сильнее, чем

в глубине страны⁶⁹: ведь демы никогда не бывали близ моря.

Пока они спали в Гандине, волны раскачали лодку и она съехала на воду. От сильной качки у лодки внезапно выросли ноги, задний ее конец зашевелился и превратился в хвост, а передний, украшенный зубчатой резьбой,— в пасть с большими зубами.

Так возник первый крокодил.

Ничего этого демы не заметили. Утром они пошли к своей лодке, но не нашли ее. И крокодила они тоже не увидели, так как он погрузился в воду. Демы подумали, что лодка затонула, и стали шарить по дну. А крокодил схватил многих из них и утащил под воду.

Демы в испуге прекратили поиски и собрались сделать себе новую лодку. Один из древесных стволов, что лежал неподалеку от берега, показался им вполне подходящим. Но едва они приблизились к нему, вода в реке заволновалась и оттуда высунулся крокодил.

Тут демы поняли, что это он и утащил под воду их друзей, и решили его убить.

Но осуществить это решение было не так-то просто, потому что, когда крокодил вынырнул еще раз и демы бросили в него свои копья, они отскочили от его твердой кожи, и чудовище снова скрылось в глубине.

Прошло много времени, а крокодил все не показывался. Тогда один смелый молодой дема полез в воду, захватив для дыхания длинную бамбуковую трубку. На дне реки он увидел крокодила: тот спал среди добытых им черепов. Дема связал его крепкими стеблями ротана и вытащил на берег.

Демы убили крокодила и съели. Но опасность не миновала, так как крокодил успел отложить множество яиц и из них вылупились новые крокодилы⁷⁰. Они были очень похотливы — недаром похотливых людей называют крокодилами — и потому сильно размножились.

А когда крокодилы отдыхают на берегу, они все еще похожи на старые древесные стволы.

Йе-нан считают крокодила создателем смертельного колдовства⁷¹, открытие которого маринд-аним приписывают людям куркари. Обычного крокодила йе-нан называют дабау или дебо, и потому кипящий этими животными приток реки Маро получил название Дебойид, что значит «место отдыха (йид)

крокодилов». Если же речь идет о крокодиле, имеющем отношение к магии, то его называют камбала, и это слово тесно связано с колдовством смерти («камбала» — по-мариндски «камбара»). С помощью колдуна обычный крокодил может стать демоном в облике человека. Но для этого ему нужно дать сожрать череп маленького ребенка. Такой «черепной демон» (оре-явал)⁷² может возникнуть также из ядовитой змеи, если какой-нибудь мужчина после смерти своего сына сходит в лес с добытым им человеческим черепом и уговорит змею отомстить убийце. (В то, что смерть могла наступить в силу естественных причин, никто не верит. И всегда ищут виновника, которому следует отомстить.)

По представлениям маринд-аним, крокодил связан также с бетелевой (арековой) пальмой, корявые плоды которой напоминают им крокодилову кожу.

24. Бетелевая пальма

В старые времена демы как-то устроили свиной праздник. Об этом услышал крокодил-дема и вместе с женой отправился туда, чтобы получить свою долю свинины и заодно с другими мужчинами принять участие в пляске⁷³.

Возле самой деревни им встретилась девушка в возрасте иваг. Она оглядела крокодила и нашла его кожу слишком шероховатой. Поэтому она предложила деме, прежде чем идти на праздник, смазать кожу маслом и сделать ее помягче. Тогда, сказала она, он тоже станет красивым.

Пока девушка со своими подругами натирала крокодила маслом и разминала ему кожу, дема Мана увидел его красавицу жену и соблазнил ее. Но затем, испугавшись, что крокодил-дема будет ему мстить, Мана решил опередить его. Он взял свою палицу, подобрался к крокодилу сзади и убил его мощным ударом. А сам сбежал.

Убитого завернули в мягкую кору мелалеуки⁷⁴ и с громким плачем похоронили. На следующее утро на могиле выросла какая-то неизвестная пальма со странными корявыми плодами, напоминающими кожу крокодила. Это была первая бетелевая пальма.

Люди попробовали ее плоды и нашли, что они приятно возбуждают. Только зубы у всех сделались черными, а слюна — кроваво-красной. Все больше народу подходило к пальме, и каждому хотелось поесть вкус-

ных орехов. Наконец на дереве остался один-единственный маленький орешек.

Вдруг откуда-то появился никому не знакомый безобразный мальчик с кожной болезнью. Он отобрал у людей последний бетелевый орех, что-то прошептал над ним и колдовством вогнал в него червей, сделавших орех несъедобным. И хорошо, что он так поступил. Теперь этот последний орех, который еще сохранил всхожесть, можно было только посадить. Потом из него выросли новые бетелевые пальмы, и сейчас их вполне достаточно, чтобы все люди могли жевать бетель.

Гадкий мальчик⁷⁵ был крокодил-демой. Он очень беспокоился, чтобы не уничтожили все плоды, и потому вышел из могилы. Никто не узнал его. Но если бы люди были более внимательны, они бы заметили, что кожа у него шершавая, как у крокодила.

В то время как йе-нан ведут колдовское искусство от крокодила-демы, маринд-аним считают, что начало ему положил его приятель Угу, который, впрочем, тоже имеет крокодилоподобные черты.

Необыкновенная история о его волшебной коже встречается также на весьма отдаленном от страны маринд-аним острове Новая Британия⁷⁶, правда, она стоит вне всякой связи со сказанием об Угу.

25. Кожа Угу

Харау была первой женщиной, которая научилась выколачивать муку из сердцевины саговой пальмы⁷⁷. Она вышла в Сенаю замуж за Эльме и уже через два дня родила ему сына по имени Угу.

Насколько необычным было рождение Угу, настолько же резвым оказался его разум. Он первый постиг тайну колдовства. Когда Угу ходил со своим отцом Эльме на охоту, он не пользовался никаким оружием, а просто залезал на какое-нибудь дерево и оттуда с помощью чар убивал столько диких кабанов, кенгуру и казуаров, сколько ему хотелось. Но чтобы никто про это не узнал, он потом мазал свои стрелы кровью, как будто ими убил животных.

Угу мог, как крокодил, подолгу находиться под водой, и у него были такие же зубы, как у крокодила. Он часто пугал ими людей. Вообще, он любил строить

людям пакости, нередко избивал своих сверстников и непочтительно относился к старикам. Так как Угу потерял всякий стыд и плохо себя вел, старейшины решили, что его надо убить. Однако мужчинам не удалось этого сделать, они только выбили ему несколько зубов, которые и теперь еще можно видеть в Сенаю.

Потом Угу ушел на побережье, в Алаку. Но и там он своим дурным поведением очень скоро рассердил стариков. Зато мальчикам понравилось, как он умеет плавать и нырять.

Однажды Угу сказал мальчикам, что может научить их своему искусству. И когда один из них согласился нырнуть вместе с ним, Угу оттянул от тела кусок своей кожи, которая легко растянулась, раскрыл ее, впустил туда мальчика, а потом закрыл ее снова.

Они долго купались и ныряли, а когда вышли на берег и Угу выпустил мальчика обратно, другие дети также захотели поплавать с Угу. Мальчиков было столько, сколько у человека пальцев⁷⁸, но Угу так широко растянул свою кожу, что все уместились в ней, и Угу с детьми опять ушел под воду.

Много дней пробыл Угу под водой, и ничто на поверхности не выдавало его присутствия. Иногда он незаметно подплывал к людям, ловившим рыбу, неожиданно хватал кого-нибудь из них и проглатывал, так что в прибрежных деревнях постоянно раздавался плач о погибших. А тем временем мальчики, сидевшие под его кожей, вынуждены были питаться кровью, которую они высасывали друг у друга.

Когда Угу снова вышел на берег и мальчики выбрались из его кожи, они были крайне истощены и очень злы на него за то, что он так долго продержал их в темноте и голоде.

За то, что Угу погубил много людей, один мужчина убил его копьем. Затем с убитого сняли его чудесную кожу, а мясо отдали изголодавшимся мальчикам. И едва они съели его, как сразу же почувствовали в себе необыкновенные силы. Вкусив мясо Угу, они сделались первыми колдунами⁷⁹.

А кожа Угу до сих пор хранится в деревне Сарор. С ее помощью колдуны могут погружаться в воду и под водой незаметно подкрадываться к своим жертвам, как это раньше делал сам Угу.

Мать Угу, женщина-демон Харау, непосредственно связана с саговой пальмой. Это она первая приготовила саговую муку. Создание же самого сагового дерева приписывается демону Вокабу и его жене Сангон. Все эти три демона играют особую роль в преданиях людей махухе, относящихся к тотемной группе саговой пальмы.

26. Саговая пальма

В местности Сивасив⁸⁰ состоялся праздник, и там было много свиного мяса. Жена Вокабу Сангон столько его съела, что, когда вернулась к себе в деревню, у нее разболелся живот.

Никакие заговоры и никакое лечение не помогали. Наконец ее вздувшийся живот лопнул и оттуда вывалилась какая-то бледно-красная мякоть, никем еще не виданная. Сангон подумала: это выкидыш, и постеснялась рассказать мужу о случившемся. А то, что выпало из ее живота, она завернула в женский передник⁸¹ и спрятала в хижине.

Как-то раз, когда Сангон пошла в огород за стеблями банана⁸², которые в те времена употребляли в пищу, ее муж Вокабу стал рыться в ее вещах. Он не стыдился, как нынешние мужчины, прикасаться к женскому переднику или упоминать о нем в разговоре⁸³ и нашел то, что спрятала жена. Случайно кусок найденной им мякоти — а это было саго — упал в огонь, и вскоре оттуда донесся вкусный запах. Вокабу попробовал печеное саго и нашел, что оно куда вкуснее сердцевины бананового стебля.

Тут домой воротилась его жена, и Вокабу поспешно упрятал остаток саго под лубяные косы, вплетенные в его волосы. Однако Сангон заметила это. Она ударила мужа по уху, и сырое саго упало на землю.

На другой день из саго выросло большое дерево, правда, совсем без листьев — один лишь ствол. Тогда Вокабу попросил одного мужчину из тотема воды⁸⁴ наловить для него рыб. Мужчина принес ему скатов, и Вокабу прилепил их к стволу. И тотчас скаты превратились в широкие основания листьев, какие можно видеть на всех саговых пальмах. Снова попросил Вокабу принести ему рыб, но на этот раз получил уже рыбпил. Вокабу воткнул их в основания листьев, и пилы

этих рыб стали настоящими и красивыми пальмовыми листьями. Первая саговая пальма появилась.

Вскоре к пальме прилетела стая медовых птиц⁸⁵. Они расселись на верхних листьях, а над ними уселась спустившаяся неведомо откуда белая цапля. И все эти птицы превратились в цветы саговой пальмы.

Вокабу хотел было повалить пальму, чтобы добраться до ее съедобной сердцевины, но ни он и никто другой не знали, как это сделать, потому что в ту пору не было еще каменных топоров. Тут как раз в страну забрел один дема с верховьев реки Дигул. Вокабу вырвал у пришельца один из его огромных зубов и сделал из него топор. Дема не вытерпел боли и сбежал. Он остановился к востоку от нижнего течения Маро и положил начало роду мангат-аним, «зубных людей», которые и поныне живут там⁸⁶.

Вокабу взял топор и ударил им по стволу пальмы. Раздался отчаянный крик. Дема, сидевший в стволе, выскочил оттуда и убежал. А саговая пальма, лишившись опоры, рухнула на землю.

Но опять же ни Вокабу, ни Сангон не знали, что делать дальше и как достать из пальмы съедобную сердцевину. К счастью, в это время из деревни Оан, с верховьев Биана, пришла молодая женщина по имени Харау. Только ей одной и было известно, как можно вскрыть ствол и как путем вымачивания приготовить из сердцевины муку. Харау помогла Вокабу и его жене сделать саговую муку. И с тех пор больше уже никто не ест сердцевину стеблей банана.

Только некоторые из болотных людей по ту сторону Мули не умеют еще добывать саго⁸⁷, но они ведь не настоящие люди.

Добрая и трудолюбивая Харау является идеалом мариндской женщины. Она усердно добывает саговую муку, а в присутствии мужчин, которые иногда заговаривают при ней о своих похождениях, ведет себя, как это и полагается, очень сдержанно. От порядочной женщины и от хорошо воспитанной девушки требуется, чтобы она не разговаривала с чужим мужчиной, если он не представлен ей по всей форме ее мужем или отцом, и чтобы она не смеялась, когда шутят мужчины. Только старые, седовласые женщины могут позволить себе такую вольность. Примечательно также, что Харау считается красивой, причем это выражается не словом «кабил», которое указывает и на полноту, а словом «ванингтап», что означает одновременно и «красивая» и «хорошая».

Партнер Харау, казуар-демон Ягил, является демой больших бегающих птиц Новой Гвинеи, которых маринд-аним не считают, однако, птицами, ибо они не умеют летать⁸⁸. Так как Харау не согласилась на предложение Ягила «сходить с ним в лес»⁸⁹, между тотемом саговой пальмы и тотемом казуара не существует родственной связи, и члены этих тотемных групп имеют право жениться друг на друге.

27. Казуар

Казуар-дема Ягил жил на острове Комолом⁹⁰. Он мог принимать образ юноши, правда не целиком: одна его нога оставалась такой, как у казуара, и потому он оставлял после себя необычные следы — наполовину человеческие, а наполовину казуаровые.

Ягил был озорным малым и забавлялся тем, что днем, когда женщины работали на огородах, пробирался в чужие хижины и прятал женские передники. Это заметила одна старуха. Она рассказала обо всем мужчинам и показала им странные следы. Мужчины выследили юношу-казуара, который как раз принял свой обычный облик, догнали его и убили своими копьями.

Комоломцы разрезали Ягила на части и решили на другой день съесть его. Но ночью мясо демы превратилось в деревья: на одном из них росли орехи аке⁹¹, а на другом — водяные яблоки⁹².

К останкам Ягила незаметно подкрались его братья и мать. Мать уложила в свою заплечную корзину внутренности Ягила, а братья собрали его кости и бросили их в огонь. В тот же миг к небу поднялся огромный столб дыма и превратился в тучу. Под мощные раскаты грома из тучи вылетела молния и сожгла всю деревню вместе с жителями⁹³.

На обратном пути мать услышала позади себя глухой звук и почувствовала, что у нее за спиной, в корзине, что-то шевелится. Неожиданно оттуда выпрыгнул вновь возродившийся из своих внутренностей Ягил. Братья и мать пошли вместе с ним через страну людей яб к верховьям Булаки.

Там жила красавица Харау, славившаяся своим умением выделывать муку из сердцевины саговой пальмы. Каждый день она уходила в саговую рощу и трудилась не покладая рук.

Ягил не раз в образе красивого молодого человека подходил к Харау и пытался завязать с ней разговор. Но Харау была воспитанной девушкой и потому ничего ему не отвечала и не смеялась его шуткам. Когда же он увязался за ней и проводил ее чуть ли не до самой деревни, а потом даже предложил сходить с ним в лес, она немедленно прогнала его, и Ягил в образе казуара убежал прочь.

В деревне Харау пожаловалась на эти приставания, и отец девушки попросил мужчин подстеречь незнамого юношу-казуара. А чтобы не спутать его с другими, он поручил Харау при следующей же попытке юноши приблизиться к ней снабдить его каким-нибудь отличительным знаком.

И когда Ягил снова явился к Харау, она сделала вид, будто согласна пойти с ним в лес, как только окончит работу. А пока что повесила ему на шею красноватый кусок сушеного саго. С тех пор все казуары носят на шее красные повязки.

Харау тайком убежала от ожидавшего ее Ягила и сообщила родичам, как его узнать. Не долго думая, все мужчины вместе со своими собаками бросились ловить юношу-казуара. Но сильный казуар легко передалил собак и со всех ног помчался к реке Биан.

Там он забрался в Оанское болото⁹⁴, а его мать, обернувшись высоким тростником, со всех сторон прикрыла его, чтобы никто не смог найти и убить ее сына.

Так же как и казуар, странные следы оставляет демон-аист. Вместе с тем аист является изобретателем украшений, недаром после перьев райской птицы его перья ценятся наиболее высоко. Кроме того, он считается создателем опьяняющего напитка ватí, и потому в сказаниях об аисте часто встречаются образы, напоминающие об оглушении, вызываемом этим напитком.

28. Опьяняющий аист

Гигантского дему-аиста звали Оле⁹⁵. Он стоял посреди болота и своим длинным клювом вылавливал из него рыб, которых тут же проглатывал. Люди увидели, как он ловит рыб, и им самим захотелось поймать эту большую птицу.

Они вырезали из мягкого дерева рыбу и воткнули в

нее колючку от ската⁹⁶, имеющую острые крючки-зубрины. Потом привязали деревянную рыбу к длинному шнуру и бросили ее в болото. Через некоторое время аист и в самом деле схватил приманку. Колючка застряла у него в клюве, и, когда люди потянули за шнур, аист оказался у них в руках. Его связали и отнесли домой.

Так как был уже вечер, аиста не зарезали сразу, а посадили в хижину и поручили одной старой женщине сторожить его.

Она села возле дверей и занялась плетением циновки. Неожиданно из хижины донеслись какие-то хлопки. Старуха испуганно вскочила. Но хлопки тут же прекратились, и она успокоилась. Немного погодя за дверьми послышалось легкое пощелкивание. И снова все стихло. Вдруг дверь хижины отворилась, и мимо старухи быстро прошагал какой-то очень красивый юноша. Старая женщина растерялась⁹⁷. А пока она раздумывала, последовать ли ей за ним или позвать мужчин, юноша исчез.

То был аист, обернувшийся юношей. Когда он смазывал маслом свои лубяные косы, слышались хлопки, а когда надевал на себя украшения, они пощелкивали. Только одно отличало юношу-аиста от молодого человека: ступни его были вывернуты задом наперед. И это спасло его, потому что, обнаружив на завтра следы юноши, мужчины подумали, будто они ведут в хижину, а не из нее, и не стали его преследовать.

Между тем юноша-аист пришел к реке Маро, в Эрмасук, который чужеземцы называют Мерауке. Здесь он уселся, вырвал у себя под мышками немного волос и начал их жевать. Возле него собрались другие юноши и с удивлением глядели на его странное занятие. Вскоре, однако, они ему надоели, и тогда руки его вдруг покрылись перьями, а нос и ноги сделались длинными и тонкими. Он снова превратился в аиста и улетел в Бирок, расположенный между реками Маро и Кумбе.

Там дема-аист опять принял облик юноши и вырвал у себя под мышками волосы. На этот раз он не стал жевать их, а зарыл волосы в землю. И сразу же из них выросли первые кустики вати. Правда, в те времена никому не было известно, что, пожевав их, можно по-

лучить крепкий пьянящий напиток, и потому никто не обратил на них никакого внимания.

Только дема по имени Вокабу, следивший за аистом, незаметно подкрался туда и стащил несколько растений. Но аист заметил это. Он подбежал к Вокабу, выхватил у него из рук краденые растения и так ударил ими дему по голове, что совершенно оглушил его. Таким образом, Вокабу оказался первым, кто был оглушен вати.

Разгневанный юноша-аист ушел к болотным людям⁹⁸. Но в память о нем узлы стеблей вати еще и теперь выглядят точь-в-точь, как колени аиста⁹⁹.

Жители деревни Кумбе, расположенной у устья одноименной реки, часто подвергаются насмешкам со стороны остальных маринд-аним за их простоватость, что, впрочем, несправедливо, ибо они ничуть не глупее жителей других деревень. Про людей из Кумбе говорят, будто они, опьянев от вати, хотели поджарить самого дему-аиста.

29. Жаркое из аиста

Однажды неподалеку от деревни Кумбе дема-аист ловил в реке рыбу. Простоватые жители Кумбе не заметили, что это был не обычный аист, а дема, и поймали его. Они связали аиста и бросили на раскаленные угли, чтобы он поджарился. Очень довольные своим успехом, люди из Кумбе уже предвкушали сытный ужин, а пока аист жарился, жевали стебли вати и пили их сок, отчего изрядно опьянели.

Вскоре они услышали какое-то шипение и решили, что аист уже зажарился с одного боку и из него в огонь вытекает жир. Наполовину пьяные, они перевернули аиста на другой бок. Через некоторое время в костре вновь что-то зашипело. Тогда они перевернули аиста на спину, радуясь, что жаркое вот-вот будет готово. В третий раз услышали они шипение, а когда взглянули на огонь, увидели, как оттуда вылетает дема-аист.

Люди в ужасе разбежались. На месте предполагаемого пиршества остался только потухший костер. Огонь сжег путы, связывавшие аиста, и погас, потому что аист с перепугу трижды помочился на него.

С тех пор жители Кумбе всегда очень сердятся, если их спрашивают, вкусно ли жаркое из аиста.

В то же время существует предание, изображающее демона-аиста с другой стороны — как прекрасного молодого человека, приносящего людям опьяняющий напиток и украшения. Известна также история об охоте демона-аиста за черепом, которая, правда, не в почете у людей из тотемной группы морского орла.

30. Аист — охотник за черепом

Аист Ндик и морской орел Кидуб были друзьями. Оба жили в одной из деревень в образе людей, и никто не подозревал, что они — птицы. Когда же друзья оказывались на болоте вдали от деревни, то принимали свой обычный облик и ловили много рыбы. На обратном пути Ндик и Кидуб вновь оборачивались людьми, а пойманных рыб нанизывали на стрелы, чтобы все думали, будто они подстрелили их из лука.

Но однажды жена Кидуба незаметно прокралась за ними и все увидела. И когда Кидуб как-то изъявил готовность помочь ей в огороде, она засмеялась и сказала:

— Нет уж, лучше отправляйся с Ндиком за рыбой. Это у вас обоих получается куда более ловко, даже без лука и стрел!

Тут Кидуб и Ндик поняли, что ей известна их тайна. И чтобы жена Кидуба не проболталась, Ндик ночью бамбуковым ножом отрезал ей голову и полетел с этой головой на болото к Урумбú.

Кидуб с криком кинулся следом за ним. Над самым болотом Ндику пришлось бросить голову, потому что Кидуб нагнал его и между ними завязалась драка. Они долго бились друг с другом, пока наконец Ндик не отступил на край болота.

Тогда Кидуб попытался выловить голову жены. Но каждый раз, как только он приближался к ней, рыбий дема, сидевший в болоте, прятал ее под воду. И он делал это до тех пор, пока Кидуб, обессиленный, не оставил своих попыток и не улетел.

Когда морской орел скрылся из виду, Ндик потихоньку подобрался к рыбьему дема, схватил его своим

длинным клювом и проглотил. Потом он взял голову жены Кидуба и отнес ее своим детям. Теперь он мог дать им имя ¹⁰⁰.

В действительности же ни один, даже самый большой охотник за головами ни за что в жизни не станет убивать кого-либо из членов семьи своего друга. Но демоны, как и древнегреческие боги, находятся по ту сторону морали.

Следующее сказание повествует о происхождении жителей верховьев реки Дигул.

31. Птицы-носороги

У одной змеи родилось несколько красивых мальчиков. Она уложила их в корзинку, и там они подрастали.

Однажды в пути змея зажарила на костре немного рыбы и накормила своих сыновей. После еды она из предосторожности повесила корзину с детьми на высокое дерево.

Но мальчики тайком прихватили с собой на дерево остатки обеда, а также несколько горящих поленьев, чтобы согреться ночью. Наверху мальчики поспорили из-за еды и стали кидать друг в друга горящие головни. В пылу ссоры они забросили головни на самое небо, где их и теперь еще можно видеть как звезды.

Невоспитанность детей так рассердила змею, что она без оглядки уползла от них. Вот и пришлось мальчикам самим спускаться с дерева. После многих попыток это удалось всем, кроме самого младшего, который не решался соскользнуть вниз по высокому стволу. Но, оставшись один на дереве, малыш не растерялся; он прикрепил к своим рукам перья, превратился в птицу ржанку ¹⁰¹ и улетел.

Тем временем старшие братья пришли к реке Дигул ¹⁰². Ночью им стало холодно, а так как их теплая корзина осталась висеть на дереве, они забрались в большое дупло и проспали там до утра. На рассвете мимо них проходили дигульские девочки. Они услышали в стволе какое-то гудение и подумали, что там живут дикие пчелы. Но когда девочки открыли дупло, оттуда вышли красивые мальчики. Обрадованные своей находкой, девочки проводили их в деревню.

Там мальчиков усыновили, а когда они выросли, то отдали им в жены тех самых девушек¹⁰³, которые их нашли.

Старший из братьев первым обзавелся сыном. Мальчик любил играть с луком и стрелами и однажды по ошибке угодил стрелой в ногу одной старой женщины. За это все женщины крепко его выбрали. Мальчик очень обиделся — ведь он попал в старуху нечаянно — и потому решил отомстить.

Как-то раз, когда все женщины и девушки ушли на болото ловить сетями рыбу, он отправился в лес и сделал много больших деревянных клювов и украшений из перьев. Затем он позвал своего отца и других мужчин и сказал им, что хочет научить их летать. Мужчины согласились, надели на себя украшения, а к головам привязали клювы.

Сначала они летали только вниз, причем с небольших деревьев, потом со все более и более высоких, и наконец превратились в птиц-носорогов¹⁰⁴ и, громко хлопая крыльями, полетели по-настоящему.

Возвратившись в деревню, женщины не нашли там ни одного мужчины. Но, увидев пролетающих птиц-носорогов, они догадались, в чем дело, и тоже захотели стать птицами. Они также раздобыли себе перьев и вырезали из дерева клювы. Но женщины оказались менее искусными, чем мальчик. И потому, сделавшись самками птиц-носорогов, они вышли далеко не такими красивыми, как их мужья.

Среди женщин была одна беременная. Ей было тяжело учиться летать. Поэтому она сделала себе маленький клюв и превратилась не в носорога, а в райскую птицу, которая не может летать далеко¹⁰⁵.

От птиц-носорогов произошли дигульцы. Вот почему они до сих пор строят свои дома на высоких деревьях или на столбах, точно это гнезда¹⁰⁶.

Совсем проста легенда о происхождении голубей и уток, действие которой разыгрывается на острове Хабе.

32. Голуби и утки

Когда остров Хабе плыл еще на запад¹⁰⁷, многие демы пришли посмотреть, что на нем делается. В это время умерли две женщины-демы, и их похоронили на

острове. Могилу одной из них прикрыли листьями банана, а могилу другой — корой саговой пальмы. Через несколько дней под листьями и корой что-то зашевелилось, а когда демоны покинули остров, из-под банановых листьев вылетела стая голубей¹⁰⁸, а из-под коры — стая уток. С тех пор голуби относятся к тотему банана¹⁰⁹, а утки — к тотему саговой пальмы.

В следующем сказании говорится о происхождении варьба, темной разновидности гигантского аиста, и журавля. В нем же содержатся указания на культ огня, некогда распространенный в Кондо-мираве.

33. Дождевые чары

В старые времена жили у Онгари муж с женой и сыном. В ту пору люди уже умели выращивать бананы и таро. Но однажды все их труды оказались напрасными. Из-за жестокой засухи растения в огородах погибли, и в стране начался голод.

Тогда сын заявил, что хочет избавить всех от этой беды. Он попросил у матери несколько стеблей банана и клубней таро и сказал родителям, чтобы они не выходили из дому, пока он не вернется. Затем он пошел в лес, вырыл там глубокую яму и на самом ее краю развел огонь. Потом бросил в яму банановые стебли, сочные клубни таро, листья кротона¹¹⁰ и разные травы, все это полил водой, а сверху закидал камнями и комьями земли.

Вода из ямы поднялась высоко в небо и дождем полилась обратно на землю. Тут юноша бросил в огонь немного свиного сала, и, как только оно зашипело, разразилась сильная гроза с проливным дождем.

Между тем родители, не дождавшись сына, отправились в огород. По дороге их застал дождь. Чтобы хоть немного защититься от него, они подняли над головой палки, которые несли с собой. Дождь долго не прекращался, и палки постепенно приросли к ним и стали длинными клювами. А так как родители дрожали от холода, на руках у них выросли перья, и они превратились в птиц: отец — в черного аиста, а мать — в журавля¹¹¹.

Вызывание дождя при помощи волшебных трав, на которые льют воду, считается обычным колдовством и до сих пор широко применяется у маринд-аним. Сжигание свиного сала магически вызывает сильную грозу, во время которой, подобно вспыхнувшему жиру, загораются и трещат молнии.

Аналогичные действия играют большую роль в культе демона огня Рапа́ в области Кондо-мирав. Из пойманного кабана вытапливают сало и факелом поджигают его. Непосвященным разрешается смотреть на этот огонь лишь издали. В культе Имо также применялся жир жертвы. Но там в качестве ее брали не кабана, а тело мужчины и жир не сжигали, а поедали.

Пестрые кусты кротона, употребляемые для вызывания дождя, согласно преданию, произошли из перьев райской птицы.

34. Красно-желтая райская птица

В конце Мули, неподалеку от устья Дигула, напротив страны умерших, жил человек по имени Гопа. Его отец женился во второй раз. Мачеха Гопа была молода и красива, и Гопа влюбился в нее. Но молодая женщина не пожелала уступить просьбам пасынка, и взбешенный Гопа убил ее, а труп бросил в Дигул. В том месте, где лежит тело убитой женщины, еще и теперь бурлит водоворот.

Боясь отцовской мести, Гопа бежал из дому. Его отец Доле пустился в погоню за сыном и так упорно преследовал его, что тот в конце концов превратился в пугливую красно-желтую райскую птицу батенд¹¹². А так как перья у батенда были необычайно красивы и многие хотели бы сделать из них нарядные головные уборы для танцев, то другие люди тоже стали его преследовать.

Охотники за батендом во главе с Доле вслед за птицей все время переходили с места на место. Однажды у верховьев реки Булаки они догнали беглеца и набросились на него с палками. Но батенду снова удалось уйти, и только несколько его пестрых перьев упало на землю. Из этих перьев выросли первые кусты кротона, покрытые красивыми пестрыми листьями.

Батенд улетел дальше, к входу в страну умерших, где уже никто не мог его преследовать. Он и поныне летает там взад и вперед, и мимо него пролетают все души умерших, прибывающие в страну Хаиз.

Во время погони за сыном Доле сильно порезал себе

ногу об острую лучину бамбука. Из раны вытекло много крови. Кровь сбежала на большой лист таро и загустела. Вдруг в кровавом сгустке отчетливо вырисовалось лицо, потом тело, руки и ноги. И наконец кровь превратилась в живого мальчика.

Доле очень обрадовался, что обрел себе нового сына взамен ставшего птицей. Он хотел поднять мальчика, но на запах крови слетелось множество ос; они уселись по краям листа таро и не давали дотронуться до малыша.

Тогда Доле пошел и привел сюда своего друга Геба, с головы до ног покрытого морскими желудями, отчего ему не были страшны никакие осы. Геб взял мальчика и передал его отцу.

Новый сын Доле стал впоследствии знаменитым охотником за человеческими головами. Ему очень везло, и однажды с ним случилось такое, чего вообще ни разу не бывало с охотниками: он повстречал человека с двумя головами. Одна из них глядела вперед, а другая — назад. И обе эти головы сын Доле срезал одним ударом бамбукового ножа. Такой удачи не переживал уже больше никогда ни один охотник за головами.

Данная история почему-то относится к кругу преданий тотема саговой пальмы. Что послужило основанием для этого, мне выяснить не удалось.

Более понятна связь следующего сказания о баклане¹¹³ с мифом о морской глине у бангу, относящихся к тому же тотему сома. Баклан, морская глина, сом, а также другие существа вроде крабов имеют то общее, что все они связаны с морским побережьем. В прибрежной же деревне Борем разыгрывается действие легенды о рыбьем воре — баклане.

35. Рыбий вор

Как-то раз мальчики из Борема пошли на рыбалку. Клев был хороший, и они наловили много рыбы. Но вечером, когда дети возвращались в деревню, их остановил дема Нгенге. Он отобрал у них весь улов и скрылся в лесу.

Дети прибежали домой в слезах и обо всем рассказали отцам. Но когда мужчины захотели узнать, кто же отнял рыбу, оказалось, что мальчики забыли имя вора.

Делать было нечего: не зная имени врага, нельзя было рассчитывать на его поимку.

Немного погодя в деревню вернулся самый младший из рыбаков — маленький, сплошь покрытый струпьями мальчик¹¹⁴. На своих коротких ножках он не мог поспеть за товарищами и потому пришел позже всех. Но малыш был умнее других детей. Чтобы не забыть имени вора, он всю дорогу повторял про себя: «Нгенге, Нгенге, Нгенге, Нгенге»¹¹⁵. Придя в деревню, мальчик назвал его.

Мужчины взяли оружие и пошли ловить дему. Они нашли его неподалеку от деревни. Нгенге уже разводил огонь, чтобы зажарить украденную рыбу. Охотники схватили его. Нгенге отчаянно сопротивлялся, стараясь вырваться. Вдруг шея у него вытянулась, вместо носа появился большой клюв, а на руках выросли перья. Нгенге превратился в баклана, взмахнул крыльями и улетел.

Мужчины и мальчики съели вновь найденную рыбу. А баклан так и остался навсегда рыбьим вором.

К числу легенд с превращениями принадлежит, наконец, сказание о черепахе и варане, примыкающее, как это ни странно, к циклу преданий о гигантском аисте.

36. Черепаха

Неподалеку от Кумбе, в Кайбуре, жил дема Таб. Однажды у него украли палицу, и Таб отправился разыскивать вора. В пути он часто останавливался и выпивал полную кокосовую чашку вати. Наконец он так опьянел, что еле мог передвигать ноги. Оттого он превратился в черепаху и, шатаясь, медленно пошел в Кумбе.

Там один мужчина сказал ему, что вор спит у себя дома. Таб тихонько пробрался через собачью лазейку¹¹⁶ в хижину, взял висевшую на стене палицу и убил ею вора. Из хижины он вышел уже со своим оружием.

Чтобы отпраздновать победу, Таб достал у дему-аиста много вати и так напился, что сам забыл, кто он такой. То он был черепахой, то вараном, то снова

черепахой. Вот в облике черепахи Таб поплелся домой. В голове у него творилась полная неразбериха¹¹⁷. Так он шел, раскачиваясь из стороны в сторону, и в конце концов свалился в болото за Кайбуром. Там он живет и по сей день.

По представлению маринд-аним, в мире помимо демонов и людей имеются еще так называемые накари, принадлежащие к свите демы. Большой частью накари представляются им в виде каких-то эльфоподобных существ. В них воплощаются предметы, сами не являющиеся тотемами, но имеющие какое-то отношение к тотемным животным или растениям, как, например, ящерицы и жуки, связанные с пальмовым стволом, на котором они живут. Обычно накари повсюду сопровождают своего дему. Но есть также одно постоянное место, в котором они пребывают в обществе друг друга и которое недоступно для людей. Это место — Бравская роща.

37. Бравская роща

У каждого демы есть свои накари. Это такие женщины или девушки, которые всегда сопровождают его. Некоторые из них бывают женами демы, но иногда накари очень малы, всего с палец ростом. Однако во всех случаях они необыкновенно красивы, и самые красивые из них живут в Бравской роще, у Йо-барика.

Как-то в древности дема Арамемб бросил вверх свою палицу, и она раскаленным камнем упала в Браву¹¹⁸. С тех самых пор Бравская роща стала местом, где живут демы и накари, и люди никогда не заходят туда, по крайней мере маринд-аним. Но чужеземцы, не считаясь с демами, вырубили в Браве много бамбука для постройки своих домов.

Оскорбленный этим, дема Ваба, основатель тайного обряда, позвал Тик-дему¹¹⁹, и тот наслал на людей мор. Многие люди умерли, и некоторые деревни почти совсем опустели.

Это должно было послужить людям предупреждением. Но чужеземцы по-прежнему нарушали покой Бравской рощи и даже стреляли там из своих ружей. В наказание Арамемб по наущению Вабы сжег людям срамные места, и снова появилось много больных¹²⁰.

И все же пиф-пафы не перестали досаждают демам и накари из Бравы. Но над ними демы не властны. Возможно, позднее наступит такое время, и тогда пиф-пафам никто, даже самые лучшие колдуны, не смогут ничем помочь.

На опушке Бравской рощи мне повстречались две молодые женщины, собиравшие хворост. Одна из них отличалась удивительно светлой кожей и была одета в необычный передник из красной материи. При нашем приближении обе женщины поспешно скрылись в кустарнике. По твердому убеждению моих проводников, это были накари.

Очевидно, к накари же следует отнести и существо, о котором идет речь в следующем ниже сказании о змее на луке. Во всяком случае, это не демон и не человек.

В то время как предания маринд-аним в общем не имеют никакой видимой связи со сказками и легендами, распространенными от Западной Европы до Восточной Азии и островов Полинезии, а скорее примыкают к мифам аранда и других племен Центральной Австралии, в данном сказании, и только в нем, звучит известный европейско-азиатский мотив. Это мотив о девушке-лебедь, правда выступающей здесь в образе змеи.

38. Змея на луке

Жил в деревне Урумб один мужчина. Он был хорошим охотником, но у него не было жены. Однажды, возвратившись с охоты, он повесил свой лук на место, а сам стал за хижинкой разделять добытого кенгуру. Когда же он снова вошел в хижину, то увидел, что вокруг его лука обвилась какая-то змея. Мужчина попытался сбросить ее оттуда, но, как он ни тряс лук, змея не спадала. Тогда он оставил ее в покое, повесил лук на прежнее место и пошел к друзьям — занять у них немного золы, чтобы приправить еду¹²¹.

Когда он вернулся обратно, площадка перед его хижинкой была так хорошо прибрана, как никогда раньше. Он не мог понять, чьих это рук дело, и опять отправился в деревню, чтобы выяснить, кто бы это мог быть. Но никто ничего не знал. Еще раз придя домой, мужчина обнаружил там уже зажаренного кенгуру. Удивленный, он сел и принялся за еду, а змея глядела на него и не двигалась.

Насытившись, мужчина встал и сделал вид, будто

снова уходит в деревню. На самом же деле он никуда не пошел, а спрятался за хижинкой. Вскоре он увидел, как из нее вышла красивая девушка и начала печь саговые лепешки. Заметив мужчину, девушка хотела было бежать. Но он крепко схватил ее, и девушка призналась, что она-то и есть змея.

Мужчина попросил девушку-змею остаться жить у него. Она согласилась и осталась, навсегда сохранив человеческий облик. А лук, вокруг которого она обвилась, будучи змеей, еще долго служил им: мужчина часто ходил с ним на охоту и добывал пищу для себя и своей жены.

К числу легенд, приуроченных к определенным местам, таким, как Хабе, Волинау, Белевил или Брава, в которых и поныне пребывают демоны, относится также и неприятная история о деме Кведьеле, восходящая к йе-нан. Она имеет лишь одну цель — объяснить наличие большого камня в русле Абтала, как называют у йе-нан верховье реки Маро.

Камень этот даже при низком уровне воды остается под поверхностью и потому представляет опасность для неосторожного пловца на однодеревке. Однако Кведьелю приписывают и те лодочные аварии, которые происходят в других местах реки, объясняя их тем, что пострадавшие когда-то задели запретный камень своими веслами.

Кроме всего прочего весьма существенно то, что здесь, в стране, где почти не знают камней и где их наряду с головами причисляют к особо ценным трофеям, вообще имеется такая большая каменная глыба. Подобная диковина, конечно, не может быть не чем иным, как демой.

39. Абтальский камень

Вблизи деревни Квель в реке Абтал лежит большой камень. Проплывая здесь на лодках, люди должны быть особенно осторожны, чтобы невзначай не задеть его своими веслами. Иначе камень рассердится и тут же или позднее, но непременно опрокинет их лодку¹²².

Этот камень называется Кведьель. Когда-то он был совсем маленьким. Но он не желал, как другие камни, спокойно лежать на одном месте, забрался в лодку и поплыл в ней вверх по реке Абтал. Вдруг лодка перевернулась, и Кведьель упал в воду. Его понесло вниз, точно беременную женщину, и камню стало стыдно,

ведь он как-никак был мужчиной. Тогда Кведьель спря-
тался под поверхностью реки.

Наконец ему наскучило лежать там, и он отважил-
ся снова выйти на землю. Кведьель выбрался на берег
и улегся в лесу. Мимо проходили какие-то люди. Они
заметили камень и решили сделать из него топоры. Но
так как он был очень тяжел, люди временно оставили
его на месте, думая прихватить камень на обратном
пути.

Кведьель устыдился, что его увидели в таком безо-
бразном виде, прыгнул в Абтал и опять скрылся под
водой. По пути домой люди зашли за камнем, но не на-
шли его. И хотя любопытный Кведьель спросил у них
из-под воды: «Кто вы такие?» — они все-таки не смог-
ли его отыскать.

С тех пор Кведьель так и остался лежать в Абтале.

Как легенда о Кведьеле, так и следующее за ней предание
о сухопутном крокодиле содержат в себе известное зерно исти-
ны. Если не считать одного неправдоподобного утверждения,
будто это животное убивает свои жертвы хвостом, то создается
впечатление, что здесь идет речь о гигантском варане вроде
варана из Комодо¹²³ и что вся эта история задумана как про-
стое описание сухопутного крокодила, имеющее целью отли-
чить его от обычного крокодила¹²⁴ и от всеобщего известного
«кадиху» (*Varanus indicus*). Вероятность существования гиг-
гантского варана в низовьях реки Биан тем более велика, что
помимо данного предания и независимо от него об этом жи-
вотном имеется еще сообщение одного миссионера из Окабы¹²⁵,
видевшего своими глазами мясо сухопутного крокодила, а так-
же свидетельство одного правительственного чиновника из
Британской Новой Гвинеи¹²⁶. Правда, ни один из них не видел
гигантского варана живым.

40. Сухопутный крокодил

В лесах у устья Биана водится роу. С виду он очень
похож на варана, только много крупнее его. Он такой
большой, как взрослый крокодил. Но в отличие от кро-
кодила роу никогда не заходит в воду и постоянно жи-
вет в лесу. Поэтому многие называют его сухопутным
крокодилом¹²⁷.

И все-таки роу не настоящий крокодил: у него ва-
ранья пасть с острыми краями, без зубов, раздвоенный
язык и руки точно такие, как у варана или у человека.

Выше по реке, где уже не растут мангровы и ниповые пальмы ¹²⁸, он не встречается.

Роу живет на высоких деревьях и прямо оттуда бросается на свою добычу, даже на казуаров и диких свиней. При этом он фыркает, как кошка ¹²⁹, каких привезли в страну чужеземцы, кричит человеческим голосом «оу-оу!», раздувает щеки и горловой мешок и высовывает язык.

Бывает, пойдут женщины в лес за хворостом, повесят на сучья корзинки с младенцами, как вдруг появляется роу и крадет ребенка, а потом съедает его.

Иногда он нападает даже на взрослых людей. Прыгает неожиданно на спину, укусит в затылок и так глубоко вонзит свой острый хвост в спину жертвы, что он выйдет где-нибудь из груди или изо рта.

Вот как опасен роу. И оттого никто не ходит в этот лес в одиночку или без оружия. Тот же, кому удастся убить роу, может радоваться, потому что его хвост очень вкусен, куда вкуснее, чем мясо варана или кродила. Ведь и сам роу не такой, как они.

Правда и вымысел переплетаются также и в истории о деме, охраняющем саговые пальмы в Сангасе. По мнению маринд-аним, эта история, конечно, правдива от начала и до конца. Но и критически мыслящий европеец найдет в ней отзвук истинного события.

В 1928 г. к деревне Овоклé, расположенной к западу от Окабы, течением принесло мертвого кашалота. Он погиб, видимо, задолго до того и, когда его наконец выбросило с мелководья на берег, находился уже в состоянии полного разложения. Местные жители с удивлением разглядывали невиданное огромное существо, естественно принимаая его за дему, ибо киты вследствие мелководья никогда не заплывают в те края. Яванский рыболов Ибрахим бин Сиди (Иблахим) тщетно пытался отыскать в трупе кашалота амбру. Из-за нестерпимой вони людям пришлось оставить Овокле, и некоторое время к умершему животному никто не подходил, пока вдруг из Сангасе не явились члены союза Имо совершить перед трупом кита свои торжественные церемонии. Позднее по распоряжению помощника администратора, амбонца Лебелаува, часть костей кашалота была доставлена в Окабу и установлена перед зданием колониальной администрации. Еще в 1934 г. там лежал спинной позвонок «демы-хранителя саговых пальм».

41. Возвращение Саловака

Сыновья демы Маху были собаками. И из их кала возник дема Саловак. Из-за такого происхождения Саловака мало уважали, и он ушел к Сангасе, где поселился в маленькой речке Сангал. Там он стал охранять саговые пальмы, и это очень радовало местных жителей.

Но прошло какое-то время, и на саговые пальмы напали жуки-носороги¹³⁰, а сердцевина пальм начала портиться. Тогда жители Сангасе поняли, что Саловак покинул Сангал, однако, куда он девался, никто не знал.

Долгое время о нем не было ни слуху ни духу. Мальчики стали юношами, потом мужчинами и стариками, потом умерли, и их похоронили в прибрежных песчаных дюнах¹³¹, то же самое случилось с их детьми и внуками, а Саловак все не возвращался.

Однажды, когда нынешние старики были еще молодыми и только что поженились¹³², на берегу у Овокле появилось какое-то чудовище. С виду оно походило на огромную рыбу — конечно, не на простую, а на рыбу-дему. Поглядеть на странное существо пришли люди из всех прибрежных селений — из Велаба, Вамби, Окабы и других. Пришел туда и пиф-паф Иблахим, который живет у устья Биана, где ловит и сушит рыбу.

Иблахим сказал, будто это существо — кит¹³³ и будто в нем скрыто нечто такое, что необыкновенно приятно пахнет и за что пиф-пафы могут дать много хороших вещей. Но существо уже давно умерло и так сильно воняло, что никто не пожелал искать в нем благовоние¹³⁴. Тогда Иблахим сам полез в вонючее мясо, но, конечно, ничего там не нашел. А потом от него так несло, что ему пришлось выбросить свой саронг¹³⁵ и долго бултыхаться в воде¹³⁶. Он очень рассердился и ушел.

Люди так и не знали, что за дема это гниющее на берегу чудовище. Да они и не могли о том догадаться, потому что все они принадлежали к культовому союзу Майо¹³⁷.

Но вот о случившемся услышали жители Сангасе, принадлежащие к союзу Имо, и тоже решили пойти по-

смотреть на чудесное существо. Они знали, что это не кто иной, как давно исчезнувший и наконец возвратившийся Саловак. Полные надежд, жители Сангасе отправились в дальний путь вдоль побережья.

Все они были намазаны черной краской, натерты маслом, а их щеки украшены алыми пятнами, как это принято у людей из союза Имо. Они несли с собой барабаны, но не били в них и шли молча, лишь изредка глухо выкрикивая: «Уму, уму!»

В Овокле они почтительно приблизились к исполинскому телу Саловака и сразу же поняли, что перенести эту огромную вонючую тушу обратно в Сангал невозможно. Тогда старейшины Имо попросили душу демы оставить тело и последовать за ними в Сангал. Тут они ударили в барабаны, запели и произнесли могучее заклинание, чтобы заставить душу Саловака пойти с ними. После этого они вместе с душой демы торжественным шагом, как шли сюда, направились обратно в Сангасе и к Сангалу.

Тело Саловака осталось лежать на берегу у Овокле. И пока оно совсем не сгнило, от него исходила такая жуткая вонь, что в деревне никто не мог жить.

Когда от него остались только одни кости, старший из пиф-пафов велел принести их в Окабу и расставить их там. Их и теперь еще можно там увидеть. Но от них чужеземцам нет никакого проку, потому что душа Саловака давно уже находится в Сангале и снова охраняет саговые пальмы у Сангасе.

О яванском рыбаке Ибрахиме бин Сиди, который живет в свайном доме у устья Булаки и с помощью искусной ловушки малайского типа ловит там рыбу, а потом сушит и продает ее, соседние с ним маринд-аним рассказывают еще одну историю, также содержащую зерно истины.

42. Ручной крокодил

По-анем Иблахим построил в Булаке большую ловушку, которой он ловит рыбу¹³⁸. Он относит ее потом другим пиф-пафам. Те едят рыбу и дают за нее Иблахиму табак, ткани, ножи и вообще все, что он захочет¹³⁹.

Когда Иблахим сооружал свою ловушку, было время отлива. Он отошел далеко от берега и стал забивать в глинистое дно бамбуковые колья. Пока он работал, начался прилив. Вода все прибывала и прибывала ¹⁴⁰, но Иблахим не обращал на это никакого внимания. Наконец течение подхватило его и понесло вверх по реке Булаке.

Иблахим очень испугался и позвал на помощь своего дема. Откуда ни возьмись, появился большущий крокодил. Иблахим сел ему на спину, и крокодил отвез его на берег к самому дому. С тех пор этот крокодил каждый день приходит к Иблахиму, и тот кормит его большими рыбами.

Крокодила зовут Булака, так же как и реку. Его можно видеть ежедневно во время отлива. И даже можно хорошо рассмотреть, потому что он не трогает людей. Но этот крокодил — не дема, а просто старый крокодил ¹⁴¹, которого прислал Иблахиму его дема. Иблахимов дема — великий дема, так как он убил многих других дем.

Основанием для создания этой истории послужила попытка мусульманина Ибрахима бин Сиди объяснить маринд-аним, что нет бога, кроме бога. Из этого они тотчас заключили, что «Иблахимов дема» большой охотник за головами, убивший других дем. Пытаясь сделать свою проповедь более убедительной, Ибрахим уверял, будто однажды, когда его лодка перевернулась в Булаке, бог послал ему спасителя — крокодила, верхом на котором он и добрался до берега. Между прочим, этому поверили не только маринд-аним, но и многие индонезийцы ¹⁴², и Ибрахим прослыл среди них чуть ли не святым.

Характерно, что рассказчик, один маринд-аним из Вамби, никак не хотел признавать в крокодиле Ибрахима хорошо известного крокодила-демона, так как вещи чужеземцев не могут соответствовать мифологии.

В приведенной выше истории верно и то, что яванец действительно в какой-то степени приручил одного старого крокодила. Каждое утро во время отлива крокодил появляется вблизи ловушки, поедает брошенных ему Ибрахимом менее ценных рыб и снова уходит в воду ¹⁴³.

Известную роль в мышлении маринд-аним начинают играть «пиф-пафы». Обычно это выходцы из Восточной Индонезии, которые прибыли в страну в качестве охотников за райскими птицами, но позднее, когда истратили все добытые этой охотой большие деньги, были вынуждены добывать средства к существованию каким-либо иным способом. После того как охота на райских птиц в целях их сохранения была запрещена ¹⁴⁴, маринд-аним и их соседи немного отдохнули от чужеземцев,

которые вплоть до первой мировой войны обходились с ними как с рабами¹⁴⁵. Характерно, что индонезийцы называли раньше охоту на райских птиц *Pegang ketjil*, т. е. «маленькой войной». А у йе-нан и теперь еще вместо выражения «люди пифпаф» для обозначения чужеземцев употребляется слово «брмакр» («райская птица»), так как это было первым словом, которое они выучили.

Прежде всего чужеземцам не могут простить, что они заставляли мужчин служить им носильщиками, требовали у них жен и дочерей и отнимали продовольствие, ничего или почти ничего не давая взамен.

Беспокойство о собственном пропитании звучит в рассказе, сложенном в деревне Кумбе и изображающем странствующего великана Сосома, которому на востоке страны посвящен особый культ. Разумеется, этот рассказ предназначен не для посвященных, и содержащиеся в нем выпады против чужеземцев относительно новы. Однако их нельзя не заметить.

43. Странствующий великан

В верховьях реки Тораси¹⁴⁶ живет великан Сосом. Время от времени он покидает свой край и отправляется к людям йе¹⁴⁷, а потом дальше, на реку Кумбе. Там он поднимается вверх по течению, идет к реке Маро и через земли мораури и людей канум снова возвращается домой¹⁴⁸.

В лесу, где он побывал, впоследствии находят следы огромных ног. Как и следы демы-аиста Оле, они перевернуты задом наперед. Кто не знает этого, пойдет по ним не в ту сторону. Каждый отпечаток ноги в глине почти равен росту двух мужчин, а так как Сосом переступает прямо через деревья, следы его расположены очень далеко друг от друга.

Спустя некоторое время какой-нибудь мужчина обычно обнаруживает в лесу место, приготовленное великаном для себя. Это корчевье с высоким столбом или таким же высоким помостом в середине.

В один прекрасный день оттуда доносится глухой гудящий голос великана¹⁴⁹. Он служит знаком, по которому женщины и дети должны оставить деревню, а мужчины с подростками пойти на площадку Сосома. Если кто-нибудь явится туда без зова, Сосом убьет его.

Мужчины выкрикивают «Уму, уму!» и отправляются на площадку, где будет проходить торжество. Там

они видят великана, свернувшегося клубком, точно спящая собака, вокруг столба или помоста. Только он не спит, а внимательно оглядывает каждого. Он не терпит мужчин, одетых не по старинке, и если заметит вещи, полученные от пиф-пафов, то может очень рассердиться¹⁵⁰.

Однажды Сосом пришел к Кумбе, и, когда к нему явился деревенский староста¹⁵¹ в одежде пиф-пафа, великан разгневался и закричал на него:

— Ты почему одет не по-мариндски?!

— Я староста деревни, и это платье дали мне пиф-пафы.

— Что это за люди?

— Пиф-пафы уже давно живут в нашей стране. Среди них есть и хорошие и плохие. Одни из них коричневые, а другие — красные¹⁵².

Тогда Сосом покачал головой и спросил:

— Отчего же это пиф-пафы светлее людей маринд?

— Вероятно, от частого купания¹⁵³, — отвечал староста.

— Йойо! Это, наверно, так! — сказал великан и посмотрел на еду, которую принесли ему жители Кумбе.

Сосом очень любит поесть и поглощает неимоверно много пищи. Он засовывает в рот сразу целую гроздь бананов, а стебли вати съедает, вместо того чтобы жевать их и глотать сок, как это делают люди. Но он может есть только мариндскую пищу — мясо свиней, кенгуру и казуаров, саговую муку, бананы, ямс, клубни таро и рыбу.

Поэтому он очень рассердился, когда увидел, что мандур¹⁵⁴, заместитель старосты, принес ему рис. Он спросил:

— Что это за еда?

— Это рис, — ответил мандур.

— Но это же не мариндская пища! — сердито воскликнул Сосом.

Мандур объяснил ему, что рис — еда коричневых пиф-пафов, и рассказал, чем еще питаются чужеземцы.

Сосом поглядел на горшок, в котором лежал рис, и пожелал узнать, что это такое, потому что никогда не видел железа.

Мандур сказал:

— Это железный горшок, — и перечислил другие железные вещи, привезенные в страну пиф-пафами.

Многие из новых хороших вещей, кажется, понравились Сосому, и он пробурчал уже не так сердито:

— Йойо, если так, то пиф-пафы могут оставаться¹⁵⁵. Но будьте настороже, чтобы они не отобрали у вас еду¹⁵⁶!

Сосом и вправду не любит чужеземцев, и, если они станут в тягость маринд-аним и их соседям, он призовет духов умерших. Те явятся из Кондо-мирава и, как только увидят мариндского мужчину в одежде пиф-пафа, сразу же превратят его в камень или в рыбу¹⁵⁷.

В приведенном рассказе явно чувствуется враждебное отношение к чужеземцам, и, по-видимому, именно этому обязан культ Сосома своим широким распространением в период между двумя мировыми войнами. Однако сам культ существует уже давно, и это хорошо видно из следующего ниже рассказа о празднике совершеннолетия молодых людей, где Сосом — главное действующее лицо.

44. Пожиратель мальчиков

Едва зазвучит голос Сосома, женщины и дети покидают деревню. Следом за ними уходят и бурапы¹⁵⁸. Мужчины, знающие Сосома, подзывают больших мальчиков и вместе с ними отправляются на площадку великана. Но мальчишки очень его боятся. Идя к Сосому, мужчины не надевают никакой одежды и украшений, кроме головных уборов из перьев казуара. Мальчишки идут к нему совсем голые.

Всю ночь на площадке великана раздается пение. Но там не поют новых нгатси, а только те песни, которые похожи на этор людей канум. Их называют бандра¹⁵⁹. Когда певцы устают, слышится гудящий голос Сосома¹⁶⁰. Они пугаются и поют дальше. Едят же мужчины то, что оставляет им великан.

Наконец песни умолкают. Тогда является Сосом, лежавший до того у своего столба, и одного за другим забирает мальчиков. В то время как он пожирает второго, первый уже выходит из его заднего прохода. И так продолжается до тех пор, пока великан не сожрет и не про-

пустит через себя всех мальчиков. В теле Сосома мальчики становятся юношами ¹⁶¹, и когда они после праздника возвращаются домой, то уже надевают юношеские украшения. Молодые люди, ставшие людьми Сосома, имеют право видеть деревенскую гуделку, из которой исходит голос великана ¹⁶². Но если ее увидит тот, кто не прошел через тело Сосома, его убивают.

Так как люди Сосома выходят из его заднего прохода, они меж собой называют великана топ-анем («человек заднего прохода»). Его зовут так еще и потому, что вновь посвященные делаются женами Сосома ¹⁶³. Но это бывает только во время первого торжества.

После праздника Сосома справляют свиной праздник, как было в последний раз в Ндаманде ¹⁶⁴. И на нем пляшут под звуки ручных барабанов. А на собственном торжестве Сосома в барабаны не бьют и не танцуют, а только сидят и поют.

Когда Сосом явился в Бад ¹⁶⁵, живший там учитель ¹⁶⁶ запретил мальчикам идти на праздник великана. Но мальчики так боялись Сосома, что все-таки пошли к нему вслед за мужчинами. И только один из них остался в деревне с учителем.

Послушные мальчики возвратились от Сосома юношами. А непослушный так и остался навсегда мальчиком. Сосом сожрал его жизненную силу ¹⁶⁷. Правда, с виду он походил на обыкновенного живого человека: он и двигался и разговаривал. Но это был только живой труп. Никто в Баде не хотел больше иметь с ним дело. И потому учитель отослал его в Эрмасук ¹⁶⁸. Самого же учителя Сосом наказать не мог, так как над пифпафами он не властен.

В последнем случае особенно примечательно то, что из-за уважения к учителю никто не причинил строптивому молодому человеку никаких телесных повреждений. Раньше его, несомненно, убили бы. Все уверения учителя, что юноша находится в полном здравии, оказались напрасными. «Он мертв», — упрямо отвечали ему. Вера в силу Сосома была сильнее очевидных фактов.

Все пережитое в сновидениях маринд-аним также считают вполне реальным. И если они встретят какого-нибудь знакомого человека, смерть которого видели во сне, и удостоверятся, что он жив, то признают его воскресшим. Это представляется им более вероятным, чем то, что они во сне видели призрак. Они твердо убеждены в правильности своих взглядов и не могут понять чужеземцев, которые сомневаются в показаниях

честного человека. Так, однажды в Окабу явился один марицданем с девочкой-подростком на руках и пожаловался чиновнику администрации, амбонцу, что сосед убил и съел его дочь. При этом он показал девочку и сказал:

— Вот она, моя мертвая дочь.

Ссылка амбонца на то, что девочка выглядит живой и здоровой, не произвела на него никакого впечатления.

— Я сам видел, как он выел у нее внутреннее мясо,— утверждал жалобщик,— и теперь она мертвая.

Он был возмущен, что, несмотря на его показания, тут же не схватили и не наказали соседа, и усомнился в справедливости чиновника, не пожелавшего помочь ему в совершении мести. Сам же он, однако, из-за близости властей не отважился убить соседа. Что касается девочки, то вскоре после своей мнимой смерти она, кажется, снова ожила.

РАССКАЗЫ ОБ ОХОТЕ ЗА ГОЛОВАМИ

У маринд-аним есть пословица, которая ясно показывает, что охота за людьми ведется ими не ради человеческого мяса. Согласно их представлениям, она необходима для сохранения самого народа. Пословица гласит: «Отив па-игис — отив хон-ахон». Это означает: «Много имен, добытых в охоте за головами (букв. „черепных имен“) — много маленьких детей».

Чтобы иметь возможность дать ребенку имя, требуется череп и имя убитого. В Окабе одну девушку называли Игису — «Безымянная», так как в свое время, раздобыв для нее череп, не принесли с ним имени жертвы. Возвращаясь домой, охотники за головами все время повторяют про себя имя убитого.

В наше время охота за головами в прибрежной области уже не ведется, но внутри страны она, видимо, практикуется и до сих пор. Охотничьей вылазке предшествует продолжающееся в течение нескольких ночей кряду пение возбуждающих песен, которое приводит мужчин в соответствующее расположение духа. Иногда пение сопровождается игрой на флейтах, а йе-нан обходятся и ею одной. Так как эти песни не могут исполняться, если за ними не следует охота за головами, то их почти невозможно услышать. Те же мелодии, которые я слышал у йе-нан и которые так воодушевляли их мужчин, мне, во всяком случае, показались печальными и тоскливыми.

Окончив приготовления и захватив с собой необходимое оружие и запас саговой муки, мужчины выступают в боевой поход. Каждый имеет при себе запасные тетивы для лука и много бамбуковых ножей, которые могут служить также наконечниками для стрел. После многодневного марша через леса и болота охотники за головами на рассвете подкрадываются к деревне, на которую собираются напасть.

Тут каждый мажет себе лицо белым, чтобы в пылу схватки свои по ошибке не приняли его за врага. Затем охотники с криком врываются в деревню и нападают на не успевших опомниться жителей. При этом стараются схватить взрослых людей живыми. Двое воинов крепко держат пленника, а третий подходит к нему спереди и спрашивает его имя и прозвища, чтобы принести домой как можно больше трофейных имен для своих детей. Потом идет в дело бамбуковый нож. С добытыми головами, прихватив с собой маленьких детей убитых (этих детей впоследствии усыновляют), охотники поспешно отправляются в обратный путь.

По представлениям маринд-аним и их соседей, между земным и потусторонним миром нет резкой границы. Как демоны, почитающиеся предками, повсюду оставляют следы своей дея-

тельности, так и мертвые продолжают оказывать влияние на живущих. Черепа убитых врагов излучают таинственные силы, которые, как думают, нужны для процветания общины. А благо общины превыше всего, и перед ним отступает всякое уважение к людям из чужих племен. Отсюда и проистекает непостижимая на первый взгляд беспощадность маринд-аним к своим жертвам. Из людей, которые готовы пожертвовать собой ради интересов общины и которые образцово ведут себя по отношению друг к другу, являются примерными отцами семейств и отличными сыновьями, они вдруг становятся кровожадными убийцами, расправляющимися с невинными и без колебаний поедаящими себе подобных, даже не считая это за преступление.

С каннибализмом это не имеет ничего общего. Правда, убив врага, маринд-аним съедают его, если могут. Но людоедство никогда не служит побудительной причиной убийства.

Основным местом, куда маринд-аним совершают свои вылазки за человеческими головами, является область верхнего течения Дигула.

То, что жестокость и доброта имеют одни и те же корни, доказывает история старого Дадабая из Докиба, у которого один за другим умерло двое взрослых сыновей. Однажды он увидел своих сыновей во сне. Что он после этого должен был, по его мнению, предпринять, рассказал сам Дадабай.

45. Мечь Дадабая

Оба мои сына были еще совсем молодыми¹ и очень хорошими людьми. Один из них, старший, уже имел своего сына в возрасте патур². Но вот кто-то околдовал его. Он тяжело заболел и, прежде чем появился новый месяц, умер. Мы сделали из него песочного человека³, а сами надели траурные наряды⁴. Когда мы еще носили их и до поминок⁵ было далеко, кто-то околдовал моего второго сына, и он тоже умер.

Я очень горевал и все время думал, кто бы это мог их околдовать. Однажды ночью ко мне явились души моих сыновей. Вдруг к ним подошел Имоан из Вамала, подлый мезав-анем, камбала-анем⁶, и укусил их в локоть. Он высосал у них внутреннее мясо, и они погибли.

На следующее утро я взял свою палицу и отправился в Вамал. Переплыл на лодке реку, остановился у самой деревни и позвал Имоана. Он подошел ко мне с таким видом, будто не сделал ничего дурного. Тут я ударил его палицей по голове и убил. Потом я опять сел

в свою лодку и, довольный, поплыл обратно. Люди из Вамала отнесли Имоана в деревню, но преследовать меня не стали.⁷

В Докибе все сказали, что я поступил правильно. Но вскоре пришли полиси-аним⁸ и отвели меня в Эрмасук, в Буи⁹. Однако туан донтол¹⁰ сказал, что я старик, и велел поместить меня не в Буи, а в больницу. Здесь очень даже хорошо, но мне все-таки хотелось бы вернуться в Докиб. Почему мне этого не разрешают? Я же не сделал ничего плохого. Ведь любой отец обязан отомстить колдуну, убившему его сыновей.

Вскоре после этой истории Дадабай умер, так и не успев вернуться в родную деревню. Правда, там вряд ли его ждал хороший прием. Жители Докиба и их соседи из деревни Йовид после ошеломляющей победы хилого Дадабая над сильным Имоаном заподозрили старика в колдовстве и начали бояться его возвращения. Между тем Дадабай был весьма добродушным человеком и сделал только то, что почитал своим отцовским долгом.

Тюрьму маринд-аним и их соседи не считают позором. В нее очень легко попасть, сделав что-либо, что противоречит законам чужеземцев, но что по местным обычаям вполне дозволено или даже необходимо. Так, например, считается, что при рождении двойни второй ребенок — дема и его надо убить, ибо демонов достаточно и без того. Когда в 1933 г. в Йовиде у одной женщины, по имени Вепиб, родилась двойня, ее муж, Дево, так и поступил. И они оба были крайне удивлены, что угодили в тюрьму: ведь они спасли мир от лишнего злого демона и, по их мнению, заслуживали только похвалы.

Несправедливо наказанными чувствовали себя и жители одной деревни с верховьев реки Кумбе, ненароком убившие пришедшего к ним китайца, который своим возмутительным поведением вынудил их к защите. О данном случае рассказали мне сами жители деревни во время своего пребывания в «Буи».

46. Съеденный китаец

К нам в деревню явился один китаец, но не добрый, как Баба Тенах¹¹, и даже не такой, как Капала Лиджин¹². Это был очень плохой человек, крокодил-анем и насильник женщин. Он пригрозил нам своим ружьем и сказал: «Если вы не дадите мне достаточно кокосовых орехов, я всех вас перестреляю». Мы принесли ему столько орехов, сколько он хотел; получилась целая куча, больше той, в какую откладывают яйца сорные куры¹³.

Китаец обрадовался и, верно, подумал, что сможет взять у нас все, что только пожелает, раз ничего не дал нам в обмен за кокосовые орехи. И так как он был нехорошим человеком, то схватил за локоть одну девушку в возрасте иваг и хотел забрать ее с собой. Но у этой девушки были отец, и брат отца, старшие и младшие братья, и двоюродный брат, и еще молодой человек в возрасте меаким¹⁴, который собирался на ней жениться. Все они пришли со своими палицами и, чтобы заставить насильника отпустить девушку, стукнули его по голове. Тут он повалился на землю и умер. Кто из мужчин убил его, мы не знаем. Но били его все.

Собственно говоря, мы хотели только отнять у него девушку, а он взял да и умер. Мы обступили его со всех сторон и долго обсуждали, как быть. Некоторые говорили: теперь придут полиси-аним. Но что они могли нам сделать? Ведь это китаец поступил плохо, а не мы.

Люди забрали свои кокосовые орехи и снова стали советоваться. Вдруг один старик взглянул на небо и сказал:

— Когда вы его убили, солнце стояло там, а сейчас оно здесь¹⁵. Если вы не кончите говорить до его захода, то китайца уже нельзя будет есть: он начнет вонять.

Тогда мы разрезали его на части, мелко разделали мясо, и женщины испекли его с саговой мукой. Китаец оказался на редкость вкусным, куда вкуснее обычного человека¹⁶ и много-много вкуснее, чем свинья.

Вскоре об этом услышали люди из соседних и прибрежных деревень, а от них и пиф-пафы в Эрмасуке. Они прислали к нам полиси-аним, и те спросили, кто убил китайца. Тогда все, кто бил его, назвали себя. Потом полиси-аним захотели узнать, кто его ел. И тут всем нам пришлось пойти с ними в Эрмасук¹⁷.

Здесь, в Эрмасуке, туан Бентир¹⁸ спросил у нас, кто бил китайца. Потом он пожелал узнать, почему мы его съели. Мы ответили, что он все равно уже был мертвый и нам стало жалко, чтобы зря пропадало такое хорошее мясо¹⁹. Туан сначала рассердился, но потом рассмеялся. Он сказал: мы не должны сами убивать плохих людей, а обязаны позвать полиси-аним. Но до тех пор, пока они добрались бы до нас²⁰, китаец наверняка успел бы причинить девушке зло²¹.

И все-таки нас посадили в Буи. Почему нас здесь держат? Китаец ведь был плохой, а когда мы его ели, он уже давно умер. Нельзя же выбрасывать хорошее мясо!

Вследствие отсутствия злого умысла со стороны людей с Кумбе их подвергли весьма мягкому наказанию: участники избиения получили восемь дней тюремного заключения «за недовольное сборище», а участники пиршества — восемь дней «за хулиганство» с предупреждением, что при повторении подобных случаев к ним будет применена статья об осквернении трупов. Любопытно отметить: все обвиняемые подчеркивали, что они уже не охотятся больше за человеческими головами и что череп и кости убитого зарыли у своих кокосовых пальм, чтобы, согласно старым верованиям, пальмы лучше плодоносили. Кстати сказать, это одна из основных причин, по которой в культуре Майо и культуре Имо убивают людей.

Но если участники расправы над китайцем считали свое заключение в «Буи» несправедливым делом, то совершенно по-иному относился к этому некий Кебан, прославившийся в племени маклеуга как охотник за человеческими головами. Он был преисполнен чувства собственного достоинства, и ему даже в голову не приходило, что пребывание в тюрьме является наказанием. Скорее он был польщен своим заключением и долгое время после освобождения с гордостью рассказывал о нем в родной деревне Вельбути.

47. Почетный гость

Мы, маклеуга, всегда отличались храбростью²². Правда, когда мой дед был еще молодым, на нас иногда нападали люди Имо из деревень Сангасе и Алатепе. Но потом они стали нас очень бояться и больше не показывались²³.

Мы добывали много голов, большей частью у маринд-аним с Эли и Булаки, пока они не сделались нашими друзьями, как ябга. Еще мы доставали головы у дигул-аним²⁴, пока они от страха перед нами не перебрались в Имаху. Там они поселились с маринд-аним²⁵ и потому тоже оказались нашими друзьями. Но не могли же мы обходиться без голов, иначе что стало бы с нашими детьми?

Тогда Миту²⁶ сказал: надо пойти за головами к сохурам²⁷. Их все очень боятся, потому что они сами отличные охотники за головами. Но мы не испугались, и жители деревни Накеас тоже. Вот мы и отправились

в Мабур²⁸. Однако там люди проснулись слишком рано, еще до того, как мы напали на них. И они убили сына Миту и многих других маклеуга.

Тогда мы пошли в Имохи²⁹, и старый Казима, который живет там и является нашим другом, посоветовал нам позвать полиси-аним из Окабы и сказать им, что негодные сохуры убили сына Миту и других людей. Полиси-аним пришли с нами в Мабур, но сохуры уже скрылись, и мы нашли там только кости наших друзей.

Туан, пришедший с полиси-аним³⁰, не захотел преследовать беглецов и вместе с нами вернулся в Имохи. Он отослал многих маклеуга домой, в Вельбути, а мне, Миту, Экеду и Сипале из Накеаса сказал, что хочет познакомиться с нами поближе, так как мы большие охотники за головами. Мы очень обрадовались и пошли с ним в Окабу, а потом на большой лодке³¹ поплыли в Эрмасук. Полиси-аним на всем пути были с нами очень приветливы³².

В Эрмасуке старший туан устроил собрание и спросил нас, как проходила охота за головами³³. Потом он велел отвести нас жить в Буи. Некоторые полиси-аним говорили еще: ее надо называть не Буи, а Секóла³⁴.

Туаны отнеслись к нам по-дружески, и в Буи было очень хорошо. Они знали, как подобает принимать больших охотников за головами. Это был очень красивый дом с крышей из железа, и туда ни разу не проходил дождь, как это бывает в Вельбути. Каждый день нас кормили рисом. Он намного вкуснее саговой муки³⁵. Когда прошло несколько дней, мы получили еще и табак, и с тех пор у нас всегда было что жевать. Дома мы этого не имели. Кроме того, полиси-аним дали нам по красивому куску ткани, чтобы мы обвязались³⁶. Они только не разрешали разводить по ночам огонь, и оттого нам было немного холодно спать. Но все-таки они поступали правильно, потому что пол в Буи был не земляной, а деревянный, и, если бы мы развели там спальный огонь, красивый дом, вероятно, сгорел бы, и его было бы жаль.

В Буи жили еще и другие гости, главным образом маринд-аним, а также несколько людей канум и йе. Все они были большими охотниками за головами или знаменитыми колдунами, и всех их пригласил туда старший туан. Каждый из нас получил большой нож³⁷,

каких мы еще никогда не имели. Он был необыкновенно хорош и очень удобен для отсекаания голов, куда удобнее, чем бамбуковый. Полиси-аним сказали нам, что мы должны срезать им траву на улице. А улица там широкая, как много наших дорог вместе³⁸, и по краям ее росла трава, в середине же — ничего, как и на наших дорогах. Мы пошли и срезали траву, потому что тот, кого так хорошо принимают, должен и сам сделать что-либо приятное гостеприимному хозяину!

Рассказ Кебана о тюрьме и мелком человеческом тщеславии пойманных охотников за головами не дает, однако достаточно ясного представления о том, что поход против сохуров был прежде всего ужасным и опасным предприятием. Значительно отчетливее обнаруживается это в рассказе, который поведал мне Экед³⁹.

48. Поход на Мабур

Сохуры — очень плохие люди. Ты знаешь: недавно они напали на мариндскую деревню Амк⁴⁰. Сохуры забирают не только головы своих врагов, но вообще всего человека и целиком поедают его, оставляя только внутренности. Больше всего они любят есть мозг и высасывать костный жир из нижней челюсти. И когда они возвращаются домой с охоты за головами, все уже съедено. С собой они приносят одни лишь черепа⁴¹. А кости, которые другие люди зарывают у своих палым, чтобы те лучше плодоносили, они просто выбрасывают. И когда они отсекают голову, то не спрашивают имени, как это делаем мы. Они думают, для детей достаточно одних черепов, но это совсем неверно! Мы же приносим домой и черепа и имена убитых⁴².

Все люди боятся сохуров, только маклеуга их не боятся⁴³. И мы всегда ходим в Мабур и в Лолому⁴⁴. Это наши главные места охоты за головами. Раньше у нас, в Вельбути, имелось столько черепов, сколько у человека пальцев на руках и ногах⁴⁵. Некоторые из этих черепов мы добыли у людей озэр, которые потом стали нашими друзьями, некоторые — у охотников за райскими птицами, но большинство из них были черепами сохуров. Такого нет ни в какой другой деревне, потому что никто, кроме нас, не осмеливается нападать на них.

Есть такие люди, которые знают много языков и потому могут ходить из одного племени в другое без всякого вреда для себя ⁴⁶. Такой человек Аду, а раньше был еще и Буме ⁴⁷. Это хорошо, что бывают такие люди. Благодаря им мы достаем красную земляную краску и узнаем, что делается в других племенах.

И вот однажды в Мабуре сохуры убили одного такого человека, нашего друга ⁴⁸. Миту рассердился, потому что это было очень несправедливо и потому что он сам очень его любил. Он сказал: мы должны отправиться в Мабур и отомстить сохурам. Кебан согласился с ним, и многие мужчины тоже поддержали его. Но нас было недостаточно, и потому мы сначала направилась в Кивалан, к маринд-аним. Однако те не пожелали идти с нами, так как боялись сохуров. Тогда мы пошли в Накеас и спросили там мужчин, не хотят ли они присоединиться к нам. В Накеасе живет наш друг Сипале, и он, а с ним и многие другие молодые люди согласились пойти с нами на Мабур. Так у нас набралось очень много воинов ⁴⁹.

Мы взяли наши луки, много стрел, тетиву, бамбуковые ножи, хороший запас саговой муки, сели в однодеревки и поплыли через большое болото. В Бобаре и Тсуду мы поспали, а потом пришли в Ваб, где живут люди озэр.

Они, верно, подумали, что мы собираемся на них напасть, и убежали. Но их лодки оказались на месте. Мы срубили саговые пальмы озэр и велели нашим женщинам ⁵⁰ приготовить побольше муки для боевого похода. Затем отослали домой женщин с несколькими старыми мужчинами, а сами ночью на озэрских лодках переправились через Дигул. У деревни Ваб он так широк, как Мули ⁵¹, но все же нас никто не заметил.

Дальше мы пробирались лесом и, чтобы не выдать себя, за весь день ни разу не развели огня. Так мы добрались до Мабура и на рассвете со всех сторон окружили деревню. Она состояла из нескольких небольших домов, расположенных на высоких деревьях; в таких домах обычно живут дигульцы и сохуры. Кроме того, внизу стоял большой дом для многих людей. В Мабуре все еще спали. Мы вымазали себе лица белой краской, чтобы в бою можно было узнать друга друга, и стали ждать, пока в лесу не закричит первый бегонский го-

лубь⁵². По его крику мы все сразу должны были напасть на деревню.

Но голуби молчали, и пока что проснулся какой-то сохур, которому понадобилось сходить по нужде⁵³. Он шел из деревни сквозь высокую траву совсем один, и, когда это увидел юноша Маге, он не смог совладать с собой и проткнул сохура охотничьим копьем. Мужчина громко вскрикнул и умер, прежде чем Маге успел узнать его имя. Тогда юноша быстро отрезал ему голову.

Между тем проснулись и выбежали из домов другие сохуры. Они размахивали своими щитами и длинными копьями с зубчатыми наконечниками. У некоторых были луки или кинжалы из нижней челюсти крокодила⁵⁴. Но вот они побросали свои щиты⁵⁵ и кинулись на нас. Одного мужчину из Накеаса сохуры закололи копьем. Потом один из них выстрелил из лука в сына Миту, и тот упал. Миту в ответ пустил стрелу в убийцу своего сына, но только ранил его в ногу.

Нам пришлось бежать. Сохуры своими деревянными трубами подняли тревогу, и к ним на помощь прибывали все новые и новые воины. Они бросились за нами в лес. Веленг, Мели, Маге, Байгау и еще один мужчина из Накеаса были убиты ими, а вечером сохуры застрелили еще старого Ивора. Но тут совсем стемнело, и они отстали от нас. Мы не смогли забрать ни одного из наших убитых товарищей и были рады, когда сами наконец снова очутились в деревне Ваб.

Там мы отыскивали спрятанные нами лодки, а затем через Тсуду и Бобар опять пришли в Накеас — без черепов и без захваченных детей. Накеасские жители очень горевали об утрате двух своих земляков. Но еще больше скорбел Миту, потому что он сильно любил своего сына и не мог его даже похоронить.

Путь из Накеаса в Вельбути лежит через Кивалан. А киваланцы, особенно Пангапу⁵⁶, предостерегали нас от похода на Мабур и отказались идти с нами. Мы боялись, что теперь они нас засмеют, и стыдились встречаться с ними⁵⁷. Поэтому мы пошли в Пуэпэ⁵⁸, чтобы потом через привалы Пхибхиб и Апель возвратиться в Вельбути.

В Пуэпэ живет наш друг, старый Казима. Мы попросили его, чтобы он со своими друзьями помог нам совершить новый поход на Мабур и отомстить за погибших

товарищей. Но Казима сказал, что никак не может этого сделать, потому что тогда наверняка явятся полиси-аним и сожгут Пуэпэ. Однако, добавил он, мы сами могли бы сходить в Окабу и заявить полиси-аним, что сохуры убили так много людей из Вельбути и Накеаса. Тогда, наверно, они сами пойдут с нами в Мабур, и, так как у полиси-аним есть ружья, мы легко победим сохуров.

Совет Казимы нам понравился, и мы с Кебаном, Сипале и Миту, который все еще очень горевал, отправились в Окабу. По пути на нас косо поглядывали ати-аним из деревень Йомоб и Явиму, потому что мы не дружим с ними, как с ямули-аним⁵⁹. Но все же мы благополучно добрались до Окабы.

Хозяин полиси-аним велел им взять свои ружья и большой запас риса, и вскоре мы вместе с ними пришли в Пуэпэ. Там уже многие мужчины приготовились сопровождать нас в Мабур, так как думали, что совместно с пиф-пафами будет нетрудно добыть головы сохуров. В числе других собрался пойти туда и озэр-анем Буме, тот самый, что знал много языков. Дорога нам тоже была уже известна.

И так мы снова подошли к Дигулу и переправились через него у деревни Ваб. На другой стороне реки нам неожиданно повстречалось много сохуров из Лоломы, которые в однодеревках возвращались с охоты за головами от людей озэр. Хозяин полиси-аним крикнул им, чтобы они остановились, а Буме перевел его слова. Но сохуры в ответ только громко закричали и презрительно замахали своими щитами и копьями, а женщины, что были с ними, неистово забарабанили в борта лодок.

Тогда полиси-аним стали стрелять, и лоломцы бежали. В лесу мы нашли одного из них, раненого. Но тот сказал, что он вовсе не сохур, а озэр. И потому мы не могли взять его голову.

Миту и Буме повели полиси-аним и людей из Имохи в Мабур. Но оттуда уже все сбежали. Мы обнаружили там лишь свежие могилы и несколько разбросанных костей, с которых сохуры обглодали все мясо. Хозяин полиси-аним велел раскопать могилы, однако черепов в них не оказалось. Не было их и в домах. Очевидно, сохуры, убегая, забрали их с собой. Но в одном из домов Миту нашел защитный наручник⁶⁰ своего сына, и теперь он знал, что сохуры прикончили его и съели.

Деревню мы сожгли, но преследовать сохуров дальше хозяин полиси-аним не захотел, и нам пришлось ни с чем вернуться обратно.

Из Пуэпэ меня, Кебана, Миту и Сипале полиси-аним взяли с собой в Эрмасук, где мы много месяцев провели в Буи. Миту все еще хранит у себя наручник своего сына и, когда он смотрит на него, делается печальным и злым.

Буме, бывший нашим проводником, больше ни разу не осмеливался ходить к сохурам. Но Аду однажды побывал у них, и они сказали ему, что, если к ним снова придут полиси-аним, они всех их перебьют. И все же мы должны будем еще раз сходить с ними туда, а если полиси-аним не захотят, мы пойдем сами. Мы не потерпим, чтобы в домах сохуров оставались черепа маклеуга! Все боятся сохуров, но мы все равно еще отомстим им ⁶¹.

К сожалению, рассказ Экеда не выдуман, а основан на подлинных фактах, которые были подтверждены также служащими администрации и полицейскими и могут быть еще дополнены показаниями Сипале из Накеаса и Казимы из Пуэпэ ⁶². Согласно всем этим данным, описанное событие произошло в 1927 г.

Насколько важны добытые черепа для тех, кому присваивают имена убитых, видно из рассказа о похоронах мужчины, принадлежащего к союзу Майо. Такой обряд совершался ранее в деревнях, расположенных к западу от Окабы.

49. Баклан и череп

Когда умирал мужчина из союза Майо, его, как и других людей, быстро зарывали в землю. Потом товарищи по союзу ждали, пока пройдет столько дней, сколько у человека пальцев ⁶³, и тем временем строили возле деревни небольшую хижину. Другие в это время приводили в порядок обрядовые маски ⁶⁴.

Затем из мужского дома приносили череп, который был добыт для умершего еще в бытность его младенцем. Череп клали на открытую площадку, а в хижину входил баклан-дема ⁶⁵. Он забирался в нее с самого утра и долго сидел там, то и дело вскакивая и беспокойно перебегая с места на место.

На площадке стояли другие демы — аист и несколько собак — и держали под мышками пестрые пучки кротовых листьев. А вокруг них стояли люди Майо.

Баклан то вскакивал, то снова на некоторое время успокаивался. И так продолжалось до полудня. Тут на площадку выходило двое галиносцев. На головах и плечах они несли два гали — огромных, побеленных известью полукруга из легкой сердцевины черенков саговой пальмы.

Едва появлялись галиносцы, из хижины выскакивал баклан, подбегал к черепу и, схватив его обеими руками, бежал прочь. При этом он расставлял локти в стороны, так что его руки делались похожими на крылья. Убегая, он кричал, как птица: «Ко-ко-ко-ко».

Галиносцы замирали на месте. А аист, раскачиваясь и махая крыльями — он тоже выставлял в стороны локти, — шел к баклану. За ним, разгребая землю, следовали собаки. Тогда галиносцы ударяли в свои ручные барабаны и медленно направлялись вслед за демами.

Это служило для молодых людей⁶⁶ знаком — броситься на баклана и отобрать у него череп прежде, чем то успеют сделать демы. Потом они со всех ног убегали с ним в лес. Там они зарывали череп в землю, чтобы отныне было похоронено не только тело умершего, но и его черепное имя.

Гнаться за молодыми людьми в лес демы не могли, потому что им мешали большие маски. Аист и собаки поворачивали обратно, а следом за ними медленно возвращались на площадку Майо и галиносцы. Они шли медленно, так как гали, которые они несли, были очень велики.

Все люди Майо, стоявшие у хижины баклана, хорошо знали, что означало появление галиносцев: если их было двое, то на торжественной площадке убивали для дем двух непосвященных. Если же являлся только один, то приносили лишь одну жертву. А если приходили три⁶⁷ галиносца, тогда убивали трех человек.

Позднее по-аним решили, что охота за головами — плохое дело, и мы стали прятать от них добытые черепа. Жизненную силу из голов люди Майо колдовством переносили в кокосовые орехи, и таким образом нам все-таки удавалось незаметно для по-аним хоронить черепные имена.

Несколько по-иному относятся к черепам пресловутые сохуры. У них после торжеств по поводу успешного возвращения воинов с охоты за головами трофейные черепа больше не игра-

ют такой существенной роли, как у маринд-аним или их соседей, и на первом плане стоят заботливо охраняемые черепа собственных предков. Но и сохуры считают охоту за головами необходимой, когда собирается жениться молодой человек или когда в доме устанавливают череп предка. Истинными виновниками этого являются прежде всего женщины, которые и посылают своих мужей и сыновей на добычу черепов, потому что у сохуров в отличие от других племен господствует материнское право ⁶⁸.

По той же причине принял участие в охоте за головами и юный Генемо из сохурской группы энемур ⁶⁹. Позднее, находясь в мераукской тюрьме, он поведал свою историю, однако при этом из боязни быть осмеянными товарищами по заключению умолчал о ведущей роли сохурских женщин.

50. История Генемо

Старые мужчины из моей родной деревни Обамена условились с людьми из других энемурских деревень, что мы снова пойдем на охоту за головами. Мужчины из Когоира и Ванггайму также присоединились к нам. Как раз кончалась пора дождей, и это казалось нам особенно удобным, так как еще можно было легко переправиться через большое болото на лодках.

Мы поплыли вниз по Обахе, потом по Мапи, до ее устья, вышли в Каваргу ⁷⁰ и наконец в Або ⁷¹ и ночью миновали деревню Ваб, так что никто из озэр нас не увидел. Возможно, они сбежали, но если они и оставались в Вабе, то все равно не заметили бы нас, потому что мы были на другой стороне ⁷² Або, вели себя совсем тихо и не разводили огня. Потом мы проплыли еще большой кусок вверх по Або, спрятали наши лодки и через лес и болото пошли к деревне Амк. Это мы сделали уже ночью, чтобы нас не могли увидеть маринд-аним, а особенно остерегались мы встречи с жителями Имаху ⁷³.

Рано утром вы подошли к Амку и окружили деревню. Мы заранее условились ни в коем случае не трогать учителя, потому что он — по-анем и из-за него могут быть большие неприятности. Но мариндских голов мы хотели добыть как можно больше ⁷⁴. Ведь и самих нас было очень много: Гаен, Вейт, Обоньемо, Аваморгай, Муйебо и Адай — из энемуров, Геймаф и Додам — из Ванггайму и многие другие.

Все шло прекрасно. Мы напали на жителей Амка, когда они еще спали, и многих из них убили своими

копьями, а потом отрезали у убитых головы⁷⁵. Кроме того, мы забрали у них детей. Наконец жители Амка опомнились и стали защищаться. Тогда мы отошли, прихватив с собой оружие убитых врагов⁷⁶. Когда мы снова собрались в лесу, оказалось, что у нас нет ни одного убитого или раненого. Мы потеряли только два щита: один — в Амке, а другой — у спуска к реке Кейп. Люди из Амка не посмели преследовать нас, и мы были рады, что добыли черепа, никого не потеряли и не тащили за собой раненых.

Маленькие дети, захваченные нами в Амке, также были очень милы, и женатые мужчины с радостью думали о том мгновении, когда они смогут передать их своим женам⁷⁷. И только одна девочка не годилась уже для удочерения. Она была в возрасте хомбог⁷⁸ и всю дорогу беспрерывно плакала и звала родителей. Мы уже добрались до Або, а она все еще упиралась и кричала. Тогда мужчина, взявший девочку, рассердился и заколол ее.

Так как прошло уже два дня и мы думали, что находимся в безопасности, то сделали привал и стали есть девочку с саговой мукой. Вдруг все вскочили и разбежались. Оказалось, пришли чужеземцы⁷⁹. Всем нашим удалось спастись, но меня они поймали и повели с собой.

Сперва чужеземцы пошли со мной к энемурам и в Когоир. Никого из сохуров там не было, и потому чужеземцы забрали только черепа⁸⁰. А еще взяли оружие, которое мы добыли в Амке, — лук со стрелами и чудесный железный топор, какие делают чужеземцы⁸¹.

Потом они повели меня в Ваб, Тсуду и Бобар и через большое болото в Мохмон⁸². Оттуда мы пошли в Имохи, и, конечно, если б не чужеземцы, меня там убили бы. И в Вапе и в Явиму тоже все люди были на меня злы, хотя я не сделал им ничего плохого. Напоследок мне пришлось пойти с чужеземцами в Анау⁸³, а потом в Окабу, и все это время я должен был носить их еду. И мне ни разу не позволили сходить в лес одному, даже когда этого требовали мои кишки⁸⁴. Из Окабы мы на большой лодке поплыли в Эрмасук, и тут меня поместили в Буи.

Чужеземцы сказали мне, когда наступит новый месяц, я могу уйти домой. Но у меня не хватит на это смелости. Ведь по пути маринд-аним непременно убьют меня, как только заметят, что я сохур.

Можно было бы думать, что этот Генемо, который ни одним словом не выразил сожаления по поводу своего участия в капибальской трапезе, какой-то особенно жестокий человек. На самом же деле это был скромный и услужливый мужчина, отличавшийся приветливым и веселым нравом. Конечно, в глубине души он все-таки чувствовал некоторое превосходство над своими товарищами по заключению, ибо они были «всего лишь» маринд-аним.

После освобождения из тюрьмы Генемо ни за что на свете не пожелал идти через их область. Он отказался также от предложения отправиться вместе с одним миссионером к проливу Принцессы Марианны, к мирным йильмекам, чтобы потом от них с кем-либо из признанных у сохуров переводчиков и посредников — озером Нгапе или его сыном Йери из Валави — попытаться вернуться к себе домой. Возможно, он опасался, что йильмеки как друзья маринд-аним будут считать его своим врагом, а может быть, его уже не привлекала перспектива возвращения к строгим матриархальным обычаям. Так или иначе, но он присоединился к одному индонезийскому лекарю, который должен был принять заведование небольшой больницей на острове Фредерика-Хендрика, в центре области болотных людей.

Там, в маленькой деревушке Кимаам, среди миролюбивых людей племени пуэраха, Генемо со временем смог жениться, и именно на основе патриархальных принципов. Правда, для этого понадобилось вмешательство извне, ибо Генемо был мало способен к языкам и три месяца спустя после своего прибытия в Кимаам еще не знал ни слова по-пуэрахски. Только одна молодая девушка, по имени Вандика, покойная мать которой была родом из маринд-аним, немного понимала его. Вандика очень ему понравилась. Но так как он не имел возможности встречаться с девушкой, а ее отец не понимал его, то Генемо даже не мог к ней посвататься.

Так обстояло дело, когда я прибыл к Кимаам и сам стал перед вопросом, где бы найти переводчика. Позднее в Мерауке мой повар-индонезиец Али бин Халим из Банды рассказал другим по-аним эту историю. Так что на сей раз вместо новогвинейца пусть слово получит индонезиец.

51. Замужество Вандики

Мы пришли в Кимаам вконец обессиленными, так как от побережья долго плыли вверх по реке Дамбу, а потом еще большой кусок от реки до деревни пробирались через болото по древесным стволам, цепочкой уложенным в вязкой глине. Болотные люди называют это «хорошей дорогой».

Меня трясла лихорадка, и моему туану⁸⁵ было от меня мало проку. Во всяком случае, теперь я перешел на попечение амбонца из больницы, и он дал мне хини-

ну. Туан же по своему обыкновению постарался как можно скорее познакомиться с болотными людьми. Он заговорил с ними по-мариндски. Но они, хотя и сделали приветливые лица, совершенно его не поняли, а амбонец не имел времени помочь ему, потому что кроме меня у него было еще много больных. Туан снова и снова пытался завязать разговор, но из этого ничего не вышло.

Но вот к нему робко подошла какая-то девушка и спросила его по-мариндски, чего он хочет. Он сказал: «Хворосту для костра и питьевой воды и чтобы завтра ты пошла со мной, потому что мне надо получить у кимаамцев кое-какие вещи в обмен на мои товары». Это была дочь одного кимаамского мужчины и мариндской женщины, которой, правда, уже не было в живых. Оттого девушка и знала два языка.

Звали ее Вандикой, и она производила впечатление довольно умной девушки. Вандика велела сейчас же принести требуемое и сказала людям, чтобы они развели у наших постелей дымный костер. Болотные люди делают это для защиты от москитов, и оттого все они сильно кашляют. Нам же такой костер был совсем не нужен, так как у нас имелись противомоскитные сетки, однако Вандика этого не знала. И сама она вместе со своим отцом и младшей сестрой тоже спала всегда в густом дыму.

Потом к нам явился Генемо, который раньше сидел в тюрьме в Мерауке. Он сердечно приветствовал нас и остался с нами на ночь. Но, как оказалось, кимаамского языка он еще не понимал.

На следующее утро Вандика была уже тут как тут, и туан пошел с ней по деревне. Он долго говорил с людьми и выменял у них много вещей, главным образом за стеклянные бусы, спички и табак. Генемо все время сопровождал их, и они втроем заходили во все дома. Только в мужской дом девушка не пошла, потому что это было запрещено. Туан и Генемо, конечно, могли пойти туда сами, но им все равно не удалось бы там ни с кем поговорить.

Так они вместе провели несколько дней, обходя всех жителей деревни, и Вандика положила немало труда, чтобы помочь им и туану понять друг друга. Но однажды вечером она сказала моему туану, что ее отец очень

сердится, потому что она совсем перестала ходить в огород, а уже пора полоть сорняки.

Чтобы успокоить старого человека, туан с Вандикой, но без Генемо пошел к нему и спросил, что он желал бы получить в возмещение убытка, раз его дочь теперь не работает на него. Что Вандика перевела, туан не понял, но, во всяком случае, ему пришлось дать старику много разных вещей: табак, орехи бетеля, спички, жестяную коробку с зеркальцем, три рыболовных крючка⁸⁶, стеклянные бусы и маленький ножик. Вандика получила большую и красивую низку стеклянных бус, которой она очень гордилась, а ее сестра — маленькую. Так что все остались довольны.

На следующий день в Кимаам из глубины острова явился мужчина по имени Томбо. Он жил в Йоубие, деревне, до которой можно было добраться через болото только на однодеревках. Когда-то этот Томбо побывал у маринд-аним и убил там человека⁸⁷, за что и отсидел в тюрьме в Мерауке. От своих товарищей по заключению он научился говорить по-мариндски. Туан решил, что он будет для него подходящим переводчиком, и тут же отправился с ним в мужской дом. О Вандике и Генемо туан, вероятно, уже и не думал, но они продолжали хлопотать о дровах и воде, а сохур по ночам спал возле нас в больничных сенях.

Туан договорился с Томбо и несколькими жителями Кимаама, что они отвезут нас в Йоубие. Сразу же за деревней начиналось большое саговое болото. На другое утро мы пришли туда и сложили в лодки товары для обмена, рис, кухонную утварь и вообще все, что брали с собой в дорогу. Потом уселись сами. Правда, сидеть было не очень удобно, так как лодки болотных людей довольно маленькие. Но в общем все шло хорошо, и даже моя лихорадка больше меня не беспокоила.

И хотя мы уже подготовились к отплытию, кимаамцы почему-то медлили.

— Чего же вы ждете? — спросил туан.

Тогда все засмеялись, а один из них что-то проговорил. Томбо перевел:

— Они спрашивают, разве ты не хочешь взять с собой жену?

— Какую жену? — удивился туан, потому что он оставил свою жену в Германии.

Томбо недоумевающе посмотрел на него и сказал:

— Вандику. Ты же так много дал за нее ее отцу.

Тут мой туан совсем побледнел и говорит:

— Али, что же нам теперь делать?

Я сказал:

— Ты дал ее отцу столько разных вещей, что она теперь принадлежит тебе. Но если ты не желаешь ее брать, может быть, ее возьмет Генемо. Мне кажется, он не будет против.

Люди позвали Генемо, и действительно я оказался прав. Он очень хотел получить Вандику, но ее отец требовал за нее подарка, у Генемо же ничего не было, и он печально глядел то на туана, то на девушку.

Туану стало жаль юношу, и он дал ему две полные пригоршни табаку. Генемо передал табак отцу Вандики, и тот сразу же согласился, чтобы она стала женой сохура, тем более что подарки туана за разрешение Вандике быть переводчицей также оставались при нем.

Генемо был счастлив, а Вандика от смущения засунула в рот большой палец и причмокнула. Но и она тоже очень радовалась, что станет женой Генемо. Таким образом, все были рады — и Генемо, и Вандика, и ее отец, а больше всех туан. Потом мы снова сели в лодки и поплыли в Йоубие.

Али почему-то умолчал, а точности ради об этом следует упомянуть, что в деревни болотных людей мы ездили не только с ним вдвоем, но с нами были также двое голландских миссионеров, еще один повар-малаец и трое маринд-аним, которые, кстати сказать, вовсе не относились к Генемо враждебно — возможно, потому, что сами находились в чужой стране.

Если бы Генемо сопровождал нас на север острова, он встретил бы там своего земляка, также попавшего на чужбину из-за охоты за головами. В деревне Тьюам, расположенной на берегу Каутьяма, впадающего в море у самой северной точки острова Фредерика-Хендрика, мы обратили внимание на одного мужчину, более энергичного, чем другие, и отличавшегося от остальных также стройной и сухопарой фигурой. Это был Тымба, урожденный сохур. Жители Тьюама рассказали о нем следующее.

52. Тымба

Иногда сохуры берут с собой на охоту за головами мальчиков-подростков в возрасте монака⁸⁸, чтобы они раньше приучались к этому делу. Когда Верембия и

я⁸⁹ были в таком возрасте, мы еще ни разу не видели ни одного сохура, потому что от их страны до нас надо очень далеко плыть на лодках, а вода по пути такая бурная, что лодки опрокидываются. Поэтому мы совсем не боимся сохуров.

Но однажды утром люди, ловившие рыбу в устье Каутьяна, увидели, что вдали появляется все больше и больше каких-то лодок и что они приближаются к берегу. Оказалось, это были сохуры. Она набрались мужества поплыть через Магари⁹⁰, где он шире всего и где на нем самые высокие волны.

Наши рыболовы поспешно вытащили свои лодки на сушу, а сами с луками и стрелами залегли в мангровой чаще в засаду. В то же время их жены быстро, как только могли, поплыли за помощью в Тьюам, а когда тьюамцы пустились вниз по реке, женщины уже плыли дальше, чтобы позвать на подмогу и жителей Йоумуки.

Когда сохуры приплыли в устье Каутьяма, мужчины в мангровнике вели себя очень тихо. Сохуры вышли из лодок, чтобы потом лесом подкрасться к Тьюаму. Но они просчитались. Было как раз время отлива, и они по бедра увязли в тягучем иле. Тут мужчины, сидевшие в засаде, стали стрелять в них из луков. Многие сохуры упали и захлебнулись в грязи. А тех, кому удалось добраться до мангровника, мужчины убили своими палицами.

В конце концов в живых остался только один подросток. Люди уже собирались его убить, но брат моего отца, у которого не было своих сыновей, вступился за него и попросил отдать сохура ему. Мальчика пощадили, и он рос вместе с нами. Это и был Тымба.

Сохуры больше ни разу не пытались нападать на нас, но то, что Тымба — из их племени, в этом мы убедились. Чего бы он ни захотел, непременно добьется. Но теперь он уже знает, когда у Каутьяма бывает прилив и когда отлив.

Когда мы уезжали из Тьюама, Тымба также доказал свое мужество. Во время спуска по Каутьяму все местные гребцы один за другим выпрыгнули из лодок и укрылись на берегу, опасаясь, как бы мы не увезли их в рабство. И только Тымба храбро оставался на своем посту и даже не побоялся выехать из устья реки в море, где нас ожидал парусный бот. То, что

при этом однодеревка могла опрокинуться, его не страшило, так как подобный исход, видимо, казался ему не хуже плена. Когда же мы хорошо одарили его табаком и разрешили вернуться назад, он недоверчиво поглядел на нас, а потом, счастливый, поплыл обратно к устью реки. Мы слышали, как трусливые товарищи Тымбы бранили его, и видели, что, несмотря на это, он честно поделился с ними своим нелегко заработанным табаком.

Но если этот сохур отлично прижился в новом для него обществе, то другие новогвинейцы, порвав старые племенные связи, не всегда могут отыскать новые и среди чужих чувствуют себя менее уверенно, как это было, например, с озерами Аду и Буме. То же произошло и с одним выходцем из племени йе-нан, по имени Тибул, который безуспешно пытался стать своим человеком у так называемых людей габгаб.

53. Тибул и люди габгаб

Когда Янгал, который сейчас проживает в Квеле⁹¹, был еще мальчиком-налик⁹², деревни Квель не существовало, а люди жили в поселках Врекатер и Мокеди, где и поныне сохранились огороды и несколько домов⁹³. Но вот однажды ночью — хотя обычно охотники за головами являются на рассвете — на Врекатер напали мужчины из Гулука. Они убили многих людей, в том числе отца и братьев Янгала, и отрезали у них головы. Кроме того, они забрали с собой ляжки убитых и потом в лесу поели их с саговой мукой. Уцелевшие жители Врекатера бежали в Мокеди. А так как и там люди не чувствовали себя в безопасности, они построили на высоком берегу Абтала⁹⁴ деревню Квель.

Позднее жители Квеля совершили ответный поход на Гулук. Эта деревня расположена в краю габгаб, и, если идти туда из Бупула⁹⁵, надо сначала пересечь лес, кишущий пиявками. Потом путь пойдет по широкой безлесной равнине, среди которой, однако, часто попадаются рощи кокосовых и саговых пальм. Никаких хижин, пригодных для отдыха, там нет, так что приходится четыре раза почевать под открытым небом, пока наконец доберешься до земли габгаб. А чтобы попасть в Гулук, надо идти еще дальше⁹⁶.

Туда-то и направились жители Квеля. Охота была удачной: они убили много гулукцев и унесли с собой их головы и кости. Потом в Квеле они сделали из их костей лестницы⁹⁷.

Мои родители жили тогда в Тали. Но после этого

случая люди из Тали вместе с жителями Мормии и Ёр построили на берегу Абтала деревню Йедьерук, которую, как и Ёвель, защищать намного легче, чем маленькие лесные селения.

Все эти люди не имели никакого отношения к охоте за головами. Но так как они все время очень боялись нападения из Гулука, то послали меня — я был тогда в возрасте налик — туда, чтобы я выучил габгабский язык и установил с гулукцами дружбу. А вместо меня в Йедьерук пришел юноша из Гулука.

Сперва я испытывал большой страх перед гулукцами. Но они отнеслись ко мне очень приветливо, и я почувствовал себя у них хорошо. Я остался в Гулуке и жил там, пока не достиг возраста ваналуд⁹⁸.

Но вот однажды я услышал громкий бой барабана⁹⁹. Это случилось вскоре после обеда, когда солнце стояло еще вон там¹⁰⁰, и было ясно, что произошло нечто необыкновенное, ведь танцы начинаются только тогда, когда уже стемнеет¹⁰¹. Женщины и дети сразу же покинули деревню, а мужчины зачем-то собрались вместе. Мне тоже разрешили остаться, так как все думали, что я уже больше не йе-нан, а настоящий габгаб. О том, что готовилось обсуждение предстоящей охоты за головами, я и не подозревал, так как гулукцы не дудели на флейтах¹⁰², как это делают йе-нан, когда хотят раззадорить мужчин.

Мужчины говорили, что надо напасть на Ёвель. У них ведь была старая вражда с жителями этой деревни, и они желали отомстить им за последний набег. Кроме того, они слышали, что в Ёвеле можно раздобыть много ножей, топоров и стеклянных бус, которые принесли туда брмакры¹⁰³. Но потом их взяло сомнение, так как они опасались, что в Ёвеле могут оказаться чужеземцы с ружьями. И тогда гулукские мужчины решили напасть на другую, габгабскую деревню¹⁰⁴, с которой они также враждовали.

Но я подумал, что скорее всего они все-таки пойдут на Ёвель и дальше на Йедьерук, так как им очень хотелось добыть железные топоры и ножи. И вполне возможно, что габгабскую деревню они назвали только для того, чтобы обмануть меня, ведь я как-никак был йе-нан.

Поэтому я ночью тайком бежал из Гулука. А это

вовсе не легко, так как вокруг габгабских деревень в высокой траве торчит много острых крючков из бамбука или древесины нибунговых пальм, и даже сами местные жители иногда нечаянно наступают на них. Но мне повезло: я благополучно миновал опасное место, и никто не гнался за мной.

Вскоре я добрался до Бупула. Люди там и так не приветливы и подозрительны, а из-за того, что я пришел из Гулука, они смотрели на меня совсем косо. Но когда я предупредил их о готовящейся охоте за головами, они стали приветливее и даже отвезли меня вниз по Абталу до деревни Квель. Там я и остался, потому что за это время мои родители в Йедьеруке уже умерли.

Гулукцы так и не напали на нас, но зато к нам явились чужеземцы — охотники за райскими птицами. Они заставили нас носить их вещи. Правда, мы получили за это табак и стеклянные бусы¹⁰⁵, а также ножи, но они часто избивали нас и говорили неприличные слова¹⁰⁶. Чужеземцы грабили наши огороды и резали наших свиней. А мы ничего не могли поделагь, потому что у них были ружья. Они также ничего не давали нам, когда убивали райскую птицу. И если владелец дерева¹⁰⁷ пытался выпросить у них хоть немного табаку, они били и ругали его. Кроме того, чужеземцы воровали наших женщин¹⁰⁸. Все это мне очень не понравилось, и так как я думал, что в Гулуке уже отказались от вражды к Квелю, то снова пошел туда.

Дойдя до Гулука, я остановился и трижды подул в свою собачью манилку¹⁰⁹. Тогда из деревни вышли трое старых мужчин и спросили, что мне нужно. Я ответил, что вернулся и теперь хочу остаться у них. Они ехидно рассмеялись и сказали:

— Может быть, ты хочешь показать чужеземцам дорогу в Гулук?

Но я рассказал им о плохом поведении чужеземцев у йе-нан и добавил, что сам сбежал от них и очень хотел бы опять поселиться в Гулуке. Тут старики угостили меня орехами бетеля, и мы все вместе стали их жевать¹¹⁰. Так что все было хорошо. Вскоре после возвращения я женился на одной гулукской девушке и снова стал полноправным жителем этой деревни.

Позднее я как-то сказал гулукцам, что на Абтале

и в лесных деревнях йе-нан много лучше, чем в краю габгаб, и тогда у людей снова вспыхнуло ко мне недоверие. Однажды моя жена услышала, как мужчины говорили, будто я предатель и что меня надо убить. Она передала мне это. Я сделал вид, будто собрался идти на свой огород, и опять бежал в Квель ¹¹¹. Жену же мне пришлось оставить в Гулуке. И теперь я никак не могу к ней вернуться, потому что ее земляки непременно убьют меня.

Люди габгаб плохие, и это хорошо, что Акон-Явал ¹¹² наслал на них мор. Полицейский патруль и учитель-миссионер, который живет здесь, сами видели, что в деревнях Вам, Нагове и Сангесе лежали мертвые ¹¹³. Вероятно, и в Гулуке они тоже поумирали. Но мою жену мне, конечно, следовало взять с собой.

Остается добавить, что жители Квеля стали считать Тибула за его знания необыкновенным человеком, а в их глазах это равнозначно понятию «колдун», которого все боятся и постепенно начинают ненавидеть. Сам же он страдал от невозможности совместить любовь к родине с чувством любви к своей жене, а его склонность к независимости не позволяла ему нигде стать по-настоящему своим человеком.

Печальная история жизни Тибула свидетельствует о том, что люди, которых мы считаем грубыми и дикими, так как они иногда отрезают головы себе подобным или едят человеческое мясо, на самом деле способны к глубоким душевным переживаниям.

В период моего пребывания на острове Фредерика-Хендрика я узнал еще одну историю охоты за головами. Весьма неблагоприятную роль сыграл в ней один японец, по имени Вада, которому, к сожалению, удалось избежать наказания за свои преступления. Впервые я услышал о нем от жителей деревни Тор, когда спрашивал их о текстах так называемых ватъиб ¹¹⁴, особых песен, исполняемых островитянами во время танцев. В одной из таких песен поется:

Вонгеавор, вогекумара;
вогекурае, ленгурленгур.

Это означает: «Вам еще ничего не известно, но мы рассчитаемся с вами; мы еще расплатимся с вами, так что не зазнавайтесь!» Жители Тора очень гордились этой песней, так как она, по их мнению, свидетельствовала об их славе. Возникновение данной песни связано с одной охотой за головами, которую предприняли люди с реки Карерамо ¹¹⁵, протекающей в западной части острова Фредерика-Хендрика, против жителей деревни Инунгальнам, расположенной на его южном побережье. Жители Тора не родственны ни одной из этих групп ¹¹⁶, но они помогли карерамцам, а потом сами стали жертвой японца, за что отомстили его союзникам. Из-за множества названий деревень эта история несколько трудна для понимания, однако вследствие вме-

шатательства японского авантюриста ее по крайней мере можно датировать, так как он появился в тех краях в 1928 г. Во всяком случае, так уверяют другие по-аним, узнавшие имена его спутников.

54. Песня деревни Тор

Однажды в Тор пришли мужчины из Карерамо¹¹⁷, Пембера, Каве, Мурбы, Ветау и Тьибендара и сказали, что хотят отправиться в Инунгальнам за головами. Все это были наши друзья, и они попросили нас показать им дорогу в Инунгальнам, потому что тем, кто ее не знает, туда не пройти, а напасть на эту деревню со стороны моря они не могли, так как тогда их заметили бы слишком рано. Мы повели их через внутреннее болото и к рассвету добрались до Инунгальнама.

Все люди в деревне еще спали, и карерамцы добыли много голов. А один воин вошел в такой раж, что одним выстрелом из лука убил сразу двух маленьких инунгальнамских девочек, стоявших рядом.

Люди из Инунгальнама, которым удалось спастись, бежали к своим друзьям в Кандинам. Это недалеко¹¹⁸, и, когда мы возвращались домой, они напали на нас. Инунгальнамцы и кандинамцы убили многих карерамских мужчин, а мы — только одного мужчину из Кандинама. Потом они вернулись в Кандинам, прихватив с собой одного из убитых карерамцев. Там они съели его, а голову отдали людям из Инунгальнама. Те взяли голову и отнесли ее в свою сожженную деревню, которую предстояло теперь строить заново.

Совершить ответный поход против карерамцев люди из Кандинама и Инунгальнама не решались, потому что карерамцы были очень многочисленны. Но на Тор они вполне могли напасть, так как очень злились на нас за то, что мы показали дорогу охотникам за головами. Мы долгое время ожидали их нападения, но его все не было.

В ту пору в Кандинам явился один чужеземец, по имени Вада. Вместе с ним на парусной лодке прибыли и другие по-аним, которых звали Сурман, Карел, Паулюс и Тино¹¹⁹. Кандинамцы говорили, будто Вада — доктор. Только это был не настоящий доктор¹²⁰. Он потребовал у жителей Кандинама кокосовых орехов. Но они сказали:

— У нас их нет.

Потом они наврали еще что-то и сказали:

— Все кокосовые орехи отняли у нас люди из Тора. И если ты и твои люди возьмете свои ружья, то сможете раздобыть в Торе столько орехов, сколько пожелаете. А мы тоже пойдем с вами, но нам не нужны кокосовые орехи, а нужны только головы торцев.

Вада согласился. Чужеземцы взяли свои ружья, а кандинамцы — луки со стрелами, и все вместе они пошли в Тор. Лишь Паулюс остался на паруснике, потому что он был хромой и не мог хорошо ходить.

У реки Харкар они застали врасплох мужчину из Тора, который с копьем охотился там за рыбой. И прежде чем он успел опомниться, один кандинамец всадил в него все свои стрелы. Потом люди из Кандинама схватили двух маленьких торских девочек и забрали их себе. Но когда они пришли в Тор, мы все уже были у наших друзей в Кладере, а те подняли на ноги своих соседей из Имбуенама и послали лодки за помощью к карерамцам.

Найдя в Торе лишь немного кокосовых орехов, Вада очень рассердился. Он вернулся в Кандинам, и жителям этой деревни, а также инунгальнамцам пришлось отдать ему все свои орехи. Затем Вада ограбил деревню Мулинам. Но потом, услышав, что мы ожидаем помощи из Карерамо, он уехал и больше уже не возвращался.

Между тем люди из Карерамо так и не пришли, и обе наши девочки остались у кандинамцев. Одна и теперь еще живет в Кандинаме, где ее удочерили. Другую же они отдали в Инунгальнам, но она вскоре там умерла.

Мы были очень расстроены, что не смогли сразу же отомстить за убийство нашего мужчины и похищение детей. Но мы не отказались от мести и заготовили много стрел. А чтобы кандинамцы не надеялись, что это пройдет им безнаказанно, мы сложили песню и часто распевали ее:

Вам еще ничего не известно,
но мы рассчитаемся с вами.
Мы еще расплатимся с вами,
так что не зазнавайтесь!

Кандинамцы думали: мы поем это просто так и за песней ничего не кроется. И они нас совсем не остерегались. Но мы знали, что люди из Кандинама часто ходят к Харкару ловить рыбу, как это делали мы до прихода Вады, и устроили там засаду.

Утром к реке и вправду пришли двое кандинамских мужчин. Они не догадывались об опасности и беззаботно жевали сахарный тростник. Тут мы в них выстрелили. Один был убит на месте, а другой сумел дотащиться до Кандинама и рассказать, что случилось. Но потом умер и он.

Нам очень хотелось отрезать у убитого голову, однако у нас не было при себе ножа, а только стрелы, да и те не с бамбуковыми, а с простыми, деревянными наконечниками. Поэтому мы оставили убитого лежать, и позднее кандинамцы сами забрали его. Так мы отомстили им за их злодеяние, и с тех пор никто из Кандинама и Инунгальнама больше уже нас не трогал.

Лишь незадолго до прихода в Кандинам Вады местные жители впервые встретились с чужеземцами. В 1922 г. китайский купец Тан Кен-лион по поручению фирмы Токо Амбон в Мерауке поселился на острове Комоломе, в деревне Момбум, а в августе 1924 г. первым из иноземцев посетил Кандинам, Инунгальнам, Тор и Кладер и установил дружественные отношения с местными людьми. Именно за его доброе согласие с островитянами другие по-аним дали Тан Кен-лиону малайское прозвище «Баба Ван», что значит «Китаец из Вана», как они называли деревню Кандинам ¹²¹. К сожалению, во время приезда Вады китайца там не было.

Как известно, южный берег острова Фредерика-Хендрика был открыт еще в 1606 г. испанцем Луисом Ваесом Торресом, а в 1623 г. голландец Абель Тасман пытался высадиться на его западном побережье, однако это ему не удалось, как и позднее, в 1770 г., английскому мореплавателю Джеймсу Куку. Таким образом, честь открытия доступа на южный берег острова по праву принадлежит Тан Кен-лиону, «Баба Вану», хотя ни одна история открытий и не сообщает нам его имени.

РАССКАЗЫ ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Помимо преданий о демонах и историй об охоте за головами мариинд-аним и их соседи рассказывают о случаях из своей повседневной жизни. Подобные рассказы также дают нам известное представление о характерных особенностях этих людей.

Так, история одного больного старика из племени йе-нан, которую поведал мне юный Йон, сын прославленного охотника за головами Банги из йенанской деревни Комадеау, свидетельствует об их способности к глубоким душевным переживаниям.

55. О больном, который мог вернуться домой

В Комадеау жил один старик¹, страдавший тяжелой кожной болезнью. Это была не какая-нибудь чесотка и не кольчатый червь², которыми болеют многие люди, а скорее что-то вроде язвы, какие иногда приносят на ногах из лесу³, только у него она покрывала все тело. Вскоре вся кожа старика превратилась в сплошную гниющую рану, и от него воняло, как от разлагающегося трупа. Никто не хотел общаться со стариком, и, когда он с большим трудом приближался к кому-нибудь из людей, они тут же убегали от него, хотя он был хорошим человеком и в глубине души все очень его жалели. Мы думали, он скоро умрет.

Но как-то раз мимо нашей деревни проходил учитель-миссионер. Он сказал, что старика надо отвезти в Алматы⁴, в больницу: может быть, там найдется какое-нибудь средство от его болезни. Наши же колдуны, которые выгоняют болезнь растираниями, не решались прикасаться к старику, а других способов лечения они не знали.

Тут нам троим — Дембитьо, Куибу из Явара и мне — пришлось уложить старика в лодку и поплыть с ним далеко вниз по реке до Алматы. Это было как раз в то время, когда я достал бритвенный нож для моего отца⁵.

В пути никто из нас не хотел грести или стрелять рыбу с кормы лодки, так как там воняло особенно сильно. И по приезде в Алматю мы с радостью сожгли бы нашу лодку, но только как бы нам удалось вернуться домой?

Мы, конечно, думали, что в больнице старик умрет, раз даже наши колдуны не смогли помочь ему. Мы слышали еще, что там у некоторых людей отрезают больные части тела, но ведь у старика все сплошь было больным! И, наконец, люди в больнице вообще не могли так хорошо лечить, как говорил учитель и как это умеют делать наши колдуны. Недаром чужеземцы должны все снова и снова давать больным свои лекарства. Это, наверно, потому, что они намного слабее, чем хорошие колдовские средства.

Так мы думали. Но однажды мимо Комадеау проехали двое мужчин из Бупула—Тъятлить⁶ и Белам. Они сказали, что туан доктол⁷ оказался очень умелым лекарем и почти совсем вылечил нашего старика и что он велел передать нам, чтобы, когда исчезнет месяц, мы приехали за ним.

Тогда мы с Дембитью и Куибом снова поплыли в Алматю, но на этот раз с нами поехал еще мой отец. В Алматю мы сразу же направились в больницу и там во дворе среди других больных увидели нашего старика, веселого и довольного. Сначала мы его даже не узнали, потому что кожа у него была здоровая и от него уже не воняло.

Тут к нему подошел туан доктол и сказал:

— Приехали твои друзья из Комадеау. И если хочешь, можешь с ними вернуться домой.

Старик недоверчиво поглядел на туана доктола и проговорил:

— А я думал, мне придется остаться здесь навсегда.

Туан доктол рассмеялся и сказал:

— Это вам наболтали глупые люди. И если ты только хочешь, то в самом деле можешь отправляться в Комадеау.

Старик все еще не верил этому, но, когда мы подняли его узелок и понесли к лодке, он все же пошел с нами.

На берегу мы присели, чтобы пожевать бетель и

все обдумать, как это мы всегда делаем перед началом поездки. Мы никогда не поступаем поспешно, как чужеземцы, которые вечно кричат: «Скорее! Скорее!»

Старик тоже получил от моего отца орех бетеля и сидел тихий и задумчивый. Вдруг он спросил:

— Куда это мы едем?

— В Комадеау, — отвечал мой отец.

Но старик переспросил его:

— Правда, что в Комадеау?

— Да, — подтвердил отец, — я же тебе сказал. Мы ведь йе-нан, а не чужеземцы, которые лгут⁸. Мы едем домой, в Комадеау.

Больше старик ничего не спрашивал. Он сидел совсем тихо, и лицо его сияло от счастья. Он долго сидел так, пока мы жевали наш бетель.

Наконец мы поднялись, и только старик продолжал сидеть. Мой отец сказал:

— Вставай, мы поедem в Комадеау!

Но старик не встал. Он был мертв. От великой радости, что может вернуться домой.

Мне известен еще один случай странной смерти новогвинейца, на сей раз дигульца, обстоятельства которой так и остались непонятными для жизнелюбивых маринд-аним и других их соседей. И хотя я не располагаю рассказом какого-либо папуаса об этом случае, мне все же хочется познакомиться с ним читателей, тем более что смерть дигульца также была вызвана сильным душевным волнением. Правда, я могу изложить суть дела, основываясь только на своих личных наблюдениях и наблюдениях правительственного врача доктора Харахапа⁹.

В начале 1934 г. мы вместе с доктором Харахапом проезжали на парусной лодке мимо плантации Колам-колам¹⁰, принадлежащей одной католической миссии. По просьбе управляющего плантацией мы взяли с собой одного тяжело больного воспалением легких мужчину с верховьев реки Дигул, по имени Тэноб, чтобы поместить его в больницу в Мерауке. Здесь с большим трудом доктору Харахапу удалось полностью излечить болезнь. Он предложил Тэнобу, которому среди остальных пациентов (маринд-аним, канум и ей-нан) было не по себе, на выбор: вернуться в Колам-колам, остаться при миссии в Кампонг-бару¹¹, близ Мерауке, или же с помощью странствующих учителей-миссионеров и полицейских патрулей постепенно пробраться к себе на родину. Хотя Тэнобу очень хотелось попасть домой, он был уверен, что даже с помощью чужеземцев никогда не сможет добраться туда через область враждебных ему маринд-аним, которых как охотников за головами дигульцы боялись больше всего. Доктор Харахап еще раз основательно исследовал Тэноба и объявил, что он вполне здоров и может отправляться

в путь. В конце концов Тэноб взял свой узелок и в угнетенном состоянии, даже не простившись, покинул больницу.

Шесть часов спустя из маленького селения Мопы, находящегося в получасе ходьбы от Мерауке, явился один яванский колонист и сообщил полиции, что неподалеку от его дома под деревом сидит какой-то мертвый «оранг кайя-кайя»¹².

Тотчас же доктор Харахап и я вместе с полицейским вахмистром последовали за ним. То был Тэноб. Он, видимо, умер давно, так как его труп уже начал разлагаться. При вскрытии доктор Харахап не обнаружил никаких признаков болезни и, к своему большому облегчению, установил, что легкие Тэноба полностью излечены.

Больничные служители-индонезийцы рассказали нам, что утром Тэноб заявил, будто ему все равно ни за что не дойти до дому и потому он больше не хочет жить. Им приходилось наблюдать подобные случаи и раньше, при предшественнике доктора Харахапа¹³, и всякий раз уговоры оказывались напрасными. Любопытно, что такое всегда случалось только с дигульцами и ни разу с людьми из других племен, которые никогда так легко не теряли интереса к жизни.

Какой-либо убедительной медицинской причины смерти Тэноба мы не нашли. Самоубийства, как и болезни, здесь явно не было¹⁴. По всей вероятности, он просто отчаялся в своем будущем, и потому жизнь его угасла, как пламя сторевшей до основания свечи.

Может быть, тут играет роль то обстоятельство, что, согласно представлениям дигульцев, живым, как и недавно умершим, угрожают злые лесные духи которого¹⁵. Они будто бы пытаются даже умертвить живущих или так искушать их, чтобы те потеряли рассудок¹⁶, а у мертвых, находящихся в пути в потусторонний мир, они стараются отобрать и сожрать душу. Но если умершему удастся достичь того света, он будет там наслаждаться миром у доброго старого духа Томаруба; и раз уж он попал в деревню мертвых¹⁷, с ним больше никогда не случится ничего плохого. Там не надо уже бояться охотников за головами и ни один злой колдун не сможет причинить никакого вреда. Там не знают ни голода, ни болезней, ни раздоров, и все духи в деревне Томаруба добрые. Поэтому, возможно, и Тэноб подумал, что ему было бы лучше сразу оказаться у Томаруба, чем брести по вражеской земле.

У дигульцев вообще все не так, как у маринд-аним и их друзей. Эти всегда склонны воспринимать жизнь со светлой стороны, и даже войны, смертоносное колдовство и жуткие культовые обряды почти ничего не меняют в их радостном мироощущении. Истинные маринд-аним мало печалются о будущем. Они не знают никаких денег, и потому их совершенно не волнуют заботы о платежах, а еды хватает на всех. У дигульцев же в жизни больше печалей, чем радостей. Они пребывают в постоянном страхе перед нападением, и он настолько велик, что у них считается дозволенным и даже принятым стрелять из лука в каждого чужого человека, без предупреждения появившегося вблизи их деревни. Им приходится платить большой выкуп за невесту¹⁸ и вести длительные переговоры с семьей будущей жены, а затем, когда они наконец благополучно женятся, им надо со-

блюдают строгие предписания относительно того, в каких случаях вообще можно разговаривать со своей собственной женой и дочерью¹⁹. Все это, не говоря уже о необходимости принимать меры против колдовства и болезней, для чего приходится поститься всем жителям деревни, а также об особом обхождении с покойниками²⁰, превращает существование дигульцев в непрерывную цепь забот. Правда, иногда у них тоже устраиваются большие праздники. Однако за угощение там приходится платить. К тому же женщины принимают в них участие лишь издалека. И вообще, эти праздники полностью лишены того блеска, которым отличаются культовые торжества на юге.

Поэтому не удивительно, что дигульцы из-за своей исполненной забот и бедной радостями жизни, подобно жителям современных крупных городов, чрезмерно раздражительны и весьма болезненно реагируют на все необычное. Так, например, поводом к раздору между деревнями Дина и Дувал послужил инцидент, по правде говоря не заслуживающий особого внимания.

56. Девушка из Дины

Мы, дувальцы, раньше жили в Аримобе, на реке Мику²¹. Но когда к нам пришли охотники за райскими птицами и затеяли войну с людьми ботем²², а потом еще явились сохуры на охоту за головами, мы покинули Аримоб и переселились в Дувал, на Биане. Тогда же сюда перебрались жители Биангкапы с реки Кау²³ и основались в деревне Дина. В Дине, как и у нас в Дувале, люди говорят на языке вамбон, и долгое время жители обеих этих деревень были очень дружны между собой. Но потом случилась беда.

Во время охоты за райскими птицами, когда нам приходилось носить поклажу чужеземцев, мы всегда брали с собой наших женщин²⁴, чтобы они не оставались в деревнях одни, без защиты. Но тут некоторые приставали к женщинам и девушкам, и мы не раз были вынуждены убивать их, пока наконец они не оставили нас в покое.

В ту пору люди из Дины имели привычку посылать своих жен и дочерей из поселка на огороде в деревню, если им срочно понадобилось что-либо, например сетка²⁵ для клубней ямса, каменный топор или что-нибудь еще. Этого, собственно, им не следовало делать, хотя охотники за райскими птицами и были так напуганы, что больше не осмеливались совершать ничего

дурного, а вскоре вообще перестали ходить в наши края.

Но тут дело в другом. По соседству с нами живут маринд-аним, и им очень нравятся наши женщины, потому что они такие прилежные и послушные. И оттого нам надо быть осмотрительными с женщинами и не оставлять их одних. Но люди из Дины не подумали об этом и послали одну свою девушку из огорода в деревню без провожатого.

К несчастью, в тот самый день один молодой человек из Дувала отправился на охоту за свиньями и, когда он проходил по лесу неподалеку от Дины, случайно повстречал эту девушку. То был весьма порядочный молодой человек, и, увидев девушку, он очень испугался, так как знал, что люди могут сказать о нем плохое, если он пойдет дальше. Поэтому он тут же повернул обратно и быстро побежал в Дувал, чтобы рассказать нам о своей неудаче и сообщить, что он не подошел близко к девушке. Мы сразу же приготовили наши луки и стрелы, надели на себя кожаные кинжалы и стали ожидать мужчин из Дины.

Тем временем девушка прибежала в огород и стала плакать и кричать, что в лесу ей встретился молодой человек из Дувала, и она назвала его имя. Тогда мужчины из Дины хорошо вооружились и немедленно отправились к нам в деревню. Вскоре они уже подошли к нашим домам.

Мы сидели наверху, в помещении для мужчин, а они стояли внизу и угрожали нам. Потом они начали стрелять в нас, а мы — в них. Они требовали выдать им того молодого человека, а мы не соглашались и говорили, чтобы они лучше смотрели за своими дочерьми. Сперва они хотели убить молодого человека, но затем поразмыслили и потребовали от нас выкуп: или полную стоимость невесты, или большую свинью²⁶. Но мы не могли и не хотели давать им это. Тогда они снова стали стрелять в нас, и тут появились раненые, и опять поднялся крик о том, кто и сколько должен им уплатить. Так продолжалось всю ночь и весь следующий день, пока мы не обещали послать к ним человека для переговоров. После этого они наконец ушли.

Два дня мы вели с ними переговоры и в конце концов согласились выплатить им столько собачьих зубов,

сколько наберется их до правого плеча, и, кроме того, раковин каури — до левого уха²⁷. Мы были рады, что дело обошлось без убитых, но, чтобы поправились наши раненые, нам всем пришлось ради них поститься²⁸.

Теперь мы уже не враждуем с жителями Дины, но все же не очень любим встречаться с ними.

Жители Дины сами признавали, что весь «позор» состоял только в том, что юноша из Дувала случайно встретил девушку, и что ничего непристойного с ней не произошло. У племен, живущих к югу от Дигула, девушка в подобном случае скорее всего свернула бы в сторону, чтобы избежать неприятностей, а мужчина продолжал бы свой путь, словно он ничего не заметил, или оба воспользовались бы сложившимися обстоятельствами и промолчали об этом. Во всяком случае, приведенный рассказ дает ясное представление о повышенной щепетильности и раздражительности дигульцев.

Из-за постоянных разногласий с маринд-аним люди из Дины, Дувала, Нгатута, Мандума и других дигульских деревень на верхнем Биане в 1937 г. переселились на свою старую родину, к истокам Дигула, и стали опять соседями ботем, низкорослого племени в Звездных горах, с которым они живут в дружбе.

В противоположность маринд-аним дигульцы малы ростом²⁹, но люди ботем еще меньше и в среднем не превышают 150 см (женщины — 140—145 см), так что, по существу, это настоящие пигмеи. Но их культура очень близка к культуре дигульцев, и последние весьма охотно женятся на ботемских женщинах.

К этим низкорослым людям во времена охоты за райскими птицами явились однажды англичане Росс и Джексон с носильщиками-дигульцами и поваром-индонезийцем Али бин Халимом. Дигулец Кутим³⁰ из Мандума рассказал мне историю этого похода, подтвержденную также Али бин Халимом.

57. Маленькие люди

Когда ты пришел³¹ в Мондум, мы совсем не хотели пускать тебя в деревню, но тут мы увидели Али³² и сказали себе, что Али никогда не привел бы с собой плохого человека. Мы однажды вместе с ним участвовали в охоте за райскими птицами, и он всегда был добр к нам, не то что другие охотники; он никогда не бил нас и хорошо кормил. Но белые, которые были там, оказались очень плохими людьми. Это были двое англичан³³. Их звали Росс и Джоксен³⁴. И с ними был еще маленький брат Джоксена.

В те времена мы еще не перебрались в Мондум, а жили в деревне Вамбиран, между реками Кау и Муйю³⁵. Вдруг к нам в сопровождении людей из Оана³⁶ явились охотники за птицами. От нас они собирались пойти вверх по Кау. Но ночью оанцы сбежали от них, потому что охотники заставляли их носить слишком большие тяжести и к тому же очень их избивали. Тогда англичане взяли свои ружья и стали грозить нам, что перестреляют всех, если мы откажемся быть их носильщиками. Никакие просьбы не помогли, и нам пришлось пойти с ними. Диком³⁷ тоже был при этом.

Тут вмешался в рассказ Али бин Халим: «Незадолго до этого³⁸ я был с тремя англичанами у йе-нан в Квеле. Там было двадцать охотников за птицами, и большинство из них вели себя очень плохо. Мы охотились главным образом в лесу между Квелем и Бупудом. Но когда охота стала бесплодной, большая часть охотников снова вернулась в Мерауке. В конце концов на три наши моторные лодки осталось всего четыре ружья, и тут люди из Квеля осмелели. Они отправились в Бупуд, чтобы напасть там на нас. Вместе с бупульцами их набралось, пожалуй, человек четыреста³⁹, и все они были вооружены. Но и тогда они все же испугались ружей и ничего нам не сделали. Так что нам удалось благополучно добраться до Мерауке. Затем мы поплыли вдоль побережья, потом по Мули и наконец вверх по Дигулу, пока не свернули в Кау. Оттуда мы пошли пешком и вскоре оказались в Оане и Вамбиране».

Но пусть продолжает свой рассказ Кутим.

Сначала мы переправились через Кау и пришли в Огеонкамбу. Там опять сбежало несколько носильщиков, и Росс решил силой набрать в деревне новых людей. Но мужчины из Огеонкамбы не захотели пойти с охотниками. Тогда Росс велел связать двух мужчин, потом канатом прикрепил их к своей моторной лодке и пустил ее во всю мочь. Когда он затем вернулся в деревню, оба мужчины были уже мертвые. А Росс сказал:

— Я поступлю так с каждым, кто не будет мне подчиняться!

Мы все очень испугались англичан. И только один Али осмелелся упрекнуть их, но они не стали его слушать.

Потом мы отправились дальше, до Марикамбы, а затем вверх по этой реке и наконец добрались до висячего ротанового моста⁴⁰. Дальше лодка идти не могла,

потому что там было очень быстрое течение и слишком мелко. Тогда мы пошли пешком по очень трудной дороге через скалы в страну людей ботем. И после двух ночевок мы уже были там.

Люди ботем очень маленькие, но они опасны, так как лучше всех других стреляют из лука. Они целятся не прямо в своего врага, а высоко в воздух, так что стрела летит в него сверху, и всегда попадают⁴¹. Раньше их земли подходили еще ближе к нашим, и это они построили висячий мост. Таких хороших мостов мы делать не умеем.

Теперь мы шли по земле маленьких людей и встречали многих из них. Они были очень пугливы и недоверчивы, и их никак не удавалось заставить быть носильщиками. Они так хорошо знали местность и были настолько ловкими, что всегда скрывались от нас. Но однажды мы встретили сразу очень много людей ботем. Все они были вооружены и делали вид, будто собираются на нас напасть. Тогда Джоксен-старший велел нам стрелять в них. Мы с Дикомом тоже получили ружья, и я сам убил двадцать⁴² маленьких мужчин. С тех пор они нас ненавидят.

Люди ботем стали еще пугливее и не поставляли нам ни носильщиков, ни еды. Тогда англичане сказали, чтобы мы просто обирали их огороды и убивали их свиней, раз они ничего не хотят продавать нам. И мы грабили у них все, что можно было есть. Кокосовых орехов у ботем нет, но мы находили у них много корней таро, бананов и саговых пальм.

Вскоре нам вообще перестали встречаться люди ботем. Все их деревни — а они у них совсем маленькие — оказывались совершенно безлюдными. У нас зародилась тревога, но охота за райскими птицами приносила много чучел, и потому англичане не хотели еще уходить. А когда они замечали какого-нибудь нового человека, не из носильщиков, то тут же стреляли в него и большей частью попадали.

Так мы пришли в Янггам⁴³, маленькую ботемскую деревушку, и разместились в ней, потому что жители ее оставили.

Но ночью в деревню вдруг явились люди ботем. Они подкрались так тихо, что никто не слышал их, и неожиданно ворвались в дом, где мы спали. Они накну-

лись на нас с костяными кинжалами. Большинство носильщиков тут же были убиты. А Джоксена-старшего они просто разорвали на части. Потом люди ботом разломали все ружья.

Только Али, Дикому, мне и Россу удалось спастись. Что стало с младшим Джоксеном, я не знаю.

Теперь мы должны были идти по лесу без оружия и очень остерегаться, чтобы не встретить кого-нибудь из ботем. Чучела птиц и еду нам пришлось бросить. К счастью, люди ботем нас не преследовали. У них, вероятно, и без того хватало дел с поджариванием Джоксена-старшего и носильщиков. Нам же пришлось голодать, и когда мы наконец снова добрались до моторной лодки, которую нашли немного ниже висячего моста, то были еле живы.

Диком, я и Али все перенесли хорошо, но Росс сошел с ума. Это, конечно, сделали лесные духи страны ботем. И я думаю: жена Дикома помешалась⁴⁴ также в наказание за то, что мы убили много маленьких людей.

Али бин Халим добавил: «Да, Росс помешался. Мы потом приехали с ним в Мерауке, но он жил там недолго и отправился пешком вдоль побережья. Ему хотелось поскорее попасть в Окабу, где жила его хозяйка⁴⁵, и он не стал дожидаться прибытия парусной лодки⁴⁶. Но у устья Биана не было никого, кто мог бы перевезти его на другую сторону. Тогда Росс столкнул в воду однодеревку и попытался грести руками, так как не нашел весел. Лодка, конечно, перевернулась, и волна прилива понесла ее вверх по реке. С тех пор Росса больше уже ни видели. Вероятно, его сожрали крокодилы».

Следует воздать должное Али бин Халиму, потому что именно из-за его вмешательства власти не согласились на требование Росса послать карательную экспедицию против людей ботем, которые, «как кровожадные и коварные каннибалы», убили его «безобидных спутников». Однако для привлечения Росса к ответственности свидетельства Али оказалось недостаточно. Кутим же и Диком остались в Вамбирани и не могли подкрепить его показания. Так что Росс до своей внезапной смерти жил еще некоторое время на Маро. Правда, все порядочные люди избежали общения с ним.

Позднее на Новой Гвинее появились и другие чужеземцы, внесшие беспокойство в жизнь ее обитателей. Так, на земле канум-пребе в Томере поселились выходцы из Тимора, один из которых женился на дочери старика Дане. Когда у него тяжело заболела жена, он решил, что ее околдовал Дане. Старик с чистой совестью отрицал это. Тем не менее тиморец вместе с тремя своими земляками избил его до смерти. Жители Томера были так напуганы случившимся, что не скоро отважились окольными путями добраться до Мерауке и подать там жалобу.

Много зла островитянам причинил также китаец Тан Ахпи, который, пользуясь своим ружьем, стал подлинным тираном острова Комолом. Он даже построил там тюрьму для людей, приносивших ему мало копры — разумеется, без всякого вознаграждения, — и заставлял их чистить руками его козий хлев. Если женщины не хотели покориться его желанию, он срывал с них передник — величайший позор, которому их можно подвергнуть — и гнал их через деревню Момбум. В конце концов один учитель-миссионер заявил об этом в полицию в Окабе, и вскоре Тан Ахпи попал в свою собственную тюрьму, а затем в большую «Буи» в Мерауке.

В результате подобных явлений ненависть к чужеземцам постоянно усиливается.

Именно поэтому не захотели видеть у себя чужестранцев и жители карерамских деревень. Они не пустили к себе даже Тан Кен-лиона, пытавшегося в 1927 г. проникнуть в их область на парусном боте «Азия», а также и меня. Правда, сделано это было весьма тактично. В начале 1934 г. я встретил в Торе их посланца, молодого жителя Ветау по имени Вата, который обратился ко мне с такой речью.

58. Люди с Карерамо и чужеземцы

Однажды Баба Ван сказал людям из Тора, что ему хочется побывать в деревнях на Квангтуве и Карерамо. Мы узнали об этом, потому что как раз тогда в Торе находился Кумуйя из Ветау. Он-то и принес нам эту весть. Мы знали, что Баба Ван — хороший человек, но думали, может быть, его спутники не такие хорошие. Ведь те, что приезжали в Кандинам раньше, на другой лодке, напали на Тор. Поэтому мы были осторожны и залегли с оружием у устья Квангтувы, прежде всего жители Ветау, Пембера и Бовета. Мы не собирались делать ничего плохого Бабе Вану, но и пускать его в страну тоже не хотели.

Когда лодка Бабы Вана вошла в устье, там стоял только один мужчина. Это был Кумуйя, который его уже знал. Кумуйя держал в руках лук и стрелы, правда, тетива не была натянута. Он махнул Бабе Вану, чтобы тот остановился, и лодка медленно направилась к нему. Тогда Кумуйя прокричал:

— Баба Ван, мы не хотим никаких чужеземцев! Я стою, чтобы предупредить тебя. Я не стреляю, но там дальше, где кончается мангровник, собралось много мужчин, и они держат луки наготове. И если ты поедешь дальше, они будут стрелять.

Баба Ван посмотрел туда, где стояли мужчины из Ветау, Пембера, Бовета, а также из Каве и Тьибендара — из Мурбы не было никого, — и увидел, что их очень-очень много⁴⁷. Потом он долго о чем-то говорил со своими спутниками, чего Кумуйя не понял, и наконец сказал ему:

— Хорошо, мы вернемся обратно, потому что я не хочу с вами воевать. Но если вы хотите менять свои вещи, приходите в Тор.

Чужеземцы повернули свою лодку, и она вышла из устья Квангтувы в море. Баба Ван приветливо помахал Кумуйе рукой, а мужчины, стоявшие на берегу выше по течению, очень хвалили Кумуйю и радовались, что Баба Ван оказался таким умным и миролюбивым.

И вот теперь мы услышали, что ты собираешься идти к нам. Это нам передали люди из деревни Вонер⁴⁸. Ты тоже миролюбивый мужчина, как и Баба Ван, но мы вообще не хотим видеть у себя чужеземцев. Мы посоветовались, и так как слышали, что тебе хочется знать, какие у нас языки и что делается в деревнях, то жители Ветау послали меня к тебе в Тор. Вот и спрашивай меня. Я расскажу тебе обо всем, что ты хочешь узнать, и тебе не понадобится идти в наши деревни.

Вата сообщил мне кое-какие сведения, касающиеся языков, краеведения и этнографии области Карерамо, — к сожалению, очень кратко — и поспешил домой с радостной вестью: «Чужеземец не придет!»

Помимо дипломатического такта, проявленного в данном случае, заслуживает внимания также уважение карерамцев к любознательности других людей. Надо сказать, что эта черта свойственна и им самим.

Впрочем, любознательные есть во всех племенах, и, если это только возможно, они всегда расспрашивают чужеземца о его «деревне», имеет ли он семью и как делаются те вещи, которые чужеземцы привозят в их страну. Отвечая, приходится, конечно, учитывать, что многое, представляющееся нам обычным; жителю Новой Гвинеи должно остаться непонятным, ну хотя бы описания современных средств передвижения или многоэтажных домов⁴⁹. Если, например, кто-нибудь скажет, что у нас дома строят из камня, его непременно сочтут лжецом, так как они знают, что камни стоят очень дорого и должны специально привозиться из дигульской области и что никто не может быть настолько богат, чтобы построить из них дом⁵⁰.

Многие вопросы, которые кажутся нам глупыми или странными, на самом деле вполне закономерны. Так, они спрашива-

ют, из скорлупы какого плода делают стаканы и чашки, на каком дереве растут стеклянные бусы или почему у коров (о которых знают кое-что лишь в окрестностях Мерауке) на голове торчат два кабаньих клыка. Дело в том, что в своих рассуждениях они исходят из привычных представлений, почерпнутых из окружающего их мира.

Но им очень хочется чему-нибудь научиться. И потому, когда белый рассказывает, что в его стране железо выкапывают из земли, а потом раскаляют в огне и долго бьют, пока из него не получится нож, или что на его родине не растут кокосовые орехи, но зато имеются хорошие земляные плоды с множеством клубней, правда более мелких, чем клубни ямса, или что там разводят больше свиней, чем на Новой Гвинее,— тогда они радуются, что узнали что-то новое. Конечно, многие вещи, далекие от них, новогвинейцы понимают по-своему. Так, подводную лодку они сравнивают с кожей Угу⁵¹, а самолет считают волшебной птицей. Во всяком случае, он не производит на них особо сильного впечатления, и старик Эле из капумской деревни Онгайе говорил о нем не очень почитительно.

59. Волшебная птица

На так давно в Онгайе мы вдруг услышали какое-то могучее урчание. Оно шло с той стороны, где расположена деревня Конобекатеро⁵², и мы сразу же схватили наше оружие и выбежали из домов, чтобы узнать, что нас ожидает. Некоторые говорили, это гудит дема, но я знаю, что у демы более тонкий голос и он звучит так: «Рь-рь-рь-рь-рь».

Но вот показалось существо, что так сильно гудело. Это была очень большая птица, какой мы еще никогда не видели, и она летела так быстро, как не может лететь никакая другая. Все маленькие птицы сразу же разлетелись и скрылись, как при появлении морского орла. Тогда люди сказали, что это, вероятно, орел-дема. Но с морским орлом большая птица все же имела мало сходства.

Потом она повернулась так, чтобы не лететь через море,— это тоже было не похоже на морского орла-дему — и направилась в сторону Мелиу⁵³. Больше мы ее уже не видели.

Тогда мы пошли искать Гуру⁵⁴ и нашли его за его домом, у маленького пруда, откуда он также наблюдал за птицей. Гуру сказал, это была «масин-тербанг»⁵⁵, но мы не знали, что это такое. Потом он сказал, что птицу сделали ингерис-аним или бланда-аним⁵⁶ — точ-

по этого нельзя было разглядеть — и одного из них она несла на своей спине. Гуру сказал также, что мужчина, который сидит на ней, может направлять ее, куда захочет: к морю или в лес, вперед или назад⁵⁷, вверх или вниз.

Мальчики и юноши очень удивлялись, и даже Сале из Мелиу, который как раз находился у нас и вообще-то был неглупым человеком, восхищался чужеземцами и говорил, как хорошо они умеют колдовать, если могли сделать такую птицу.

Но Калбон, Нгаронге и Раму стали над ним смеяться, потому что он рассуждал совсем как мальчик или как Гуру. А Валол сказал:

— Конечно, такую птицу надо уметь сделать. Но у нас колдуны лучше, чем у по-аним. Наши колдуны, если захотят, могут летать по воздуху без всякой птицы. А это куда труднее!

И я тоже так думаю.

Для стариков характерно, что они почти всегда умерно отвергают новое. Они никогда не обучались ни письму, ни счету и тем не менее хорошо прожили жизнь, состарились и приобрели уважение окружающих. Для чего же тогда молодые должны учиться столь бесполезному делу⁵⁸?

Тем сильнее был я поражен, когда один старик попросил миссионера, чтобы тот позаботился об организации в его деревне школы. В ответ на возражение: «Но вы, старики, обычно против этого» — он сказал рассудительно:

— Да, но я видел, как учитель в Талоле сделал недавно какие-то узоры на куске бумаги⁵⁹, потом послал это в Окабу⁶⁰ и через некоторое время к нам прибыли оттуда разные хорошие вещи: ножи, одежда, рис, табак, железная миска и многие другие. Тогда стоит, чтобы наши дети тоже научились так колдовать и тоже могли получать хорошие вещи.

В основном же старикам нравятся у чужеземцев только две вещи, а именно напитки и табак. Но если пиво⁶¹ и шнапс они с успехом могут заменять своим вати, то табак чужеземцев пользуется у них очень большим спросом, так как он гораздо лучше местного. Маринд-аним, маклеуга, ябга и йе-нан только жуют табак, в то время как другим племенам — канум-иребе, нгову-гар, сохурам, жителям острова Фредерика-Хендрика и дигульцам — известны бамбуковые трубки. Но в наше время и старые и молодые жеватели табака очень быстро привыкают к курению.

И однажды старый Казима из Пуэпэ⁶² посмотрел жадными глазами, как я курю трубку, и сказал:

— Мне тоже хотелось бы иметь такую.

У меня в вещах имелась еще одна трубка, что было ему неизвестно, и я предложил:

— Ты можешь получить ее. Только за нее ты должен будешь дать мне тоже что-нибудь особенно хорошее.

Я имел в виду головной убор демы, произведение пластического искусства или что-нибудь в этом роде.

Казима задумался. Затем он подозвал какую-то старушку и сказал великодушно:

— Это моя самая старшая жена. Ты можешь получить ее за свою трубку.

Так как Казима был известен как неисправимый шутник, я усомнился в серьезности его предложения. Но он настаивал:

— Ты можешь получить ее.

Я сказал:

— Но она же очень стара.

— А твоя трубка разве не старая? — ответил Казима.

— Да, но для курения она еще очень хороша.

На это Казима возразил:

— И моя старушка тоже еще отлично готовит.

Обмен, конечно, не состоялся, но, как видно, старик предлагал его вполне серьезно, и старая женщина, конечно, пошла бы со мной без единого слова возражения.

Из этого, однако, не следует заключать, что на юге Новой Гвинеи не существует никакой любви между супругами или молодыми людьми. По крайней мере старой женщине было бы очень тяжело расстаться с Казимой, да и он позднее тоже наверняка пожалел бы о состоявшемся обмене; просто там люди слишком зависят от того, что подсказывает им мгновение.

А бывают даже такие случаи, когда молодые люди не довольствуются, как обычно, любой подходящей женой, от которой там требуется лишь трудолюбие, но с настойчивостью добиваются брака с избранной ими девушкой.

Примером этому служит история Умбери, молодого канумиребе из деревни Янгадур. Он посетил меня в Мерауке вместе с другими людьми канум, в том числе со стариком Эле, сравнительно молодым Мако и его невестой Тьюл. И после того как остальные отправились домой, он оставался у меня еще несколько дней. Умбери что-то удручало. Наконец он рассказал мне, что его родители умерли (очевидно, это случилось давно, так как он уже не носил траурной одежды), и попросил меня стать его приемным отцом. Я согласился и потом должен был обещать по возможности скорее приехать в Онгайю на праздник. Вообще же на первых порах не произошло ничего особенного, за исключением того, что Умбери в качестве моего сына тут же предъявил свои права на мои запасы табака.

В Онгайе я должен был приветствовать и обнять⁶³ всех тех, кто, как и Умбери, принадлежал к тотемной группе гемар⁶⁴, даже женщин, а затем Эле как старший среди мужчин данного тотема обратился ко мне с речью, которая показала мне, почему он расположен ко мне и каковы были истинные мотивы поступка Умбери.

60. Умбери и Тьюл

Привет тебе, ровесник ⁶⁵! Ты — отец Умбери и принадлежишь к нашему роду гемар. Поэтому я могу сказать тебе здесь, где нас не слышит ни одна женщина и собрались только мужчины из союза Сосома ⁶⁶, почему ты вправе быть нашим товарищем по возрасту и отцом Умбери.

Когда Дэрау, Маку, Нгаронге, Калбон, Самай и я, а также два молодых человека, Умбери и Мако, и обе его женщины, Кадьин и Тьюл, посетили тебя в Эрмасуке, ты дал нам всем саговую муку и табак и мы ночевали в твоём дворе ⁶⁷. Это было хорошо с твоей стороны, и мы остались довольны ⁶⁸.

Потом ты показал нам дом, где хранились вещи маринд-аним и йе-нан ⁶⁹. Все это прекрасные вещи, но лучше их всех были черепа, что висели там на стене. Ты сказал, будто это мариндские головы, отрезанные сохурами ⁷⁰. Но можешь не бояться полиси-аним. Мы тебя не выдадим, потому что ты — наш товарищ по тотему. Мы знаем, ты большой охотник за головами, и тебе можно иметь много детей ⁷¹.

Но ты сделал ещё одно очень хорошее дело. Когда мы зашли в твой вещевой дом ⁷², я заметил на земле две деревяшки Сосома ⁷³, которые нельзя видеть женщинам. Ты ногами быстро надвинул на них циновку, чтобы Кадьин и Тьюл не могли их увидеть. И это было очень хорошо с твоей стороны. Теперь мы знаем, что ты тоже человек Сосома. Ты наш сверстник, ты могучий мужчина ⁷⁴, ты большой охотник за головами, ты наш брат по Сосому, айюваа!

Потому мы и стали твоими ровесниками и твоими братьями по роду гемар, к которому принадлежит уже твой сын Умбери ⁷⁵ и все мы. И если теперь, глядя на месяц, ты увидишь сидящего на нём Геба ⁷⁶, то должен всегда кричать: «Геб, ахэ!», и твои дети тоже должны так делать, потому что они также будут принадлежать к роду гемар. Не забывай этого, когда будешь в своей деревне.

А теперь я хочу говорить о твоём сыне Умбери. После смерти своих родителей он пришёл однажды в Семандир ⁷⁷ и увидел живущую там Тьюл. Она была в возрасте иваге ⁷⁸, и Умбери хотел попросить её отца

Дэрау⁷⁹ отдать ему девушку в жены. Но тогда еще не кончился срок траура, и он не мог этого сделать. И все же — правда, мне неловко говорить об этом — оба они обменялись своими серьгами⁸⁰. Умбери очень хотелось, чтобы Тьюл стала его женой.

Но прежде чем окончился траур Умбери, к Дэрау пришел Мако и спросил, не может ли он отдать Тьюл ему, и Дэрау сказал, что он не против. Мако уже имел одну жену — Кадьин, и, так как она была еще молода, Дэрау думал, Тьюл не будет у Мако тяжело, потому что ей придется делать только половину работы.

Но тут умерла мать Тьюл, и Тьюл не смогла выйти за Мако⁸¹. Она надела траурный наряд⁸², который сможет сбросить, когда Геб снова появится на месяце⁸³. А до тех пор ей нельзя выходить замуж, хотя Дэрау и отдал ее Мако.

Теперь ты знаешь все, но я хочу сказать тебе еще кое-что. Умбери хочет жениться на Тьюл. Он уже имеет право жениться, потому что время его траура прошло. Но Тьюл не может стать его женой, потому что Дэрау обещал ее Мако и потому что ее траур еще не кончился. А когда он кончится, Мако потребует девушку себе.

Но Умбери — твой сын. Мы говорили ему, что есть много других невест: и Буза, и Серо, и Сумал, и Комбин, и еще многие. Они тоже послушные и работающие. Но Умбери сказал, что хочет только Тьюл и никого больше; лучше он совсем останется без жены. Ты же знаешь, над холостыми все смеются. И кто же будет ему тогда готовить? Уж не старая ли Якар, вдова Тамоса? Но Умбери настаивает на Тьюл, и он в самом деле готов стать таким дурнем⁸⁴, если не получит ее.

Мако еще не стар и вполне обойдется одной женой⁸⁵. Тьюл ему еще не нужна. Но он не отступится от девушки, потому что Дэрау уже обещал ему ее.

Я старый человек и много думал об этом. Когда я был молодым, мужчины радовались, если вообще получали хоть одну жену. (Реплика старого Калбона: «И ты тоже?») Да, и я тоже, потому что она была хорошая. И теперь я считаю, что Мако хватит одной Кадьин. И хотя он имеет преимущество, но должен уступить Тьюл Умбери, раз тот хочет жениться только на ней.

А за то, что Мако откажется от своих прав на девушку, ему надо что-нибудь дать, и тогда он не будет сердиться на Умбери, на Тьюл и на Дэрау.

У тебя же есть столько прекрасных вещей — табак, стеклянные бусы, орехи бетеля, ножи и, может быть, даже топор, и ты отец Умбери. Так неужели ты не согласишься что-нибудь дать Мако, чтобы Умбери мог жениться на Тьюл?

Дэрау и Тьюл принадлежат к роду каламбу⁸⁶. Так что с этой стороны нет никаких препятствий. Ты можешь, собственно, что-нибудь дать и Дэрау, и тогда он тоже не станет возражать. Что же касается меня, то я человек старый и от такой длинной речи у меня совсем пересохло во рту. Несколько орехов бетеля для жевания были бы мне очень кстати.

Речь Эле имела успех. Мако заявил, что согласен на компенсацию. Дэрау тоже не возражал, Умбери и Тьюл⁸⁷ были счастливы, сам Эле очень радовался своему успеху. Приемный отец Умбери безропотно нес все расходы. И только жена Мако Кадьин осталась недовольна, так как не получила ожидаемой помощи для работы по хозяйству. Что касается ревности, то Кадьин вряд ли страдала от нее, ибо на Новой Гвинее жепщинам ревновать не положено. Наоборот, старые женщины требуют от своего мужа, чтобы он для их разгрузки взял вторую жену, а вторая жена вскоре начинает настаивать на третьей, третья — на четвертой. А если такую разгрузку удастся получить более молодой женщине, то она рада этому еще больше. И только молодым людям не нравится многоженство стариков, так как оно значительно суживает их возможности вступить в брак. И если молодая женщина, которой приходится обслуживать старика и трех или четырех его старых жен, вдруг поймет, что у более молодого мужа ей жилось бы лучше, она большей частью пытается как-то исправить положение; и тогда начинается цепь насилий, смертоносного колдовства и ответного колдовства, которая редко приводит к хорошему концу.

Весьма существенным в речи Эле было замечание о том, что жених и невеста принадлежат к разным тотемным группам, так как в противном случае брак оказался бы невозможным. Бракосочетание в пределах собственного тотема⁸⁸ рассматривается как кровосмешение, если даже оба его участника, по нашим понятиям, вообще не состоят в родстве, а порой принадлежат и к различным племенам. Неясным остается лишь один вопрос, а именно: могут ли вступать в брак люди, принадлежащие к тотему воды и к тотему саговой пальмы⁸⁹, так как одни считают, что тотем воды является подразделением тотема саговой пальмы, а другие признают их самостоятельными.

Нормальная семья у маринд-аним и их соседей строится⁹⁰ по такой схеме:

Дед	Бабка	Дед	Бабка
из тотема	из тотема	из тотема	из тотема
кокосовой пальмы	айста	воды	казуара
	Отец		Мать
из тотема	кокосовой пальмы		из тотема воды
	Сыновья и дочери		
	из тотема кокосовой пальмы		

Таким образом, дети всегда принадлежат к тотемной группе отца.

Казалось бы, все это очень просто. Но там существует обычай, согласно которому родители, примерно в одно и то же время обзаведшиеся детьми, обмениваются ими, чтобы тем самым стать ближе друг к другу. Об обмене никому не рассказывают и скрывают это также от детей, чтобы избавить их от ненужных душевных переживаний.

По возможности обмениваются детьми родители, относящиеся к одной и той же тотемной группе (конечно, при этом учитываются лишь группы отцов), но в тех случаях, когда это невозможно, обмен происходит также между семьями, принадлежащими к различным тотемным группам. И так как дети думают, что принадлежат к тотему приемных родителей, тогда как на самом деле являются членами тотемной группы своих настоящих родителей, которых они считают просто добрыми друзьями семьи, то впоследствии возникают большие затруднения; и те и другие родители пытаются затем совместно разрешить их в порядке конфиденциальной беседы. Если же этого не произойдет, дело может окончиться весьма трагически.

Чтобы добраться из Окабы до деревень, расположенных в верховьях Булаки или на Мавекле, направляются не к устью Булаки, так как она делает большой крюк, а идут прямо по суше и уже на второй день достигают деревни Йомоб, лежащей в верхнем течении реки. Для одного такого похода я взял носильщиков мариנד-аним из Иволье и Макалина⁹¹. Когда мы устроили привал у речки Анау, все были весело настроены. Некоторым из носильщиков удалось убить кенгуру⁹², другим поймать уток, и потому у нас получился славный пир, и хорошее настроение моих спутников проявилось в пении и плясках. Только один мужчина, с которым весь день никто не разговаривал, тихо сидел в стороне; остальные явно избегали его и не желали, чтобы он принимал участие в общем веселье. Так как это был дружелюбный и скромный человек, производивший на меня весьма хорошее впечатление, я спросил своих спутников маринд-аним, почему они избегают его. И тогда я узнал следующую историю,

61. Ошибка Кунги

В деревне Иволье жил раньше один мужчина из тотема гебхе. У него был сын, для которого охотники за головами раздобыли имя Кунга. Отец не отдал сына другим людям, а оставил его у себя, пока тому не пришло время идти в мужской дом и он постепенно не достиг зрелого возраста. Потом Кунга отправился искать себе невесту, как это делают все молодые люди.

Сначала он пошел в Вамби, а оттуда через Докиб в Вамал, но там он не встретил ни одной подходящей девушки и ни с чем вернулся обратно. Затем он снова отправился на поиски невесты, на этот раз в Сангасе. Но в Сангасе ему не понравилось, потому что люди там говорили на чужом языке⁹³. Поэтому он пошел дальше, в Домандэ, Онгари, Кайбузе, а потом еще дальше, к Кумбе. Но нигде не мог найти свободных девушек на выданье. Он побывал также в Анаси, но, конечно, и там не подобрал себе невесты, потому что анасайцы известны своей глупостью⁹⁴. Наконец, он через Венду и Бахор дошел до Нотива, где живут сони⁹⁵, и до Урумба. Но ему упорно не везло. Тогда он повернул обратно и решил остановиться у своих родных в Венду.

В той деревне жила одна девушка, по имени Арос, которая ему очень понравилась. Ее родители умерли, и она жила у приемных. Кунга обменялся с девушкой серьгами, и жители Венду радовались, что он хочет на ней жениться. Теперь они были за нее совершенно спокойны. Кунга спросил Арос, из какого она тотема, и та сказала, что из тотема кабана.

Так что все было в порядке, и люди из тотемов гебхе и кабана принесли Кунге и Арос свадебные подарки. Но дома для Кунги они строить не стали⁹⁶, потому что Кунга решил поселиться с женой в своей родной деревне.

Он очень гордился своей женой и не торопясь пошел с ней в Иволье через все прибрежные деревни. И в каждой из них они останавливались на некоторое время. Так прошел не один месяц⁹⁷. Но под конец они стали торопиться, потому что Кунга хотел, чтобы Арос рожала не в чужой деревне, а в Иволье, в доме для рожениц⁹⁸.

В Иволье Арос сразу же пошла в дом для рожениц и родила там девочку. Тут люди спросили Кунгу, кто ее муж. Кунга сказал:

— Я.

Тогда они собрались убить его, и ему пришлось бежать в Макалин.

Жители Иволье рассердились так потому, что Арос, оказывается, была родной сестрой Кунги. Родители младенцем отдали ее в Венду своим друзьям из тотема кабана, у которых она и выросла. Потом приемные родители Арос умерли, и никто в Венду не знал, что на самом-то деле она родом из гебхе. Не подозревали этого и родственники Кунги, потому что не знали, что Арос откуда-то принесена. Все люди в Венду думали, что Арос принадлежит к тотему кабана, и потому согласились на ее свадьбу с Кунгой. Кунга, конечно, тоже не знал, что Арос его сестра. И все-таки жители Иволье не могли простить ему такого ужасного преступления.

Они немедленно убили ребенка Арос, а саму ее отправили обратно в Венду. Позднее она вышла там замуж за другого человека, уже не из тотема гебхе.

Кунга остался жить в Макалине. Но и там люди избегали его. Со временем он достал себе другую жену, из тотема казуара. Он привел ее из Тагепе, от лесных людей⁹⁹, которые говорят по-своему¹⁰⁰. Они не догадывались, что натворил Кунга, и потому дали ему девушку.

Потом у них родился сын. Но так как никто не хотел пойти для Кунги на охоту за головами и никто не соглашался брать его с собой, то мальчик не получил черепного имени. Тогда Кунга переделал свое имя и назвал сына Кангу.

Кангу — это тот самый мужчина, что пришел с нами к Анау. Конечно, он неплохой парень, но кто же станет дружить с человеком, чей отец совершил такое страшное преступление?

Я тщетно пытался уговорить моих носильщиков изменить свое отношение к ни в чем не повинному Кангу. Он был доволен, что по крайней мере бывшие с нами индонезийцы и я старались немного его развеселить. Но маринд-аним упорно отказывались принять его в свою компанию.

В приведенном выше рассказе не упоминается об одном

обстоятельстве, которое стало известно миссионеру П. Гейртшенсу¹⁰¹, а именно, что жители Иволье из-за близости правительственного поста в Окабе вовсе не собирались сами убивать Кунгу, а заявили о его преступном браке помощнику администратора. Чиновник-индонезиец тотчас же объявил брак недействительным, но вопреки их ожиданию не привлек Кунгу к ответственности и лишь посоветовал ему быть осторожным при новом бракосочетании. Кунга обещал ему это и впоследствии свое обещание сдержал. В отношении же убийства ребенка никаких мер принято не было. Видимо, индонезиец не захотел лишний раз обострять отношений местного населения с чужеземцами и промолчал об этом.

Однако из Окабы исходили не только попытки сделать жителей Новой Гвинеи верными подданными правительства или, как говорят индонезийцы, Компании¹⁰², но оттуда же проникали к маринд-аним и те суеверия, которые индонезийцы — чиновники, полицейские и даже учителя-миссионеры — принесли со своей родины.

Для подобных представлений, исходивших от «по-аним», весьма характерна рассказанная мне в 1933 г. история о появлении так называемой пунтианак — духа женщины, умершей во время родов. Правда, пунтианак является образом индонезийской фантазии, но «по-аним» из Мерауке так настойчиво твердили о ней, что она не могла не оказать влияние на легковозбудимое воображение маринд-аним, и потому я решил эту историю привести здесь. Она составлена из рассказов амбонцев, живущих в Окабе, и маринд-аним из Явиму.

62. Пунтианак

Рассказ амбонца Манупутти,
помощника администратора
из Окабы

Пунтианак — это дух женщины, умершей во время родов или сразу же после них. Мы, амбонцы, считаем, что она завидует людям, оставшимся в живых, и потому старается навредить им. Но особенно упорно преследует пунтианак своего мужа, так как он повинен в ее смерти: ведь она умерла, рожая его ребенка.

Пунтианак является к мужу или к другим людям ночью с ребенком на руках, и узнают ее по тупому, безжизненному взгляду и по длинным ногтям на пальцах. На спине у пунтианак зияет большая вонючая дыра, в которой копошатся черви¹⁰³, и она все время старается повернуться спиной к стене, чтобы люди

не заметили этого. А вокруг нее разносится запах тления.

Нападая на людей, пунтианак пытается исцарапать их своими когтями. Но едва начинает светать, она тут же исчезает, потому что она — ночной призрак и совсем не выносит дневного света. Если же рассвет застает ее врасплох, она тут же превращается в слизь, и тот, на кого она напала, спасен.

Но и ночью от пунтианак можно защититься, если остаться дома¹⁰⁴. Там, где падает тень от крыши, она бессильна против людей. И если смело броситься на нее, она тоже расплывется слизью или совсем исчезнет.

Вот такой случай произошел несколько лет назад в Пассо¹⁰⁵. Часов в пять пополудни один мужчина пошел на рыбалку, чтобы наловить немного рыбы для своей беременной жены. Когда часов в девять вечера, уже затемно, он вернулся домой, навстречу ему вышла его жена с младенцем на руках. Сначала он очень удивился столь преждевременным родам и тому, что жена его так быстро встала. Но когда захотел обнять ребенка, то заметил, что у жены выросли длинные ногти и она пристально на него смотрит. Тогда он догадался, что жена умерла от преждевременных родов и превратилась в пунтианак. Он быстро убежал от нее и спрятался под опрокинутой лодкой. Пунтианак отыскала лодку и начала подкапываться под нее. Часам к четырем утра она прорыла уже такую большую дыру, что почти могла в нее пролезть. Но тут стало светать. Сгоряча пунтианак не обратила на это внимания и вскоре превратилась в слизь.

В городе Амбоне один рыбак как-то вечером встретил чужую пунтианак, которая угрожала ему. Но он не растерялся и смело набросил на нее сеть. Пунтианак тут же исчезла.

Обычно пунтианак появляется только через четыре дня после смерти. Но иногда бывает и по-другому, как это случилось в Пассо или в Окабе.

Мы не любим рассказывать про пунтианак, потому что европейцы смеются над нами. А ведь мы тоже хорошие христиане¹⁰⁶ и не хотим, чтобы из-за нашей веры в пунтианак нас считали язычниками. Но пунтианак действительно существует, и голландский гезаг-

гебер¹⁰⁷ в Амахеи¹⁰⁸ мог однажды сам убедиться в этом.

Раньше он тоже не верил в пунтианак и говорил, что хочет сначала увидеть ее своими глазами. Тогда люди отвели его в такое место, где иногда по ночам бродила пунтианак, а сами стали издали наблюдать за ним. Через некоторое время там действительно появилась пунтианак. Гезаггебер был сильным и храбрым мужчиной и, не долго думая, бросился на нее. Но она тоже не испугалась и, в свою очередь, накинулась на него. Она рвала на нем одежду и царапала его. В пылу драки пунтианак не заметила, как подошло утро, и пропала, Гезаггебер был совершенно обессилен и истекал кровью. Но потом он снова поправился и больше уже не сомневался в существовании пунтианак.

Рассказ амбонки,
жены полицейского коменданта¹⁰⁹
из Окабы

Моя старшая сестра была замужем за учителем-миссионером из Явиму, на Булаке. Она ожидала ребенка, и поэтому мой зять привез ее в Окабу. Он поместил ее в больницу, а сам остался у нас дожидаться, пока она родит. Но бог не желал этого. Восьмого августа во время родов моя сестра умерла. И ребенок тоже оказался мертвым.

На следующую ночь сестра явилась ко мне. Выглядела она совсем как живая, а не как пунтианак и сказала мне тихо: «Сестрица!»¹¹⁰. Тогда я попросила ее, чтобы она не позорила нашей семьи и не становилась пунтианак. Она ничего не ответила и исчезла. Но нам все же не удалось избежать позора. Двенадцатого августа люди из Явиму видели ее в образе пунтианак.

Рассказ маринд-аним из Явиму,
которые пришли в Окабу
за учителем-миссионером

Мы очень удивлялись, что учитель так долго не возвращается. Вот уже два воскресенья он не читал нам проповеди. И в то же время его жена с ребенком уже вернулась в Явиму. Никто не видел, как она пришла,

и никто не ходил за ней в Окабу, но она оказалась дома. Первыми увидели ее маленькие мальчики Вайдам, Кумнай и Доком. Они сказали об этом капале и мандуру¹¹¹, и те отправились в дом учителя.

Там они застали его жену с ребенком на руках, но самого учителя дома не было. Она сказала, чтобы принесли дров и овощей. Мужчины удивились, что жена учителя вернулась домой одна, но ничего не спросили и велели Ауай¹¹² позаботиться о дровах и овощах. Потом вместе с Ауай они снова зашли в дом учителя, но там уже никого не было, сколько они ни искали.

Показания двух полицейских из Окабы, амбонцев

Девятнадцатого августа я стоял на посту у полицейского барака. Было около десяти часов ночи, и вокруг было темно и тихо. Только у миссионера еще горел свет. Вдруг ко мне беззвучно приблизилась какая-то белая фигура. Она выглядела как женщина, только очертания ее были расплывчатые, точно у привидения. Тут я догадался, что это пунтианак жены учителя. Я выхватил свою саблю и бросился на призрак. Но как только я ударил по нему саблей, существо исчезло, а вокруг было по-прежнему тихо и темно.

* * *

Я стоял на часах двадцать первого августа. И так как третьего дня мой товарищ видел пунтианак, я был осторожен и зарядил свое ружье патроном с солью, которую заговорил Капала Араб¹¹³ в Мерауке. (Я ведь мусульманин.) Для подобных случаев такие патроны очень хороши.

Сначала все было совершенно спокойно. Лишь время от времени слышался лай собаки, но это бывает почти каждую ночь. Примерно в час утра ко мне бесшумно подошла какая-то огромная белая собака. Она совсем не походила на призрак, а выглядела как живая. Собака приблизилась так быстро, что я едва успел вскинуть ружье и выстрелить.

Сразу же после выстрела собака исчезла. Как видно, патрон оказал свое действие. Конечно же, это была

пунтианак, потому что в Окабе и в соседних деревнях нет ни одной такой большой белой собаки.

Теперь можно ожидать, что пунтианак явится в своем третьем образе — в виде огромного гуся. Но если мы и тогда прогоним ее, она уже больше никогда не придет к нам.

К этим рассказам, приведенным здесь без какой-либо критики, следует все же кое-что добавить.

Сновидение сестры умершей, а также ночные видения постовых полицейских были, конечно, вызваны тем большим волнением, которое возникло среди «по-аним» вследствие неожиданной смерти жены учителя. Сам учитель еще три недели не рещался возвращаться в Явиму и оставался в Окабе, где, как ему казалось, он подвергался меньшей опасности. Он почти обезумел от страха и за три дня до 18 сентября, когда я впервые попал в Явиму, снова куда-то исчез. Лишь 27 сентября мне удалось встретиться с ним в этой деревне, но он все еще был очень растерян и просил своего коллегу из Талолоа побыть с ним некоторое время. Капала Явиму, который вместе с мандуром якобы видел пунтианак, был старым, выжившим из ума человеком, к тому же постоянно пьяным от вати, так что все его обязанности приходилось выполнять мандуру, бывшему, кстати сказать, весьма толковым и дельным мужчиной. Однако и этот мандур, а также и дети уверяли, будто видели пунтианак, правда не в образе страшного существа, а в облике приветливой и немного робкой женщины, какой она была и при жизни.

Любопытно отметить, что на маринд-аним, проживавших в соседних с Окабой деревнях Меву, Алаку, Сангасе и Иволье, волнение «по-аним» не произвело ни малейшего впечатления. Вера в пунтианак была им чужда, как, впрочем, и сама покойница. К тому же католический миссионер из Окабы, по-видимому, сказал им, что разговоры местных «по-аним» о пунтианак — вздор. В Явиму же, напротив, люди дружили с умершей, вероятно, справлялись о ней у «по-аним» из Окабы и слышали от них о ее возможном появлении в виде призрака с ребенком на руках¹⁴. Остальное довершила пылкая фантазия маринд-аним.

Вполне вероятно, что духовное влияние чужеземцев может сказаться и более сильно, и это, конечно, происходит при активном содействии христианских миссий. Однако на такой чужеродной основе вряд ли вырастет что-либо новое.

Старая же смелая фантазия, которая в образе Йолумы воплотила силу и величие морской стихии, которая видела дему в каждой кокосовой пальме и даже маяк на острове Дару пыталась включить в созданную ею картину мира, — эта фантазия уже умирает. Какую-то ее долю сохранили еще племена, наиболее удаленные от Мерауке, люди габгаб, обитатели западной и северной окраин острова Фредерика-Хендрика и сохуры, но самим маринд-аним и их друзьям угрожает сейчас мировая цивилизация, которая вряд ли сделает их счастливыми.

Никто не станет спорить, что следовало принять меры про-

тив охоты за человеческими головами, против убийств и людоедства в культовых союзах, против унижения женщин и других грехов прошлого. Однако именно эти дела, как они ни ужасны, и придавали маринд-аним их жизнерадостность, укрепляли их чувство собственного достоинства и возбуждали фантазию.

Разумеется, ни один человек не может и не вправе желать, чтобы вернулось оплакиваемое стариками «доброе старое время» со всеми его ужасами. Но что же теперь делать?

Ныне настало время спасти то хорошее, что имеется у маринд-аним. Конец охоты за головами, который у сохуров и их северных соседей все еще не наступил, поможет молодым людям осуществить свое стремление к путешествиям и приобретению знаний. Они не хотят заниматься футболом, а ищут приключений и желают учиться. Эта возможность должна быть им предоставлена. И сейчас пора подумать, каким образом можно поднять над узкими интересами племенной общины оба их основных идеала: оставаться человеком, сохранившим способность стыдиться, и, главное, научиться быть действительным аним-анем, т. е. человеческим человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Туан, ахэ!» (Обращение к читателю)

¹ Weber-van Bosse. Ein Jahr an Bord J. M. S. Siboga. Lpz., 1905, с. 303 и сл.

² Anim-anem соответствует нашему выражению «гуманный человек».

³ *Melo dtadema*.

⁴ Особой деревянной лопаткой из тыквенного сосуда — калебасы — достают немного извести, заворачивают ее вместе с кусочком плода арековой пальмы в лист бетеля (растения из семейства перечных) и жуют. Кислая бетелевая жвачка действует как легкое возбуждающее средство.

⁵ Когда я был усыновлен родом гемар племени канум-иребе (что соответствует тотемной группе гебхе у маринд-аним), мне на грудь тоже была повешена такая перламутровая пластина. В ответ на мое замечание о том, что я не дожидился еще до седых волос, старейшины сказали: «Это мы знаем, но ты рассуждаешь уже вполне разумно».

⁶ Так, например, один мой знакомый из племени маклеуга, по имени Кебан, которого я знал как весьма добродушного человека, после острого перебранки со своей женой прибил ее поленом. Ее мясо было затем разделено между жителями деревни и съедено. На мой вопрос, что по этому поводу говорили в деревне, мне ответили возмущенно: «Она была твоей женой или женой Кебана? Или у вас в деревне (это значит — в Европе) все так бестактны, что вмешиваются в чужие семейные дела?»

⁷ Юг Новой Гвинеи — край болот, и потому вместо камней, с помощью которых в Океании обычно готовят пищу, раскаляя их в земляных печах, здесь употребляют куски термитных построек. Гончарное ремесло туземцам неизвестно.

⁸ Вить веревок здесь не умеют. Ткачество также отсутствует.

⁹ Слово «тотем» взято из языка североамериканских индейцев-оджибуев.

¹⁰ Ие-нан, принадлежащие к тотемным группам свиньи, кенгуру и казуара, могут есть мясо соответствующих животных лишь в том случае, если все присутствующие члены данной тотемной группы видели своими глазами, как череп этих животных был возложен на костер. Люди из тотема саговой пальмы хотя и имеют право употреблять в пищу саговую муку, однако не могут сами срубить саговую пальму, так как это ранит их демона.

¹¹ Любопытно, что в русском языке также имеется слово «дема», по своему значению несколько напоминающее мариндское. Вот что говорится о нем в «Толковом словаре живого великорусского языка», составленном В. Далем: «ДЕМА, *демка?* об. *твр.* обманщик, плут. *Демешка, сатана. Дёминь, демешкины ребята, черти, бесята, нечистые духи*. (Примеч. пер.).

¹² Вот как рисовал мне демона один маринд-аним. Он начертил три зигзагообразные линии, означающие нетленные внутренности демы, вместилище его жизненной силы, потом обвел их овалом, который должен был изображать кожу, и добавил: «Снаружи он может выглядеть по-разному. Этого нарисовать нельзя».

¹³ В 1933 г. в Мерауке я паткнулся на группу маринд-аним, которые, застыв на месте, пристально глядели на какое-то дерево, усыпанное альми цветами. Оказалось, что они увидели там демона. Лишь после того, как один из наблюдавших произнес: «Мененон» («Вот он полетел»), они вышли из оцепенения. Как звали этого демона, мне не сказали, но все в один голос заявили, что его тело было покрыто густыми черными волосами.

¹⁴ «Йолума, дув-дема, дехиб, айюваа!» Я видел, как один человек из деревни Вамбй забрел по мелководью далеко в море: он уверял, что слышал зов Йолумы. Другим людям пришлось насильно вытаскивать его из воды, чтобы он не утонул. Другой человек, желая однажды схватить рыбу, вытащил из мутной воды камень. Он очень обрадовался этому (ведь в тех краях камни — большая редкость) и с гордостью показывал всем свою находку, считая ее подарком морского демона.

Сказания о происхождении людей и о стране мертвых

¹ Имáс, или Имá, — это область западных маринд-аним, простирающаяся от устья реки Колóй до пролива Принцессы Марианны. Считается, что маринд-аним заселили ее последней. Местный диалект отличается от восточного тем, что здесь «р» переходит в «л», а «с» превращается в «х» или исчезает совсем. Таким образом, западные маринд-аним называют себя «малинд-аним».

² Область Гавíр простирается от устья Биáна до земель, расположенных восточнее Мерауке, где маринд-аним соприкасаются с иноязычными канум-иребе. К этой же области относится и лежащий еще восточнее обособленный земельный массив Кондо-миráв.

³ Если в огне разорвется коленце бамбука, закрытое с обеих сторон стеблевыми переборками, то раздастся треск, напоминающий — в зависимости от толщины бамбука — ружейный или орудийный выстрел. Малайские кули, которые принимают участие в китайских новогодних торжествах, но не имеющие возможности оплатить дорогостоящий фейерверк, охотно используют для создания шумовых эффектов бамбуковые стерж-

ни, называемые ими *meriam bambu* — «бамбуковыми пушками». У маринд-аним и соседних с ними племен подобным же образом при помощи «суба-вакун» («бамбукового треска») изгоняют демона болезни. Вполне возможно, что «необъяснимая ружейная пальба», слышанная участниками английской экспедиции на одном из притоков реки Флай в 1933 г. (см.: Hides. *Papuan Wonderland*. L., 1936, с. 22 и сл.), была тем же «бамбуковым треском», при помощи которого островитяне пытались изгнать пришельцев, принятых ими за духов.

⁴ Бамбуковый нож («сок») представляет собой острую лучину бамбука. Иногда его насаживают на стрелу в качестве наконечника. Охотника за человеческими головами обычно называют сок-анем («человек бамбукового ножа»), так как он этим ножом отрезает голову своей жертвы.

⁵ В свои нынешние места поселения маринд-аним когда-то в самом деле пришли с востока. Живым напоминанием о тех временах служит сохранившееся до наших дней деление деревень на западную и восточную части, обозначаемые приставками *эс* («вперед») и *махай* («назад»). К примеру, деревня Вамби делится на Эс-Вамби и Махай-Вамби.

⁶ В действительности эти племена жили в стране еще до прихода маринд-аним. И все же последние не желают признавать за ними права первородства, искренне полагая, что они не могли появиться на свет раньше «истинных людей», т. е. самих маринд-аним.

⁷ Куркарй — небольшое племя, живущее неподалеку от границы британской части Новой Гвинеи. Они ничем не хуже своих соседей. Необоснованное подозрение в колдовстве пало на этих людей потому, что их племенное имя напоминает цикасовую пальму (кукарй), которая, по представлениям маринд-аним, обладает волшебной силой.

⁸ Другая (правая) сторона устья реки Дигул — это сплошные илестые болота, покрытые непроходимыми зарослями мангровника. Местность эта, естественно, никем не заселена. Между тем на карте 1911 г., составленной голландской «*Militaire Exploratie*», здесь указана деревня Хайтске. Ошибка объясняется тем, что сведения об этой деревне были почерпнуты составителями у одного маринд-анем, схавшего с ними на пароходе по устью Дигула. Когда его спросили, указав на правый берег, живет ли там кто-нибудь, он ответил: «Хаис-ке», что значит «там души умерших».

⁹ Van Baal. Een reis naar het Gab-Gab-gebied.— *Tijdschrift voor Indische taal-, land- en Volkenkunde*. LXXX. 1. 1940, с. 10 и сл.

¹⁰ *Phalanger maculatus*, сумчатое животное с цепким хвостом, обитающее на деревьях.

¹¹ *Varanus indicus*, животное типа ящерицы, достигающее метра в длину. Излюбленный предмет охоты островитян.

¹² Люди, принадлежащие к одной и той же тотемной группе, не имеют права вступать в брак друг с другом даже в том случае, если между ними по европейским понятиям нет никакого родства.

¹³ Поэтому в течение года после смерти человека его огорд остается за ним и считается неприкосновенным («сааль»,

т. е. табу). Никому не разрешается что-либо брать оттуда, как будто еще жив хозяин.

¹⁴ Вати — это *Piper methysticum*. Стебли и листья этого растения хорошенько разжевывают, затем разжеванную массу сплевывают в скорлупу кокосового ореха и выпивают, не дожидаясь, пока она перебродит. Острый и горький напиток вати не только вызывает опьянение, подобное алкогольному, но и парализующе действует на ноги. Некоторые люди пьют вати ежедневно. Однако женщинам и детям его употреблять запрещено. Вати сходно с полинезийским напитком кавой, но там употребляются лишь безвредные и негорькие корешки этого растения.

¹⁵ По своей форме барабан («кандала») напоминает песочные часы. С одной стороны он обтянут шкурой кенгуру, по которой и бьют ладонью во время танцев.

¹⁶ Дарáу, *Antigone australis*.

¹⁷ Таким же образом лечат от головной боли или от змеиного укуса, после чего большую часть тела обвязывают бинтами из лыка.

¹⁸ Имеется в виду пароход «Пель», который в 1899 г. остановился напротив деревни Салира́, вблизи Мелиу́. Как раз тогда и были убиты трое голландцев, высадившиеся на берег. С тех пор маленькая и ничем не примечательная деревушка попала на многие географические карты. Там она обозначена под именем Селарики или ему подобным, что восходит к местному выражению «Салира-ке», т. е. «это Салира».

¹⁹ Эрмасук, т. е. «излучина реки», — таково туземное название места, где сейчас расположен административный центр Мерауке. Последнее название также основано на недоразумении. Маринд-аним, которых спросили о названии местности, решили, что речь идет о реке Маро́, и ответили: «Маро-ке» — «это Маро».

²⁰ В 1902 г. было совершено нападение на только что основанный голландский пост в Мерауке. До той поры маринд-аним не были знакомы с действием ружей и считали их простыми дубинками.

²¹ Город Сурабайя на острове Ява служил ранее главным отправным пунктом для кораблей, отходивших в эту часть Новой Гвинеи. Поэтому раньше там под именем Сурабайя понимали вообще всю Индонезию. Но после того как островитяне познакомились с охотниками за райскими птицами и с другими пришельцами из Индонезии, они научились различать Амбон, Бутон, Яву и некоторые другие острова Малайского архипелага.

²² Вскоре после моего прибытия в Тью́ам на острове Фредерика-Хендрика меня спросили, как поживает скончавшийся незадолго до того мужчина по имени Кобукò, считая, что я должен был видеть его в своей деревне среди мертвых. В Ильвайя́бе большое оживление у людей из племени йильмék вызвало сообщение, что у белых людей жены и дети тоже белые. «А мы и не знали, — заявили мне, — что духи умерших могут еще жениться и иметь детей».

²³ Маринд-аним знают несколько способов добывания огня при помощи трения: сверлением деревянной подстилки за-

остренной палочкой и пилением куска бамбука с зажатым в него трупом бамбуковой же или тростниковой лучиной.

²⁴ Сходство между ними состоит лишь в том, что и те, и другие обладают темной кожей и курчавыми волосами. Сами себя капауры считают папуасами, а маринд-аним и их соседей вслед за индонезийцами называют «оранг кайя-кайя», так как те, заключая дружбу, обычно произносят: «Кайе, кай-ке-нок», что значит: «В самом деле, я хороший».

²⁵ Записано в Факфаке в начале 1934 г.

Мифы, легенды и предания о демонах

¹ Термитные постройки высотой больше человеческого роста встречаются неподалеку от побережья в сравнительно сухих местах, поросших травой и редкими панданусами и эвкалиптами. Они состоят из твердого как камень материала, напоминающего шлак. См. также примеч. 7 к первому разделу («Обращение к читателю»).

² Мелкие морские животные, родственные утиным моллюскам и также живущие в раковинах (*Balanus tinnabulum*). Они могут крепко присасываться к различным предметам и часто сплошным слоем покрывают каменные глыбы рифов, панцири крабов и т. д.

³ У гавирских маринд-аним чихнувшему мужчине из тотемной группы Геба («гебце», или «гебхе») говорят: «Субá!», что значит: «Бамбук!»

⁴ Пес-демон.

⁵ Боевое оружие островитян. Эти палицы представляют собой дубинки с просверленным каменным диском или шарообразным навершием из камня на конце.

⁶ Бутí — местный сорт банана. Плоды его, мучнистые и лишенные сладости, употребляют в вареном виде. Другие сорта бананов были завезены сюда чужеземцами. Их охотно вырацаивают, но в мифологической системе они не находят места.

⁷ Так как молодые люди воспитываются в строгой изоляции от девушек и содержатся в особых юношеских или мужских домах («готáд»), то среди них довольно распространены половые извращения. Кстати сказать, островитяне не видят в этом ничего дурного.

⁸ Сангасé, Алакú, а также Мевí — три деревни, расположенные между устьями Кокбá и Биáна, отличаются от других особым диалектом и своеобразным культом, практикуемым в союзе Имó. Этим и объясняются отступления от обычной схемы, узаконенной господствующим у маринд-аним культом Майó.

⁹ Согласно данному утверждению, Геб является основоположником охоты за человеческими головами.

¹⁰ Наряду с тыквенными бутылками и скорлупой кокосовых орехов в качестве сосудов используются также толстые отрезки бамбука. Другой посуды маринд-аним не имеют.

¹¹ Мули́ — местное название пролива Принцессы Марианны, отделяющего остров Фредерика-Хендрика от собственно Новой Гвинеи.

¹² Голландский правительственный пост у устья Колоя, неподалеку от Алаку.

¹³ *Dioskorea alata*, вьющееся растение, имеющее большие съедобные клубни.

¹⁴ В нидерландской части Южной Новой Гвинеи наиболее распространенными райскими птицами являются *Paradisea apoda* со сверкающими желтыми перьями, в то время как в британской области преобладают райские птицы с красно-коричневым оперением.

¹⁵ Имеется в виду не река Маро, впадающая в море у Мерауке, а река Флай, текущая по британской части острова.

¹⁶ Папеда, саговая каша, излюбленное блюдо амбонцев.

¹⁷ Англичане.

¹⁸ Имо́ — название легендарной деревни маринд-аним. На языке ябга и маклеуга слово «имо» означает лодку-однодеревку. Интересно, что в культе Имо такая лодка тоже играет определенную роль.

¹⁹ Имеется в виду юноша возрастного класса эвати́, отличающегося особенно великолепным и пышным нарядом. (См. предисловие Г. Невермана, где дается соответствующее описание.) Этот класс охватывает уже возмужавших, но еще неженатых молодых людей. Возраст эвати считается периодом наибольшего расцвета мужской красоты.

²⁰ Вамáл — самая западная деревня маринд-аним, расположенная у устья реки того же названия. В настоящее время представляет собой большое миссионерское село, объединяющее несколько поселков.

²¹ Прилив преграждает водам реки выход в море. Вследствие этого происходит быстрое накопление воды у устья, которое затем разрешается мощной волной, представляющей серьезную опасность для лодок. Наибольшей силы такая приливная волна достигает в устьях Дигула и Биана. Но мне довелось встретиться с ней и на реке Маро, выше Мерауке.

²² Маринд-аним знают лишь два слова, означающие собственно числа: это один («сако́д») и два («ина́»). Чтобы сказать три, они говорят «ина-сакод», т. е. «два» и «один». Четыре — по-мариндски «ина-ина», пять — «лясанга́», что значит «рука». Шесть — «ина-ина-ина», семь — «ина-ина-ина-сакод» и т. д. Десять — это «ина-лясанга», т. е. «две руки». Число двадцать они выражают словом «анем» («человек»), потому что у человека десять пальцев на руках и десять — на ногах. При этом они складывают вместе кисти рук и указывают ими на пальцы ног.

²³ К возрастному классу ива́г относятся девушки, достигшие половой зрелости. Они носят самые лучшие украшения. Возраст иваг для женщины — то же самое, что возраст эвати для мужчин.

²⁴ Один из видов верной цальмы.

²⁵ Племя бурйк-анйм живет в восточной части Новой Гвинеи, в той области, где когда-то, до своего большого переселения, жили сами маринд-аним.

²⁶ Манй, или мани-аним, — небольшое племя, живущее на побережье, по обеим сторонам нидерландо-британской границы. Сами себя они называют «мани-кор».

²⁷ К возрастному классу мес-меакйм относятся наиболее старые люди, уже «впавшие в детство» и потому не пользующиеся таким почетом, как другие старики. Слово «мес» означает переспелый или засохший кокосовый орех, а слово «меаким» — юноша. Таким образом, выражение «мес-меаким» имеет смысл «засохший и впавший в детство».

²⁸ Когда я в 1934 г. был на острове Фредерика-Хендрика, у устья реки Дамбу, которая впадает в пролив Принцессы Марианны (Мули), в воздух взлетел морской орел. Мой проводник тут же объяснил мне, что это был Кидуб с острова Волинау.

²⁹ Имеются в виду пуэраха и некоторые другие племена, населяющие остров Фредерика-Хендрика, которые живут посреди огромных болот на маленьких искусственных островках, окруженных каналами.

³⁰ *Periophthalmus koelreuteri* Pall.

³¹ В Окабе одну девушку назвали Игису, что значит «безымянная». Оказывается, когда для нее добывали череп, не смогли узнать имени жертвы.

³² Слово «ви», переведенное здесь как «душа», собственно говоря, означает ядро, внутреннее содержание, саму суть какого-либо организма. Ви — это то, что заставляет тело двигаться, а голову — думать. Во время сна ви может отделяться от тела и бродить самостоятельно. Вот отчего спящего нельзя будить сразу: ви может не успеть своевременно вернуться на место и разбуженный от этого пострадает. Для процветания ви необходимо так называемое «внутреннее мясо» (сердце, легкие, печень, кишки и т. п.), на котором она произрастает, как на земле — растения. Но ви демы, будучи сильнее, чем ви человека, и сама в состоянии создать себе новое тело.

³³ Копьеметалка (кандиль) представляет собой кусок бамбука с крючком, которым захватывают конец копья. Бросаемое при помощи кандили копьё получает значительно больший размах, чем без него, так как это приспособление, по существу, является рычагом, удлиняющим руку.

³⁴ Крепкий прут ротана изгибают таким образом, что он приобретает вид ухвата с вилкой ромбической формы и длинной ручкой. Этой вилкой-рассошкой захватывают шею кабана и придерживают его, пока второй охотник поражает животное копьём.

³⁵ *Piper betle*. См. примеч. 4 к разделу «Обращение к читателю». Когда жуют бетель, слюна окрашивается в кроваво-красный цвет, а зубы становятся черными.

³⁶ В связи с тем, что на кабана всегда охотятся вдвоем, каждый из охотников получает трофейный свиной хвост лишь через раз. Напарнику же достаются кабаньи яички. Эти яички высушивают и затем носят на верхней части руки (на плече).

Так как дикие свиньи защищаются очень яростно, слово «свинья» в языке маринд-аним является синонимом храбрости. Так называют только самых смелых мужчин. Про трусливого человека говорят «кенгуру», про похотливого — «крокодил», а про глупого — «черепаха».

³⁷ Поросят и щенят женщины выкармливают своей грудью, как и собственных детей. Пойманного поросенка украшают плетеной ленточкой, которую повязывают ему вокруг шеи или живота. Когда свинью закалывают, ее «молочная мать» плача стоит рядом. Она также не ест мяса своей питомицы. Убитую свинью делают следующим образом (по крайней мере у канумиребе): седовласые старцы получают заднюю часть, остальные мужчины и мальчики — переднюю, а женщины и девочки — внутреннюю.

³⁸ Дигул-аним меньше ростом и более коренасты, чем маринд-аним и их ближайшие соседи, и часто подвергаются нападениям. Детей дигульцев охотники за головами уводят с собой и усыновляют, в связи с чем среди рослых маринд-аним нередко можно встретить людей дигульского типа. Усыновленных детей охотники за головами считают полноценными маринд-аним. Назвать человека «дигул-анем» — значит нанести ему тяжкое оскорбление.

³⁹ В очищенный череп вместо носовой кости вставляют небольшую скобу из тростника. Затем на череп натягивают высушенную кожу, раскрашивают ее по-праздничному, а в волосы вплетают длинные лубяные косы.

⁴⁰ В настоящее время Авехима является местом огородов. Она расположена к западу от Вамала, последней деревни маринд-аним перед Мули. Когда-то Авехима наряду с Кумбисом была самым западным мариндским селением.

⁴¹ Люди яб, сами называющие себя ябга, живут к востоку от среднего течения Мули. К ним близки йильмеки, мопоко и гонек, обитающие несколько севернее, маклеуга на Мавеке, живущие восточнее, галум и ныне вымершие дибга — южнее. По своему языку они отличаются от маринд-аним, но очень близки к ним по своей культуре. Они пришли в эти места раньше маринд-аним. Весьма вероятно, что группы маринд-аним, живущие в верховьях Булаки, первоначально принадлежали к племени маклеуга и лишь переняли у маринд-аним их язык. Чувство былой взаимосвязи здесь еще очень сильно. Мифология ябга, йильмеков и других соседних племен чрезвычайно сходна с мифологией маринд-аним. Они знают, например, Геба, Йолуму (у ябга — Йоима), демона-казуара Ягила, пса-демона Маху и многих других мариндских демонов.

⁴² Место называется так в память о Кумбисе, реке на прежней родине маринд-аним на востоке, возможно Васи-Кусе, находящейся между границей с британскими владениями и устьем реки Флай. Кумбис — это маленькое, в настоящее время покинутое селение вамальцев на берегу Мули. В 1934 г. Кумбис, обладающий плодородной почвой, благоприятными условиями для охоты и хорошей питьевой водой, был предоставлен в распоряжение жителей деревень Кладер, Тор и Имбуенам, расположенных в западной части южного побережья ост-

рова Фредерика-Хендрика, которым угрожали штормовые приливы. Однако островитяне из-за своей любви к родине отказались переселиться в Кумбис.

⁴³ *Semifusus*, раковина морской улитки. Раковину надевают на крайнюю плоть. В данном мифе раковина-семифусус заменяет материнское тело, из которого рождается кенгуру.

⁴⁴ Имеется в виду верховье Биана, где живут маринд-аним, отличающиеся от других особым диалектом и несколько иными обычаями. Возможно, они пришли в эти края не по побережью, как остальные маринд-аним, а через земли, отстоящие далеко от моря.

⁴⁵ Калемаса — это твердая оболочка бутылочной тыквы (*Lagenaria vulgaris*), содержимое которой несъедобно. Хранимая в калемасе известь служит приправой к орехам бетеля, употребляемым для жевания.

⁴⁶ Мегисы маринд-аним и индонезийцев, знавшие о том, что в других странах имеются короли и другие правители, говорили, что демон москитов правил в Домандэ очень строго и потому все его подданные сбежали оттуда. Но так как в языке маринд нет слова для обозначения подданного, им пришлось прибегнуть к малайскому варваризму («*gajat*»), в свою очередь заимствованному из арабского языка.

⁴⁷ Эта пальма (*Cycas Rumphii*) ошибочно считается ядовитой. Переселенцы из Амбона с удовольствием едят молодые побеги ее листьев, которые по вкусу напоминают спаржу.

⁴⁸ Кровь соответствует жизненной силе (ви), а известь — «внутреннему мясу», на котором она произрастает.

⁴⁹ Сведения о смертельном колдовстве я почерпнул у йенан. Однако в существенном они не отличаются от подобных представлений маринд-аним, канум-иребе, ябга и других племен, в том числе и тех, что живут в Британской Новой Гвинее.

⁵⁰ *Colocasia esculenta*, растение с крупными крахмалистыми съедобными корневыми клубнями.

⁵¹ Лопата или мотыга им неизвестны.

⁵² Мавебль — небольшое место причала лодок на берегу Мули. Бибикэм расположен дальше от берега, на маленькой возвышенности. В период дождей местность между этими двумя пунктами затопляется.

⁵³ *Nautilus pompilius* L., морское животное, родственное каракатице, живущее в раковине, похожей на улиточную; блестящие, как серебро, части этой раковины употребляются маринд-аним в качестве нагрудных и головных украшений.

⁵⁴ Видимо, речь идет о гигантской древесной змее, крайне неподвижной и неопасной для человека. Едят ее относительно редко; только дигульцы готовят древесных змей и свиней к каждому празднику.

⁵⁵ Большая часть острова Комолом болотиста.

⁵⁶ И родственники, и сама девушка также являются демонами.

⁵⁷ Передний конец лодки — нос, два шипа сзади него —

уши, а следующие за ними зубцы — зубы. Отверстие корпуса лодки сравнивается с открытым ртом.

⁵⁸ На Новой Гвинее обезьян нет. Другим названием для них служит слово «кеес» (сокращенное «Корнелиус») — по имени обезьяны, имевшейся на одном корабле. В настоящее время обезьян называют малайским словом *monjet*. Я также слышал, как одного человека, который вел себя смешно, называли опеко-анем.

⁵⁹ Нгатси исполняют только молодые мужчины. Под звуки ручных барабанов они расхаживают взад-вперед и при этом поют. Мужчины постарше, а также женщины и девушки лишь наблюдают за пляской. Нгатси можно петь и в пути, особенно перед прибытием в деревню. Тексты песен обычно ведут свое происхождение из Британской Новой Гвинее и потому непонятны маринд-аним и их соседям. Время от времени разучивают новые нгатси, которые быстро становятся модными и вытесняют старые, как это бывает и у нас. Новые нгатси различными путями шествуют с востока на запад, вплоть до островов Комолом и Фредерика-Хендрика. К сожалению, они часто совершенно вытесняют старинные песни.

⁶⁰ Боди-аним — это нгову-гар, племя, живущее вдали от моря, к востоку от границы с британскими владениями, и соседствующее с йе-нан и канум-иребе. Они — ревностные проводники новых песен, идущих с востока.

⁶¹ «Бендель» — выражение на языке йе-нан и канум-иребе, соответствующее «нгатси» у маринд-аним. Здесь, однако, имеется в виду старый бендор, более древняя песенная форма, в настоящее время редко встречающаяся.

⁶² В конструкции мостов сказывается влияние чужеземцев. Что касается столбов, то они не имеют с мостами никакой связи и свободно стоят рядом.

⁶³ Алст, скат, крокодил, черепаха.

⁶⁴ О значении этого названия см. в легенде о происхождении саговой пальмы.

⁶⁵ Река у йе-нан и у соседних с ними маринд-аним называется Обá. Из этого названия малайские охотники за райскими птицами сделали «Kali Obat», «Медицинскую реку», что перенял также Вирц.

⁶⁶ Канум-иребе частично живут на побережье (деревни Мелиу́, Онгайя́ и Томёр), в основном же — вдали от моря. То, что они пришли на побережье из глубины острова, подтвердили яванские поселенцы Сайир и Амаредео, которые прибыли в страну еще в 1902 г. Именно поэтому канум-иребе и мораури раньше не доверяли морю и при виде его закрывали глаза руками, чтобы на него не смотреть. Сайир считает, что оно было для них «romali», т. е. табу, и это, по-видимому, верно.

⁶⁷ Сами наконечники представляют собой когти кенгуру или казуара, обломки костей, лучины бамбука или железного дерева. Окрашена и полирована лишь та деревянная скрепка, при помощи которой они прикрепляются к камышовому древку.

⁶⁸ Гандин — название безлесной, покрытой травой равни-

ны, расположенной в непосредственной близости от Мерауке. В предании не указано, из какого места пришли демоны. Мои рассказчики считали, что, по всей вероятности, это было Сенаю или По, т. е. одно из пограничных селений маринд-аним у области йе-нан. По пути женщина-демон по имени Купер, спасаясь от преследований какого-то демона, должна была спрятаться в болото и принять образ раковины-жемчужницы. С тех пор соседняя с этим болотом деревня называется Куперик.

⁶⁹ Со стороны моря в Маро, достигающей у устья четырехсот метров ширины, идет мертвая зыбь, которой не могут противостоять лодки йе-нан с верховьев реки. Однажды у Гандиша перевернулась двойная йенанская лодка, в которой я сам ехал.

⁷⁰ У Мерауке крокодилы еще и теперь весьма многочисленны и агрессивны. В конце 1933 г. один из них утащил перевозчика-малайца из его перегруженной лодки. Недели три спустя этот крокодил был застрелен в одном из притоков Маро, и у него в желудке обнаружили остатки костей перевозчика.

⁷¹ См. предварительные замечания к легенде о сыне змеи и кокосовой пальме.

⁷² Когда на Маро опрокинулась лодка, в которой я ехал с йе-нац, они сразу же заявили, что тому виной один человек из Квеля, который якобы натравил на нас оре-явала. К счастью для этого человека, кстати сказать очень радушно меня встретившего, мои спутники высказали свои подозрения вслух и их удалось переубедить. Иначе они, безусловно, убили бы его.

⁷³ Женщины и девушки участия в пляске не принимают. Свиное мясо запекают с саговой мукой. При распределении угощения участникам праздника достаются куски разной величины, однако те, кому случайно достался маленький кусок, не жалуется на это.

⁷⁴ Родственный эвкалипту вид дерева с мягкой корой вроде оберточной бумаги, которую употребляют для покрытия крыш и завертывания различных предметов.

⁷⁵ Демон Геб также изображается мальчиком с больной кожей.

⁷⁶ Parkinson. Dreissig Jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907, с. 199.

⁷⁷ См. легенды о происхождении саговой пальмы и казуара.

⁷⁸ В оригинале — «анем», т. е. двадцать. О системе счета маринд-аним см. примеч. 22 к этому же разделу.

⁷⁹ Здесь содержится намек на обряд посвящения в колдуны (мезав-апим). Избранные колдуном молодые люди должны в течение определенного времени находиться под надзором вдали от деревни в голодате. Затем им дают пить пьянящий вати, смешанный с трупной жидкостью, а также пускают его через трубку им в глаза. Тому, кто это выдерживает, что удается не всем, утренняя звезда кажется больше, чем всем другим людям. Это означает, что он стал постоянным колдуном. Огненные ему нельзя прикасаться к листьям лимона. Один ме-

зав-анем, которому я как-то поднес такой лист, тотчас же упал как подкошенный. Впрочем, потом он не обижался на меня за этот опыт, так как тем самым смог доказать, что является настоящим колдуном.

⁸⁰ В нынешней области канум-иребе.

⁸¹ Жепский передник маринд-аним представляет собой узкий пояс, с которого спереди свисают лубяные волокна; их продевают между ног и сзади снова засовывают за пояс. У йенан, канум-иребе, мапи-кор и нгову-гар женщины носят низко свисающие спереди и сзади передники из волокон; женщины ябга и на острове Фредерика-Хендрика — такие же, как у маринд-аним.

⁸² Мягкие стебли банана совершенно несъедобны.

⁸³ Когда я, ничего не подозревая, спросил о названии куста, из луба которого делаются женские передники и который, так же как они, называется нава́, один старик поясшил мне, что такие вопросы задают лишь крокодил-аним, т. е. безнравственные люди.

⁸⁴ Так называемые «балайгахе», принадлежащие к тотемной группе морского демона. Основываясь на этом предании, во многих местах, хотя и не везде, люди, относящиеся к тотему воды, не могут вступать в брак с людьми из тотема саговой пальмы.

⁸⁵ *Meliphaga virescens*, птица, охотно поселяющаяся на кокосовых и других пальмах, из которых индонезийцы пьют пальмовое вино.

⁸⁶ Мангат-аним, живущие к востоку от Мерауке, сами себя называют мораури. С давних пор мораури являются очень малепьким племенем, однако имеют свой особый язык.

⁸⁷ По возвращении с острова Фредерика-Хендрика я рассказал своим мариндским друзьям, что тамошнее население, живущее у реки Карерамо, на западе острова, лишь недавно начало разводить саговые пальмы и еще недостаточно хорошо знает, как перерабатывать их сердцевину на муку. Этим и объясняется данное замечание. В остальных областях острова хорошо умеют готовить саговую муку. Но так как там недостаточно пальм, островитяне, кроме того, употребляют в пищу малопитательную коричневатую муку из корней папоротника. Это также показалось маринд-аним очень диким.

⁸⁸ В противоположность этому летающих собак считают птицами.

⁸⁹ В половых вопросах маринд-аним очень сдержанны, по крайней мере на словах.

⁹⁰ На Комоломе казуары не водятся, так как остров состоит из одних болот, мангровых зарослей и песчаной полосы вдоль побережья; настоящего леса, в котором могли бы жить казуары, там нет.

⁹¹ *Endiandra*, древесный плод. Орехи жуют или сами по себе, или же вместе с бетелем. При этом во рту образуется густая, клейкая масса. Мне так и не удалось разобраться в том, что, собственно, доставляет удовольствие маринд-аним: вкус, который мне показался горьким, или же процесс выплевывания. Во всяком случае, красная как кровь слизь, образу-

паяся в большом количестве при употреблении бетеля с аке, весьма забавляет их.

⁹² *Eugenia malaccensis*, плоды величиной с яблоко, белого, розового или фиолетового цвета, довольно водянистые и со слабым запахом. Их охотно едят маринд-аним, а также кауары.

⁹³ Несмотря на то что в период дождей (соответствующий нашей зиме) на Новой Гвинее бывают сильные тропические грозы, маринд-аним не испытывают страха перед ними, если только гроза не застанет их в лесу. Лишь в пограничной области между маринд-аним и канум-иребе люди боятся грозы, так как там ударом молнии был уничтожен принадлежащий обоим племенам мужской дом со всеми его обитателями. Страх перед грозой был здесь так велик, что мне даже не осмелились назвать деревню. Вероятно, это была Кумсарá или Ндамáнд.

⁹⁴ В верховье Биана.

⁹⁵ По Вирцу, он называется Вонатáй. Возможно, имя Олэ связано с йенанским словом «орé» (череп), так как демон-аист выступает также в качестве охотника за головами. Новогвинейский аист (*Xenorhynchus asialicus*) больше нашего.

⁹⁶ У ската на придатке его длинного бичеобразного хвоста имеется шип со множеством крючков, который мсжет тяжело ранить. Поэтому в глинистом мелководье позволяют ловить рыбу только старым женщинам, ибо, «если наткнется на колючку ската старуха, это полбеда, а молодые нам еще пужны», как объяснил мне один шутник из Вамби.

⁹⁷ Указание на действие вати, которое приносит аист.

⁹⁸ На остров Фредерика-Хендрика. Здесь вати известен повсеместно. Правда, в его качестве сопровождавшие меня туда люди ябга из Бибикема были сильно разочарованы. В том, что там пьют много вати, я мог убедиться на южном берегу острова, когда неожиданно явился ночью в Инунгальнам и застал всю деревню, за исключением детей и некоторых молодых женщин, в глубоком опьянении. Подобными случаями обычно пользуются охотники за головами, и потому у ябга, йе-нан, сохуров и многих маринд-аним (например, в верховьях Булаки и Биана) разрешается пить вати не всем сразу, а лишь части мужчин, способных носить оружие.

⁹⁹ В октябре после жатвы стеблевые узлы вати сажают в землю и под особыми навесами выращивают из них новые растения. В противоположность всяким другим видам огородных работ этим делом занимаются исключительно мужчины.

¹⁰⁰ О том, какое отношение охота за головами имеет к именам детей, говорится во введении к следующему разделу книги («Рассказы об охоте за головами»).

¹⁰¹ *Charadrius leschenaultii*, перелетная птица из Центральной Азии.

¹⁰² Название «Дигул» происходит от мариндского слова «декали», что значит «материковая река», так как из области маринд-аним к ней можно попасть только через внутренние земли, удаленные от моря.

¹⁰³ Так как дигульские жепщины совершенно справедливо

считаются трудолюбивыми и скромными, многие маринд-аним хотели бы взять их в жены, тем более что своих женщин у них не хватает. В противоположность обычаям маринд-аним и их соседей, у которых, для того чтобы жениться, достаточно договориться с будущим тестем — мнения его жены и дочери не спрашивают, — дигульцы требуют большой выкуп за невесту (от тридцати до шестидесяти собачьих клыков, пять-шесть каменных топоров и около семидесяти раковин каури, высоко ценимых в местах, удаленных от моря), которого ни один маринд-аним не имеет желания платить. Так как, кроме того, у дигульцев для замужества девушки необходимо согласие всех ее родственников, то браки маринд-аним с дигульцами практически не заключаются.

¹⁰⁴ *Phyticeros plicatus*, большая лесная птица с крупным и легким клювом. Голландцы называют ее годовой птицей (Jahrvogel). Когда она летит, раздается громкий шорох.

¹⁰⁵ Через Мули, имеющий в ширину два километра, райские птицы перелететь не могут, и потому они не встречаются на острове Фредерика-Хендрика.

¹⁰⁶ Дома дигульцев строятся так высоко в целях защиты от врагов. До двери такого дома можно добраться лишь по подвесной веревочной лестнице. Людям маринд, которые строят свои жилища на земле, дома дигульцев издавна казались очень странными. С гнездами их, однако, едва ли можно сравнивать, так как дома эти просторны, во всяком случае, в них имеются отдельные помещения для мужчин и женщин, и постройки они весьма прочно, так что в них нет ничего примитивного. При нападении на такой дом, из которого к тому же еще стреляют, средствами маринд-аним добиться ничего нельзя. Поэтому на дигульцев предпочитают нападать, когда они находятся в своих рассеянных среди огородов хижинах, где они проводят большую часть времени.

¹⁰⁷ Собственно «вперед», так как предки передвигались с востока на запад.

¹⁰⁸ Речь идет о маленьких белых голубях «бегбм» (*Myristicivora spilorrhoea*).

¹⁰⁹ Тотемная группа гебхе, дема которой — Геб.

¹¹⁰ *Croton variegatum*, куст с желтыми, красными и зелеными листьями, встречающийся во многих разновидностях. Его разводят в садах как декоративное растение. Листья втыкают в ручные браслеты в качестве украшения. Кустам кротона приписывают способность изгонять духов.

¹¹¹ *Antigone australis*.

¹¹² *Xanthomelia aurea*.

¹¹³ *Phalacrocorax sulcirostris*, по-мариндски каль-а-каль или кара-кар. Мифология связывает эту птицу также с черепами, добытыми на охоте за головами.

¹¹⁴ Сравни с Гебом и крокодилом-анимом (из сказания о бетелевой пальме), которые также выступают в образе мальчиков с пораженной кожей. Во всех случаях подразумевается, что презираемый и безобразный человек, которого другие не приписывают всерьез, умнее тех, кто его презирает, — сказочный мотив, распространенный по всему миру.

¹¹⁵ Точно так же непрерывно произносят про себя имя своей жертвы возвращающиеся домой охотники за головами. Так как имя считается частью души, то тот, кто знает имя человека, может покорить и его самого; таким образом, настоящим победителем Нгенге является безобразный мальчик. Сравни с этим нашу (т. е. немецкую.— Г. П.) сказку о Румпельштильцхене, который теряет свою власть, как только становится известным его имя. Ни один маринд-анем никогда не ответит на вопрос, как зовут его самого или его родственников, а попросит сделать это за него своего друга. И сами они также никогда не спрашивают, как кого зовут.

¹¹⁶ Возле наружной двери имеется еще маленькое отверстие для собаки, чтобы та могла ночью вбегать и выбегать из дома, не беспокоя людей.

¹¹⁷ Черепахи считаются образцом глупости, так как не могут «разговаривать».

¹¹⁸ По-видимому, речь идет о каком-то давнем падении метеорита. Во всяком случае, оно произошло задолго до того, как в 1902 г. была основана Мерауке.

¹¹⁹ Тик-дема стоит особняком от других демонов и не имеет никакого отношения к тотемным группам. Это моровой демон, которого стараются изгнать при помощи так называемого «бамбукового треска» (см. примеч. 3 к разделу «Сказания о происхождении людей»). При каждом хлопке выкрикивают название другой по возможности вражеской деревни, в которую надеются его отвлечь. Когда после первой мировой войны на юге Новой Гвинеи появился грипп, вызвавший большую смертность, это также было приписано Тик-деме.

¹²⁰ После того как прекратился грипп, унесший много человеческих жизней, метисы занесли в страну венерическую гранулёму, которая хотя и не приводила к смерти, но явилась подлинным народным бедствием. С большим трудом доктору Тирфельдеру из Ростокa и его преемнику, врачу Паменану Харахану с Суматры, удалось справиться с эпидемией, и к 1934 г. она сильно сократилась.

¹²¹ На морском побережье для подсолки пицци употребляют морскую воду. В отдаленных от моря местах соли нет совсем, и потому вместо нее там используется зола молодых листьев саговой пальмы, которые перед сжиганием высушивают. Благодаря этому пицца становится сероватой, но настоящего маринд-анем такая мелочь ничуть не смущает. Они охотно употребляют для приправы также маленькие, чрезвычайно горькие стручки перца.

¹²² Вину за несчастный случай с лодкой, который произошел со мною и некоторыми йе-нан на нижнем Маро (см. примеч. 72), сначала свалили на одного человека из Кведеля, который якобы совершил черное колдовство, а затем на то, что один из гребцов прикоснулся веслом к Кведелью. Так как, к счастью, при аварии никто не пострадал, с этим человеком ничего не случилось, но он получил от остальных очень серьезное предупреждение.

¹²³ Маленький необитаемый островок вблизи индонезийского острова Флорес.

¹²⁴ *Crocodilus porosus*.

¹²⁵ Geurtjens. Unter den Kaja-Kajas von Südneuguinea. Paderborn, 1935, с. 38.

¹²⁶ Monckton. Some Experiences of New Guinea Resident Magistrate. I. L., 1936, с. 206.

¹²⁷ Индонезийские иммигранты называют маленького варана (*Varanus indicus*) «биавак» и отличают его от большого «соасоа» или «buaia tanah», «сухопутного крокодила». Исследование кожи соасоа, раздобытой мною на верхнем Биане, показало, что речь шла не о животном типа роу, а о варане, правда несколько большем, чем обычный *Varanus indicus*.

¹²⁸ Мангрововые деревья нуждаются в соленой воде, а ниповые пальмы — в солоноватой. Ниповые пальмы встречаются возле рек, на расстоянии до тридцати с лишним километров от побережья.

¹²⁹ На языке маринд — пус соответственно голландскому Poes.

¹³⁰ Жук разрушает сердцевину пальмы. Его белые личинки толщиной с большой палец островитяне охотно едят, даже живыми.

¹³¹ Определенных кладбищ не существует. Каждого хоронят там, где он любил бывать при жизни, и в прибрежных деревнях это обычно низкая песчаная дюна с видом на море. У маринд-аним на верхнем Биане, у йе-нан и у пуэраха на острове Фредерика-Хендрика имеются особые дома за пределами деревни, в которых устроены могилы.

¹³² Это преувеличено, хотя там и рано старятся, и в сорок лет уже становятся седыми.

¹³³ По-малайски ikan paus.

¹³⁴ Папуасы обычно весьма нечувствительны к запахам. Они красятся минеральной краской, которая прокисает, растираются маслом, которое становится прогорклым, и никогда не моются, чтобы не сошла раскраска; кроме того, от них еще пахнет дымом, так как они спят у огня. Мясо, уже начинающее пахнуть, они едят безо всяких опасений и без какого-либо вреда для себя.

¹³⁵ Напоминающая юбку одежда.

¹³⁶ Слова «купаться» у маринд-аним нет. Отсюда — описание действия.

¹³⁷ Сам рассказчик (житель Макалина) принадлежал к союзу Майо.

¹³⁸ По-малайски seroh, свайное сооружение со все суживающимися камерами. Из них рыбы не могут выйти, так что во время отлива их можно там подбирать.

¹³⁹ То, что Ибрагим получал деньги и покупал на них товары, рассказчик обходит, ибо деньги являются для него чуждым понятием.

¹⁴⁰ Разница между отливом и приливом составляет здесь приблизительно 6 м, в Мули — даже 9 м.

¹⁴¹ Киу-самб-анем — букв. «крокодил-могучий-человек» («крокодил-старец»).

¹⁴² Молуккские малайцы из Амбона и Банды, менадонцы с Северного Сулавеси, выходцы с острова Кей и другие, пре-

имущественно рыбаки, бывшие охотники за райскими птицами, полицейские и матросы, которые едва ли чему-нибудь учились.

¹⁴³ Я сам смог сделать снимок этого крокодила, стоя в глине на очень близком от него расстоянии.

¹⁴⁴ В настоящее время в лесах, удаленных от моря, райские птицы вновь стали весьма многочисленны.

¹⁴⁵ См. рассказ «Маленькие люди».

¹⁴⁶ Устье реки Тораси находится как раз на границе между голландской и британской областями.

¹⁴⁷ Йе-нан непричастны к культу Сосома, хотя их соседи и утверждают обратное. То, что этот культ исходит от живущих в верховье Тораси нгову-гар, как уверяют в Кумбе, я считаю неправдоподобным.

¹⁴⁸ На самом деле можно доказать наличие этого культа только у мариנד-аним, живущих на Маро и Кумбе, и в некоторых восточных прибрежных деревнях маринд-аним и канумиребе. Возможно, что к нему причастны и мораури (мангат-аним).

¹⁴⁹ Звук производится деревянной гуделкой, которую вращают на шнурке вокруг головы. Ее не должны видеть непосвященные, в том числе жепщины и дети.

¹⁵⁰ Мариנד-аним, отказавшихся от старой одежды, называют «маринд-по-аним», «маринд-пиф-пафами».

¹⁵¹ Первоначально не было никаких деревенских старост. Но для того чтобы в деревнях, уже находившихся под правительственным контролем, иметь кого-либо, кто был бы ответственным за деревню, голландцы назначили деревенских старост, назвав их по-малайски *karala kampong*. Их власть оставалась ничтожной, так как старейшины тотемных групп по-прежнему рассматривались как самые авторитетные лица. Наиболее подходящими для должности деревенских старост оказались, как это ни странно, преимущественно те маринд-аним, которые из-за своей охоты за головами сидели раньше в тюрьме. Они были наиболее энергичными людьми и к тому же научились в тюрьме немного понимать чужеземцев и их язык (малайский).

¹⁵² Коричневые — это индонезийцы и китайцы, красные — европейцы, чья кожа в тропиках, конечно, не остается белой. В настоящее время их, как правило, называют в отличие от остальных «пиф-пафов» «туан», что по-малайски означает «господин».

¹⁵³ По-малайски «манди» (*mandi*), так как соответствующего мариндского слова не существует.

¹⁵⁴ По-малайски это слово означает падсмотрщик, заместитель, управляющий.

¹⁵⁵ Вероятно, сказано только из уважения к моему малайскому повару и ко мне, но не распространяется на всех чужеземцев.

¹⁵⁶ В такой грубой форме, как во времена охоты за райскими птицами, этого больше не происходит, но массовая скупка китайцами копры и сбор налогов пищевыми продуктами (кокосовые орехи и саговая мука) внушают людям Сосома опа-

сения. И хотя продажа земли чужеземцам запрещена голландцами, индонезийцы и китайцы обходят это запрещение посредством браков с мариндскими женщинами.

¹⁵⁷ В 1918 г. возникла вера в то, что с востока придут духи предков, чтобы восстановить прежнее положение, когда не было чужеземцев. С тех пор вера в возвращение предков, уход чужеземцев и счастливое будущее распространилась по всей Новой Гвинее и Меланезии вплоть до Новых Гебридов. И все чаще появляются новые пророки, возвещающие о приближении счастливого времени.

¹⁵⁸ Не посвященные в культ.

¹⁵⁹ Бандра — песни, относящиеся только к культу Сосома. Слово это связано со словом «бендель», что на языке йе-нан и канум означает «песни», а также с мариндским словом «бедор» — «старинные песни».

¹⁶⁰ Считается, что голос доносится со столба Сосома, установленного в центре праздничной площадки. Однако на самом деле гуделка, которую не должны видеть мальчики, скрыта в кустарнике.

¹⁶¹ Умирание мальчика и его возрождение в качестве мужчины — это метафора, часто встречающаяся в культовых союзах нецивилизованных народов на западе Океании (Новая Гвинея и Меланезия) и в Западной Африке. Другие повогвинейские племена также говорят о чудовище, проглатывающем мальчиков (Will-Erich Peuckert. Geheimkulte. Heidelberg, 1951).

¹⁶² Раскрытие тайны Сосома состоит в том, что вновь посвященным показывают деревянную гуделку, которая, как считают, обладает магической силой и с которой обращаются весьма почитательно.

¹⁶³ Естественно, Сосома замещают посвященные в культ старшие. По другим данным, это происходит только с одним мальчиком.

¹⁶⁴ В июне 1933 г. заключительное празднество в честь Сосома состоялось в Ндаманде, около Кондо-мирава. Затем Сосом якобы отправился к пограничной реке Тораси, где он живет постоянно.

¹⁶⁵ На реке Кумбе.

¹⁶⁶ Учитель-миссионер, индонезиец.

¹⁶⁷ Разрушена была ви, но «внутреннее мясо» оставалось целым.

¹⁶⁸ Подразумевается миссия в Мерауке. Там молодой человек мог еще как-то жить, в Баде же с ним обходились точно с умершим.

Рассказы об охоте за головами

¹ Они относились к возрастному классу амангиб, в который входят недавно женившиеся.

² К возрастному классу патур относятся мальчики примерно от трех до восьми лет.

³ «Са-анем», так как мертвых в прибрежных деревнях обычно хоронят в невысоких песчаных дюнах.

⁴ Вместо обычных украшений вокруг груди надевают плетеный шнур на двух аксельбантах с прямоугольной плетеной накидкой на спине, плетеный же головной убор, вымазанный глиной, и ушные подвески из тростника.

⁵ Приблизительно через год после погребения череп вынимают из могилы и выставляют на помосте, на который участники праздника кладут свои дары — бананы, саговую муку, кокосовые орехи и т. п. Каждый получает свою долю сагового пирога с мясом или рыбой, а в заключение и часть принесенных подарков. Затем череп окончательно погребают и снимают траурные одежды. Тем самым снимается запрет ходить в огород умершего и танцевать.

⁶ Мезав-анем — это колдун, который лечит больных, делает погоду и т. п. Камбала-анем — колдун, навлекающий смерть. Однако и мезав-анем при случае может совершить злое дело.

⁷ Поступок Дадабая, старого слабого человека, да еще на виду у всей деревни, был прямо-таки героическим. То, что его не преследовали, можно объяснить ошеломлением жителей Вамала. Кроме того, осуществление мести подлежит предварительному обсуждению, а так как Вамал — миссионерская деревня, это имело свои трудности.

⁸ Индонезийские полицейские, состоящие на голландской службе.

⁹ «Буи» — так маринд-аним и их соседи называют тюрьму. Это название происходит от слова *boje* — «железный шар», который заключенные носили раньше на ножных цепях. Маринд-аним такого шара никогда не видели и перенесли его название, услышанное от индонезийцев, на саму тюрьму.

¹⁰ «Донтол» — это «доктор» в произношении западных маринд-аним, правительственный врач.

¹¹ Индонезийское прозвище одного китайца, жившего в деревне Кумбе, у устья реки, женатого на мариндской женщине. Он имел репутацию глубоко порядочного человека, по моим наблюдениям вполне им заслуженную.

¹² По-малайски «гладкая голова», прозвище одного китайского плотника, который в области йе-нан рубил для властей деревья и строил маленькие мосты.

¹³ *Megarodius Reinwardti*, долгоногая курица, размерами уступающая домашней. Весьма распространена в лесах. Она сгребает листья в большие кучи и в них откладывает свои яйца. Там, в тепле гниющих листьев, они развиваются сами, без ее участия.

¹⁴ К этому возрастному классу относятся юноши, достигшие зрелости. Соответствует классу *иваг* у женщин.

¹⁵ Рассказчик показывает на те места на небе, где солнце стоит в 11 и 16 часов. Обычный способ определения времени.

¹⁶ Т. е. маринд-анем или сосед. Очень редко убивают и едят индонезийцев, европейцев же — никогда.

¹⁷ Все пришли добровольно, без всякого принуждения, так

как у них была чистая совесть и они хотели лишь пожаловаться на китайца.

¹⁸ Господин (по-малайски «туан»), представляющий правительство (по-голландски Bestuur).

¹⁹ Они не являются настоящими каннибалами и едят человеческое мясо только на культовых праздниках или когда убивают врага.

²⁰ При немедленном выезде (что было бы весьма невероятно) в течение трех дней.

²¹ Девушка считалась собственностью своего отца и жениха. Проступок по отношению к ней рассматривался бы как воровство.

²² Собственно, были «басик-аним» т. е. «свинными людьми» (см. примеч. 36 к предыдущему разделу).

²³ В действительности же охоте жителей побережья за головами препятствовали власти.

²⁴ Здесь имеется в виду племя озер с реки Бамги, небольшого притока Дигула.

²⁵ Озер бежали от сохуров, своих северных соседей, к маринд-аним, сначала в их деревню Имаху, а затем в Накеас, где были приняты в племя маринд-аним. Теперь, как маринд-аним, они считались друзьями маклеуга и были гарантированы от их нападения.

²⁶ Один маклеуга из Вельбути, друг Кебана.

²⁷ Сохуры — прибрежные жители рек Обаха и Мапи. Они живут к северу от дельты Дигула. В отличие от остальных племен у них сохранилось материнское право. Сохуров везде боятся как охотников за головами. Иногда их называют также людьми с Мапи. На их собственном языке племенное название звучит как «сок-ур», что в переводе означает «люди бамбуковых пожей» т. е. люди, отсекающие головы.

²⁸ Название одной группы сохуров и области их обитания.

²⁹ Деревня маринд-аним в верховьях Булаки, в настоящее время переименованная в Пуэпэ.

³⁰ Помощник администратора Лебелаув, индонезиец из Сапаруа (Южные Молуккские острова), состоявший на голландской службе.

³¹ Парусная лодка, имеющая приблизительно 10 м в длину и принадлежавшая одному китайскому купцу в Мерауке. Маклеуга, маринд-аним и прочие знают лишь однодеревки.

³² Индонезийские полицейские действительно имеют обыкновение обращаться в пути с заключенными по-приятельски, и, только когда те предстают перед судьей, они ведут себя подчеркнуто грубо.

³³ Судебное заседание, на котором был вынесен приговор о нарушении мира в стране.

³⁴ «Секола» — несколько измененное португальское слово «эскола» (школа), которое в XVI в. перешло в малайский язык. Подразумевается, что охотники за головами в тюрьме (Буи) должны научиться культуре.

³⁵ По мнению многих новогвинейцев, рис является чистым лакомством и по-настоящему не насыщает. Молодой человек из племени канум, которого я пригласил на обед, съел полный

эмалированный таз риса (порция для целой семьи моего повара, состоящей из пяти человек, и меня), а потом попросил еще саговой муки. Для обозначения сытости маринд-аним употребляют слово «дехи», что значит «деревянный», так как у сытого человека желудок должен наполниться до отказа, как будто внутри него находится дерево.

³⁶ Это делается в Мерауке ради жен колонистов (индонезиек и китайнок).

³⁷ По-малайски «паранг» (Parang), садовый нож длиной от 50 до 70 см.

³⁸ Во внутренних частях острова знают лишь узкие тропы, по которым ходят друг за другом.

³⁹ С некоторыми добавлениями Миту.

⁴⁰ 2 февраля 1933 г. См. историю сохура Генемо.

⁴¹ Сохуры не покрывают черепа оболочкой из обработанной кожи, как это делают маринд-аним и маклеуга, но зато заплетают носовое отверстие, а глазные впадины замазывают глиной, в которую в виде узоров вдавливают маленькие белые плоды *Coix lasguma*.

⁴² В то время как у остальных племен часто встречаются имена, которые имеются также и у других племен и являются черепными именами, у сохуров в таких имен обнаружить не мог. Только имя Генемо напоминало имя Генем, которое я нашел также у йильмеков (родственных маклеуга). По-видимому, оно было добыто йильмеками на охоте за головами.

⁴³ Согласно воззрениям маринд-аним, женщина-демон Собра в свое время отправилась к маклеуга и сделала их великими охотниками за головами.

⁴⁴ На языке сохуров — «Рарома».

⁴⁵ Этим лишь сказано, что речь идет о большом числе, а не точно о двадцати. В 1920 г. полицейский-амбонец Соукотта нашел в Вельбути 50 трофейных черепов.

⁴⁶ Племена, говорящие на разных языках, меняются мальчиками в возрасте от 8 до 10 лет, которые впоследствии служат им переводчиками и считаются неприкосновенными до тех пор, пока не нарушат интересов обоих племен.

⁴⁷ Два человека из озера, маленького племени на нижнем Дигуле, не занимающегося охотой за головами.

⁴⁸ Из страха перед духом умершего имени названо не было. Также не произносят ни своего имени, ни имен своих ближайших родичей, чтобы не ослабить жизненной силы. Поэтому же мне не удалось узнать и имени павшего сына Миту.

⁴⁹ Около 50 человек.

⁵⁰ Мужчины не готовят пицци и только поджаривают саговую муку. Поэтому по мере возможности они берут с собой в военные походы женщин.

⁵¹ Приблизительно 2 км.

⁵² *Myristicivora spilorrhoea*, маленький белый дикий голубь.

⁵³ Они всегда очень сдержанны в выражениях. В данном случае Экед сказал: «Из-за своей желчи». Однако они не различают функций печени и почек.

⁵⁴ У дигульцев имеются кинжалы из заостренных бедрен-

ных костей казуара; у других племен кинжалов нет.

⁵⁵ Только сохуры и их северные соседи (авью, манувэ и др.) имеют щиты, которые, однако, служат им лишь для устрашения врагов, а может быть, также для колдовских целей. Их никогда не употребляют для прикрытия. Копья, которые однажды попали в цель, больше не употребляются, ибо их сила считается уже исчерпанной.

⁵⁶ «Пангапу» в переводе означает «чужой зад». Его прозвали так потому, что он носил штаны.

⁵⁷ Стыдливость вообще считается положительным качеством, так как она свидетельствует о хорошем характере. Но здесь перевешивало, конечно, чувство позора.

⁵⁸ Деревня называется, собственно, Имохи. Когда по распоряжению правительственного чиновника она была перестроена, то получила новое название Пуэпэ, по выражению старика Казимы, который сказал: «Пу-эпэ», что значит «это чужое».

⁵⁹ Ати-аним и живущие в Накеасе, Кивалане и Имохи-Пуэпэ ямули-аним являются подгруппами маринд-аним.

⁶⁰ Большая, грубо сплетенная манжета из ротана и деревянных планок; надевается на левое предплечье для защиты от ударов тетивы лука.

⁶¹ До этого, к счастью, дело не дошло. Сохуры также после 1933 г. больше не ходили южнее Дигула на охоту за головами, севернее же Дигула такая охота велась еще в 1948 г.

⁶² Ябга и йильмеки также рассказывали мне о войне против Мабура, но, вероятно, они находились под сильным влиянием дружественных им маклеуга.

⁶³ То есть десять дней. Для большей ясности говорят еще: «спать два раза по руке» («ина-лясанга ну»).

⁶⁴ Речь идет, собственно, не о масках, так как лица несущих остаются открытыми, а о больших фигурах из мягкого дерева, которые носят на голове, и о покрывале для тела из искусно вырезанных кусков коры. Головные уборы и покрывала намазываются воском диких пчел, в который вдавливаются маленькие красные и темно-синие бобы *Abrus precatorius* и белые плоды куста *Coix lacryma*. Преобладающий цвет — красный.

⁶⁵ Подразумевается, конечно, человек, изображающий демона.

⁶⁶ Имеются в виду возрастные классы эвати (юноши, только что достигшие совершеннолетия) и меаким (молодые люди, имеющие право на смотрины невесты или обрученные).

⁶⁷ По-мариндски «два и одип» («ина-сакод»).

⁶⁸ J. Verschueren. *Neu-Guinea, dein Name ist Wildnis*. Hilstrup (Westf.), 1951, с. 33. Если раньше (см. «Zeitschrift für Ethnologie», 1940, с. 177) я говорил о презрении сохуров к женщинам, то это потому, что был введен ими в заблуждение, так как среди чужих они стесняются существующего у них материнского права.

⁶⁹ «Речные люди», живущие у среднего течения реки Обахи, притока Мапи.

⁷⁰ Часть северного рукава дельты Дигула, между началом

этого рукава и устьем Мапи. Оттуда и до своего устья северный рукав называется Одамун.

⁷¹ Сохурское название Дигула.

⁷² Северная сторопа реки также заселена друзьями озера — людьми яс.

⁷³ Осторожность была излишней, так как деревня Имаху была тогда оставлена жителями, которые ушли в Накас.

⁷⁴ На языке сохуров — «арибадере». Слово означает «очень много» в противоположность «ракерамон», обозначающему меньшее количество. Вообще же сохуры знают лишь два числа — «один» («диханд») и «два» («камир»).

⁷⁵ По сообщениям жителей Амка и полицейского патруля, сохуры убили восемь взрослых и похитили пятерых детей; головы семерых убитых они унесли с собой.

⁷⁶ Только двух мужчин — Ване и Монаи.

⁷⁷ Уводят с собой только маленьких детей, которые без особых трудностей привыкают к новой семье, однако не грудных, так как с ними мужчины не могут возиться в пути. Таким образом, предпочитают похищать детей в возрасте от двух до пяти лет.

⁷⁸ От шести до десяти лет. В данном случае ребенку было около девяти.

⁷⁹ На языке сохуров — «мбаимбаик» — слово, первоначально обозначавшее охотников за райскими птицами, а затем и всех чужеземцев, из которых они знали главным образом полицейских.

⁸⁰ Вероятно, речь шла не о черепах, добытых на охоте за головами, а о черепах предков, так как у них имелись челюсти. В трофеях не хранят челюстей, по крайней мере в домах.

⁸¹ Вещи были позже опознаны жителями Амка как их собственность.

⁸² Правильно: «Махумохом», стойбище на краю болота.

⁸³ Устроенное чужеземцами место для привала на берегу реки Анау, впадающей в Булаку.

⁸⁴ Свои естественные потребности каждый новогвинеец обыкновенно удовлетворяет так, чтобы его никто не видел, даже мужчины.

⁸⁵ По-малайски «господин».

⁸⁶ Рыболовные крючки употребляются в деревнях болотных людей только для ловли змей, водящихся в каналах, в то время как рыбу убивают вазубренной остройгой.

⁸⁷ А именно одного китайца. Узнать более точно мне не удалось.

⁸⁸ «Монака» в языке тьюам соответствует слову «натам» у сохуров и «арои-патур» у маринд-аним и обозначает мальчиков в возрасте от десяти до пятнадцати лет.

⁸⁹ Рассказчик — человек из Тьюама по имени Варика. Рассказ относится ко времени между 1915 и 1920 гг.

⁹⁰ «Магари» — так жители острова Фредерика-Хендрика называют пролив Принцессы Мариины (у маринд-аним — Мули). Сохуры спустились по южному рукаву Дигула и пересекли пролив у его широкого северного края — замечательное достижение для однодеревков.

⁹¹ «Западня для казуаров».

⁹² Мальчик в возрасте от шести до десяти лет (по-мариндски — «патур»). Речь идет о времени около 1900 г.

⁹³ Йе-нан, маринд-аним и другие охотно живут за пределами деревни, в этих поселках на огородах, иногда по нескольку месяцев.

⁹⁴ Абтал — название верхнего течения Маро. Встречающееся иногда выражение «река Мерауке» бессмысленно, так как само название деревни Мерауке произошло из «Маро-ке» — «это Маро».

⁹⁵ Северная деревня йе-нан.

⁹⁶ Местоположения Гулука Тибул не пазвал. Но, кажется, это селение находится поблизости от реки Флай.

⁹⁷ «Лестницы» — это трофеи из костей рук и ног, которые укрепляются горизонтально под черепом между камышовыми планками. Они не служат никакой практической цели и встречаются только у йе-нан.

⁹⁸ Имеющий право жениться молодой человек. Приблизительно около 1920 г.

⁹⁹ Кожаный барабан в форме песочных часов, какими пользуются также при танцах. Деревянных целевых барабанов, встречающихся на северо-востоке Новой Гвинеи, на юге не знают.

¹⁰⁰ Тибул показал здесь на положение солнца в 17 часов.

¹⁰¹ Солнце всегда восходит в 6 часов и заходит в 18 часов.

¹⁰² Йе-нан перед охотой за головами играют ночью на камышовых флейтах, звучание которых оказывает на их мужчин возбуждающее действие.

¹⁰³ Йенанское название райской птицы. Потом так стали называть охотников за райскими птицами и вообще всех чужеземцев. Соответствует выражению «по-аним» в языке маринд.

¹⁰⁴ Названия деревни Тибул из осторожности не пазвал.

¹⁰⁵ Голубые стеклянные бусы, полученные во времена охоты за райскими птицами, и по сей день ценятся йе-нан как старинные семейные украшения. Другие племена предпочитают красные бусы.

¹⁰⁶ Все жители Южной Новой Гвинеи очень сдержанны и щепетильны в своих выражениях.

¹⁰⁷ Каждый кусок леса имеет своего хозяина. Границы владений деревень знают очень точно. Отдельные крупные деревья являются собственностью определенных людей, которые предназначают их для поделки лодок, столбов и т. п. Если на каком-либо из этих деревьев имеется гнездо райской птицы, то оно также принадлежит владельцу дерева. Однако проезжим разрешается охотиться на голубей, сорных кур и т. д. и брать немного плодов в огородах.

¹⁰⁸ Если бы охотники за птицами спросили, можно ли им на короткое время получить женщину, то долгом вежливости мужчин было бы предоставить им ее. Так как женщины, согласия которых не спрашивают, являются собственностью мужчин, то нарушение супружеских прав последних без их разрешения рассматривалось как воровство.

¹⁰⁹ Особая флейта для приманки собак, которая делается

из карликового кокосового ореха и звучит, как окарина. Дудеть на флейте перед приходом в деревню принято только у габгаб. По этому сигналу они выходят навстречу гостю и провожают его в деревню по им одним известным путям, свободным от расставленных вокруг деревни колючек. У других племен перед приходом в деревню принято кричать, а когда является сразу много людей, то петь песни в знак своих миролюбивых намерений.

¹¹⁰ Совместное жевание бетеля служит знаком дружбы.

¹¹¹ Около 1931 г.

¹¹² Моровой демон (по-мариндски — Тик-дема). Весной 1933 г. наблюдалась большая смертность в деревнях габгаб, на правом берегу реки Флай. О гриппе, называемом акон, едва ли может идти речь.

¹¹³ Когда патруль вступил в Вам и Нагове, деревни были совершенно пусты. В Сангесе (не смешивать с мариндской деревней Сангесе!) учитель-миссионер из Квеля обнаружил девять непогребенных трупов, мертвую собаку, но не встретил ни одного живого человека. Уцелевшие жители бежали из этих трех деревень в соседние.

¹¹⁴ Ватьиб — это плясовые песни, исполняемые в быстром темпе, которые сочиняются на самом острове, в то время как пгати с их более медленным темпом приходят длинным путем из Британской Новой Гвинеи с непопятными текстами на чужом языке. Ватьиб обычно воспевают отдельные события. Так, ватьиб, сочиненная в Мурбе, в области Карерамо, высмеивала одного человека, который удочерил дочь своего умершего старшего брата, а затем в парушение существующих обычаев женился на пей: «Йененэ воруба; Яондэ ондасуаре».

Для грешника, Тьяму из Мурбы, это было самым тяжелым наказанием, ибо каждый, кто слышал песню, избегал его. Указанная ватьиб возникла в 1934 г.

¹¹⁵ «Кар-эрамо» означает «река, несущая плавник» или «грязная река» (т. е. река, по которой несетя много тростника и т. п.).

¹¹⁶ Тор, Кладер и Имбуенам говорят на языке перад, диалекте языка центральной группы деревень острова (Кимаам, Йоубие и др.), в то время как язык Кандинама, Мулинама и Инунгальнама обнаруживает отдаленное родство с комоломским. От обеих этих групп отличается язык области Карерамо.

¹¹⁷ Под Карерамо здесь подразумевается деревня у реки того же названия, впадающей в Квангтуву, на западе острова. Однако в последующем тексте выражение «люди из Карерамо» обозначает также воинов из соседних с Карерамо деревень.

¹¹⁸ Примерно в часе ходьбы.

¹¹⁹ Команда состояла из жителей Тимора, часть которых была крещена. Сурмана в действительности звали Селейманом (восточноиндонезийская форма имени Сулейман — Соломон).

¹²⁰ Вада продавал лекарства. Правительственного врача жители Тора, Кандинама и других местных деревень узнали лишь в конце 1933 г.

¹²¹ Инунгальнам получил от них название Конерау по близлежащей реке Кунарау, а Имбуенам — название Сабоп, так как военный клич имбуепамцев звучит «тьябоп».

¹ Йон отказался назвать имя, так как старик был его близким родственником и к тому же умер.

² Кожная болезнь, при которой тело покрывается серыми лишаями.

³ *Ulcus tropicum*, не причиняющая боли, но в короткое время разрушающая мышцы.

⁴ Произношение мариндского слова Эрмасук, местного названия для Мерауке.

⁵ По желанию своего отца Йон пять дней греб вниз по Маро и семь дней обратно вверх по течению только для того, чтобы взять у меня бритву. Оба они считали, что нож стоит таких усилий.

⁶ Тьятлиль (на малайский лад произносится также «Салис») в свое время учился при миссии в Мерауке и был одним из наиболее развитых и предприимчивых йе-нан. По его имени названо стойбище у Маро — «Тьятлиль-эни-пийе» («дом Тьятлиля»).

⁷ Правительственный врач, суматронец, доктор Паменан Харрап, большой друг людей Новой Гвинеи.

⁸ Лгать считается недостойным. Порицается даже ложь ради вежливости и всякого рода увертки с целью выпутаться из неприятного положения. В ответ на требование индонезийского судебного следователя, состоящего на голландской службе, поворить только правду один йе-нан сказал возмущенно: «Я ведь не какой-нибудь по-анем!»

⁹ H. Neverman n. Der Todeswunsch. Festschrift für Professor Dr. Hans Plischke. Göttingen, 1955.

¹⁰ По-малайски «болото».

¹¹ По-малайски «новая деревня».

¹² Собственно, «оранг кайя-кайя» называют только маринда-ним, но это выражение употребляется также для обозначения йе-нан, канум-иребе, ябга и др. Сильно отличающиеся от них в отношении расы, одежды и нравов жители внутренних местностей должны были бы называться по-малайски «оранг Дигул».

¹³ Профессор д-р Тирфельдер из Ростка.

¹⁴ Самоубийство на юге Новой Гвинеи иногда совершается, и прежде всего на почве уязвленной гордости у «болотных людей» с острова Фредерика-Хендрика, пользующихся для этой цели ядовитыми корнями, которыми глушат рыбу (*Derris elliptica*), а также у вдов сохуров, от которых ждут, чтобы они повесились. Случаи скоропостижной смерти людей без применения какого-либо насилия, а также без отказа от пищи и т. п. известны также на северо-востоке Новой Гвинеи и Меланезии (Новые Гебриды, Соломоновы острова, Новая Ирландия).

¹⁵ «Которо», или «каторок», означает, собственно говоря, «голова», но к охоте за головами или культу черепов предков это слово не имеет никакого отношения, так как у дигульцев они не практикуются. Другое название этих духов — «кагубиба», «убийца людей»,

¹⁶ Одна психически больная женщина в Мандуме заявила мне в минуту просветления, что, когда жители Вамбирана пробирались через лес в Мандум, намереваясь там поселиться, ее укусила которо и потому ей приходится теперь часто делать странные вещи. На нее не распространялся строгий обычай, с другими же дигульскими женщинами я не имел права говорить и не мог входить в их жилища.

¹⁷ Старый Диком из Мандума на мой вопрос, как выглядят дома и огороды в деревне Томаруба, ответил: «Дети тоже всегда спрашивают об этом. Мы знаем только, что там все хорошо. Мы это увидим, когда сами будем у Томаруба».

¹⁸ Платежными средствами служат раковины каури, которые здесь, вдали от моря, ценятся очень высоко, а также собачьи клыки и каменные топоры.

¹⁹ Это разрешается лишь в том случае, когда семья живет в хижине на огороде. В деревне же мужчины и женщины имеют в домах, построенных на столбах или на деревьях, отдельные помещения. Даже во время зашиты от врагов ни один мужчина не имеет права входить в помещение для женщин. Уже шестилетним мальчикам запрещается говорить со своими сверстницами.

²⁰ Мертвого укладывают на особом помосте или на крыше дома, который при этом покидается обитателями. Родственники покойного (мужчины) натираются трупной жидкостью, а родственницы — камнем или бамбуковым ножом отрезают себе один или два сустава указательного пальца. Кости и череп мертвеца оставляют лежать на месте или сжигают.

²¹ Западный исток Дигула.

²² См. историю о «маленьких людях».

²³ Восточный исток Дигула.

²⁴ Хотя у маринд-аним и других женщины и приносят домой урожай с огорода и хворост, но никогда не носят поклажи чужеземцев, идти с которыми им не разрешают из ревности. Дигульцы в указанных случаях исходили из тех же соображений, только у них ревность приводила к иным практическим результатам.

²⁵ Маринд-аним и другие употребляют плетеные сумки, дигульцы — сумки, связанные наподобие сеток. У мужчин эти сетки невелики, у женщин же они очень большие, так как в них приносят домой собранный урожай. Женщины носят сумки на тесьме, обвязанной вокруг лба, мужчины вешают их через плечо. Во время моего пребывания в Мандуме одна женщина принесла в деревню в большой сетке даже труп своего мужа, умершего в поселке на огороде.

²⁶ Выкуп за невесту столь же высок, как и цена большой свиньи. Это, однако, не означает, будто женщина равна по своей стоимости свинье. Но это значит, что тестя, который лишается рабочей силы своей дочери, следует утешить, сделав ему хороший подарок.

²⁷ Дигульцы (но не маринд-аним и другие) начинают считать с мизинца правой руки. Дальше считают до большого пальца (5), а затем счет продолжается таким образом: палец (6), локоть (7), верхняя часть руки (8), плечевой сустав (9) и

плечо или ключица (10). Дальше считают так: правая сторона шеи (11), правое ухо (12), темя (13), левое ухо (14) и потом продолжают считать налево вниз до мизинца левой руки (25). (Так что здесь речь идет о десяти собачьих зубах и четырнадцати раковинах каури.) Продолжая далее счет на других людях, приходят к довольно высоким числовым понятиям, несмотря на то что вместо числительных называют лишь части тела или имена людей. При этом присчитываются также ампутированные по случаю траура пальцы.

²⁸ Больные должны вместе со своими родственниками покинуть дом, в котором они живут, и переселиться в другой, где они получают лечение. С этого момента все жители деревни постятся в течение дня и при этом воздерживаются от питья и курения. Если кто-либо не принимает участия в посте, его считают виновным в продолжении болезни.

²⁹ Маринд-аним в среднем имеют рост 172 см, йе-нан — приблизительно 168 см, а дигульцы — 160 см.

³⁰ «Райская птица».

³¹ Подразумевается автор, прибывший туда в ноябре 1933 г.

³² Али бин Халим, мусульманин из Банды (Южные Молукки), который жил 12 лет на юге Новой Гвинеи.

³³ Кутим употребил малайское выражение «оранг ингерис».

³⁴ Кутим и Али упорно произносили его имя Джоксен вместо Джексон.

³⁵ Кау — восточный исток Дигула, Муйю — восточный приток Кау.

³⁶ Южнее Вамбирана; не смешивать с мариндской деревней Оан на верхнем Бпане.

³⁷ Односельчанин Кутима.

³⁸ В 1919 г. Али здесь сильно сдвинул сроки: поездка англичан в область ботем приходилась на 1922—1923 гг.

³⁹ Сильно преувеличено, так как общая численность йе-нан составляет приблизительно две тысячи человек.

⁴⁰ Подобного рода висячие мосты на юге Новой Гвинеи обычно не встречаются, и их можно увидеть только в горах. Несмотря на то что люди в Мандуме не могут прочесть на голландской карте обозначения Rotanhangbrug («висячий мост из ротана»), Кутим и его односельчане Диком и Йирикман тотчас же указали на ней соответствующее место. Маринд-аним и люди из остальных южных племен также постоянно давали верные сведения о положении тех или иных мест.

⁴¹ Такой способ стрельбы встречается также у лесных индейцев на Амазонке.

⁴² «До левого предплечья» по системе счета дигульцев.

⁴³ Али называл ее Янггами.

⁴⁴ Вышеупомянутая укушенная «которо» женщина.

⁴⁵ Али употребил здесь голландское выражение *Huishondster*, применяемое для обозначения любовницы.

⁴⁶ Лишь один раз в месяц, после того, как получают товары с почтового парохода. Речь идет о 1932 г., когда Росс стал плататором на нижнем Маро.

⁴⁷ По оценке Тан Кен-лиона, свыше двухсот.

⁴⁸ Так как я не был в Вонере, жители его, вероятно, передали дальше сообщения, полученные ими из деревень, находящихся в глубине острова (Йоубие, Тери или Сабудом), ибо я прибыл на южный берег лишь в день приезда Ваты.

⁴⁹ Изображения многоэтажных домов были им непонятны. Автобусы, трамваи и железнодорожные вагоны они принимали за дома. Но ни те, ни другие не производили на них особого впечатления. Снимки же ландшафтов и людей с других островов Океании, напротив, вызывали у них большой интерес, так как там они находили что-то родственное. Они всегда внимательно разглядывали картинки с изображением знакомых животных, таких, как свиньи, собаки, крокодилы, а также птиц.

⁵⁰ В Ильвайябе я допустил ошибку, сказав йильмекам о каменных домах. Мой повар спас положение тем, что внес следующую поправку: «Он имеет в виду не камень, а золото». Это показалось йильмекам более правдоподобным, так как они знали, что золото несколько похоже на железо, а железа у чуэземцев достаточно.

⁵¹ См. с. 232—234.

⁵² К востоку от Онгаи, в глубине страны.

⁵³ На побережье, к северо-западу от Онгаи. Речь шла об английском самолете, по ошибке перелетевшем границу, а затем неподалеку от Мерауке повернувшем обратно, чтобы полететь в Дару над сушей.

⁵⁴ Индонезийский учитель из миссии.

⁵⁵ По-малайски «самолет».

⁵⁶ Англичане и голландцы.

⁵⁷ То есть «на запад или на восток», так как мариנד-аним пришли в нынешнюю область с востока.

⁵⁸ Во всяком случае, сомнительно, чтобы девушкам, которые воспитываются в миссионерской школе в Мерауке, была какая-нибудь польза от того, что их учат вышивать и гладить. Ведь после своего замужества они все равно не смогут носить платье, как в интернате. Ни один маринд-анем не в состоянии позволить себе такую роскошь, местный же передник для женщин ровно ничего не стоит, и для его изготовления требуется лишь немного прилежания и сноровки. Обучение стряпне, плетению и огородничеству имеет уже больше смысла.

⁵⁹ «Глеток» (у западных маринд-аним; у восточных — «эгреток») значит «делать узоры», например на древках стрел, заостренным кабаньим клыком. Старики сравнивали с этим процесс письма. Им не нравилось только, что узоры были слишком неравномерны и крючки сверху и снизу строк не всегда соответствовали друг другу.

⁶⁰ В Окабе живут китайские торговцы, отпускающие товары по распискам, которые оплачиваются в конце месяца.

⁶¹ Устраиваемый европейцами праздник называют «бил-ангай» — «пивной праздник», местный — «басик-ангай» — «свиной праздник», хотя на последнем выпивается значительно больше ваты, чем пива на «пивных праздниках».

⁶² См. рассказы «Почетный гость» и «Поход на Мабур».

⁶³ В знак приветствия левой рукой обнимают другого чело-

века за плечи, а ладонью правой руки хлопают его по животу. При этом обычно шутят: «Ты зачем пришел сюда, паршивец? Верно, хочешь всех нас заразить? Убирайся отсюда!» Или приветствуют друг друга словами, выражающими возрастные отношения: «нгеис» (т. е. ровесник, принадлежащий к той же тотемной группе) или «амей» (т. е. дедушка, даже в том случае, когда мы сказали бы «дядя»).

⁶⁴ У маринд-аним — гебхе, по демону Гебу.

⁶⁵ Высокая честь, так как говоривший (Эле) принадлежал к возрастному классу давлаво (старый, седой человек), в то время как тот, к кому он обращался, был только йирир (более молодой женатый мужчина).

⁶⁶ См. рассказ о страстующем великане.

⁶⁷ В Мерауке («Эрмасук») каждое племя имеет свое особое место для привала: йе-нап останавливаются в саванне Гандин, у так называемой Kali ketjil (что по-малайски значит «маленькая река»), притока Маро; маринд-аним с реки Кумбе — за домом одного плотника-китайца; маринд-аним из прибрежных деревень, расположенных между Маро и Кумбе, — за домом врача и т. д. Впервые прибывшим в Мерауке канун-иребе я предложил место за моим домом.

⁶⁸ «Ванингап нангго» (точнее, «нангул»). Эле говорил по-мариндски, так как я недостаточно хорошо понимал язык канум. В буквальном переводе это выражение означает «желать прекрасного».

⁶⁹ Сарай с этнографическими коллекциями, в которых имелись предметы и из других племен.

⁷⁰ Эти черепа были конфискованы полицией в Когоире, в области Мапи. После процесса над Генемо они долгое время хранились в помещении администрации в качестве вещественного доказательства по делу, и маринд-аним стали даже думать, что голландцы не вправе запрещать охоту за головами, так как сами являются охотниками за головами. Позже я получил эти черепа в дар Берлинскому этнографическому музею. Считалось, что они были добыты сохурами во время палета на мариндскую деревню Амк. Однако впоследствии я пришел к выводу, что это черепа сохурских предков и их конфисковали незаконно.

⁷¹ Маринд-аним говорят: «отив па-игис, отив хон-а-хон» — «много черепных имен — много маленьких детей», так как для каждого ребенка должен быть добыт череп и имя убитого. В этом отношении показателен случай с братом ван Саптвоорт (Br. Hendricus), происшедший в Окабе. На вопрос, имеет ли он братьев и сестер, тот перечислил их, назвав при этом 11 имен, и тотчас же услышал в ответ: «Охан хевай яба куи-анем-ке» — «Твой отец — могучий охотник за головами».

⁷² «Намакат-аха». «Намакат» означает багаж, имущество, вещи; женская же форма «намакут» — насекомых, которые появляются в больших количествах (такие, как мухи, комары и т. п.).

⁷³ Деревянные гуделки для тайного культа. См. рассказ о страстующем великане.

⁷⁴ То есть «старик». Сказано в знак уважения.

⁷⁵ Так как я не принадлежал ни к какой тотемной группе, то был задним числом включен в тотемную группу моего приемного сына.

⁷⁶ См. миф о Гебе.

⁷⁷ «Семандир» — мариндское название «святого горошка», *Abrus precatorius*, красного гороховидного стручкового плода.

⁷⁸ По-мариндски «иваг» (см. примеч. 23 к разделу «Мифы, легенды и предания о демонах»).

⁷⁹ Дарау — имя, полученное на охоте за головами, соответствующее мариндскому слову «дарау» — «журавль».

⁸⁰ Знак тайного обручения. Серьги из черных стволов перьев казуара одинаковы у обоих полов, и потому обмен редко бросается в глаза.

⁸¹ Букв. «сесть для Мако». Невеста садится на деревенской площади, о чем извещаются свадебные гости. Они устраивают вокруг нее кольцо из продовольственных приношений. Затем подходит жених, подает невесте руку и выводит ее из кольца. С момента подачи руки брак считается заключенным.

⁸² У канум-иребе — подвески из плетеных шнуров, надеваемые вокруг бедер; у йе-нан — тяжелая юбка из волокоп с кистями и мешковидный головной убор, переплетенный желтыми волокнами орхидеи и закрывающий всю верхнюю часть тела; у жителей острова Фредерика-Хендрика — сходный с ним тростниковый капюшон, обмазанный глиной; у маринд-аним — шнур вокруг груди, плетеный четырехугольник на спине и сплетенная в виде сетки маленькая шапочка.

⁸³ В полнолуние.

⁸⁴ По-мариндски «Мес-меаким» — «засохший кокосовый орех-юноша», что значит «старый, впавший в детство».

⁸⁵ У канум-иребе, йе-нан и других многоженство (до пяти жеп) дозволено, тогда как маринд-аним большей частью имеют лишь одну жену.

⁸⁶ Тотем аиста (по-мариндски «Ндик-боан»).

⁸⁷ Тьюл получила от меня в качестве свадебного подарка ткань на малайский саронг. Она была этим очень горда. Пару дней спустя она принесла мне полуметровый квадратный кусок, который отрезала от нее в подарок приемной свекрови, «чтобы она тоже могла надеть что-нибудь красивое».

⁸⁸ При переписи населения в мариндской деревне Тагепе обнаружилось, что там член тотема саговой пальмы Кедай женился на женщине из того же тотема. Его друзья были сильно огорчены, что это открылось, и умоляли, чтобы я не рассказал об этом в какой-либо другой деревне. Брак остался нерасторгнутым, хотя и был незаконным. Точно так же поступают и в случае рождения незаконных детей. По правилам их следует убивать, но обычно за них заступаются женщины, успевшие полюбить ребенка.

⁸⁹ У маклеуга и канум-иребе это разрешается, у маринд-аним и йе-нан — только в отдельных племенных группах.

⁹⁰ Дигульцы не знают никаких тотемных семей.

⁹¹ Немного западнее Окабы.

⁹² Кенгуру не идут в воду. Поэтому во время облавы их стараются подогнать к берегу и там убивают, часто просто

брошенной палкой. Так как у Анау саванна упирается в болото, там очень удобное место для охоты на кенгуру.

⁹³ Центральное наречие маринд-аним, значительно отличающееся от восточного и западного.

⁹⁴ «Гау-аним» — дословно «черепаши люди». Жители Анасаи в результате кровосмесительных браков действительно выродились. Это оказалось возможным, несмотря на строгое регулирование браков, потому что там слишком мало внимания обращают на материнскую линию. Например, бывает, что обе бабушки состоят в кровном родстве.

⁹⁵ Игра слов, основанная на сходстве названия деревни Потив с выражением «ну-отив» («много спать»).

⁹⁶ Обычно неженатые товарищи жениха по тотему строят для молодой пары дом. За это они пользуются *jus primae noctis* («правом первой ночи»).

⁹⁷ «Иси мандау тамама, тамама» — «Другая луна еще раз и еще раз», т. е. через несколько месяцев.

⁹⁸ Дом для рожениц («олам») представляет собой маленькую хижину в стороне от деревни, к которой не имеет доступа ни один мужчина. После родов мать относит ребенка из хижины в деревню и ставит при этом одну ногу перед другой, так, чтобы получился змеевидный след, который должен ввести в заблуждение злых духов. Кто ступит на этот след («олам-кай» — «дорога из родильного дома»), у того могут распухнуть ноги (*Elephantiasis*).

⁹⁹ Различают «дув-аним», живущих на побережье, и «дек-аним», «лесных людей», живущих в глубине страны. Дув-аним считают себя лучшими.

¹⁰⁰ Они, например, произносят слово «бахик» (по-восточно-мариндски «басик»), что значит «свинья», как «боник». Жители Тагепе любят подтрунивать над особенностями чужих говоров и смеются, например, над людьми из Докиба и Йовида с их певучей интонацией, поразительно напоминающей саксонскую, в то время как в самой Тагепе и соседних с ней деревнях имеют склонность к гортанному произношению, сходному с верхнебаварским.

¹⁰¹ Geurtjens. *Unter den Kaja-Kajas von Südneuguinea*. Paderborn, 1935, с. 228. Книга содержит также данные о походе за головами в Мабур (с. 184 и сл.) и Ров (с. 38 и сл.) и касается многих других тем, затронутых здесь.

¹⁰² По Голландско-Ост-Индской компании, которая просуществовала с 1602 по 1798 г. и превратила Индонезию в голландскую колонию. Даже после ликвидации Компании голландским колониальным правительством индонезийцы сохранили за ним название «Компени».

¹⁰³ Сходно с полинезийскими духами и изображением Frau Welt в средневековой церковной пластике.

¹⁰⁴ В противоречии с этим находятся рассказы, согласно которым пунтианак встретила своего мужа у себя дома. Возможно, это относится только к посторонним.

¹⁰⁵ Деревня севернее города Амбон, на острове Амбоина.

¹⁰⁶ Большинство амбонцев с начала XVII в. — христиане (реформированные протестанты) в отличие от остальных индонезийцев, среди которых преобладают мусульмане.

¹⁰⁷ Окружной начальник.

¹⁰⁸ Город на юго-западе Серана, на Молукках, заселенный амбонцами.

¹⁰⁹ В чине фельдфебеля.

¹¹⁰ По-малайски *adinda*. Это может означать «младшая сестра», а также «любимая».

¹¹¹ Малайские титулы для назначенного властями деревенского старосты и его помощника, новые, мало уважаемые людьми маринд звания.

¹¹² Одна женщина из Пуэпэ, посетившая Явиму. Она была не особенно развита, но добродушна.

¹¹³ «Глава арабов» — присваиваемый имамом титул почетного проповедника мечети в более или менее крупных общинах.

¹¹⁴ Мандур до конца сентября даже не слышал никогда слова «пунтианак» и называл этот призрак — разумеется, шепотом — «гуру-энд-усум-хайс» — «дух умершей жены учителя».

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Н. Путилов. Предисловие	5

МИФЫ ПАПУАСОВ МАРИНД-АНИМ

П. Вирц. Мифология отдельных тотемных сообществ	25

Мифы тотемного сообщества геб-це

1. Геб и Самы	31
2. Геб и Маху	32
3. Белевиль	33
4. Как появились бананы и лупа	34
5. Канхар	36

Мифы Майо

6. Кокосовая пальма	37
7. Уаба	39
8. Как возник тайный культ Имо	39
9. Змея Бир	42
10. Яви, кокосовый дема	43
11. Как колдуны убили Яви	45
12. Как появилась кокосовая пальма	47
13. Змея Бир (продолжение)	49
14. Ягривар, змеиный дема	53
15. Мана	55
16. Как появилась жемчужница	56

Мифы тотемного сообщества каприм-сами

17. Как возник огонь	57
18. Дави	59
19. Остров Хабе и дема-ротан	60
20. Упикак, дема-варан	61
21. Харау	62
22. Угу	64
23. Арамемб	68
24. Явима	72
25. Как Явима создал дождь и бурю	73

Мифы кеи-це	74
26. Ягил, дема-казуар	74
27. Теимбре	77
Мифы самкакаи	80
28. Япо, дема-кенгуру	80
29. Как появились кенгуру	81
Мифы ндик-энд	82
30. Вонатаи, дема-аист	82
31. Таб	86
32. Аист ндик и орлан-белохвост	87
33. Орел Ментоаб	88

Мифы тотемного сообщества брагаи-це (или года-сами)

Мифы брагаи-це-ха	90
34. Дема Мер	90
35. Как появился крокодил	92
36. Человек из Опеко	93
37. Как появилась арековая пальма	95
38. Вавар	97
39. Лучной дема	98
Мифы йорм-энд	99
40. Как возникли грунтовые воды	99
41. Йорма, дема вод и моря	100
42. Гангута	102
43. Морской орел	103
44. Сангар-анем, орлан-белохвост	104

Мифы племенных союзов дива-рек, маху-це, вокабу-рек и цо-хе (или дах-сами)

Мифы дива-рек	106
45. Лодка Дива	106
46. Гангута, дема-свал	109
47. Авасра	109
Мифы маху-це	110
48. Маху, дема-собака	110
49. Ястреб и раковина кекевин	111
50. Как появились собаки	112
51. Батенд-дема и Дорех	113
52. Близнецы Бариу и Геренгер	115
53. Амари и Ори	116
Мифы вокабу-рек	119
54. Как появились кораллы и горгошнды	119
55. Как появилось саго	119

56. Как появились голуби	123
Мифы цо-хе	124
57. Глиняный дема	124
58. Краб нгус	126
59. Баклан	127
60. Лучной дема	127

Мифы тотемного сообщества базик-базик (или жороб-сами)

61. Надр, свиной дема	130
62. Сапи, свиной дема	140

Общеплеменные мифы

63. Как появился человек	144
64. Как пришли чужеземцы	147
65. Собра	147

Представление о мироздании и космические мифы

66. Огненный мальчик	154
67. Солнечный дема и его сын	156
68. Как мариид познакомились с имбасумом	160
69. Манды	161

Примечания	164

СЫНЫ ДЕХЕВАЯ

Г. Неверман. «Туан, ахэ» (Обращение к читателю)	187

Сказания о происхождении людей и о стране мертвых

1. Первые люди	195
2. Нггиве и Мамус	197
3. Посещение страны мертвых	193
4. Пиф-пафы	199

Мифы, легенды и предания о демонах

5. Пожар в Сспдаре	201
6. Геб	202
7. Пылающий мальчик	205
8. Утренняя женщина и вечерняя женщина	207
9. Сын бездны	209
10. Шагающее дерево	210
11. Морской орел и девушка	211
12. Остров Хабе	213
13. Морская глина	215

14. Дивахиб и молнии	217
15. Оружие громовника	220
16. Копье Арамемба	221
17. Москиты	223
18. Сын змеи и кокосовая пальма	224
19. Змей-дема	225
20. Человек из Опеко	226
21. Пляшущие столбы	227
22. Лучной дема	228
23. Деревянный крокодил	229
24. Бетелевая пальма	231
25. Кожа Угу	232
26. Саговая пальма	234
27. Казуар	236
28. Опьяняющий аист	237
29. Жаркое из аиста	239
30. Аист — охотник за черепом	240
31. Птицы-носороги	241
32. Голуби и утки	242
33. Дождевые чары	243
34. Красно-желтая райская птица	244
35. Рыбий вор	245
36. Черепаха	246
37. Бравская роща	247
38. Змея на луке	248
39. Абтальский камень	249
40. Сухопутный крокодил	250
41. Возвращение Саловака	252
42. Ручной крокодил	253
43. Странствующий великан	255
44. Пожиратель мальчиков	257

Рассказы об охоте за головами

45. Месть Дадабая	261
46. Съеденный китаец	262
47. Почетный гость	264
48. Поход на Мабур	266
49. Баклан и череп	270
50. История Генемо	272
51. Замужество Вандики	274
52. Тымба	277
53. Тибул и люди габгаб	279
54. Песня деревни Тор	283

Рассказы из повседневной жизни

55. О больном, который мог вернуться домой . . .	286
56. Девушка из Дины	290
57. Маленькие люди	292
58. Люди с Карерамо и чужеземцы . , , ...	296
59. Волшебная птица , , ...	298
60. Умбери и Тьюл , , ...	301
61. Ошибка Кунги	305
62. Пунтианак	307
Примечания , , , ...	313

Мифы и предания папуасов маринд-аним. Пер. М68 с нем. Г. Л. Пермякова и М. С. Харитонова. Предисл. и общ. ред. Б. Н. Путилова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

350 с. (Сказки и мифы народов Востока).

Публикация мифов и преданий, собранных путешественниками-этнографами П. Вирдем и Г. Неверманом в 10-е и 30-е годы XX в. у папуасов маринд-аним (Новая Гвинея). Сопровождается предисловием и примечаниями.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

М $\frac{70700-152}{013(02)-81}$ 202-81. 4703000000

И

МИФЫ И ПРЕДАНИЯ ПАПУАСОВ МАРИНД-АНИМ

*Утверждено к печати
редколлекгией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Редактор И. Л. Е л е в и ч
Младший редактор Т. П. Толст а я
Художник Л. С. Эр м а н
Художественный редактор Э. Л. Эр м а н
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректор Г. А. Дейгина

ИБ № 14300

Сдано в набор 23.02.81. Подписано к печати 23.07.81. Формат 84×108¹/₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,9. Уч. изд. л. 20,39. Тираж 75 000 экз. Изд. № 4826. Зак. № 970. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»
103473, Москва, И-473.
Краснопролетарская, 16.

